

*А.П. Феоктистов*



Очерки по истории  
формирования  
мордовских  
письменно-литературных  
языков

Мордовское  
книжное  
издательство  
Саранск  
2008

УДК 811.511.152  
ББК 81.2 Морд  
Ф 42



**ВЫДАЮЩИЙСЯ  
ФИННО-УГРОВЕД**

Профессор-филолог, заслуженный деятель науки Республики Мордовия Александр Павлович Феоктистов (1928 — 2004) был ученым широкого творческого диапазона. В круг его научных интересов входила сумма разнообразных проблем общефинно-угорской и мордоведческой отрасли знаний: национальной и общефинно-угорской лингвистики, диалектологии, лингвогеографии, лексикологии, истории формирования мокшанского и эрзянского литературных языков. Одним из важных аспектов научной деятельности ученого явилось решение им ряда принципиальных литературоведческих проблем, связанных с историей дореволюционной мордовской письменности и национальной книжной культуры, установление роли дооктябрьской русской и зарубежной науки и культуры в складывании межнациональных историко-культурных связей мордвы с отечественной и западноевропейской наукой и культурой.

Великолепный знаток процессов складывания традиций письменности и книжной культуры, А.П. Феоктистов впервые в мордоведческой филологии научно обосновал и доказал наличие у дореволюционной мордвы не только письменности, но и видов, жанров и типологических разновидностей письменной мордовской литературы XVIII — начала XX вв.

Новаторские историко-культурные аспекты научной деятельности А.П. Феоктистова были связаны не только с его поисками и архивными изысканиями в республиканских и

**Феоктистов А.П.**  
Ф 42    Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков / А.П. Феоктистов. — Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2008. — 392 с.  
ISBN 978 — 5 — 7595 — 1753 — 5

УДК 811.511.152  
ББК 81.2 Морд

ISBN 978 — 5 — 7595 — 1753 — 5

© Издательство «Наука», 1976  
© Мордовское книжное издательство, 2008

общероссийских научных центрах, но и с его многолетней работой в вузах и архивах ряда зарубежных стран, в частности Финляндии, Венгрии, Австрии.

Длительное время являясь старшим научным сотрудником Института языкоznания АН СССР, А.П. Феоктистов выдвинулся в ряд выдающихся финно-угроведов России, был участником почти всех финно-угорских конгрессов и конференций. Научные труды А.П. Феоктистова ныне широко известны за пределами нашей страны. Как ученый он вырос в исследователя общероссийской значимости, начиная от решения прикладных научных знаний, кончая выдвижением важных, концептуальных проблем финно-угорского и мордовского языкоznания.

По своей натуре Александр Павлович был всецело поглощен научной работой. А по природе своей он скорее был натурой созерцательной, равнодушной к карьеристской устремленности, связанной с научной деятельностью. Как человеку и ученному ему было отпущено 76 лет жизни. Он родился 27 августа 1928 года в семье служащего сельского мордвина-мокши села Заберезово Красносльбодского района ныне Республики Мордовия, скончался 6 сентября 2004 года. Окончил Красносльбодское педагогическое училище (1948), Мордовский государственный педагогический институт имени А.И. Полежаева (ныне университет им. Н.П. Огарева) в 1952 г., аспирантуру Института языкоznания АН СССР (1955). После окончания аспирантуры был оставлен научным сотрудником сектора финно-угорских языков того же института. В течение пяти лет был преподавателем кафедры художественного перевода Литературного института им. А.М. Горького (Москва). С 1986 по 1990 год работал в качестве доцента в Венском университете (Австрия).

Дальнейшая научно-педагогическая деятельность А.П. Феоктистова была связана с его возвращением в Мордовию. В 1991 году он был избран доцентом кафедры мордовских языков Мордовского педагогического института им. М.Е. Евсевьева, откуда на два года был приглашен на преподавательскую работу в Будапештский университет, где ему было присвоено звание профессора. С 1992 года и до конца жизни работал профессором кафедры мокшанского языка и кафедры финно-угорского и сравнительного языкоznания Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева. Александр Павлович Феоктистов — современный ученый в самом высоком значении этого слова. Можно сказать, что как филолог он всегда

ощущал живое биение пульса современной эпохи и его творческая мысль направлялась именно на те проблемы, которые в филологической науке, и прежде всего в исследовании духовно-культурной жизни мордовского народа, выдвигались самой жизнью как первоочередные.

Благодаря этому замечательному качеству, А.П. Феоктистов первым из ученых-филологов нашей республики перекинул мост от многообразных истоков дореволюционного мордововедения к современным запросам и потребностям духовно-культурного развития мордовского народа и тем самым в значительной мере способствовал расширению и углублению качественного уровня филологической науки Мордовии.

Как ученый-филолог А.П. Феоктистов всегда был поглощен решением наиболее сложных вопросов истории мордовской культуры, в особенности непроясненных, подчас спорных, а нередко и сознательноискажаемых в годы «самой передовой советской науки» вопросов дореволюционного развития мордовской письменности и литературы. Решению такого рода проблем ему в значительной мере помогала принципиальная пытливость его творческого таланта, глубоко научное понимание им закономерностей возникновения, формирования и развития явлений национальной письменности и книжной культуры. Как ученый финно-угровед, он свободно владел не только родным и русским языками, но и языками других финно-угорских народов: финским, венгерским, эстонским.

Участник большинства всемирных конгрессов финно-угроведов, А.П. Феоктистов был членом Международного общества по венгерской филологии, Финно-угорского литературного (Финляндия) и Урало-Алтайского финно-угорского обществ. По проблемам истории и культуры финно-угорских народов России он приглашался для чтения лекций в университеты Австрии, Венгрии, Финляндии.

## 1

Научное наследие А.П. Феоктистова составляет около 300 работ, в том числе 7 монографий, 4 словаря и целый ряд учебных пособий. Для Мордовии и финно-угорских республик Поволжья им было подготовлено 16 кандидатов филологических наук. Как истинный ученый он не был тщеславным, чужды ему были какие-либо карьеристские устремления. Увлеченный научными изысканиями, он после защиты кандидатской

диссертации еще в 1955 году так и не сумел найти время, чтобы оформить свои работы в виде докторской диссертации. Выдающимся финно-угроведом научный мир знал и знает Александра Павловича и без этого.

Активную научную деятельность А.П. Феоктистов начал вскоре после окончания аспирантуры Института языкоznания АН СССР. Его первым монографическим исследованием стала книга «Категория притяжательности в мордовских языках», изданная в Саранске в 1963 году. В отличие от многих мордовских языковедов, в том числе и современных, рассматривающих мокшанский и эрзянский языки в качестве самостоятельных языковых образований двух народов (мокшан и эрзян), А.П. Феоктистов анализирует их специфические особенности не как разнородные явления двух языков, а как наречийные проявления единого мордовского языка.

Работая старшим научным сотрудником сектора финно-угорских языков института языкоznания, молодой ученый создает здесь свои наиболее капитальные работы. В 1966 году в 3-м томе пятитомника «Языки народов СССР» публикуется его обширная статья «Мордовские языки», а в многотомном издании этого же института «Основы финно-угорского языкоznания» (1975) выходит в свет его вторая большая статья, посвященная вопросам фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики мокшанского и эрзянского языков.

Здесь же, в издательстве «Наука» публикуются и монографические исследования А.П. Феоктистова — «Истоки мордовской письменности» (1968), комментированный свод мордовской лексики — «Русско-мордовский словарь» (1971), извлеченный после почти двухсотлетней архивной консервации из крупнейшего памятника отечественной лексикографии XVIII века «Словаря языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих...», составленный в 1785 году епископом Дамаскиным. Спустя пять лет, в 1976 году, в издательстве «Наука» публикуется главный многолетний труд ученого — «Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков (ранний период)» — работа, совершившая по существу своего рода революционный переворот вочно устоявшихся за годы советской власти взглядах на дореволюционную мордовскую письменность и литературу.

В мордовском, как и во всем советском языкоznании первых послевоенных десятилетий, вплоть до 70-х годов XX века преобладал преимущественно описательно-лингвистический метод исследования мокшанского и эрзянского языков без

учета их взаимодействия с языками и культурой других народов. В Мордовии изучение историко-культурных процессов взаимодействия народов и их языков было связано прежде всего с трудами А.П. Феоктистова, явившихся, как уже отмечалось, своего рода революционным отрицанием политизированных концепций и выводов о развитии мордовских языков и литературы в дооктябрьский период. «Проведенное исследование, — заключает автор в «Очерках по истории формирования мордовских письменно-литературных языков...», — показывает ошибочность точки зрения о том, что «до победы Великой Октябрьской социалистической революции мордовский народ не имел своей письменности» (Б.П. Кирдан). Мордовская письменность по своему происхождению неотделима от письменности русской. Мордовское письмо создавалось на русской графической основе в связи с усилением распространения христианства (XVII в.).».

На основе этой, в научном отношении убедительно доказанной архивными фактологическими данными концепции, в истории мордовских письменно-литературных языков А.П. Феоктистов выделяет три периода: дореволюционный (1692 — 1917), послереволюционный (1920 — 1980) и современный (со второй половины 80-х годов XX века). В рамках дореволюционного и послереволюционного периодов вместе с современным ученый вычленяет меньшие по масштабам и продолжительности хронологические отрезки — этапы развития мордовских письменно-литературных языков в следующей их последовательности:

1 — этап зарождения и возникновения письменной формы мордовских языков (1692 — середина XIX века);

2 — этап становления и формирования локальных вариантов эрзянского и мокшанского письменных языков (вторая половина XIX в. — 1917);

3 — этап либерализации и частичной демократизации языковой политики, способствовавшей расширению функциональной нагрузки мокшанского и эрзянского письменно-литературных языков (1919 — 1935);

4 — этап, связанный с пресловутыми годами репрессий (1936 — 1938), когда прежняя языковая политика была объявлена вредительской, а дальнейшая работа по формированию и кодификации норм литературно-письменных языков направлена по пути неприятия и отрицания всего достигнутого в области языкового строительства в последующие годы, десятилетия и даже столетия. Грубо нарушив

принципы преемственности и эволюционного развития главного фундамента культуры мордовского этноса — языка, «деятели культурного фронта» этого времени пытались перечеркнуть все, что было создано творческим гением народа на предшествующих этапах формирования мокшанского и эрзянского литературных языков. В обстановке взаимной травли и доносов на лучших представителей мордовской интеллигенции тогда и была состряпана и пущена в ход версия, что «накануне революции мордва не имела своей письменности и что мордовская письменность и литература — «детище Великого Октября»;

5 — начало этого этапа — современного периода — совпало с началом перестройки. Старт был взят в середине 80-х годов, когда все постепенно стало возвращаться на круги своя: начался сложный и противоречивый процесс вытеснения из лексики и грамматики современных мордовских литературных языков чужеродных элементов и их замены исконными образованиями; для разных отраслей науки восстанавливается и разрабатывается специальная терминология; обновление словарного состава сопровождается возвращением к жизни тех архаизмов, которые в XVIII — XIX вв. и первые послеоктябрьские десятилетия, создавались в качестве неологизмов. Работа эта, к сожалению, идет очень медленно, хотя результаты уже видны и ощущимы<sup>1</sup>.

На каких же методологических критериях основан концептуальный вывод А.П. Феоктистова о наличии и развитии почти 300-летней истории возникновения и формирования письменной и книжной культуры мордовского народа, вывод, заставляющий по существу заново осмыслить не только процессы зарождения и развития мордовской письменности дооктябрьского периода, но и традиций литературной культуры мордовы дореволюционных столетий?

Одним из важнейших критериев, позволяющих ученому говорить почти о 300-летней дореволюционной истории формирования мордовской письменности и книжной культуры является учет многовекового историко-культурного интереса рус-

<sup>1</sup> Эта периодизация истории мордовских письменно-литературных языков А.П. Феоктистовым впервые была опубликована в качестве доклада «Мордовские письменно-литературные языки на современном этапе развития» на II Всероссийской научной конференции финно-угроведов // Финно-угристика на пороге III тысячелетия: Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов. 2 — 5 февраля 2000 г. — Саранск: Типография «Красный Октябрь», 2000. — С. 506 — 507.

ской и западно-европейской науки к истории и духовной культуре мордовского народа. На этой основе, начиная с конца XVII века, в истории мордвы начинает ускоренно формироваться новый тип историко-культурного общения российских народов, в том числе и мордовского, с наукой и культурой передовых европейских стран. Как показывает А.П. Феоктистов, историко-культурные связи есть прежде всего проникновение духовно-культурных достижений одного народа в духовно-культурный мир другого; в какой-то мере эти достижения становятся принадлежностью и воспринимающего народа. В культуру и духовность воспринимающего народа, в данном случае мордовского, проникает в первую очередь то, что оказывается национальной потребностью, что нужно и важно для общественной и культурной жизни этого народа.

Вместе с тем среди причин постепенного приобщения российских инородцев к более цивилизованным формам жизнеустройства нельзя не учитывать и явления социального характера. Начиная со второй половины XVII века поволжские инородцы оказываются втянутыми в две гражданские войны — в 1670 — 71 и 1773 — 75 гг., что в немалой степени расшатывало самодержавно-крепостнический строй России. Следствием этого явилось некоторая демократизация взаимоотношений правящих верхов с народными массами, для поволжских инородцев начинают открываться начальные школы и семинарии с национальными классами, где преподавание велось на родном языке.

Просвещенные тенденции среди мордвы и других нерусских народов Поволжья заметно усиливаются с их приобщением к православной религии. В основном с введением христианства связывает А.П. Феоктистов и возникновение среди мордвы письменности на основе русской графики. И правительство, и церковь убеждались, что закрепление идей христианской религии среди инородцев не на их родном языке дает малопродуктивные результаты. Поэтому с первой половины XVII века на мордовских и других языках народов Поволжья начинает публиковаться богослужебная литература типа Нового завета, катехизисов и первых русско-мордовских словарей. Затем в царствование Екатерины II, Павла I и Александра I на мордовских и других инородческих языках начинается издание так называемой народной (фольклорной) литературы и отдельных образцов книжных изданий духовно-светского содержания.

В творчестве А.П. Феоктистова первоначальным этапом изучения истории формирования мордовских письменно-литературных языков явилась его монография «Истоки мордовской письменности», опубликованная московским издательством «Наука» в 1968 году; ответственным редактором был профессор В.И. Лыткин. В этой монографии впервые в истории изучения мордовской письменности были выявлены, тщательно проанализированы и систематизированы рукописи 30 памятников XVIII века, написанных на мокшанском и эрзянском языках. Все сведения о них автором были извлечены из архивов и редких печатных источников, хранящихся в архивах и научных библиотеках России, Венгрии и Финляндии.

26 извлеченных из архивов разных городов и стран текстовых и лексических записей мордовской письменности составлены средствами русской графики и лишь 4 — на основе латинской графики. Большинство из записей сделаны на эрзянском языке (23 источника). Мокшанские материалы представлены лишь в 7 источниках.

Объем текстовых и лексических записей XVIII века в одних случаях ограничивается лишь несколькими десятками отдельных мордовских слов, а в других — включают по несколько тысяч словарных статей. Так, например, в «Словаре языка мордовского» дано свыше 2500 слов, а в «Словаре языков разных народов...» Дамаскина — более 11 000 словарных статей. Текстовые записи, имеющие по сравнению со словарными несомненно большую ценность для истории языка, являются переводными. В XVIII веке на мокшанский и эрзянский языки переводились произведения церковной литературы, такие, как катехизисы, священная история и др.

Сбор лексических материалов и составление текстовых памятников мордовской письменности автором «Истоков...» производился на основе рукописных и книжных материалов русских и зарубежных языковедов, историков, путешественников — Ф.П. Аделунга, Л.И. Бакмайстера, Г.Ф. Палласа, Д. Семенова-Руднева (Дамаскина), В.Н. Татищева, И.Э. Фишера и некоторых других ученых XVIII века, принимавших участие в мероприятиях Российской Академии наук по изучению экономико-географических и этнографических особенностей народов и племенных групп русского государства. Наиболее значительные письменные памятники на мордовском языке были созданы в Нижегородской семинарии в период миссионерской деятельности в Нижегородском крае епископа Дамаскина. Та-

ковы, в частности, «Действие Нижегородской духовной семинарии, происходившее в оной при окончании годичного учения в присутствии ... Дамаскина, епископа Нижегородского и Аллатырского ... 1788 года июня 30 дня», содержащее текст мордовской речи на эрзянском языке; «Краткий катехизис, переведенный на мордовский язык с наблюдением российского и мордовского просторечия...» — памятник, являющийся, по словам дореволюционных исследователей, «первенцем мордовской литературы»; «Священная история. Краткими вопросами и ответами сочиненная и переведенная на мордовский язык 1790 года марта 14 дня».

Дореволюционные памятники мордовской письменности до выхода в свет «Истоков...» А.П. Феоктистова по существу оставались не только не исследованными, но и неизвестными специалистам. И не случайно в работах по мордовской филологии даже после публикации монографии А.П. Феоктистова и поныне еще не изжиты представления, отрицающие наличие дооктябрьского этапа мордовской письменности.

«Между тем, — как отмечает автор «Истоков...», — если под словом письменность понимать систему графических знаков, употребляемых для фиксации речи на письме, и совокупность письменных памятников данного народа, данной эпохи<sup>1</sup>, то можно считать, что попытки создания памятников письменности на мордовских (мокшанском и эрзянском) языках восходят по крайней мере к XVIII веку. Самая же ранняя запись мокша-мордовского лексического материала относится к XVII столетию. Это материал в виде 325 голландско-мордовских словарных параллелей, представленный в книге голландского ученого Н. Витсена «Северная и восточная Татария», изданной в Амстердаме в 1692 году»<sup>2</sup>.

Введение в широкий научный оборот памятников мордовской дореволюционной письменности особую историко-филологическую, лингвистическую и историко-литературную ценность приобретает ныне, в условиях постепенного возрождения духовно-культурного наследия мокши и эрзи, и прежде всего для уяснения реальной картины письменной языковой эволюции мордовского народа в условиях XVIII — XIX веков.

<sup>1</sup> Ахманова О. Словарь лингвистических терминов. — М., 1966.— С. 323.

<sup>2</sup> Феоктистов А. П. Истоки мордовской письменности. — М.: Наука, 1968. — С. 3.

Печатные памятники мордовской книжной культуры XVIII — начала XX веков А.П. Феоктистовым рассматриваются в главном труде его научной деятельности — в «Очерках по истории формирования мордовских письменно-литературных языков (ранний период)», ставшем важной вехой в истории изучения историко-культурных и научных связей мордовского народа с другими народами. На этой основе, как показывает ученый, с середины XIX века у мордвы стали складываться книжные формы национальной письменной литературы.

Литературоведческому анализу «Очерков...» А.П. Феоктистова посвящается нижеследующий раздел предисловия к этой книге.

## 2

О мордовской литературе, ее возникновении и формировании до выхода в свет «Очерков...» А.П. Феоктистова было написано и опубликовано немало. Первый обобщающий труд по ее истории — монография Н.И. Черапкина «Современная мордовская литература» — был издан в 1954 году. В ней, как и в последующих изданиях на эту тему — в «Очерках истории мордовской советской литературы» (1956), «Истории мордовской советской литературы» в трех томах (1968 — 1974) ее зарождение связывалось с победой Октябрьской революции 1917 года.

В «Истории мордовской литературы» 1981 года издания эта точка отсчета связывалась с дореволюционным творчеством Захара Дорофеева, издавшего в 1912 году поэтический сборник «Песни и думы народного учителя» в Москве. Однако реальная картина зарождения и развития дореволюционной мордовской литературы вплоть до выхода «Очерков...» А.П. Феоктистова по-прежнему оставалась не исследованной, а представление о литературном процессе этого периода вплоть до последнего времени оставалось не просто не изученным, а в основе своей искаженным.

Неразработанность дореволюционной истории мордовской литературы обусловилась многими причинами: недостаточностью фактологической базы национального литературоведения 20 — 70-х годов XX века, затянувшейся непроясненностью его концептуальных положений в изучении и оценках типологических особенностей историко-литературного прошлого мордвы и как следствие этого — явной несформирован-

ностью теоретико-методологических позиций мордовской литературоведческой науки тех лет. Однако далеко не последнюю, если не решающую, роль в этом сыграли внелитературные факторы, в частности искусственно навязанная идеологами «нового социалистического искусства» 20 — 30-х годов XX века концепция о том, что до Октябрьской революции 1917 года мордовский народ был бесписьменным и поэтому не имел своей печатной художественной литературы. Эта точка зрения десятилетиями переходила из статьи в статью, из книги в книгу, и в результате мордовская письменность и литература были объявлены этаким «чудом» социализма, рожденным чуть ли не на пустом месте.

В начале 90-х годов XX века, когда Александр Павлович работал уже в вузах Мордовии, мне неоднократно доводилось с ним беседовать о его «Истоках...» и «Очерках...». Во время одной из встреч с ним, он как-то задумчиво сказал мне: «А ты знаешь, я в молодости тоже хотел стать литературоведом, и заявление в аспирантуру подавал на литературоведческое отделение. Но прием заявлений на это отделение был уже в это время закончен, и мне пришлось поступить в аспирантуру языковедческую. Так случилось, что лингвистикой пришлось заниматься всю жизнь».

Это признание ученого по-своему ощущается и в его монографическом исследовании «Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков» (1976), особенно в структуре и содержательности всех 3 глав этой книги. Специфику авторского подхода к проблемам зарождения и формирования литературных форм мордовских языков составляет не просто лингвистический анализ обнаруженных архивных памятников письменности на мокша и эрзя языках, а исследование их содержания в тесной связи с проблемами складывания мордовской книжности на мокша и эрзя языках. Так, в первой главе «Зарождение мордовских письменно-литературных языков» основу анализа составляет отражение мордовских языков в книжных источниках XVII — XVIII веков и исследование текстовых записей XVIII века как с лингвистической, так и историко-литературной точек зрения. Вторая глава вообще мало содержит специфически лингвистических проблем. Содержательный анализ проблем этих глав определяется уже названиями их разделов: «Переводы на эрзя-мордовский язык», «Эрзя-мордовские переводы русской художественной литературы», «Словари эрзя-мордовского языка», «Произведения эрзянского устно-поэтического творчества»,

«Учебные пособия на эрзянском языке». По такой же проблемной схеме анализируются мокша-мордовские памятники в третьей главе «Очерков...». Такая нацеленность анализа архивных памятников по-своему выдает не только языковедческие, но и литературоведческие интересы А.П. Феоктистова как историка языка и литературы, как ученого широкого филологического профиля.

С изданием «Очерков...» А.П. Феоктистова стало самоочевидным, что в имеющихся «Историях» мордовской литературы крайне сужались, а чаще вообще отрицались первоначальные формы ее зарождения и развития. Вирус нигилизма, отрицание во имя классового подхода целых пластов художественного наследия народа в конечном счете привели к искашению реальной картины литературного развития мордвы как этноса.

А между тем еще задолго до перестроекных процессов в нашей стране видные теоретики литературного развития народов мира неоднократно предупреждали: «Следует опасаться произвольного сужения понятия «литература», предположения, что она всегда слагалась из поэзии, повествовательной прозы и драмы, были целые эпохи, когда литература, притом художественная, слагалась из совершенно других элементов» (академик Н.И. Конрад)<sup>1</sup>. Этот принципиальный вывод академической науки, впервые прозвучавший еще в 1957 году, в мордовском литературоведении стал осознаваться только сейчас, в результате пересмотра догматических концепций идеологов нового коммунистического искусства и литературы.

Как показало современное изучение истории мордовской литературы, и прежде всего «Истоки...» и «Очерки...» А.П. Феоктистова, национальное художественное слово на мокша и эрзя языках на протяжении более чем двух веков досоветского периода также слагалось из «совершенно других элементов».

Изданная и рукописная мордовская литература дореволюционного периода по содержанию представляет собой словари, грамматики, переводы, тексты произведений устно-поэтического творчества, учебные пособия, издания произведений литературы христианского просвещения (евангелие, переводы священной истории, катехизисы, публикации первых

<sup>1</sup> Конрад Н. И. Избранные труды. Литература и театр. — М.: Наука, 1978. — С. 89.

попыток создания на мокша и эрзя языках произведений духовно-светского характера (стихов, стихов в прозе, «речей») и некоторых других разновидностей мордовской книжности XVIII — начала XX веков.

До 1917 года, по подсчетам А.П. Феоктистова, на мокшанском и эрзянском языках было издано не менее полсотни отдельных мордовских книг (XIX в. — первая четверть XX в.). Кроме того, мордовские языковые материалы публиковались также в десятках книг, изданных на русском или западноевропейских языках (последняя четверть XVII в. — XIX в.). На протяжении более двух столетий в архивах и библиотеках Москвы, С.-Петербурга, Казани накопился значительный рукописный и печатный материал на мокша- и эрзя-мордовских языках.

Историко-культурные истоки формирования письменно-литературных мокша и эрзя языков А.П. Феоктистов справедливо связывает с началом интенсивного проникновения сведений о мордве, ее языке и культуре в русскую и зарубежную науку XVII — XVIII веков.

В первой главе очерков этот процесс ученым прослежен через целенаправленный анализ трудов Н. Витсена, Д.Г. Мессершмидта, Ф.И. Табберт фон Страленберга, П.С. Палласа, И.Э. Фишера, И.И. Лепехина, П.И. Рычкова, И.Г. Георги, И.П. Фалька и других российских и зарубежных ученых, занимавшихся изучением этнографического быта и культуры российских народов по заданию С.-Петербургской Академии наук.

Разумеется, историко-культурное значение «Очерков...» А.П. Феоктистова определяется прежде всего выявлением и анализом памятников мордовской письменности с точки зрения процессов складывания и эволюции литературных форм мокшанского и эрзянского языков. Но ценность обнаруженных ученым материалов не менее важна и для установки видового и жанрового состава мордовской литературы XVIII — начала XX веков.

В каких же видах, разновидностях и жанровых формах рождалась и формировалась как непрерывный процесс мордовская литература трех последних предреволюционных столетий?

В хронологическом отношении первоначальной формой раннемордовской литературы стала так называемая панегирическая литература первой половины XVIII века. В современных исследованиях эта разновидность раннемордовских форм

печатной книжности характеризуется как литература духовно-светского содержания<sup>1</sup>.

Термином «литература духовно-светского содержания» мы обозначаем здесь памятники раннемордовской книжности, объединяемые историко-культурной спецификой светского содержания и религиозно-христианской идеиности.

По жанровым признакам этот вид раннемордовской литературы восходит к жанрам русской панегирической литературы XVII — первой половины XVIII веков. Авторство такого рода произведений исследователями пока что не установлено. Их, очевидно, сочиняли мордовские семинаристы и преподаватели Казанской инородческой семинарии. Основными жанровыми формами мордовской литературы этой разновидности были «стихи» («Стихи мордовские», 1782), «стихи в прозе» («Торжество», 1787), «речи» («Приветствие», 1798), предназначавшиеся для чтения во время встреч с высокопоставленными лицами или по случаю каких-либо торжественных событий.

В историко-литературном смысле такого рода памятники духовно-светского содержания ценны прежде всего как первые попытки индивидуального собственно-литературного творчества на мордовских (мокша и эрзя) языках. Основные их образцы были представлены в коллективных сборниках казанских семинаристов, таких, как «Речи на мордовском и чувашском языках, на русском стихи и канты» (1767), посвященные Павлу I в связи с его приездом в Нижний Новгород, «Духовная церемония, проводившаяся во время присутствия Екатерины Второй в Казани» (1769), «Сочинения в прозе и стихах на случай открытия Казанского наместничества...» (1781).

В лучших произведениях мордовской духовно-светской литературы безвестные авторы восхваляли не только и не столько монархов и других высокопоставленных лиц, сколько выражали свою патриотическую гордость за Россию, за начавшееся просвещение нерусских народов. Так, в «Торжестве Нижегородской семинарии» (1787) автор «Мордовской речи» довольно пристранно рассуждает о пользе «письменных знаний» для

<sup>1</sup> Современный анализ памятников раннемордовской литературы см. в кн. автора этих строк «Мокшэрзянь литературань антология. XVIII — XX векне». — Саранск, 2003 и в нашей статье «Литература» (анализ дореволюционной части) в энциклопедическом справочнике «Все о Мордовии». — Саранск, 2005. — С. 630 — 641.

общего блага отечества: «Если будет много полезных дел, письменных знаний... тогда никто не усомнится, что весьма хорошо жить с благоразумным царем; при культурной жизни и воину легче сражаться во время битвы, и купец ходит со своими товарищами безбоязненно, пахарь не робеет во время работы, число учащихся в разных местах увеличивается. И ни один человек не живет несчастливо. И все это добро — нашей России» (перевод с эрзя-мордовского подстрочный.)

Особую разновидность мордовской духовно-светской литературы дооктябрьского периода составляли произведения, рассказывающие о православных религиозных праздниках и жизни некоторых царей. Таковы, например, «Рассказы о двунадесятых праздниках», написанные М.Е. Евсевьевым на основе библейских мотивов и включавшиеся в издания мокшанских и эрзянских букварей конца XIX — начала XX века, и «Рассказ о болезни и смерти ... Александра III», опубликованный на мокшанском и эрзянском языках в Казани (1894). Произведения такой направленности не только знакомили читателей с основами религиозного православия и фактами исторической деятельности русских царей, но и давали некоторые сведения о жизни разных народов зарубежных стран. Однако развитие традиций такого рода литературы было крайне ограниченным, их складывание было прервано октябрьским переворотом 1917 г. Прерванной оказалось тогда и публикация на мокш и эрзя языках в целом всей литературы христианского просвещения.

Как специфическая разновидность дореволюционной мордовской литературы формирование и функционирование литературы христианского просвещения было связано с серединой XIX века. Это были переводы с русского отдельных книг Библии, а также мордовско-русские словари, буквари на мокш и эрзя языках, содержащие помимо грамматических правил библейские притчи и разного рода богослужебные материалы, публиковавшиеся в Казани, Москве и Санкт-Петербурге.

Возникновение христианско-просвещенческой литературы на мордовских языках было вызвано последствиями затянувшейся на длительное время христианизации мордовского народа, проводившейся, как правило, русскими церковнослужителями на русском языке. Большая часть мордовского населения, с трудом воспринимавшая тогда суть православного учения на русском языке, требовала изложения грамоты и религиозных догм на своем родном языке, и поэтому правительство

России вынуждено было в целях более успешного проведения христианизации открывать школы, училища и семинарии с обучением на мордовских языках: и готовить для них учебники и учебные пособия на родном языке.

Еще до создания в Казани переводческой комиссии при Братстве святителя Гурия (1867) в Москве и С.-Петербурге были изданы «Сокращенный катехизис, переведенный в пользу мордовов на их природный язык» (1804), «Господань минек Иисусонъ Христанъ Евангелия Матфей, Марко, Лука и Иоанн пельдест. Сёрмадозъ эрзянъ кельсэ» (1821), «Тявть святой апостолтнень кучовкст...» (1827), «Краткий катехизис на мокша-мордовском языке» (1861), «Мордовская грамматика на наречии мордовы-мокши» (1838) и др. Регулярное издание мордовской литературы христианского просвещения началось с открытием в Казани Братства святителя Гурия, имевшего свою типографскую базу. Переводческой комиссией этого Братства было издано свыше 20 книг на мокша и эрзя языках тиражом по 1000 — 2000 экземпляров каждая, т. е. тиражи книг на мокша и эрзя языках в дореволюционный период были такие же, как и ныне, в начале XXI века. Среди этих книг были: «Священная история Ветхого и Нового завета. На эрзянском наречии мордовского языка» (1880), «Священная история Ветхого завета. На мокшанском наречии мордовского языка» (1897), «Евангелие от Матфея. На эрзянском наречии мордовского языка» (1889). В 1891 и 1897 гг. эти же Евангелия были изданы и на мокшанском языке. Братством святителя Гурия на мордовских языках публиковались также книги, раскрывающие суть православной религии в изложении и интерпретациях, и отдельные сборники произведений мордовского устного творчества. Таковы, например, «Крещение Руси при Владимире», опубликованное на эрзянском и мокшанском языках в 1888 и 1891 гг., «Чин исповедания и како причашти больного. На эрзянском наречии мордовского языка» (1884), «Образцы мордовской народной словесности. Вып. I. Песни на эрзянском и некоторые на мокшанском наречии» (1882), второй выпуск «Сказок и загадок на эрзянском наречии мордовского языка с русским переводом» был издан в 1883 г. В 1884 и 1892 гг. были опубликованы «Букварь для мордовы-эрзи» и «Букварь для мордовы-мокши» с присоединением молитв и русской азбуки».

Как и у других нерусских народов Поволжья, мордовская литература христианского просвещения не выделялась из общей совокупности христианско-просвещенных публика-

ций, носивших преимущественно прикладной — церковно-служебный — характер. И все же значение этого вида литературы неправомерно было бы рассматривать только в рамках ее религиозной предназначенности. Во-первых, потому, что именно с этого вида публикаций для мордовы начинается развитие книгоиздательского дела на родном языке. Во-вторых, трудно переоценить роль такого рода книг, как первоначальной стадии формирования и выработки письменно-литературных норм мокшанского и эрзянского языков. И наконец, позитивное значение этого вида литературы на родном языке состояло и в том, что она, помимо приобщения мордовского народа к традициям письменной книжной культуры, содействовала и формированию в народной среде выверенных временем нравственных норм христианской религии как норм подавляющего большинства населения Росси. Нельзя, разумеется, преуменьшать и роль литературы христианского просвещения как фактора, способствовавшего взаимодействию национальных культур и литератур, и прежде всего — в подготовке кадров национальной мордовской интеллигенции. Деятельность М.Е. Евсевьевса, например, как первого мордовского ученого, просветителя и литератора, стоявшего у самых истоков зарождения профессиональной национальной литературы, в значительной мере была обусловлена его переводческой работой. Переведенные им на эрзянский язык Евангелия и написанные на основе библейских мотивов «Рассказы о двунадесятых праздниках», повествующие о деяниях Христа, и поныне не утратили своей историко-литературной значимости как свидетельство литературного творчества самого просветителя.

Прослеживая процессы формирования письменно-литературных форм мокшанского и эрзянского языков, А.П. Феоктистов впервые в национальной филологии мордовы в число факторов активно ускоряющих этот процесс включает начавшиеся с 30-х годов XIX века публикации произведений народного творчества. В дописьменный период художественное слово мокши и эрзи было представлено, как известно, многочисленными жанрами фольклора: семейно-обрядовой и календарно-обрядовой поэзией, необрядовой лирикой, эпическими и историческими песнями, устной несказочной прозой, сказками, легендами, преданиями. Эти жанровые разновидности национального фольклора вплоть до появления письменности в начале XVIII века были единственной формой мордовской художественной словесности и единственным

средством совершенствования художественно-выразительных возможностей мокшанского и эрзянского наречий единого мордовского языка.

Художественно-выразительные возможности национального фольклора и широко представленная в нем стихия народной речи для А.П. Феоктистова явились отправной точкой для выделения в истории формирования мордовских письменно-литературных языков специфического периода, названного им «этапом либерализации», важным условием, с которого начинается постепенное выделение мордовской народной словесности в самостоятельное явление национальной культуры и формирование на этой основе истоков профессионального литературного творчества мордвы. Первые оригиналы мордовских народных песен были опубликованы М. Поповым в 16 томе журнала «Сын Отечества и Северный архив» в 1830 году. Затем этот же автор выступил в «Санктпетербургских ведомостях» с большой статьей «Селиксенская мордва» (1834, №№ 3 — 37), в которой были представлены несколько свадебных песен на мокшанском языке. Позднее образцы произведений мордовского фольклора стали все чаще издаваться отдельными книгами. Таковы, например, «Образцы мордовской народной словесности. Вып.1. Песни на эрзянском и некоторые на мокшанском наречии; Вып. 2. Сказки и загадки на эрзянском наречии мордовского языка с русским переводом» (Казань, 1882 — 1883).

Современные исследователи истории мордовской литературы такие публикации произведений народного творчества называют началом становления еще одной разновидности дореволюционной литературы на мокша и эрзя языках — так называемой народной мордовской литературой.

Народная литература как разновидность словесно-художественного творчества представляет собой публикации произведений устного народного творчества. Сам термин «мордовская народная литература» в науку впервые был введен финским ученым Хейкки Паасоненом в начале 90-х годов XIX века, когда в оригинале и в переводе на немецкий язык в Финляндии были опубликованы два тома его книги «Образцы мордовской народной литературы» (Гельсингфорс, 1891, 1894), материалы которых автором были собраны среди мордовского населения России.

В эти труды Х. Паасонена вошли циклы мокшанских и эрзянских народных сказов, сказок, эпических, лиро-эпических и балладных песен, пословиц и текстов других видов мордов-



Профessor А.П. Феоктистов за работой. Хельсинки. 1990 г.

ского народного творчества. Чуть позднее, в 1910 г., аналогичные материалы в мордовских оригиналах и в переводе на русский язык вошли также в «Мордовский этнографический сборник» русского ученого А.А. Шахматова.

Каковы же основания называть народную словесность литературой? Во-первых, здесь важно учитывать, что фольклорные произведения, переходя на страницы книг лишь в текстовом виде, утрачивают свои основные функции как средства сопровождения тех или иных обрядовых действий, они приобретают отличную от формы устного функционирования печатную разновидность распространения и существования. Опубликованный

текст фольклорного произведения становится уже не коллективным творчеством, а фактом творчества индивидуального, т. к. автором его становится сказитель или песнопевец, со слов которого это произведение опубликовано. Иначе говоря, с утратой устности, коллективности, вариативности, связей с театрализованностью и музыкальным сопровождением фольклорное произведение становится видом художественной словесности и предметом чтения, т. е. тем, что принято называть «народной литературой».

С утратой фольклорного синкретизма народная литература приобретает свои жанровые признаки и разграничения. Такие жанры, как мифологические песни, исторические песни, песни семейно-бытового характера, сказки, легенды, предания — это уже не фольклорные жанры как вида синкретического искусства, а художественные формы народной литературы, т.е. по сути своей это понятия не фольклористические, а литературоведческие.

В истории изучения мордовской народной литературы, к сожалению, до сих пор удерживается одно странное явление. Будучи хорошо изученной в таких, скажем, трудах, как «Мордовское народное устно-поэтическое творчество. Очерки» (1975) и «Мордовское устное народное творчество» (1987), народная литература как таковая анализируется вне ее фольклорного синкретизма, однако разновидностью литературного творчества не считается, хотя и признается специфическим видом художественного изобразительно-выразительного творчества.

Формирование мордовской дооктябрьской литературы, как и литературных форм мокшанского и эрзянского языков, было процессом эволюционным, характеризующимся замедленностью становления как ее видов, жанровых форм и их разновидностей, так и идеально-эстетического освоения явлений национальной жизни народа. Заметный сдвиг в этом отношении происходит на рубеже XIX — XX в., когда в связи с увеличением грамотной прослойки мордовского населения начинает складываться особая разновидность словесно-художественного творчества — так называемая мордовская крестьянская литература сказительского типа, явившаяся переходной нормой движения национальной словесности мордовского народа от стадии фольклорно-художественной к стадии литературно-художественной.

Мордовская крестьянская литература сказительского типа, как и литература народная, — это тоже голос самого народа, но уже в лице его первых полупрофессиональных литерато-

ров, таких, какими были Р.Ф. Учаев, В.С. Саюшкин, И.А. Цыбин, Т.Е. Завражнов, С.А. Ларионов, И.Т. Зорин, — литераторы, с именами которых в истории мордовской литературы было связано начало складывания мордовской профессиональной литературы дореволюционного периода.

Таким образом, исследования А.П. Феоктистова «Истоки мордовской письменности» и «Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков. Ранний период» приобретают важное значение для всей мордоведческой филологической науки, и не просто узкую историко-языковедческую и историко-литературную ценность, но и большое общенаучное историко-культурное значение. В работах этого ученого как талантливого историка культуры мордовского народа перед читателями, и прежде всего перед специалистами истории языка и литературы, впервые предстает реальная картина эволюционного движения мордовского народа к цивилизованным формам национальной культуры.

В «Очерках по истории формирования мордовских письменно-литературных языков» важную общенаучную ценность представляет собою обширное «Приложение» к этой работе, занимающее почти сто страниц этого уникального исследования. В «Приложении» в извлечениях, из архивных документов представлена трехвековая (XVII — XIX вв.) история развития книгопечатания на мордовских и некоторых других языках народов Поволжья. Здесь же, так же в извлечениях из архивных документов, излагается процесс публикаций учебников и учебных пособий на языке мокши и эрзи, динамика изменений в преподавании этих языков в дореволюционных школах, училищах и семинариях. В заключительной части «Приложения» представлены ранее неизвестные образцы текстов на мордовских письменно-литературных языках XVIII — начала XX веков.

Подвижническая научная деятельность Александра Павловича Феоктистова справедливо выдвинула его имя и личность в ряд выдающихся деятелей российской и мировой финно-угристики.

Алёшкин А.В.,  
заслуженный деятель науки Республики Мордовия.

## ВВЕДЕНИЕ

### К ПРОБЛЕМАТИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Данная монография является обобщением и вместе с тем продолжением других наших работ, посвященных изучению дореволюционного периода развития мордовских письменно-литературных языков. При исследовании особенностей языка мордовских текстов прошлых столетий в должной мере учитываются принципы лингвистического анализа, которые были выработаны в наших прежних публикациях по истории мордовской письменности.

Расширение хронологических рамок, как и жанрового диапазона рассматриваемых в монографии письменных памятников сопровождается включением большого количества документов, найденных автором в результате многолетних поисков в различных архивах СССР. Цель публикации архивных документальных материалов — воссоздание реальной картины функционирования мордовских письменно-литературных языков, указанного периода.

Вопросы формирования и развития литературных языков составляют одну из важных проблем лингвистики, которая, как известно, весьма интенсивно и плодотворно разрабатывалася в Советском Союзе. В центральных и местных издательствах нашей страны вышло в свет большое количество трудов, посвященных проблемам развития и функционирования литературных языков разных типов.

Как проблематика, так и методика изучения путей формирования литературных языков основываются на учете не только конкретно-исторических условий, в которых складываются те или иные литературные языки, но и общего уровня развития и современного состояния каждого литературного языка в отдельности<sup>1</sup>. Изучение, например, мокшанского (или мокша-мордовского) литературного языка мы основы-

<sup>1</sup> См. в этом отношении: Р. А. Б у д а г о в. Литературные языки и языковые стили. — М., 1967; В. В и н о г р а д о в. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. — М., 1967; Вопросы формирования и развития национальных языков // Труды ИЯЗ АН СССР. — М., 1960. — Т. Х; Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. — М., 1970. — С. 502 — 593; Норма и социальная дифференциация языка. — М., 1969; Ф. П. Ф и - л и н. О свойствах и границах литературного языка // ВЯ. — 1975. — № 6; и др.

ваем на принципе сравнительно-сопоставительного исследования путей его эволюции параллельно с исследованием особенностей формирования и развития эрзянского (или эрзя-мордовского) литературного языка.

Метод параллельного изучения мордовских литературных языков прямо вытекает из ближайшего родства мокшанских и эрзянских диалектов, на базе которых формировались нормы мордовских литературных языков. Решающим же в данном случае оказывается экстралингвистический фактор, а именно непрерывная на всем протяжении истории общность носителей мокша- и эрзя-мордовской речи.

К обязательным компонентам развитого литературного языка не без основания принято относить: высокую степень кодификации литературных норм, сознательный стилистический отбор лексического материала в речевой практике и прежде всего наличие твердых норм речевого употребления, получивших общественное признание. Не так обстоит дело с мордовскими литературными языками. Письменные нормы мордовских литературных языков закрепились лишь к середине 30-х годов нашего столетия. Поэтому весь предшествующий период развития мокша- и эрзя-мордовских письменных литературных языков правомерно рассматривать всего лишь как историю употребления материала различных мордовских диалектов при создании той или иной группы памятников письменности на основе русской или латинской графики. Вот почему в предлагаемой монографии, посвященной изучению дооктябрьского периода развития мордовских письменно-литературных языков, в центре внимания автора оказались такие проблемы, как определение количественного состава мордовских письменных источников, распределение их по жанрам, лингвистический анализ источников и некоторые другие вопросы.

Исследование этапов развития мордовских письменно-литературных языков проводится в историко-филологическом аспекте, предполагающем постановку и изучение следующего круга вопросов:

- а) обоснование языковой принадлежности данного печатного (или рукописного) источника;
- б) определение авторства в связи с изучением истории создания письменного памятника на мокша- или эрзя-мордовском языке;

в) установление диалектной основы письменного источника;  
г) особенности графики и орфографической системы, примененных при написании данного памятника или группы памятников письменности;

д) датировка рукописных источников с применением в необходимых случаях принципов палеографического анализа письменных текстов;

е) особенности словарного состава того или иного памятника;

ж) специфика памятника или группы письменных источников с точки зрения отражения в них фонетических, грамматических и лексических особенностей мордовской речи;

з) диапазон варьирования в фонетической, грамматической и лексической системах, а также в принципах правописания на разных этапах развития и функционирования мордовских письменно-литературных языков и т. д.

В решении перечисленных вопросов большим подспорьем служат многочисленные документы, которые автор извлек из различных архивов — ЦГИА СССР, ААН СССР, ГАПО, ГАТО, ЦГА Тат. АССР и др. Уместно подчеркнуть, что публикуемые в книге архивные материалы тем самым войдут в широкий научный обиход.

## ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ МОРДОВСКИХ ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Проблема периодизации истории литературного языка, являющаяся одним из центральных вопросов истории языка вообще, продолжает оставаться в лингвистике весьма спорной и мало исследованной. В трудах представителей разных школ и направлений выдвигались и выдвигаются самые различные принципы и виды периодизации конкретных языков. Так, например, в истории арmenистики язык первых письменных памятников еще в середине XIX в. рассматривался как идеальное выражение норм армянского литературного языка, а все последующие изменения трактовались лишь как их искажения. При периодизации истории азербайджанского литературного языка принимались во внимание одновременно различные факторы, в том числе эпоха, историко-общественная ситуация, роль личности, образование новых стилей и т. д. Из разных принципов исходили и при периодизации истории русского литературного языка, выдвигая как ос-

нову периодизации изменения грамматического строя или же словарного состава. Историки русского литературного языка придают также значение «разным формам и видам зависимости истории литературного языка от истории социально-политической и культурной жизни народа, указывая на важность изучения общественных функций литературного языка. Иногда выдвигается целый комплекс таких критериев»<sup>1</sup>.

В предложенной Б. Гавранеком периодизации чешского литературного языка одни периоды укладываются в хронологические рамки исторических эпох, другие же выделены в соответствии с определенными направлениями искусства и культуры<sup>2</sup>.

Для украинского литературного языка принята такая периодизация, которая, по мнению специалистов, соответствует главнейшим этапам истории украинского народа. Причем характеристика одних периодов сопровождается исследованием зависимости истории литературного языка от социально-исторических формаций, а других — рассмотрением соотношения литературного языка с разговорным языком<sup>3</sup>.

Для историка языка принцип полноты является главенствующим, ибо при исследовании истории любого языка должны быть использованы в полной мере возможности сравнительного и реконструктивного методов, преимущества сравнительно-исторического языкознания и все ресурсы исторической и сравнительной диалектологии. При построении же истории литературного языка из перечисленных возможностей возникает необходимость всестороннего учета данных, пожалуй, лишь сравнительной диалектологии. В этом отношении даже историческая диалектология оказывается вне прямой компетенции историка литературного языка.

Литературные языки, имеющие многовековую историю формирования и развития (такие, например, как французский, русский, английский, немецкий и др.), отличаются богатством точных и однозначных средств выражения, в

<sup>1</sup> В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. — М., 1958. — С. 134.

<sup>2</sup> В. Нагаек. Vývoj spisovného jazyka českého. — Praha, 1936.

<sup>3</sup> См.: Курс історії української літературної мови. — Київ, 1958. — С. 14 и 593.

особенности тех, которые связаны с построением сложных и стройных конструкций. Нормы языков такого уровня воспринимаются обществом как «правильные» и общеобязательные. Развитые и высоко нормированные литературные языки характеризуются еще своей четкой противопоставленностью диалектам и просторечию, а также чрезвычайной гибкостью форм функционально-стилистической дифференциации. Иная картина обычно наблюдается в языках, письменность на которых существует в течение одного-двух столетий или даже меньшего отрезка времени. Периодизацию истории литературных языков такого типа, по-видимому, необходимо строить на иных основаниях, а именно опираясь на итоги всестороннего изучения письменных памятников всех имеющихся типов и жанров и сравнительного исследования всех живых говоров и диалектов данного языка.

Основными периодами истории многих литературных языков Советского Союза являются дореволюционный и послереволюционный. Однако при специальной характеристике итогов развития, например, так называемых младописьменных литературных языков к большему эффекту может привести поэтапная их периодизация, которая согласуется с принципом опоры и детального учета показаний письменных источников и диалектных данных.

В истории мордовских литературных языков мы также различаем два основных периода — дореволюционный и послереволюционный, которые в свою очередь разделяются на этапы (или подпериоды). На протяжении дореволюционного периода получили соответствующее развитие этап зарождения и этап становления («либерализации»). К послереволюционному периоду относятся этап формирования и этап кодификации литературных норм.

Первый этап — долилитературный, который является временем зарождения и возникновения письменной формы языка, по продолжительности едва укладывается в полтора столетия. На протяжении этого длительного хронологического отрезка (с последней четверти XVII в. и до середины XIX в.) вышли из печати или остались в рукописях многочисленные образцы мордовской речи, составленные на разных диалектах с применением русской или латинской графики. К концу этого этапа были изданы переводы и некоторые другие текстовые памятники мордовской письменности. Отсутствие общественно признанных норм — наиболее

характерный признак существования мордовских письменно-литературных языков на данном этапе.

Второй этап (со 2-й половины XIX в. и до 1917 г.) является этапом частичной либерализации, вовлекшей литературных работников мордовского происхождения в дело пропаганды идей Н.И. Ильминского путем создания учебных пособий и «переложения» текстов преимущественно религиозного содержания на языках народов Поволжья. По сравнению с первым этапом, язык мордовской литературы в течение второго этапа развития достигает значительного совершенства. В указанное время в мордовскую орфографию был внедрен фонологический принцип письма. Однако широкий диапазон варьирования и отсутствие единых диалектных основ продолжали оставаться наиболее характерными чертами мордовских письменно-литературных языков и на втором этапе.

Третий этап (20 — 30-е годы XX в.) является этапом форсированной демократизации мордовских литературных языков. Быстрому формированию мокшанского и эрзянского литературных языков в это время всемерно благоприятствуют новые общественные условия. По разнообразию форм осуществления «языковой» политики третий этап оказался исключительно продуктивным и плодотворным во всей истории мордовских письменных языков. Наиболее характерные признаки рассматриваемого этапа: значительное расширение функциональной нагрузки литературных языков, глубокое сознательное вмешательство общества в языковые процессы, коллективное творчество мордовской интеллигенции (языковедов, редакционно-издательских работников, писателей, учителей и др.) в создании норм литературных языков, существенное обновление словарного состава, стилевое обогащение мордовских литературных языков и т. д.

Предпосылки для перехода к четвертому — современному — этапу были заложены в конце третьего подпериода. Однако начало современного этапа (со 2-й половины 30-х годов XX в.) характеризовалось определенным спадом теоретической и практической работы, которая была необходима для дальнейшего совершенствования еще не вполне сложившихся и устоявшихся норм и функционально-стилистической дифференциации мордовских литературных языков. Отказ от отдельных завоеваний третьего этапа, выразившийся в первую очередь в попытках дискредитации всего

предшествующего многотрудного опыта создания отраслевой терминологии, был основательным нарушением принципа преемственности, равновесия и гармоничности в эволюции мокшанского и эрзянского литературных языков. Колебания в развертывании общественных функций мордовских литературных языков сопровождаются в последние годы особенно значительным прогрессом в развитии как поэтического, так и прозаического жанров художественной литературы, а также газетно-публицистического стиля.

Такова в общих чертах поэтапная периодизация истории мордовских литературных языков. Невозможно, конечно, настаивать на том, чтобы разделение на периоды и этапы могло быть абсолютным. Известно, что нормы нового периода, или этапа, обычно проходят зародышевое развитие внутри прежних, старая норма не исчезает бесследно, а составляет основную массу в новой<sup>1</sup>.

## Гла в а I ИСТОКИ МОРДОВСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Дореволюционные памятники мордовской письменности, составленные на различных мокшанских и эрзянских диалектах, содержат в себе уникальные языковые материалы, которые являются единственным источником изучения сложных вопросов исторической диалектологии. Исследование мордовских текстов предыдущих столетий приобретает и большое культурно-историческое значение. Уже с XVIII в. устанавливается прочная традиция в передаче звуковых особенностей мордовской речи средствами русской графики. Орфографические принципы в мордовском письме также вырабатывались с учетом принципов русской орфографии. После Великой Октябрьской социалистической революции была вновь создана мордовская письменность для выполнения неизмеримо более широких культурно-исторических задач. Современная письменность мордовского народа также базируется на основе русского алфавита. Во всем этом нельзя не усматривать большой исторической преемственности в мордовской письменности двух эпох — дореволюционного периода, охватывающего немногим более двух столетий, и современного, начиная с 1917 г.

В дореволюционных памятниках мордовской письменности встречаются лексические единицы и словоформы, которые вышли из употребления в современных мордовских литературных языках и диалектах. Изучение названий всевозможных предметов старины и этнографических реалий, упоминания о которых содержатся в письменных памятниках, имеет особое значение. По этим словам, уже давно вышедшим из живого языкового употребления, в определенной мере можно судить о более древних этапах развития мордовской культуры и об особенностях общественной и хозяйственной жизни мордовского народа в прошлые века.

В результате многолетних поисков в архивах и отделах редакции книги библиотек нашей страны, а также Венгрии и Финляндии нам удалось установить наличие довольно большого количества мордовских рукописей, а также старопечатных книг, в которых имеются текстовые и словарные материалы на различных диалектах мордовских языков.

<sup>1</sup> См.: Лингвогеография, диалектология и история языка. — Кишинев, 1973. — С. 152.

## МОРДОВСКИЕ РУКОПИСИ XVIII в.

### ЭРЗЯНСКИЕ РУКОПИСИ

#### Эрзянские рукописи на основе русской графики

1. Действие Нижегородской духовной семинарии, происходившее во оной при окончании годичного учения в присутствии ... Дамаскина, епископа Нижегородского и Алаторского, ... генерала-губернатора Нижегородского и Пензенского... Ивана Михайловича Ребиндера, и прочих знаменитых особ ... 1788-го года июня 30-го дня. — ГАГО. Горький, ф. 2013, оп. 602, д. 1450.

«Действие Нижегородской... семинарии...» составлено в стиле хвалебных од. В данном сочинении вначале сообщается, как у Нижегородского епископа Дамаскина собирались губернатор и другие лица. Дамаскин вместе с ними отправился в семинарию. Перед шествием шли семинаристы и пели «кант» на русском языке. В семинарии учащиеся стали декламировать стихи собственного сочинения на русском, греческом и латинском языках. После этих стихов семинаристы читали «краткие речи на девяти языках: русском, греческом, латинском, немецком, французском, татарском, чувашском, мордовском и черемисском». Восьмая «речь» (л. 7 об. — л. 8, в 11 строчек) была прочитана по-мордовски.

#### ТЕКСТ МОРДОВСКОЙ «РЕЧИ»

Мáзень тантéмань ма́ри ней мíнекъ сядéйнекъ. Покшть кульцúныцтять и па́ро промксъ вáсемеде вáдря минýнекъ нéяви. Мíнекъ тонáвтомоны кульцóнодо ней пárсте, тéде паро тáйвье ара́сь мáзеякъ; тонáвтомо ломáненъ и пáзненъ вяльть паро неяви. Минь téса тонáвтозъ радувукшнутанокъ сюпáлгавтыванокъ, и вяльть пекъ ляздановакъ. А тонъ инекше<sup>1</sup> пазъ вéвть вáсемень, конáть téса тонáвтлить эсь слáвазотъ церкóваненъ инéзоро<sup>2</sup> авáненъ.

П р и м е ч а н и я к тексту: 1) инекшие вм. инешке, по-видимому, ошибочно из-за близости начертания рядом стоящих

рукописных *и* и *и*; ср. *niške* hoch, erhaben; Herr; *väre niške* allerhöchster (Видеман, стр. 137); *n'iške* kommt als Attribut bei dem Wort *paz* «Gott» vor (Равила. М. Толкай, стр. 50);

2) инезоро «царь» — сложное слово, образовано из *ине* «великий» и *азоро* «хозяин». На стыке морфем (в том числе и корневых) *e* + *a* по закону регressiveйной ассимиляции обычно дает *aa* > *a*, а не *ea* > *e*. Поэтому здесь более уместным было бы орфографическое *я*, с помощью которого, как и в русском языке, передается палatalность предшествующего *н'* и фонемы *a*: инязоро. См. в № 8 инязоронь, а также инязор (ЭКОС 1955).

Транскрипция: mä·z'en' tan't'e·man' ma·r'i n'ejmi·n'ek s'äd'e·jn'ek // pokšt kul'cu·níc'at i pa·ro promks vä's'emed'e vad'r'a min'a·n'ek n'e·javi // mi·n'ek tona·vtomon' kul'co·nodo n'ej pa·r's't'e / t'e·d'e paro t'ä·vd'e ara's' mä·z'ejak / tona·vtomo loma·n'en' i pa·znen' väl't' paro n'e·javi // min' t'e·sa tona·vtoz' raduvukšnutanok s'upa·lgavtývanok i väl't' pek l'äzdovanok // a ton/in'eške paz / vijevt' vä's'emen' / kona·t t'e·sa tona·vt'l'it' es' sla·vazot' / c'erko·van'en' / in'-a·zoro ava·n'en' //

П е р е в о д: Что за наслаждение испытывают теперь наши сердца. Великие слушатели и добре собрание наилучшими нам представляются. О нашей учебе слушайте теперь хорошо, лучше этого дела нет ничего. Обучение людей и богу превосходным кажется. Мы здесь, обучаясь, радуемся, обогащаемся и получаем огромную пользу, а ты, вышний боже, сделай сильными всех, которые здесь учатся во славу тебе, церкви, царице.

А на л и з. Текст мордовской «речи» составлен на *ä*-диалекте эрзя-мордовского языка. Фонема [ä] последовательно изображается буквой *я*. Например: сядейнекъ «наше сердце», «наши сердца», вяльть «весьма», «очень», вясемень «всех» и т. д.

Из других особенностей графики и орфографии мордовского текста отметим следующие. В конце мордовских слов после непалatalизованных согласных, в соответствии с русской графической традицией, ставится *ъ*. Например: покшть «большие», тонъ «ты» и др. Однако в рассматриваемом мордовском тексте вовсе не встречается буква *ъ*. Принципы обозначения палatalности согласных перенесены из русской орфографии.

Эрзянские фонемы переданы следующими графемами: [a] — *a* (*тантемань*), после палатализованных согласных — буквой *я* (*кульцуныцятъ*), [o] — буквой *о* (*покштъ*), [u] — буквой *у* (*радувукинунтанокъ*), после палатализованных согласных — буквой *ю* (*сюапалгавтыванокъ*), [i (i)] — буквой *и* (*ми-нянекъ*), после непалатализованных парных согласных — *ы* (*сюапалгавтыванокъ*), [e] — в начале слова буквой *э* (*эсь*), в середине слова после палатализованных согласных буквой *е* (*вясемень*).

Согласные фонемы переданы следующими буквами: [b] — *б*, [v] — *в*, [d], [d'] — *ð*, [z], [z'] — *з*, [j] — *й*, [k] — *к*, [l], [l'] — *л*, [m] — *м*, [n], [n'] — *н*, [p] — *п*, [r], [r'] — *р*, [s], [s'] — *с*, [t], [t'] — *т*, [c], [c'] — *ц*, [š] — *ш*. В данном тексте не представлены звуки *х*, *č*, *g*, *ž*, *f* и некоторые другие.

Судя по особенностям синтаксиса, эрзя-мордовская «речь» является переводом готового русского текста.

Мордовский текст состоит из 55 слов, в том числе:

*а* противит. союз. «*а*» < рус.

*арась* отриц. част. «нет».

*аванень*. См. *инезоро аванень*.

*вадря*. См. *вясеме-*.

*віевть* глаг. 2 л. ед. ч. повелит. накл. безобъектн. спр. «*сделай сильными*», «*придай силы*».

*вяльть* нар. «*очень*», «*весъма*».

*вясеме-*: ~ -де *вадря* качеств. прил. превосх. ст. «*наилучший*», «*лучше всех*». Образовано путем сочетания определит. мест. в abl. (*вясемеде* «*всего*», «*всех*») с качеств. прил. положит. ст. (*вадря* «*хороший*»); ~ -нь. Довольно редкий случай употребления полной основы определит. мест. для образования формы ген. мн. ч. (см. краткую основу *весе* «*весъ*», «*всё*») Ср. эрз. *весемезэ*, мокш. *сембоц*, *семоц* «*всего*» (-зэ, -ц лично-притяж. суфф. 3 л. ед. ч.), мокш. *сембонь*, *семонь* «*все*», «*всё*» (ген.). Нельзя ли в мокш. *сембе*, *семе*, *сембонь*, *семонь*, *сембоц* усматривать выпадение начального слога че- из общемордовского \*ves'emtэ- ~ \* ves'embэ-, которое в эрзянском языке имеет два рефлекса: *весе-*, *вясе-* (краткая основа) и *весеме-*, *вясеме-* (полная основа)? Или же мокш. *сембе* «*весъ*» этимологически восходит к указательному местоимению *се* «(э) тот» + финно-угорск. суфф. сравнительной степени -mb, а эрз. *весе* «*весъ*» происходит из краткой формы количественного числительного *ве* «*один*» и указательного местоимения *се* «(э) тот»? Ср. в этом отношении эст. ükskõik

«*всё равно*», «*всё едино*», которое также состоит из числительного üks «один» и определительно-собирательного местоимения kõik «всё». Второе предположение представляется наиболее вероятным.

и союз «*и*» < рус.

*инезоро аванень* дат. сложного сущ. осн. скл. «царице». Образовано из *инезоро* (см. примеч. 2) и *ава* «женщина» с оконч. дат. -нень.

*инешке*: *инешке пазъ* «бог». См. примеч. 1.

*конатъ* ном. мн. ч. осн. скл. определит., мест. «которые».

*кульционодо* глаг. 2 л. мн. ч. повел. накл. «*слушайте*»; *кульцуныцятъ* активн. прич. мн. ч. наст. вр. с суфф. -ыша «*слушающие*», «*слушатели*». Здесь обращает на себя внимание употребление палатализованного *l'* вместо обычного в приведенных словах непалатального *l*. Ср. *кулсонома* «*смирение*», «*послушание*», но *кулямс* «*слушать новости*» (ЭРС 1949). По-видимому, основы слов. эрз. *кулсонома*, мокш. *кулхондома* (с тем же значением) и эрз. *кулямс*, *кулемс*, мокш. *кулемс*, *куляксамс* «*слушать (новости и т. д.)*» восходят к одному этимону, допускавшему уже на общемордовской почве позиционную сингармоническую альтерацию финно-угорского корневого *l* с *l'*. См. фин. *kuulla* «*слушать*», *kuulema* «*слух*», «*молва*» (ФРС 1955).

*ломанень* ген. сущ. осн. скл. «человека».

*ляздованокъ* глаг. 1 л. мн. ч. наст.-буд. вр. изъявит. накл. безобъектн. спр. с суфф. возможности действия -в- «*мы в состоянии получать (приносить?) пользу*».

*мари* глаг. 3 л. ед. ч. наст.-буд. вр. изъявит. накл. безобъектн. спр. «*испытывает*», «*чувствует*», «*слышит*».

*минекъ* притяж. мест. 1 л. мн. ч. «*наш*», «*наши*».

*минь* личн. мест. 1 л. мн. ч. «*мы*».

*миняnekъ* дат. личного мест. 1 л. мн. ч. «*нам*».

*мязень* ген. вопр. мест. «*чего*» (здесь: «*что за*», «*какой*»).

*мязеякъ* неопр. мест. «*что-нибудь*». В сочетании с *арась*: *арась мязеякъ* это слово переходит в разряд отриц. мест. «*нет ничего*».

*ней* нар. «*теперь*».

*неяви* возвр. глаг. 3 л. ед. ч. наст.-буд. вр. изъявит. накл. безобъектн. спр. с суфф. возвратного действия -в- «*представляется*», «*кажется*», «*выглядит*».

*пазъ* ном. ед. ч. сущ. осн. скл. «*бог*»; *пазнень* дат. осн. скл. «*богу*».

*паро* «хороший», «добрый»: *паро промксъ* «доброе собрание»; *теде паро тявыде арась мязяекъ* «лучше этого дела нет ничего»; *вяльть паро «очень хорошо»*, «очень хороший»; ср. *вадря*.

парсте нар. «хорошо».

пекъ нар. «очень», «весьма».

покищъ качеств. прил. мн. ч. «большие».

промксъ ном. ед. ч. сущ. осн. скл. «собрание», «сход».

*радувкишнунакъ* глаг. 1 л. мн. ч. наст.-буд. вр. изъявит. накл. безобъектн. спр. «радуемся» < рус.

славазотъ илл. сущ. притяж. скл. «в твою славу» < рус.

*сюалгавтишнанокъ* глаг. 1 л. мн. ч. наст.-буд. вр. изъявит. накл. безобъектн. спр. с суфф. возвратного действия -в- «обогащаемся».

*сядейнекъ* ном. сущ. с лично-притяж. суфф. 1 л. мн. ч.-нек «наше сердце», «наши сердца».

*тантеманъ* ген. осн. скл. сущ. *тантема* «наслаждение», образованного из прил. *тантай* «сладкий» с помощью суфф. имен действия -ма. Ср. совр. эрз. *тантайчи* «сладость» (РЭС 1948).

*теде* абл. указ. мест. *те* «этот»: *теде паро* качеств. прил. срав. ст. «лучше», букв. «этого хороший».

теса нар. «здесь».

*тонавтлитъ* глаг. 3 л. мн. ч. наст.-буд. вр. изъявит. накл. безобъектн. спр. «учатся»; *тонавтозъ* дееприч. «обучаясь»; *тонавтомо* ном. ед. ч. имени действия с суфф. -мо «учеба», «обучение»; ~ -нь ген.-акк. имени действия «учебу».

тонъ личн. мест. 2 л. ед. ч. «ты».

тявыде сущ. осн. скл. *тявъ* «дело», «работа» с оконч. абл. -де. церкованень дат. сущ. осн. скл. «церкви» (чему?).

эсь возвр.-притяж. мест. «свой», «собственный».

2. Краткий катехизисъ, переведенный на мордовский языкъ со наблюдениемъ российского и мордовского просторечия, ради удобнейшаго онаго познания воспріявшихъ святое крещение. 1788-го года. — РО ГПБ, ф. Аделунга 35, л. 162 — 194 (рис. 1а, 1б)

В данной рукописи представлен текст катехизиса на русском языке вместе с переводом на эрзя-мордовский язык. Материал в рукописи расположен в два столбца: в левом столбце идет русский текст, справа от него — эрзя-мордовский перевод этого текста. В конце рукописи имеется приписка, принадлежащая перу Нижегородского епископа Дамаскина: «Переводил на мордовский язык Нижегородской семинарии богословия слушатель Иван Тихов, природою из мордовы».

Испѣлъ я густѣ и непо-Ходѧ Монѣ ваныспѣ и  
роғнѣ вишиѣ изъ Пажѣтѣстеме Лисѣ 98  
иуппи Прещеніе, Всплаимо има Париста, Пажѣ  
дался Агитойни мѣ привѣнѣ ۋادرلا Причастија  
дагитилимѣ пптина и گانىدە خىشىنى وارىنە  
ىرونى خристово же ., ىنېشىنە . .

Вопросъ .

Жиғистакъ .  
Для چىھىتىسى لەنە ۋە مىلىي تەنە پەپىنى  
امىسى گاپتىكىنە ترى (ۋاتقا) پارەنە ترىيچا-  
قاش، اىشى ؟

Ответъ .

О پىغىتىمە .  
Ганийانە گاپتەنە ترىيچە  
تىچىنە راىى ترىيچە ىلەمەنە  
ئىسە ىنېشىنە مارىتتا،  
خريستۇ، ى راىى تەلەنە ى سايىمنە خىسە ۆزۈ ۋېنە  
قەنیا نەفيىە سىلى ى پارە مانىغىمنە ،  
بلاوغاتىخ، چىختى  
ۋاتقا ى تەرىخىستانىنى  
ىوېچىدە ۋە گەنە خرىستىانە  
تىپىانىنى ترىيچىنە مارىتەنە ىنەنە  
ى خرامى بەنەنە ، كىچىدە ،  
عەلەرەنە ىەد، ىتپە ىپەنە كەنەتلىكەنە  
پەنە بىتى نەرازىلۇنىنىداپاىش چەپىدە چەپىدە مەنە  
ىلەمەنە ،

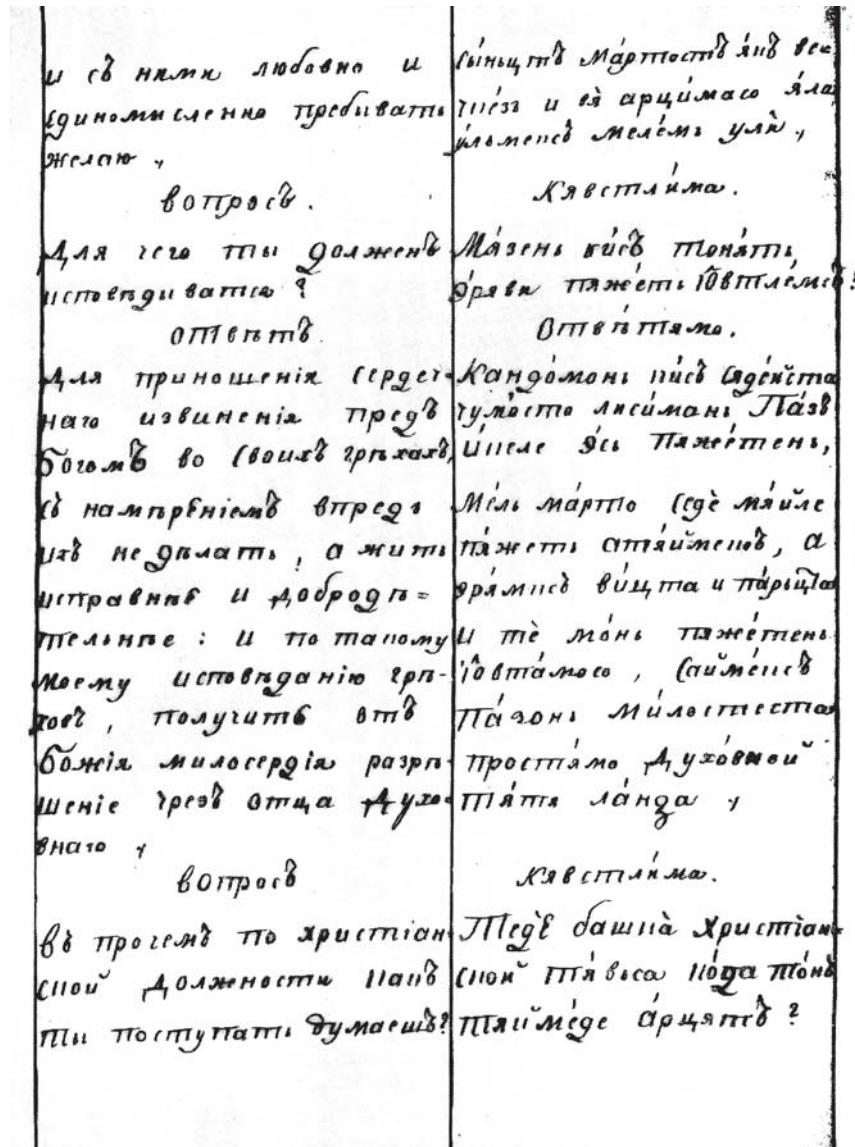


Рис. 16

## ОТРЫВКИ ИЗ РУКОПИСИ

Л. 162:

По - русски.

Вопросъ. Какой ты природы?

Отвѣтъ. Мордовской природы.

Вопросъ. Почему же ты христіанское званіе себѣ присвояешь?

Отвѣтъ. Присвояю по принятіи крещенія за содержаніе  
вѣры господа нашего Иисуса Христа сына божія, и святаго его  
закона.

По - эрзяnski.

Къвстлѣма. Кѣдамо тонъ шачмόнь?

Отвѣтъ. Эрзѣ шачмόнь.

Къвстлѣма. Мяйсь ино тонъ христіанской лямы эсъять  
путлять?

Отвѣтъ. Путлянъ ламдѣмѣде майле кирьдиманънъ  
вѣранъ минѣкъ Инѣшкѣ Пазнокъ исусонъ Христосъ Пазонъ  
шоранзо, и сонза святой закононъ.

Л. 183—184:

По - русски.

Какъ должно родителямъ съ дѣтьми поступать?

Отвѣтъ. Родителямъ дѣтей своихъ должно воспитывать въ  
страхѣ Божіемъ, и обучать закону: съ малыхъ лѣтъ пріучать ихъ  
къ трудолюбію, домостроителству, и къ честному съ людьми  
обхожденію, остерегать ихъ отъ дурныхъ содружествъ: паче же  
самимъ предъ ними ничего не говорить и недѣлать соблазни-  
тельного: исправлять ихъ больше кротостію, и крѣпко вкоре-  
нять въ мысль ихъ добротѣль, дѣлающую людей честными и  
щастливыми, а порокъ всегда человѣку пагубенъ.

А дѣтямъ должно родителей своихъ любить, почитать и  
имъ повиноваться: во время же скудости и престарѣлости ихъ  
питать и покоить, и тѣмъ платить долгъ справедливой благо-  
дарности.

По - эрзяnski.

Кѣда єрви шачтыцнень эйкашонзо мѣрто тайнѣмксь?

Отвѣтъ. Шачтыцнень эсъ эйкашонзо єрви трямъ  
пялѣзъ Паздѣ, и тонавтомксь законы: вишнѣкъ пѣнѣкстасъ  
тонавтлемъсыныцть тявѣнъ таймѣ, кудонъ кирьдиксь, ло-  
манъ мѣрто вадрѣ єрѣмоненъ, ванмоксь сыныцть а пѣро ялга

лома́нде: тедé пекь эсъяңцть сыныцть ѹкелесть мязейкъ аќортлемсь и атайнемксь апáро тявть: витлémксь сыныцть седé пекь сатымёста, и сыныцть мелéасть савтлémксь паро тявть, конáть тяйтъ вадрý и уцýскавъ лома́нце, а апáро тявъ лома́нънъ вяльть беря́нь.

А эйкакшнань эрýви эсъ шачтыцянъ вечкéмксь, кавáнявтомксь и сыныцть кулцóномксь: аволь сиопáвъ чиста и сыйдымъ пинькста сыныцть трямъс и ванмóксь, и тенъса пандомксь пандúма виde кавáнявтомоненъ.

Л. 185—187:

П о - р у с с к и.

Какъ должно жить мужамъ съ женами?

Отвѣтъ. Мужу должно жену свою любить, не свирѣпо съ нею поступать, но разумнымъ наставленіемъ исправлять ея слабости, въ общемъ хозяйствѣ и воспитаніи дѣтей почитать ее за вѣрнѣйшую помощницу.

А женамъ должно любить и почитать своихъ мужей, нравы свои къ ихъ угожденію склонять, и самыя ихъ оскорбления сносить въ кротости духа. Кромѣ же того обоимъ имъ должно хранить не порочно другъ другу данное увѣреніе.

Вопросъ. Какову должно быть всякому человеку для всѣхъ вообще?

Отвѣтъ. Всякой человѣкъ обязанъ со всѣми обходиться ласково, учтиво, снисходительно: алчущаго накормить, жаждущаго напоить, нагаго одѣть, больного постыть, грѣшнаго отъ грѣха отвести, невѣжу закону научить, сумнящемуся доброй совѣтъ подать, и о исправленіи всякаго молиться милосердому Богу.

П о - э р з я н с к и.

Кода эрýви эрýмксь миридёнень козайканзо марто?

Отвѣтъ. Миридёнень эрýви эсъ козайканзо вечкéмксь, аволь кежевста мартонзо таймékсь, прѣве вѣлцо витлémксь сонзá лâвчо тявенза, вище кудо вачмосо и трямосо эйкакшонъ ловнóмксь сонзá эсъ виde вяльть лома́нъ ялгáсо.

А козайканенъ эрýви вечкéмсъ и кулциономксь эсъ миридѣсть, эсъ обу́цьстъ сыныцть пелезасть ветымсъ, и сáмай сыныцть чавмость кирдёмксь сатымёста. Тедé башка сынѧнцть эрýви ванмóксь пяжéтstemе эрýвайкененъ максóзъ кямýма.

Кявстлима. Кодамоненъ эрýви ульмékсь эрýва лома́нненъ вище вѣсъменъ кисъ?

40

Отвѣтъ. Эрýва лома́нненъ эрýви вѣсеме ма́рто эрýмксь вечкéзъ, тонавтозъ, кежъ акирдиксь лома́нце: вачо́нь андомксь, конáнь симёза сась симдёмсь, апákъ орчáзенъ орчамсъ, сериди-ненъ сакшномксь пяжéтъ тяицянъ пя ётста ливтёмсъ, беря́ненъ зако́нцъ тонавтомсъ, ака́миненъ па́ро совѣтъ максóмсъ, и эрýва парозонзо кисъ озно́мксь ми́лостень тяй Пáзнань.

Л. 187—188:

П о - р у с с к и.

Запрещаетъ никому ни какой не дѣлать обиды, ни чрезъ себя ни чрезъ другихъ, ни дѣломъ, ни словомъ, ни мыслю. А паче стараться каждого отъ всякого вреда оберегать. А то вельми предъ Богомъ тяжекъ грѣхъ; ежели человѣка какимъ нибудь образомъ умертвить, подаяніемъ совѣта или помощи, и тѣмъ допустить до вреда и убийства. Напримѣръ: знавъ худой умыселъ безъ доносу оставлять, или воровъ у себя скрывать, или видя драку не разнимать, пожаръ не тушить, бѣдному и больному не помогать. Сія же заповѣдь весьма запрещаетъ лишить жизни самого себя, повелѣваетъ же беречь свое здоровье, какъ безцѣнный Божій даръ.

П о - э р з я н с к и.

Амѣрни киняньгáкъ кодамоякъ атаймекъ обидямо, эсъ лаңгатъ лія лангаякъ тявыса, и валцоякъ, и мельцесть. Вѣсъмеде пекь эрýви эрýвайкенъ эрýва беря́нь тявдѣ ванмóксь. А те вяльть Пазъ ѹкеле стака пяжéть; кода лома́ненъ кодамоякъ тявыса куловтомксь, максóзъ совѣтъ алý посубамо, и тенъса нолдамксь<sup>1</sup> беря́нь тявысъ и кулутумасъ. Вáна эсъя: содáзъ беря́нь арциманъ апакъ бөвтлѣкъ каднóмксь, али вортъ эсъ ке́цеть кекшнёмксь, али нѣвѣзъ туриманъ айвномксь, палмó а ма́цтэмксь, бѣднойнъ и серидиненъ асакшномксь. Те заповѣтъ вяльть пекь амѣрни куловтомодо тоныцѣть, мерънъ ванмодо эсъ па́ро читъ, кода питнѣвтеменъ Пазо́нь максу́манъ.

Т р а н с к р и п ц и я, л. 162: kävs't'l'i·ma || ko·damo ton ūačmon'? || ot've·t'amo || er'z'a·šačmon' || kävs't'l'i·ma || mäjs' ino·ton Xr'is't'i(j)a·nskoj l'äm es't'ät' pu·t'1'at? || ot've·t'amo || pu·t'1'an 1'ämd'e·med'e mäjl'e kir'd'i·man'en' vera·n' min'e·k in'e·ške pazno·k isu·son' Xr'isto·s pa·zon' c'ora·nzo i sonza·s'vato·j zako·non' ||

<sup>1</sup> В оригинале вместо нолдамксь ошибочно дано налдамксь.

41

Л. 183 — 184: Ko·da e·r'avi šačti·c'an'en' ejka·kšonzo ma·rto t'äjn'e·mks? || ot've·t'amo || šačti·c'an'en' es' ejka·kšonzo e·r'avi t'r'ams päl'e·z' pazdo·i tonavtomks zako·nc || viši·n'e p'in·kstest tonavt'l'ems sijn'ct t'äve·n' t'äjme· | kudo·n' kir'd'i·ks | loma·n' ma·rto vad'r'a·er'a·mon'en' | vanmo·ks sijn'ct pa·ro jalga·lo·ma·n'd'e || t'ed'e ·pek es't'a ·nct sijn'ct i·kel'est mäzeja·k a kort'l'ems (~r'-) i a tänj'nemks a pa·ro tävt' || vit'l'e·mks sijn'ct s'ed'e·pek sät'me·sta i sijn'ct mäl'ezest savt'l'e·mks pa·ro t'ävt' | konat t'äi·t' vad'r'a·i uc'a·skav loma·n'c'e | a a paro t' äv loma·n'n'en' väl't' ber'an' || a ejka·kšnen' er'a·vi es' šačti·cán' večke·mks | ka·va·n'avtomks i sijn'ct kulco·nomks || avo·l' s'upa·v čistę i sır'i·d'ma pin'kstę sijn'ct t'r'ams i vanmo·ks | i t'en'e·sę pando·mks pandu·ma vi·d'e kava·n'avtomon'en' ||

Л. 185 — 187: Koda·e·r'avi er'a·mks mir'd'e·n'en' koz'a·jkanzo marto? || ot've·t'amo || mir'd'e·n'en' e·r'avi es' koz'a·jkanzo več·ke·ms|avo·l' keže·vstę martonzo t'äjme·ks|prä·ve va·lco vit'l'e·mks sonze la·včo t'ävenze/ väjcę ku·do vačmo·so i t'r'amo·so ejka·kšon' lovno·mks sonzę es' vi·d'e väl't' loma·n' jalga·so||a koz'a·jkan'en' e·r'avi večke·ms i kulco·nomks es' mir'd'e·stles' obu·c'ast sin'ct pe·l'ezest vet'a·ms i sa·maj sijn'ct čavmo·st kir'd'emks sät'mestę||t'ed'e· ba·ška sin'a·nct e·r'avi vanmo·ks päže·t'steme er'vä·jken'en' makso·z' kämi·ma|| kävs't'l'i·ma||

Koda·mon'en' e·r'avi ul'me·ks er'va·loma·n'n'en' väjcę väs'e·men' kis? || ot've·t'amo || er'va·loma·n'n'en' e·r'avi väs'e·me ma·rto er'a·mks večke·z'|tona·vtoz' | kež a ki·r'd'i·ks loman'ce || vačo·n' ando·mks|kona·n' s'ime·zę sas|s'imd'e·ms|apa·k orča·z'en' orča·ms|ser'i·d'in'en' sakšnomks| päzet' tää·c'an' pää·ectę livt'e·ms| ber'a·n'en' zako·nc tonavtoms|a kä·min'en' pa·ro sove·t mak·so·ms i er'va· paro·zonzo kis ozno·mks mi·los't'en' tää·paznen' ||

Л. 187 — 188: a me·r'n'i kin'an'ga·k kodamoja·k a tääjmeeks obi·d'amo|es' la·ŋgat 1'ija·laŋgaja·k tävsa·i valcoja·k i melce·t'|| väs'e·med'e pek e·r'avi er'väjke·n' er'va·ber'a·n' t'ävd'e· vanmo·ks|| a t'e väl't' paz ikel'e staka·päže·t'|| koda·loma·n'en' koda·mojak t'ävsę kulo·vtomks|makso·z' sove·t al'i· posu·bamō i t'en' esę nolda·mks ber'a·n' t'ävs i kulu vtumas || va·na e·s't'a || soda·z' ber'a·n' ar'c'i·man' apa·k jovt'l'ek kadno·mks a·l'i vort es' ke·cet kekšn'e·mks|a·l'i n'e·jez' tur'i·man' a ja·vnomks|

palmo·a ma·c't'emks | bedno·jn'en' i s'er'i·d'in'en' a sa·kšnomks || t'e zapovet' väl't' pek a me·r'n'i kulo·vtomodo ton'c'i·t'|mer'n'i· vanmo·do es' pa·ročit'|koda pit'n'e·vt'emen' pazo·n' mak-su·man' ||

А на л и з. Эрзянский текст катехизиса 1788 г. является одним из наиболее крупных произведений мордовской переводной литературы старшей поры.

Из особенностей графики мордовской части данного памятника отметим следующие. Буква ъ, с помощью которой наряду с буквами е и э обычно обозначается фонема [e], встречается преимущественно в русских заимствованиях. Например: *отвѣтъямо* от've·t'amo «ответ», *совѣтъ* sovet «совет», *бѣдн旣нъ* bednojn'en' «бедным», *заповѣдь* zapovet' «заповедь» и др. Но графема ъ употребляется нередко и в исконных мордовских словах. Например: *вѧсѣмень кисъ* väs'emen' kis «за всех» (и рядом имеется: *вѧсеме мартъ* väs'eme marto «со всеми»), *тенѣса т'енъ есѣ* «в этом», *нѣезъ н'ејезъ* «(у) видя» и т. п.

Буквой а обычно передается фонема [a]. Например: *стака* staka «трудно», *анакъ* aarak «не...» и т. д. Но в позиции после парных непалатализованных согласных в словах с переднерядным вокализмом этой графикой а обозначается заднерядный вариант фонемы [e]. Например: *эйкакшнанъ* ejkakšnen' «детям», *пинъкстасъ* pin'kstest «в их время», «в их присутствии», *симеза с'имезъ* «его питье», *чиста чистѣ* «за день», *кежевста кежевстѣ* «злобно» и др. То, что в указанной позиции буквой а передается заднерядный аллофон е фонемы [e], но не фонема [a], доказывает последовательное употребление буквы о для передачи фонемы [o] в той же позиции после парных непалатализованных согласных, но уже в словах с заднерядным вокализмом. Например: *марто* marto «с...», *ванмодо* vanmodo «следить» и т. д. Если допустить, что в первом случае под буквой а скрывается фонема [a], но не аллофон е фонемы [e], то и во втором закономерно имелось бы: *марта* marta «с», *ванмода* vanmoda «следить» и т. п.

В остальном графика и орфография эрзя-мордовского текста мало чем отличается от графики и орфографии русской части рассматриваемого памятника.

Особенности диалекта, легшего в основу перевода катехизиса 1788 г.

1. Наличие фонемы [ä], передаваемой буквой я. Например: *кявстлима kävs't'l'ima* «вопрос», *майлे täjl'e* «после», *вайце вясбменъ кисъ väjce väs'emen'* kis «для всех вместе» и т. д.

2. Формант ген. сущ. притяж. скл. ряда *его* — -nzo, -nze.

Например: *парозонзо кисъ parozonzo kis* «за его добро(ту)», *эйкашионзо ejkakšonzo* «его (её) дети», *козайканзо марто koz'ajkanzo marto* «с его женой», *пиренза pir'enze* «его огород» (ген.-акк.) и др.

3. Имена сущ. притяж. скл. ряда *их* имеют окончание -st. Например: *вишинъ пинъкстасъ višin'e pin'kstest* «в малом их возрасте», *мелезастъ mel'ezest* «в их желание» (илл.) и т. д.

4. Формант инфинитива представлен четырьмя алломорфами: -ms, -moks, -mekъ и -mks. Например: *трямсъ t'r'ams* «воспитывать», *ванмоксъ vanmoks* «уберечь», *тыймекъ t'äjmeks* «сделать», *тонавтомксъ tonavtomks* «научить» и т. п.

5. В наречно-деепричастных конструкциях с отрицанием *апак* «не...» глагольная основа восполняется формантом -k. Например: *апакъ ювтилъкъ apak jovt'lek* «не сказал», *апакъ явакъ арак javak* «неразлучно», *апакъ кортакъ арак kortak* «не говоря» и др.

В эрзя-мордовском тексте нет ни одного случая употребления имен сущ. в форме указ. скл. Это, безусловно, результат перевода русского текста слово в слово.

*3. Краткій катехизисъ, переведенный на мордовской языкъ съ наблюдениемъ российскаго и мордовскаго просторѣчія, ради удобнѣшаго онаго познанія воспріявшихъ святое крещеніе, 1788 года.— ЦГАДА, ф. 381, д. 1314, л. 161—191.*

Данная рукопись является отдельным списком текста рукописи под этим же названием (см. № 2). Но в рукописи № 2 нет продолжения, которое имеется в тексте № 3 (см. рис. 2 а, б, в).

Кроме того, в орфографии текстов катехизиса № 2 и № 3 встречаются разночтения, например:

в тексте № 2  
эрва «каждый»  
эсьять «ты себе»  
майсь «почему»  
аволь «не...»

в тексте № 3  
эрва «каждый»  
эсь тять «ты себе»  
майсь «почему»  
а воль «не...» и т. п.

да рожденіе спасено —	ванидень минюль ои-
щаго души наше.	менуль.

№ 2.

<p><i>Господи помилуй</i> <i>Подакъ Господи</i> <i>Тегъ Господи</i> <i>Исповѣдь.</i> <i>Сыне! се предъ тогого</i> <i>Христосъ невидимо</i> <i>сточитъ, и житъ твоего</i> <i>Признанія во грехахъ</i> <i>ты не стыдись</i> <i>оные пересказатъ предъ</i> <i>мною: ибо ты иль ска-</i> <i>зылся не минъ, а та-</i> <i>мому Богу, предъ ко-</i> <i>торымъ согрѣшилъ ты</i> <i>и онъ готовъ тебѣ про-</i> <i>стить грѣхи твои грѣхъ</i> <i>меня: и поистинѣ</i> <i>проститъ, ежели ты</i> <i>истыниъ сердце съ</i> <i>всемъ покаялся: а</i> <i>если что отъ меня</i> </p>	<p><i>Па́ль иль гавль</i> <i>Тунца́ Паль</i> <i>Понзэ Паль</i> <i>Чююра! те сонэ́ мурто</i> <i>Пасъ аневи яку, и ови</i> <i>тонзэ халю сю́ маласо,</i> <i>тонъ иль таршанъ сыйни</i> <i>ювтюлю моне: сю́ тонъ</i> <i>сынькъ ювтюлю а моне</i> <i>ломанень Пасъ вазе сонэ</i> <i>каванъ тонъ, и сонъ</i> <i>паро́ тонзэ просплю</i> <i>маласо сынькъ те</i> <i>моне: и Ариунев прос-</i> <i>ти снѣро тонъ парепе</i> <i>мѣлести вѣсъ ювтюлю</i> <i>маласо, А снѣро а</i> <i>моне кематъ, сю́</i> <i>омгоцъ пяжеть ма</i> <i>нисъ тонзэ</i> </p>
---	--

Рис. 2а

утасиши, то двалікі євань саісатъ:  
 гръхъ на душу твою  
 прінішъ.  
 Погиташъ ли Бога? Сірмадатъ ли Пасѣ  
 тягнене?  
 Погиташъ ли Бога Сірмадатъ ли Пасѣ  
 сына?  
 Погиташъ ли Бога Сірмадатъ ли Пасѣ  
 душа солтаго?  
 Не поругался ли Христъ  
 тіансьничу запону?  
 Не пълъ ли споромъ  
 него въ постнѣ?  
 Напрасно не божи  
 слаї?

Сірмадатъ ли Пасѣ  
 ціоранъ?  
 Кісень паро?  
 А бранатъ ли земля  
 нень сыне?  
 А яреатъ ли тонзѣ а  
 паро постѣ?  
 А пешкес ли хрещай?  
 Сірмадатъ ли пытн  
 и аван?  
 А пресвѣданъ а іовнатѣ  
 ли?  
 А саіатъ ли?  
 Всё аван а ліснєтъ  
 ли?  
 Всё ціора а ліснєтъ  
 ли?

Не угилѣ ли глообна?  
 Не обидѣлъ ли него въ  
 куплажъ или продажъ?  
 Не пропинавъ ли то  
 въна!  
 Не посповодавъ ли?  
 Не сводилъ ли пою съ  
 пѣмъ въ любофиству?  
 Не здѣлалъ глообну вре  
 да воронжего?  
 Не привлекъ ли въ себѣ  
 любофиство воронжего?  
 Не пъянствовалъ ли?  
 Грешенъ Отче!  
 Иѣмъ Отче!  
 И напрасно не божи  
 слаї?  
 А тонатъ ли ломанъ?  
 А шаіатъ ли ѿбодѣ тѣ  
 теренъ?  
 А саісатъ ли ліманенъ  
 апаро?  
 А шашты ли ланисъ тон  
 въ любофиство воронжего?  
 А саіматъ ли тапашо?  
 Эста татаї?  
 Арасъ татаї?  
 Отъ всѣхъ сихъ гръховъ,  
 въ попорыкъ ты теперь  
 грешно признанъ, долженъ  
 себѣ удерживатъ, и опять за  
 на оные не возвращатъ,  
 напъ пегъ на свою блево  
 тину, ибо сіе глообну Христъ  
 тіанину неприимино къ  
 веселию еръшно; и отъ сего  
 времени расположись дѣ  
 лать всякое добро, а ботѣ  
 тебѣ будетъ помощникъ,  
 и наградитъ твѣ вѣтн  
 ииши щастіемъ, а бѣздушн  
 царство небесное даруетъ.

Рис. 2б

Рис. 2в

В фонде № 381 ЦГАДА в настоящее время хранятся рукописи, которые утверждались синодом для издания в Москве в синодальной типографии. Поэтому рукопись № 3 также хранится в указанном фонде этого архива.

Текст № 3 является беловым списком, по которому был издан русско-мордовский катехизис в Московском отделении синодальной типографии. Первое и второе издания краткого катехизиса на русском и эрзя-мордовском языках de visu нам еще не удалось установить. Третье издание под приведенным названием было осуществлено уже в середине XIX в. средствами старославянской графики, а именно: «Краткій катихизисъ, переведенный на мордовскій языкъ съ наблюдениемъ россійскаго и мордовскаго просторѣчія, ради удобнѣйшаго онаго познанія воспріявшихъ святое крещеніе, 1788 года. Печатано с разрешения св. правительствующаго синода, в Московской синодальной типографии. Третим тиснением, 1853 года».

Финский лингвист Х. Паасонен отмечал, что «первенцем мордовской литературы является напечатанный в Москве в 1806 г. катехизис»<sup>1</sup>. Но венгерский исследователь последней четверти XIX в. Кунож Игнац в своей статье «Одно данное из мордовской фонетики»<sup>2</sup> сделал ссылку на приведенное выше название мордовского перевода краткого катехизиса 1788 г.

Как известно, синодальные издания сакральных текстов рассыпались по епархиям для распространения среди местного населения. Эта литература быстро приходила в негодность и исчезала. Может быть, отсутствие экземпляров первого и второго изданий краткого катехизиса на мордовском языке в известных библиотеках как раз и свидетельствует о безвозвратной утрате этого печатного памятника мордовской литературы старшей поры!

#### 4. Молитва «Отче нашъ» на мордовском языке.— РО ГПБ, ф. Аделунга 35, 203 л., конец XVIII в.

В рукописи приведен текст молитвы «Отче наш» на эрзя-мордовском языке. В конце рукописи имеется приписка: «Переводил Казанской Академии риторики ученик Феодор Беляев».

<sup>1</sup> См. статью Х. Паасонена о мордве в VI т. финской энциклопедии «Tietosanakirja». — Helsinki, 1914. — С. 692 — 705.

<sup>2</sup> I. Kuno s. Egy adot a mordvin hangtanhoz. — NyK, 1887. — Т. 17.

#### ТЕКСТ РУКОПИСИ

Тятый минéкъ, кона эрять мнéль лánксо улéза святой ля-  
мéть тонть сáзо якъ инязорокáрдымъ тонть улéза олять  
тонть кода мнéль лánксо истя якъ ма́сторъ лánксо<sup>1</sup> кши  
минýнекъ тuká эрвá чистé кадыкъ минýнекъ пандомонокъ  
минекъ кода якъ минь пáндлитеянокъ пáндтицынень ми-  
некъ иля совáта минéкъ кодамоякъ бéдáсь но вáномискъ  
шайтáнсто.

Т р а н с к р и п ц и я: t'ät'a:j min'e:k|kona er'a:t mäne·1'  
la·ηkso|ul'e: za s'vato:j läme·t' ton't'|sa·zojak in'azoro ka·rdjma|ton't'  
'ul'e·za ol'a:t ton't' | koda män'e·1' la·ηkso /is't'aja:k ma·stor  
la·ηkso|kši min'a·n'ek tuka· erva·či·ste| kadik min'a·n'ek  
pandomonok min'ek|koda:jak min' pa·n'd'l'it'anok (~-ndl'-)  
p·andt' l'icin'en' (~-n't'l-) min'ek|il'a·sova·ta min'e:k koda·mojak  
beda·s|no va·nomis'k šajt'a·nsto ||

Б у к а л ы й п е р е в о д: Отец наш, который живешь  
на небе, да будет святое имя твое, да придет усмирить царей,  
да будет воля твоя как на небе, так и на земле, хлеб нам при-  
носи ежедневно, отпусти нам долги наши, как-нибудь мы  
вернем их кредиторам нашим; не приведи нас в какую-ни-  
будь беду, но обереги нас от шайтана.

А н а л и з. Перевод молитвы «Отче наш» составлен на  
ä-диалекте эрзянского языка. Фонема ä передается здесь,  
как и в других эрзянских памятниках письменности, бук-  
вой я. Например: мнель män'el' «небо», ляметь lämet' «твое  
имя» и т. д.

Из других особенностей языка рассматриваемого памят-  
ника отметим глагольную форму повелительного наклонения  
объектного спряжения ты — нас: vanomis'k «обере-  
ги нас» (ср. vanomiz' других эрзянских диалектов).

5. *Перевод нижеобъявленных слов теми языками и диалектами, кои употребляются между народами губернии Нижегородской и Пензенскую населяющими (слова российские по-татарски, по-черемисски, по-мордовски). — ААН СССР, ф. 94, оп. 2, д. 107, б.л. 2-я пол. XVIII в. (рис. 3).*

В этом словарике, подписанном Нижегородским губерна-  
тором Иваном Ребиндером, представлено 287 русских слов с

<sup>1</sup> В рукописи в слове ланксо пропущена буква н: лаксо.

Листы	خَارِف	ашат	Кагиашъ	яцама.
Время	وَقْتٌ	вайт	пата	шка.
Яспы	صَرْتَنْدَل	арстан	шаниашъ	яцамотъ.
Птицы	فَالَّرُون	каин	Кб'кия	Очи.
Кошки	سَوْكَر	свак	ахъ	юпака.
110 Головы	بَرَلَافِر	яракта	игуашъ	могамо.
Стопы	جَذْعَنْ	биль	шаджэжъ	басна.
Листва	كَلْمَر	янкыт	иштака	шожине.
Карта	مَرْجَع	сынъ	шиль	скам.
Багаж	قَوْجَهَر	кочицъ	тая	Боган.
Свины	مَلَغَفَر	дондук	саина	птица.
176	طَار	Кал	Койбо	рига.
Утка	أَدْرَقَل	Хардик	Ахра	яксага.
Хиты	غَلَدَر	ашинъ	Кичда	Киче
Жижи	أَحْرَقَى	Хардик	шурно	широ.
200 Мол	قَزْرَى	Калдик	Култъ	відш.
Дорога	طَارِقَة	Кадылакъ	Миний	хапко.
Город	مَدْنَى	Лимш	Иненжъ вакхон блесн сүй резин	шай.
Рост	نَكْرَر	Ибис	шуръ	свя.
Люди	إِنْسَان	Иланъ	ти'из	тичио.
Дома	مَدْنَى	Екишъ	егю	Паго.
Хоз	أَدْلَه	Хадъ	зга	Гелин.
Котенъ	سَوْكَر	Птицыръ	Оахъ	Коренъ.
Птенъ	نَزَكَلَر	Птица	Птангата	Генка.
Кора	كَارِجَر	Каты	Югогъ	Чуптонъ.
38 Сыре	جَي	ги	Няпханъ	Варгъ.

Рис. 3

переводом их на татарский, марийский и эрзя-мордовский языки. Материал этот был прислан из Нижегородской губернской канцелярии в Петербург составителям «Сравнительных словарей всех языков и наречий» (СПб., 1787 — 1789).

Мордовская часть данной рукописи составлена на ё-диалекте эрзянского языка. Например: цявъ с'ав «работа», сяльме s'äl'me «глаз», пяй päj «глаз», вяръ väg' «кровь», вя vä «ночь» и т. д.

Приведем еще список некоторых эрзянских слов, интересных с точки зрения диалектной принадлежности рассматриваемого памятника (русские переводы даются по оригиналу): якшамо jakšamo «хлад», пязнексъ päzn'eks «кол», валъ val «глагол», эркѣ ер'ке «река», шумра šumra «здоров», вешкинѣ veškine «мало», чингикстъ čin' gikst «луч» (букв. «полосы солнца»), кянкишъ kän'kš «дверь», ащекъ аšček «стой», дига d'iga «гусь», кише kše «хлеб», чувтокядъ čuvto käd' «кора» (букв. «кора дерева»), вярякъ väg'ak «сыро», нурдовачкасъ nurdo vačkas «воз», сокаксъ moda sokaks «пашня», лишмѣ lišme «конь», кумажса kumaža «колено», сакало sakalo «брата», кянишъ kän's «ногти», лавтомо lavtomo «плечо», сядексъ s'ävd'eks «шея», сарахма saraxma «град», ловсо lovso «молоко», мизярдо miz'ardo «когда», кафто kafto «два», вяце väc'e «пять» и т. п.

6. Речи для перевода на мордовской языкъ. — РО ГПБ, ф. Аделунга 35, л. 197 — 200, 2-я пол. XVIII в. (рис. 4а, б, в, г).

В данной рукописи содержатся переводы на эрзя-мордовский язык русских имен числительных и отдельных фраз типа: *Ночью бывает темно, а днем светло* и т. п.

Рукопись была составлена в Нижегородской семинарии. Об этом свидетельствуют записи в конце текста: Нижегородского епископа Дамаскина («Переводил Нижегородской семинарии богословия и философии слушатель Иван Тихов») и инспектора академической гимназии Л.И. Бакмейстера («Получена с письмом епископа Дамаскина от 12 декабря 1789»).

Появление этого письменного памятника связано с именем Л.И. Бакмейстера, который проявлял большой интерес к сравнительному языкознанию и помогал академику П.С. Палласу в осуществлении замысла императрицы Екатерины II о составлении словаря всех языков и наречий. В 1773 г. Л. И. Бакмейстер обратился к ученым всех стран с печатной брошюрой

*РІЧИ*

для переводу.  
на мурдовский язык

1) Одинъ, два, три, вѣйше, кѣвто, кольо,  
четири, пять, шестъ, нѣль, вѣть, пѣтъ,  
седы, вогемъ, девяты, сїспа, павто, вѣйша,  
девятъ, одиннадцатъ, кѣльпъ, кѣльвѣйше,  
двенадцатъ, тринадцатъ, кѣльпавто, кѣльпопло,  
четирнадцатъ, пятнадцатъ, кѣльнѣль, кѣльвѣйтъ,  
шестнадцатъ, седьнадцатъ, павто, павльсѣль,  
вогемнадцатъ, девятнадцатъ, кѣльпавто, павльвѣйше,  
двадцатъ, двадцатъ, кѣльпавто, павто,  
одинъ, двадцатъ, два, кѣлоньпамень, киленьпамень,  
придцатъ, соронъ, кѣлоньпамень, киленьпамень,  
пятнадцатъ, шестнадцатъ, вѣтипамень, кодпамень,  
седьнадцатъ, седьнадцатъ, киленьпамень, киленьпамень  
одинъ, седьнадцатъ, два, вѣйше, киленьпамень, кѣвто,  
восемнадцатъ, девяносто, кахунонпамень, вѣйсанъ=  
девяносто, девяносто, памень, вѣйсанъ, памень  
сто, девяносто, птигага, вѣйша, сїдо, павто, вѣйтъ,  
пѣтъ, птигага,

*ВАЛТЪ*

Хонатѣ ліѣ хѣлъ лѣнив  
путмайбите.

2) Боръ бессмертнъ. 2) Пара аиули.

человекъ живетъ не ломанъ эрѣ авомъ пубатъ,  
долго. 3) Мати цплугта 3) Ава палци ёса эйнадъ=  
своихъ диттей. у неи пшоноз. Соня потен-  
тъ тишкала мною- да, ламъ гирядыти  
мловна. Мужъ ее говѣцо. Соня Мирядѣза  
любитъ. 4) Ета женѣнѣсао. 4) Пѣ ава-  
щина била брюхата. Пяне вѣль.

Она родила, шестъ соня шацце, пленѣнъ  
дней тому назадъ, колмоща гѣса мялѣсъ,  
сына. Она еще не цѣра. Соня ошѣ сѣрикъ.  
можетъ. Долъ ея пляйтѣриза вѣнчанга  
подала сидитъ и ающѣ осадо и авареди,  
можетъ. 5) Ребенокъ 5) Эйпашного апоти.  
не хотятъ болота.

6) Ета дѣвушка еще 6) Пѣ плаитѣризъ ошѣ  
неходитъ. Тобѣ и два аїнъ. је павто пѣвѣтъ  
мъсяца тому, папъ ~~тому~~ ~~тому~~ ~~тому~~ соня  
она родиласъ. 7) Син шацце. 7) Нѣ нѣлъ цѣ.  
четири малыши вѣтъ рѣнптии. Вѣтъ эдо=  
здоровъ: Первый близкій рѣстъ: вѣйше чинъ,  
другой спасетъ, Претпіи олбочкъ пирнастки, палмоща,  
таетъ, четвертой супетъ. Моры, Нилѣцъ пѣцди,

Рис. 4а

Рис. 4б

8) Епюотѣ геловѣнѣ слѣвѣ.	8) Птица лоло́нци ани́к.
Женна ско глуха: Не слышиштѣ, что мы говоримъ.	Козя́йка съ амару, листья лины переливаются.
9) Братъ птицъ шахабтѣ;	9) Пёночка птица птичка; Пёночка ялапсогъ юдигъ.
Сестра птица егитѣ,	Пиньки птичка ауди.
Оптицъ вашъ не егитѣ.	Сонъ яри́мъ и сими азалия.
Онѣ птицы и птицы мало,	10) Ноевъ по середи линца.
11) У насъ дятъ настѣ, и	10) Судо пуногла гомаса.
на паждокъ руки по паждѣ	11) Мининъ пёстрые птицы сини,
птичи, охъ. 12) Волосы	Эрэса пача вайтень вайтени
растутъ на головѣ.	Сурѣ, 12) Геригта пати
13) Языки и зубы вороту.	подъ линцемъ,
14) Правая рука синяя	13) Киль и панти чурисо.
и птицы, 15) Волосы долойбіевъ,	14) Быде птица пяри птица
и птичка. <del>Лягушка</del> ярасна.	15) Герь пучана
Костики пропали паникъ на-	и юбинъ. Въръ яистрѣ.
менъ, 16) У рыбъ есть чайка,	Лебяжатѣ птицы буты
рыбка, а ушакъ птица.	Лебяжатѣ птицы буты
17) Епта птица летаетъ	17) Птица парижка ливчакъ (тиши-
тиже. Она сидится на деревѣ.	баро. Сонъ ойкъ Мода линецъ,

Рис. 4в

У Ней перия на прильяхѣ	Сонъ съ вѣнѣемъ птица даекъ
серные, ногѣ вострои, ружомъ, сужо гицъ,	а хвостъ перо птицы. Атулозо ниршинъ,
а хвостъ перо птицы.	Сонъ птица санъ ашотѣ олѣтѣ,
Вѣя опаздъ блѣме я лица.	18) На деревѣ вореныхъ линецъ, и птицы суга.
18) На деревѣ вореныхъ	18) Чечето линецъ пижети
лины, и птицы суга.	лопотѣ, и эшъ Мордотѣ.
19) Огонь горитѣ.	19) Птица пами. Минъ
Мишилъ дымъ, плавя птицы пама, помо	видимъ дымъ, плавя птицы пама, помо
ш уголья, 20) Вода вѣ и глини, 20) Уядъ	ш уголья, 20) Вода вѣ и глини, 20) Уядъ
разъ птицы бывшре, линце чурнъ птица.	разъ птицы бывшре, линце чурнъ птица.
21) Лисица больше вѣзды,	21) Кодъ птицы птица,
а менѣше солнца.	<del>ланное</del> вишни.
22) Вчера вѣ вчера шолѣ	22) Чайкъ голышиста линецъ
дождь. Сего дна погутру	Пиземе. Птицы вали, и
видимъ я радугу.	Навинъ линецъ пуройна юти.
23) Ногию бывшрѣ племя,	23) Баны берегти фогутудауки
а днешъ свѣтило,	а гицъ вѣдъ.

Рис. 4г

(на русском, французском, латинском и немецком языках) «Объявление и прошение, касающиеся до собрания разных языков в примерах. В Санкт-Петербурге при Академии наук 1773 г.». Автор брошюры просил сообщать ему переводы «на разные новые или живые языки» (стр. 3) по образцу, который дан в приложении под названием «Речи для перевода».

В своем «Объявлении и прошении» Л.И. Бакмейстер наметил следующие задачи и цели предпринятого им сбора переводов: «А как я соберу довольноное число таковых переводов, особенно на те языки, коими говорят в Российском государстве и в пограничных землях, то присовокупив краткое известие о самих народах, буду издавать оные в свет, и тем уповаю оказать услугу высоким правительствам, историкам, географам, филологам и другим ученым людям. Другие уже известные собрания таковых переводов суть такого содержания, которое многим народам не вразумительно, да они же и весьма отменны в других случаях от моего...

Но хотя бы я и желал, чтобы таковые переводы и известия сообщены были мне со всевозможною скоростию (только лишь не по почте), однако в оном завсегда можно будет еще успеть, потому что я намерен оное собрание беспрестанно дополнять; и ежели я получу несколько разных переводов на один язык, то буду стараться исправлять их один помощью другого» (стр. 3 — 6, 19).

От переводчиков составленных им «Речей» Л.И. Бакмейстер требовал: «Итак, кто приимет труд и станет сам помянутые речи на какой-нибудь язык переводить, или другого заставить, того прошу наблюдать следующее:

1) Взять к тому оные речи лучше на немецком языке, а сверх того на каком пожелает из прочих трех других.

2) Потом смотреть, чтобы речи... были некоторым образом от слова до слова переведены, однако ж не содержали бы необыкновенных выражений.

3) Для показания выговору... взять ему такой язык, в котором, он довольно искусен..., заметить ему протяжные слоги чертою (—). Ежели он приимет труд и изобразит точный выговор слов на разных двух языках..., то покажет он тем большую услугу.

4) К показанию знаменования каждого слова... и к примечаниям употреблять ему равным образом французский язык, а сверх того другой какой-нибудь известный язык, в коем он наилучше может изъясниться...

5) Такие письмена, каковы калмыцкие или китайские, которых в типографиях нет..., писать четко и чисто, и при том не делать отнюдь лишних прикрас...

6) В которых языках строки сверху вниз идут, в тех приписывать ему произношение и знаменование каждого слова по обеим сторонам подле строки...

7) Ежели ему не можно будет достать переводу всех сих речей, то прошу я доставить мне переводом часть оных или по крайней мере некоторые из них слова, а особливо имена числительные. По нужде можно обойтись без примечаний и без письмен...; однако я бы лучше желал, чтобы и сие мне доставлено было.

8) Напоследок, кроме примечаний, объявить ему... еще о нижеследующем:

а) о своем звании, о имени и прозвище, для того, чтобы мне объявлением в публику оного изъявить свою благодарность и показать читателям, что я получил оное все от надежного человека; б) о имени, о состоянии или звании и о родине настоящего переводчика; в) где подлинно говорят ныне тем наречием, на котором переведены будут сих речи; г) объявить о тех местах, в которых вообще говорят оным языком, хотя несколько от того наречия отменито; д) как оный народ называет сам себя и землю, в коей он живет; и как другие народы то и другое по-своему называют; е) приложить десяток другой имен мужской пол значащих и наиболее употребительных между оным народом; однако чтобы не было весьма обыкновенных христианских имен во святом крещении получаемых» (стр. 11 — 19).

Рассматриваемая рукопись № 5 по содержанию целиком совпадает с текстом приложенных к «Объявлению и прошению» Л.И. Бакмейстера «Речей для перевода».

Транскрипция мордовской части «Речей...» (нумерация мордовских слов и фраз дается по оригиналу, см. рис. 4а — г):

valt | kona't l'ija·kel'·laŋks put'l'i·vit' ||  
1) vä:jke | ka:vto | ko:lmo | n'i:l'e | vä:t'e | ko:to | s'i:s'em | ka:vkso |  
vä:jkse | kä:men' | kämvi:jke(j)e | kämkä:vtovo | kämko:lmono |  
kämni:l'eje | kämvä:t'eje | kämko:tovo | käms'i:s'emge | käm-  
ka:vksovo | kämvä:jkseje | koms' | koms' vä:jkeje | koms' ka:vtovo |  
kolon'kä:men' | nil'en'kä:men' | vät'k:ämen' | kodkä:men' |  
s'iz'kä:men' | s'iz'kä:men' vä:jke | s'iz'kä:men' ka:vto | kauk-  
son'kä:men' | väjksen'kä:men' | väjksen'kä:men' väjkse | s'a:do |  
ka:vto s'at | t'o:zom ||

- 2) paz a ku·lı || loma·n' er'i· avo·1' kuva·t' ||  
 3) ava·palc'i· es' ejka·kšonzo || sonzə· pot'enzə la·mo kir'd'i·t'  
 lo·vco || sonzə·mir'd'e·zə ve·čksazo ||  
 4) t'e ava·s' pāke·vel' || son sačč' ten'a·n' kolmo·c'e či·zə māke·v  
 c'o·ra | son oščo· se·r'id'i // t'äjt'e·r'za va·ksnanza ašči·oza·do i  
 a·var'd'i ||  
 5) ejka·kšozo a po·t'i ||  
 6) t'e t'äjt'e·r'n'es' oščo·a ja·ki || ije ka·vtojak kovt tonan'en' |  
 koda·son šačs'< ije kavto kov marto | s'nardo son šačs'> ||  
 7) n'e n'i·l'e c'orj·n'et'n'e vä's'e zdoro·vt | vä·jke či·i |  
 ombo·c'e ki·r'n'avt'l'i | kolmo·c'e mo·ri | n'il'e·c'e pä·id'i ||  
 8) t'e loma·n'c' a n'e·i || koz'a·jkazo a ma·r'i | mäs't' min'  
 kort'l'i·t'anok ||  
 9) ton't' al'a·t ke·ksn'i || tont' jala·ksot u·dī || t'in'k t'ät'a·nk a  
 u·dī || son jarcı·i s'imi·ala·mo ||  
 10) su·do ku·n'čka ča·maso ||  
 11) min'e·k ka·vto pil'ge·n'ek | e·r'va kä·cę vä·t'en'-vä·t'en' surt ||  
 12) čer't' kasj·t' pr'a la·ηkso ||  
 13) kel'i pājt' ku·rkso ||  
 14) vi·d'e ked' kärč ket'e· vije·v //  
 15) čer' kuva·ka i čovi·n'e || vär' jaks't'e·r'e || lova·žat kämt' |  
 bu·to käv ||  
 16) kalo·n' ul'i·t' s'äl'me·nzę | a pil'e·nzę ara·s't' ||  
 17) t'e na·rmon' l'i·vt'l'i stamba·ro son ojs'i· mo·da laŋks ||  
 sonzə·s'ovno·laŋkso tolga·t ra·užot | sudo·zo pšči | a pulo·zo  
 n'i·r'ki·n'e || sonzə·piza·sanzo a·šot alt ||  
 18) ču·vto la·ηkso pi·žet' lo·pat i ečk mo·rgot ||  
 19) tol pa·lı || min' n'e· jd'anok ka·čamo | pa·lmo i s'atk ||  
 20) väd' l'e·jse čud'i pek ||  
 21) kov tăšced'e·pokš | man'e·id'e < čipasto > vi·škin'e ||  
 22) is'a·k čokšn'este mol'c' piz'e·me || t'e či'ste valcke·n'e·i·n'  
 mon pur'gi·n'e joŋks ||  
 23) vän'ber't'ste čo·puda ul'n'i | a či'ste va·ldo ||

А на л и з. Перевод «Речей...» сделан на ё-диалекте эрзя-мордовского языка. Например: *вяйке* väjke «один», *кämьт* kämt' «крепкие», *пяиди* ráid'i «смеется» и др.

В мордовской части текста имеются следы правки. Так, в предложении № 21 слово *манъиде* вставлено другим почерком вместо первоначального зачеркнутого *чипасто* čipasto. Оба варианта перевода были предложены в качестве мордовского эквивалента русскому *солнце:меньше солнца* — *манъиде* < чипасто > *вишкинъ*. Эта правка может

свидетельствовать о том, что в эрзянском говоре переводчика в значении солнца употреблялось слово čipas, а редактор перевода был носителем другого говора, в котором отсутствовало это слово и вместо него употреблялось man'ej. То же самое следует сказать и о переводе слова *птица*: первоначально было *нармонь* narmon', которое затем исправлено на *нармо* narmo.

Важно выделить в рассматриваемой рукописи русские заимствования, которые широко употребляются и в современном эрзянском языке: *оцо* oščo «еще» (ср. oščo «noch» Видеман, стр. 140), *здравовъ* zdorovyt «здравые» (ср. здоров «сильный», «здравый», ЭРС 1949), *козайказо* koz' ajkazo «его жена» (ср. *козайка* «жена» РЭС 1949; kozika «Weib», «Gattin»; «Hausfrau» Видеман, стр. 128).

7. [Русско-мордовско-татарский словарик]. — ГАГО. Горький, ф. 2013, он. 602, д. 187, л. 48—53, 1785 г.

Данный список русско-мордовско-татарских слов находится в составе «предуведомления» к рукописному «Словарю языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих...» (см. № 13).

В рассматриваемой рукописи № 7 приведено 287 пронумерованных русских заглавных слов, к которым подобраны лексические эквиваленты из татарского и эрзя-мордовского языков. Материал этот предназначался для составителей «Справительных словарей всех языков и наречий» (СПб., 1787—1789, ч. 1 — 2) и, по-видимому, был отправлен с него отдельный список.

О графических и других особенностях мордовской части указанного списка слов см. в № 13.

8. *Священная история. Краткими вопросами и ответами сочиненная и переведенная на мордовской языке 1790 года марта 14 дня.— РО ГПБ, ф. Аделунга 35, 85 л. (рис. 5а — 5д).*

«Священная история» по объему является одним из наиболье крупных произведений мордовской переводной литературы XVIII в. Перевод русского текста этого произведения церковной литературы сделан слушателем Нижегородской семинарии Семеном Березовским и затем был прислан епископом Дамаскиным в Петербург.

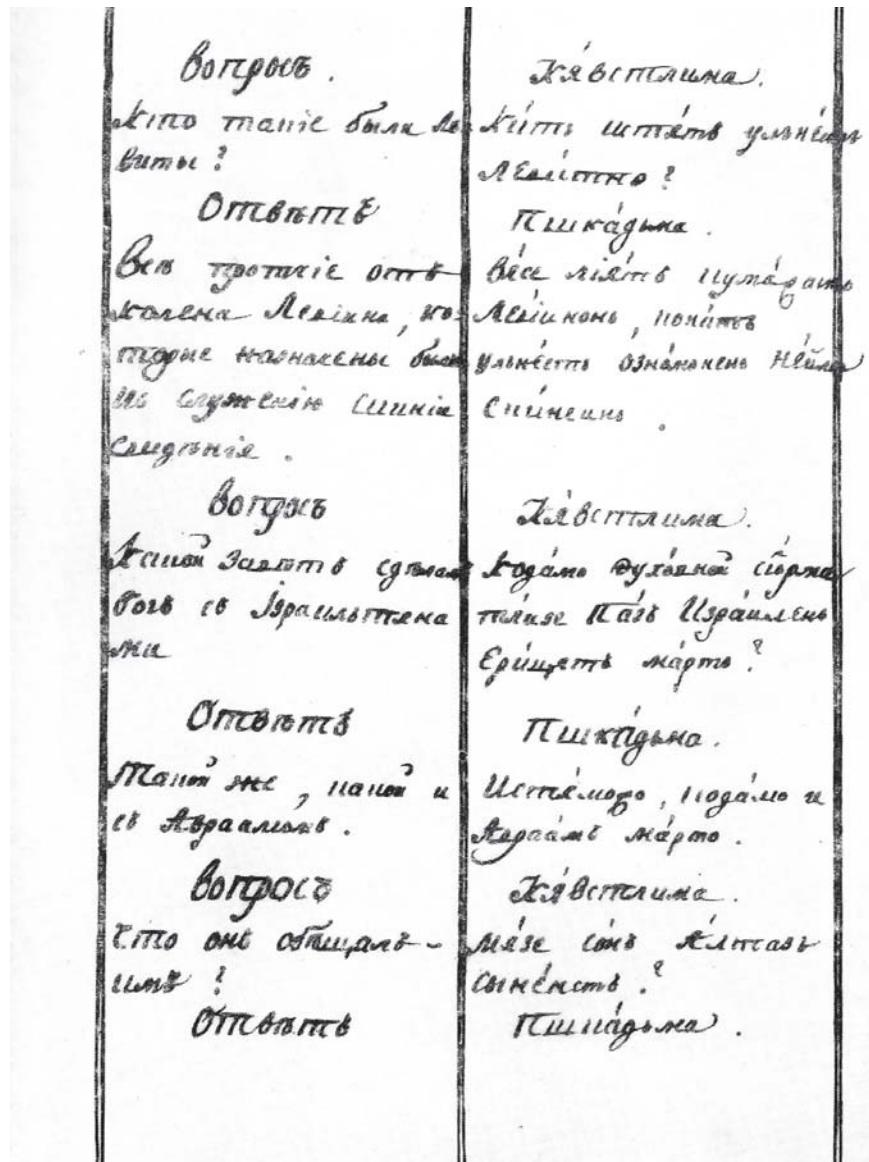


Рис. 5а

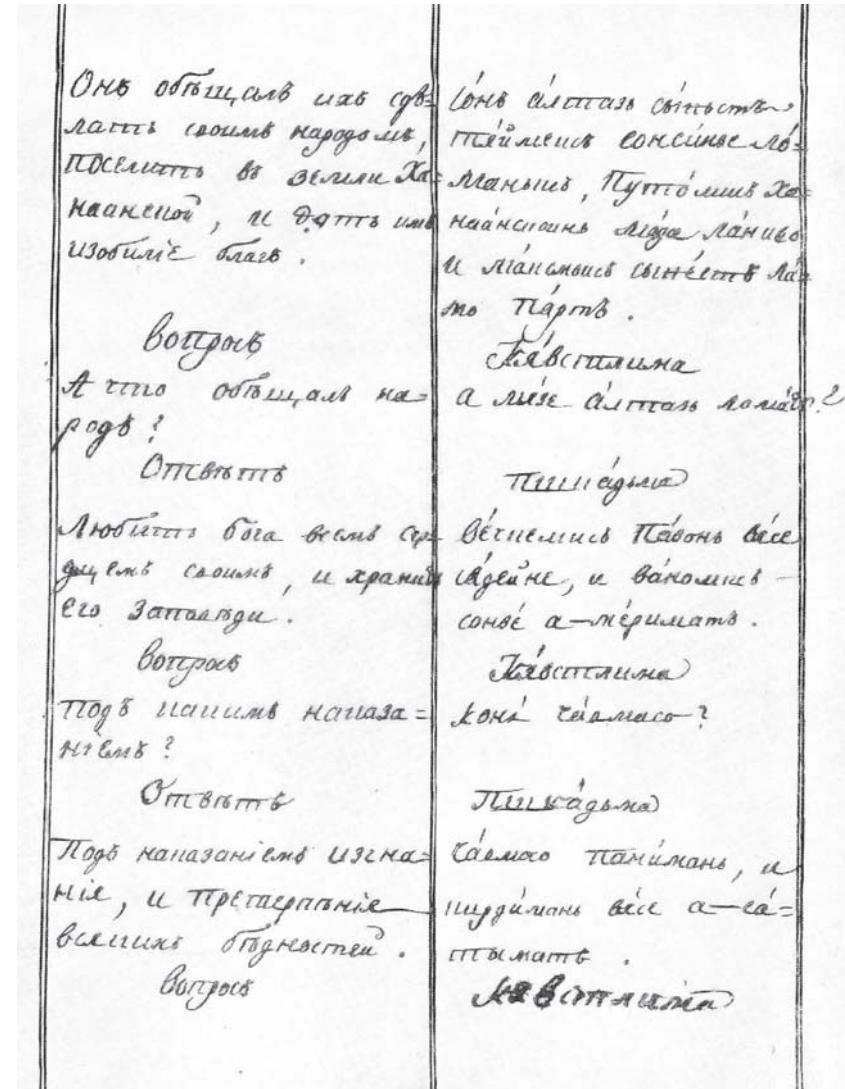


Рис. 5б

Вопрос	Клавдийка
Откуда посторого он в был сыном?	Конечно, Чудесного Сына быть не может!
Ответчик	Птичка
Откуда сынка? Гу- дина	Чудесного Сына
Вопрос	Клавдийка
Где был отец?	Кто сын Эрнест?
Ответчик	Птичка
Всё Европа ли жила на горе Сионе.	Европа Сионского Рая против Сионова.
Вопрос	Клавдийка
Куда она присла- зала приветить ки- мователя Кивотта Фун- дукового?	Мозговы соня мерца- тый Кивотто Фун- дукового?
Ответчик	Птичка
Поздравьте на горе Си- оне.	Поздравьте Папу Триста Сионова.
Вопрос	Клавдийка
Что общего был Ему?	Лягушка Синтакс Папы Сионов?
Ответчик	Птичка
Что Его погодили	Лягушка Сионова подари- ла ему?

Рис. 5в

Всегда народилась Клавдийка богомилью Чернобогом. Зона Чиркью Нар- бидулла.	Клавдийка
Вопрос	Клавдийка
Что Ему?	Лягушка Очи?
Ответчик	Птичка
Что это было родите- лем Сионского Гаристоя.	Лягушка Сионского Гаристоя. Имено- ванием Гаристой.
Вопрос	Клавдийка
Что значит оно слово Христос?	Сионское Гаристое.
Ответчик	Птичка
Значит телевизи- оню, или парашютом.	Значит телевизи- оню, или парашютом.
Глаза. 10	Бирюзовая Клавдийка в разговоре с Гаристою.
Что разговаривает с Гаристою.	Явши пакети Гаристою. Гаристою.
Вопрос	Клавдийка
Что было на словах Чиркью Лягушке Лягушке Чиркью Дядига?	Лягушке Дядига!

Рис. 5г

Сто они сдували	Лілзе сінъ тишило?
Отвѣтъ	Пшкадъма.
Они народу возвра- тили свободу.	Віть лома́тиленіи мор- давтии біль.
Вопросъ	Кавстліма.
Кто управляетъ тутъ? Кій тирищъ түдгінъ длемъ отъ сего времена? Сюзде жеиле?	
Отвѣтъ	Пшкадъма.
Сие маниаванъсие	Тіе маниаванъсие гасимо тіе.
Факиціе.	
Вопросъ	Кавстліма.
Кто испортилъ ихъ? Кій маниаванъсие синъвъ?	
Отвѣтъ	Пшкадъма.
Религіе.	Рімона Эріцяшъ.
Вопросъ	Кавстліма.
Кто былъ царь тутъ? У кій уланъсъ искъзъро ду- диссий во времена дѣясіи мои, шиалто ротидѣства Христова, щаси икенъке пазъ?	
Отвѣтъ	Пшкадъма.
Продѣ	Чротъ.

Рис. 5д

Рукопись завершается припиской, по-видимому, Дамаскина: «Переводил богословия и философии слушатель Семен Березовский» (л. 85). В начале текста рукописи имеется запись: «Получено января 16 дня 1791».

Рукопись написана в два столбца. В левом столбце идет русский текст, в столбике справа дан эрзя-мордовский перевод этого текста.

#### ОТРЫВКИ ИЗ РУССКО-МОРДОВСКОГО ТЕКСТА «СВЯЩЕННОЙ ИСТОРИИ»

Л. 33 — 34

По-русски:

Вопросъ. Не было ли другихъ народовъ, которые бы кланялись Идоламъ? Отвѣтъ. Многіе, они ихъ сами по своему произволѣнію выдумывали и дѣлали. Что представляли сіи идолы? Мужинъ, женшинъ и животныхъ, которых они богами и богинями называли. Как они ихъ почитали? Они имъ молились и приносили жертвы.

По-мордовски:

Кявстліма. Эзъ ѿльнекъ ли эсьтять лома́ть, кона́ть бу сю-  
кунѣсть идолнень? Пшкадъма. Ламотъ, синъ синъсъть арцѣкшнестъ синъцѣсть вящімасъ. Мязе ульнѣсть нѣ идолтъ? Ціоратъ, аватъ и оимѣвтъ, конатъ синъ пазнѣсе и па-  
завасо<sup>1</sup> лямѣтъ мернѣсть.

Кодѣ синъ нѣннен кава́нявстъ? Синъ ознѣсть синънѣсть и тўкшнотъ<sup>2</sup> ознѣматъ.

Л. 47 — 49.

По-русски:

Что сдѣлалось съ государствомъ Самарійскимъ? Оное совсѣмъ разорено, а десять коленъ по разнымъ странамъ

<sup>1</sup> В оригинале вместо пазавасо ошибочно стоит пазавосо. См. в этом же тексте аватъ.

<sup>2</sup> Если придерживаться русского текста (оны ... приносили), то в эрзянском слове тукшнотъ можно усмотреть пропуск буквы с между о и т: тукшиность tuksnos'т “приносили они”. См. в этом же предложении эрзянское означество oznos'т “молили они”. В противном случае это мордовское написание следовало бы транскрибировать и переводить следующим образом: tukšnot' ~ tuksnit'; “они приносят”, т. е. глагол дать в форме настояще-будущего, а не прошедшего времени, что имеет место в русской части рассматриваемого памятника.

разсъялись. Кто разорил Иерусалимъ? Навуходоносэръ, царь вавилонскій. Что онъ сдѣлалъ съ народомъ іудейским? Онъ взяль его въ пленъ. Въ какое состояніе пришло истинное благочестіе? Оное сохранили іudeи въ свое мѣсто племени. Какая религія была въ Вавилонѣ?

Идолопоклонство и суетвріе. Кто былъ Даніиль? Великой святости мужъ и пророкъ. Что сдѣлали три его товарищи? Они не восхотѣли поклоняться ідолу царя вавилонскаго. Что имъ царь за то сдѣлалъ? Онъ приказалъ ихъ вринуть въ пещь огненную.

#### П о - м о р д о в с к и :

Мáзе тýевсь инýзоро эрýмонъ<sup>1</sup> ма́рто Самарíскоинъ? Сонь вýсе колъсъ, а кáменъ кумáжать лíять тárkava стрáв-лестъ<sup>2</sup>. Кíй колызé Иерусалíмонъ? Навуходоносоръ инýзоро вавилóнскоинъ. Мáзе тайсь сонь лома́ть ма́рто Іудéйскоинъ? Сонь сáизе сонзé саймáксъ<sup>3</sup>. Кодáмо ашý-масъ сасъ пárо қавáнима пázненъ? Тень вáность іудéйтъ сынýцестъ шачмóсто. Кодáмо кой ульнёсь Вавилóнствъ<sup>4</sup>? Идолненъ қавáнима и чáво кой. Кíй ульнёсь данíиль? Покшъ ванькстóманъ лома́нь<sup>5</sup> и ювтлýця. Мáзе тайсть кóл-мо сонзे ялгáть? Сынýсть мелéзенъ эсъ сакъ сюкúнямксь Идолненъ Инýзоронъ вавилóнскоинъ. Мáзе сынýсть инýзоро тень гисъ тýизе? Сонь меръцъ сынýсть кáямксь качтúмсъ тóлонъ.

<sup>1</sup> Слово *государство* на эрзя-мордовский язык переведено: *инýзоро эрýмо* in'-azoro ег'амо букв. «царское жительство». Это сочетание состоит из: *инýзоро* in'-azoro «царь», «государь», «царский» и *эрýмо* ег'амо «жизнь». Таким образом, *эрýмо* в приведенном словосочетании употреблено в значении русского словообразовательного суффикса *-ство*.

<sup>2</sup> Все это мордовское предложение дано через первоначально зачеркнутое «Сонь вясе колезъ, а кáменъ кумажать лíять таркатнева...». Последнее слово, вместо которого было приписано *стравлестъ*, стерто. По оставшимся нечетким линиям первоначальных букв угадывается словоформа от глагола *якамс* jakams «ходить»: *якесстъ* jaks'es't' «ходили они».

В русской части слово *колено* употреблено в значении «разветвление рода», а на эрзянский язык переведено значение «сustав». Ср. *раське* «разветвление рода», *поколение* в родословной (РЭС 1948. — С. 153).

<sup>3</sup> Слово *плен* переведено на мордовский: *сайма* sajma, что букв. означает: «взятие». В современном эрзя-мордовском: *плен* «плен» (РЭС 1948).

<sup>4</sup> Трудно предположить, что здесь имеется случай употребления элатаива вместо инессива. В написании *вавилонста* скорее всего следует видеть инессивную форму существительного *вавилонснэ* vavilonsnë «в Вавилоне», т. е. допустить, что *т* оказалось вместо *н* в результате случайной описки.

<sup>5</sup> В оригинале *ломанъ* ошибочно написано через *а*: *ламанъ*.

#### Л. 63 — 64.

#### П о - р у с с к и :

Как позвал он своих учениковъ? Онъ сказалъ имъ, чтобы за нимъ слѣдовали: а они тотчасъ все то исполнили. Что такое ученики? Люди, которые учителя слышаютъ и прилѣжать къ его ученію.

#### П о - м о р д о в с к и :

Кодá тárьдизе<sup>1</sup> соńь сонцéнза тонávtliциать? Соńь мérцъ сынýнсть, чтобы сонзá мяльга мόльнестъ<sup>2</sup> а сыńн курóксто вýсе тéнь тýасть. Мáзе эстямо тонávtliциать? Ломáть, конáть тонáвтыцянь сынýсть кўлцуныть, и тýить сон-сéнза тонáвтомонъ<sup>3</sup>.

Т р а н с к р и п ц и я. Рис. 5 а, б: Kä-vs't'l'ima || kit' is't'a·t ul'n'e·s't' l'evi·tnę? || pška·d'ma || vä·s'e 1'ija·t kuma·žasto l'eviinon' | konat ul'n'e·s't' ozno·mon'en' n'e·jma s'ki·n' ein' || kä-vs't'l'ima || koda·mo duxo·vnoj s'o·rma t'ä·iz'e paz izra·il'en' er'i·c'at ma·rto? || pška·d'ma || is't'a·možo koda·mo i avraa·m ma·rto || kävs't'l'ima || mä·z'e son a·ltaz' sin'e·nst? || pška·d'ma || son a·ltaz' sin'st t'äjmeks son's'inze lo·man'ks puto·mks xanaa·nskoin' mo·da la·nkso i ma·ksmoks sin'e·st la·mo part || kävs't'l'ima || a mä·z'e a·ltaz' loma·t? || pška·d'ma || ve·čkemks pa·zon' vä·s'e s'ä·d'ejn'e i va·nomks sonzé ame·r'imat || kävs't'l'ima || konacavmaso? || pška·d'ma || ča·vmoso pan'i·man' i kir'd'i·man' vä·s'e asa·timat || kävs't'l'ima ||

Л. 33 — 34: kä·vs't'l'ima || ez' u·l'n'ek l'i es't'at loma·t' | konat bu s'uku·n'as't' ido·lnen'? || pška·d'ma || la·mot | sin' sin'st ar'c'ekšn'es't' sin'c'e·st väsi·masto || mä·z'e ul'n'e·s't' n'eido·lt? || c'ora·t | ava·t i ojme·vt' | konat sin' pazne·se i paza· vaso 1'ämē·t' mer'n'e·s't' || koda·sin' n'e·n'n'en' kava·n'·avs't'? || sin' ozno·s't' sin'anst i tukšnos't' oznu·mat ||

<sup>1</sup> Словоформа *тárьдизе* t'är'd'iz'e «он его позвал» употреблена вместо *тárьдинзе* t'är'd'i n'z'e «он их позвал» в результате буквального перевода.

<sup>2</sup> Употребление глагола в форме I прошедшего времени изъявительного наклонения вместо формы сослагательного наклонения (*молевельть*) также является следствием пословного перевода.

<sup>3</sup> Несомненный интерес здесь вызывают следующие термины, явившиеся для рассматриваемого периода мордовской письменности неологизмами: *тонавтица tonavtlic'a'* «ученик», *учащийся* (ср. в совр. эрзя-мордовском: *тонавтыця* и *учитель id.*), *тонавтомо tonavtomo* «обучение» (ср. в совр. эрзя-мордовском: *тонавтома id.*).

Рис. 5 в, г: kävs't'1'i·ma || kon·sto kuma·žan' son ul'n'e·s'? || pška·d'ma || kuma·žasto iu·d'inon' || kävs't'1'i·ma || ko·so son er'a·s'? || pška·d'ma || ijerusal'i·msto pando·pr'a·sto s'io·non' || kävs't'l'i·ma || ko·zon' son mer'c' kando·mks kiovo·t duxo·vnoj s'o·rman'? || pška·d'ma || tozo·n' žo pa·ndo pr'as s'io·non' || kävs't'1'i·ma || mä·z'e alta·z' paz son'a·nže? || pška·d'ma || mä·z'e sonzé käz'er' loma·t' ja·la loma·t' pa·zon' kir'd'e·me karmi·t' || kävs't'1'i·ma || mä·z'e oščo? || pška·d'ma || mä·z'e so·nže kuma·žasto šači·vanj·c'a in'e·ške paz || kävs't'1'i·ma || pška·d'ma || kir'd'i·ma käme·c'e javši·man'en' samar'i·jskoin' || kävs't'1'i·ma || ki·je ul'n'e·s' 1'i·ja·tks davi·don'? ||

Л. 47 — 49: mä·z'e t'ä·jevs' in'-a·zoro er'a·mon' ma·rto sa·mar'i·jskoin'? || son vä·s'e kol's' | a kä·men' kuma·žat 1'i·ja·t ta·rka [t'n'elva stra·vl'es't' || kij kolj·z'e ijerusali·mon' ? || navuxo-dono·sor in'-a·zoro vavilo·nskoin' || mä·z'e t'äjs' son loma·t' ma·rto iud'e·jskoin'? || son sa·iz'e sonzé: sa·jmaks || kodamo asči·mas sas' pa·ro kava·n'ima pa·znen' ? || t'en' va·nos't' iud'e·jt' sijn'c'e·st šačmosto || koda·mo koj ul'n'e·s' vavilonsnē? || i·dolnen' kava·n'ima i ča·vo koj || kij ul'n'e·s' dan' i (j)il? || pokš van'ksto·man loma·n' i jovt'l'ic'a || mä·z'e t'äjs't' ko·lmo sonzé jalga·t? || sijn'st mel'e·z'en' es' (~ez'?) sak s'uku·n'amks i·dolnen' in'a·zoron' vavilo·nskoin' // mä·z'e sijn'a·nst in'-a·zoro t'en' gis t'ä·iz'e? // son mer'c' sijn'st ka·jamks kačtu·ms to·lon' //

Рис. 5д: mä·z'e sijn' t'äjs't? // pška·d'ma // sin' loma·t'n'en'en' mu·rdavtiz' o·l'an'// kävs't'1'i·ma // kij kir'c' iud'e·it so·nže mä·il'e? // pška·d'ma // t'e makkave·jskoin' ča·čmo pel' // kävs't'1'i·ma // kij mašt'1'i·z'e sijn'st? // pška·d'ma // r'i·mon' er'i·c'at // kävs't'1'i·ma // kij ul'n'e·s' in'-a·zoro iud'e·jskoj / kon·sha·sto šačs' in'e·ške paz? // pška·d'ma// irod //.

Л. 63 — 64: Koda · t'ä·r'd'iz'e son son'c'e·nže tona·vt'l'ic'at? // son mer'c' sijn'a·nst / čtobu·sonzé mä'l'ga mo·l'n'es't' / a sijn' kuro·ksto vä·s'e t'en't'äjs't' // mä·z'e i·s't'amo tona·vt'l'ic'at? // loma·t' / kon·ta ton·a·vtic'an' sijn'st ku·lcunit' it'ä·it' son's'e·nže tona·vtomon' //.

О б р а т н ы й б у к в а л ь н ы й п е р е в о д , л. 30 — 31:

Вопрос. Кто такие были левиты? Ответ. Все другие от коленки (! — А.Ф.) Левинина, которые были для службы (ради того, чтобы) увидеть скинию. Вопрос. Какое духовное письмо сделал бог с жителями Израиля? Ответ. Такое же, какое и с Авраамом. Вопрос. Что он обещал им? Ответ. Он обещал их

сделать своими людьми, посадить на ханаанской земле и дать им много добра. Вопрос. А что обещали люди? Ответ. Любить бога всем сердцем и хранить его запреты. Вопрос. Каким наказанием. Ответ. Наказанием изгнания и терпения всех нужд. Вопрос.

Л. 33—34:

Вопрос. Не было ли таких людей, которые бы кланялись идолам? Ответ. Многие, они их выдумывали из своего прошения. Что (т. е. кем, чем. — А.Ф.) были эти идолы? Мужчины, женщины и дыхание имеющие, которым они имена богов и богинь нарекали. Как они их (букв. этих) потчевали? Они молились им и приносили жертвы.

Л. 37—38:

Вопрос. Из какой коленки (вместо: колена, рода. — А.Ф.) он был? Ответ. Из коленки (т. е. колена. — А.Ф.) иудиной. Вопрос. Где он жил? Ответ. Из Иерусалима с горы Сион. Вопрос. Куда он велел принести кивот духовного писания? Ответ. Туда же, на гору Сион. Вопрос. Что обещал бог ему? Ответ. Что его древние люди всегда людей божьих держать станут. Вопрос. Что еще? Ответ. Что из его коленки (вместо: колена. — А.Ф.) родится наблюдающий (хранящий) бог. Вопрос.

Глава десятая. О распределении Самарии. Вопрос. Кто был остаток (здесь: наследник. — А.Ф.) Давида?

Л. 47—49:

Что сделалось с государством самарийским? Оно всё испортилось, а десять коленей (! — А.Ф.) по другим местам рассеялись. Кто разорил (букв. испортил) Иерусалим? Навуходоносор царь вавилонский. Что сделал он с людьми иудейскими? Он взял его (т. е. народ иудейский. — А.Ф.) в плен. В какое состояние пришло добре богопочитание? Это сохранили иудеи из своего племени. Какой обычай (т. е. религия. — А.Ф.) был в Вавилоне? Услужение идолам и пустой обычай. Кто был Даниил? Большой святости человек и рассказчик (здесь: пророк. — А.Ф.). Что сделали три его товарища? У них не пришло желание поклоняться идолу царя вавилонского. Что им царь за это сделал? Он приказал их бросить в печь огненную.

Л. 52:

Что они сделали? Ответ. Они людям возвратили свободу. Вопрос. Кто держал иудеев после него? Ответ. Эта маккавейская

фамилия. Вопрос. Кто уничтожил их? Ответ. Римские жители. Вопрос. Кто был царь иудейский, когда родился бог? Ответ. Ирод.

Л. 63 — 64:

Как позвал (букв. *позвал-его*, вместо *позвал-их*) он своих учеников (букв. *ученики*)? Он сказал им, чтобы за ним шли, а они быстро все это сделали. Что такое ученики? Люди, которые своего учителя слушают и делают его учение.

А на лиз. Перевод русского текста осуществлен на эрзянский диалект, характеризующийся наличием гласной фонемы ä. Например: *вярь vär'* «кровь», *мязе mäz'e* «что», *пячкима päčkima* «обрезание», *иля тяй il'a t'äj* «не сделай» и др.

В мордовской части памятника бросается в глаза обилие неологизмов, кáлек и полука́лек, слuchaev коннотации и расширения семантического состава исконных и заимствованных слов и т. п. Приведем список некоторых таких примечательных новообразований, часть которых продолжает употребляться в современных эрзянских говорах и литературном языке: *амérima a-me-r'ima* «заповедь», *ал-táзъ ajta·z'* «обетованный», *ваньксъ van' ks* «святой», *вясе ломать vä'se lomat'* «мир», *вясе мастурко väs' e masturco* «на свете», *духовной ciörmä duxovnoj s'orma* «завет», *идолнень сюкунямо idolnen' s'ukun'amo* «идолопоклонство», *икелемерезъ ikel'e mer'ez'* «первозванный», *икеле молица ikel'e mol'ic'a* «предтеча», *икельть тявть ikel't' t'ävt'* «будущее», *йöвтамо jovtamo* «проповедь», *йöвтлима jovt'l'ima* «проповедь», *йöвтица jovt'l'ic'a* «пророк», *каванявштомо kavan'avtomo* «празднование», *повиновение*, *почитание*, *кирдима kir'd'ima* «глава (в книге, рукописи)», *кой кој* «вера», *религия*, *закон*, *коенъ коламо kojen' kolamo* «раскол», *коштанъ koštan* «лицемер», *кучица kučic'a* «апостол», *ласть last* «скрижали», *лія келевть l'i ja kel'evt'*, *ліякелиця t l'i ja kel'ic'at* «язычники», *ловныца lovnic'a* «книжник», *лямдица lämd'ic'a* «креститель», *максыциа makṣic'a* «предатель», *минекъ инязоронъ эрямо min'ek in'-azoron' er'amo* «Россия», *нишке кој n'iške koј* «христианство», *ознomo валь oznomo val* «молитва», *ознomo ланксъ туимексъ oznomo lanks tujmeks* «в жертву принести», *озномонъ тарка oznomon' tarka* «жертвеник», *ойменъванициа ojmen' vanic'a* «спаситель», *пазонъ уре pason' ur'e* «ангел», *паро коинъ ломанъ paro koin' loman'* «христианин», *паро кулянь paro kul'a(n')* «евангелие», *покиъ тявъ*

рокš t'äv «чудо», *прявицяять pr'ävic'at* «мудрецы», *пици прявъ pšči pr'äv* «премудрость», *тонавтица tonavt'l'ic'a* «ученик», *тонавтомо tonavtomo* «учение», *тонавтыца tonavtic'a* «учитель», *чаво тарка čavo tarka* «пустыня», *чинъ стямо čin' s't'amo* «восток», *чопача čorača* «бес», *кумиръ*, *демонъ*, *дьяволъ*, *шачмо šačmo* «племя», *шачмо пель šačmo pel'* «фамилия», *инязоронъ эрямо in'-azoron' er'amo* «царство», *престолъ*, *сежо самай s'e* *жо samaj* «то же самое», *колиякъ kol'ijak* «некогда», *самай покиъ доля samaj pokš dol'a* «большая часть», *севате s'evat'e* «сие», *тенесъ жо t'en'es* *жо* «к тому же», *а лія мязе а l'i ja mäz'e* «не иное что», *сыреть атятъ sir'e-t' at'at'*, *таштъ тяятнне tašt t'ät'at'n'e* «праотцы» и т. п.

9. Символъ вѣры. Переведенъ на мордовской языкъ. Кирдима кымиманъ, путозъ эрзя кёль ланксъ. — РО ГПБ, ф. Аделунга 35, 205 — 207 л.

Рукопись на русском и эрзя-мордовском языках. В конце текста имеется запись следующего содержания: «Переводил богословия и философии слушатель Григорий Симилейский». Приписка в начале рукописи гласит: «Получ [ено] генваря 16 дня 1791 года».

Это рукописное сочинение было прислано епископом Дамаскиным из Нижегородской семинарии в Петербург, по-видимому, Л.И. Бакмайстеру.

Материал в рукописи распределен в два столбца. В левом столбике дан русский текст, в правом — его эрзя-мордовский перевод.

## ОТРЫВОК ИЗ РУКОПИСИ

Исповедую единокрещение во оставление грехов.

Выйке кирдянь лямдима, кадумксь апáро тáвть. Учанъ стямодо кулущтненъ, и эръмодо ѹкиль пйнъгенъ.

Транскрипция: Vä:jke kir'd'a:n l'ä:md'ima kadu:mks a:ra:to t'ävt' u:čan s't'a:modo kuluc'a:t'n'en' i er'a:modo i:kil'e pi:n'gen' ||

Обратный буквенный перевод: Одно держу крещение, [чтобы] оставить нехорошие дела. Жду вставания умерших и жизни на будущее.

Анализ. Перевод «Символа веры» осуществлен на ё-диалект эрзя-мордовского языка. Об особенностях этого диалекта см. в № 2.

10. [Символ веры]. На мордовскомъ перевоðъ. — РО ГПБ, ф. Аделунга 35, 207 — 208 л. (рис. 6а, б).

В данной рукописи представлен русский текст «Символа веры» и его перевод на эрзя-мордовский язык. Рукопись подписана:

«Перевел риторики ученик Григорий Нововеров». В начале рукописи имеется приписка: «Получен генваря 16 дня 1791». Это произведение также было прислано епископом Дамаскиным из Нижегородской семинарии в Петербург, по-видимому, Л.И. Бакмейстеру.

Транскрипция эрзя-мордовского текста: Kä·man vä:jkin'in' pa:znen' t'ät'a:n'in' vä:s'e ki:r'd'ic'an'in' t'ä:(j)ic'an'in' män'i:l'en' i mo·dan' vä:s'imin' | ko·nat n'ea·vit' i a n'ea·vit' || vä:jkin'in' n'i:ške pa:znen' c'ora·n'in' pa:zen' vä:jke ča:čmon'in' | ki(j)i t'ät'a:sto ča:čmon' iki:l'e vä:s'emini' pin'g | a·šen' a:šesto | vi:d'epa:zon' | pa:zosto vi:d'en'ča:čtoz' | apa:k t'äjt' | kon'd:a:monzo t'ät'a:n' son že t'ä:(j)iz'a min'i:k gi:sin'ik (~nik) loma:n' i min'i:k o:jme va:nmon' gis valks' män'il'ste i sajiz'a kis'ke:o:jmesto va:n'ksen' i t'ä:jt'ersto (~tä:jt'er:ste) ma:r'ijan' i loma:n'gac' || ča:voz' kr'ost la:nkso min'ik gis so:nzé iki:l'e pi:ščevc' i ka:lmoz' || i s't:a:kšnos' ko:lmoč'e či:sto (čiste) s'ormadga || i kä:pit'ec' mä:n'il' lanks i ojs'ekšen'es' vi:d'e ked'jon t'ät'an' || ko:nata ta:go si slava marto sud'amo (j)är'ic'a:t'n'in'in' i kuluz'i:t'n'in'in' | sonzé že e:r'amon' a u:l'i pä || i vanks (~n) o:jmen'en' pa:zon' er'amo t'ä:(j)ic'as' | kona:ta t'ät a:sto ča:čs' konat'n'in'in' t'ät:a:ma:rto s'ukun'i:t' i sla:vit' mä:z'e i:kil'e jovt'n'ic'a:t korta:vs't' vä:jkin'in' va:n'ksnen' pro:mkson' ku:čic'a:n' c'er'kva:n' || kir'd:a:n vä:jke l' ä:md'ima vasulgavta:n pä:žet'sto (~ste) || uča:n s't:a:mon' kuluc'a:t'n'in' || i e:r'amon' ul'i pi:n'gen' || amin' ||

Обратный буквальный перевод: Вер(у)ю единому богу отцу вседержителю, создателю неба и земли всей, которые видны (видимы) и не видны (не видимы). Одному сыну бога единорожденному, который от отца рожден прежде всех времен: из света светлого, от бога божьего истинного рожденный, не сотворенный, наподобие отца своего, он же сотворил.

Получена Тикваря 16 янв 1791.

### На мордовскомъ перевоðъ.

Вторую во единого Бога  
отца всевсодержителя бо-  
ща небу и земли, види-  
мы же вслѣд и не  
видимы.

И во единого Бога  
јесуса Христа, сына  
Богомъ единородного,  
иже отъ отца рож-  
денного прежде всѣх  
богів: симъ отъ отца.  
То же испинна, отъ Бога  
истинна, рожденна, не  
соговоренна, свидетельна  
отцу, иль же вся быша.

Над рази градою, и  
нашего рода спасенія  
Спасшаго св. Медея, и какъ  
допившагося отъ духа и  
сама ишире ожесто  
отъти, и Маріи земли  
Богоматериной.

Родившаго же за насъ  
Спасителя иконо-ти-  
чию пониженную тихими  
и спиралью и парусами  
и палмами.

И воскресшаго отъ гроба и  
спасшаго иконо-ти-  
чию тихими  
и палмами.

Каменъ блійининъ гло-  
Энснъ глятчанинъ въсели-  
ртицянинъ глятчанинъ ма-  
ниленъ и Моданъ въсими  
Нонатъ недовестъ и синъ-  
вистъ.

Блійининъ Нішне пазнено  
Цюранинъ пазенъ вѣнѣ  
Гайтонинъ Нішнѣ пасто  
Гайтони и піле въсими  
Пинъ: ашени ашесто,  
вига гайтонъ, пазосто ви-  
шни, Гайтони отъи пасто  
Понягъмонъ глятчанъ, синъ  
же глятчанъ.

Минінъ гісінинъ ломінъ,  
нашего рода спасенія  
Спасшаго св. Медея, и какъ  
допившагося отъ духа и  
сама ишире ожесто  
отъти, и Маріи земли  
Богоматериной.

Спасителя иконо-ти-  
чию пониженную тихими  
и спиралью и парусами  
и палмами.

И воскресшаго отъ гроба и  
спасшаго иконо-ти-  
чию тихими  
и палмами.

Рис. 6а

И възшевша и настине тѣни.  
сърца осеню отца лѣни, и огнене видѣ  
и възгорѣ глаголи.

И гласъ будущаго со слв. Константина  
всю Судьбы жесыть и Мария суща Ариаднин  
терпимъ, еже же Царствъ и Церкви чистыи, бол  
въто не бываетъ ионца. Зе же Древоны ауди гла.

И въ духа святаго воспода И всакиа бѣженцы Тѣ  
жесотворяющи, иже оставъ зему Древомъ-царю, Но  
отца исходящаго, иже со Настине тѣмъ гласъ  
отцемъ и сыномъ стояла Константина гнетъ морти  
и хана и славыта глаголасъ-Сиуниты иславиши тѣхъ  
шаго пророки. во смиру съзывише гвоздицаго Пор  
тного Соборнаго и Апостола-глагольства Иорданска  
бѣзъ и фразисовъ.

Изгнаны ванькенене срѣмъ  
иесиа чищадъ Древицамъ.

Бѣстогучио смиру браченню Кироджинъ вѣйе лѣжидъ  
по оставлениѣ земли, ма ванькенене гдѣжетъ  
сѧ.

Сѧ Богочесеніе мѣртвника уланъ състѣжено Чуци-жасъ  
Нимъ.

И Альни будущаго вѣка И Древоны уланъ пыдеги.  
Алкинъ.

Переводъ риторики членъ Григорій Новосуровъ.

Рис. 66

Ради насъ человекъ, и во имя спасения нашихъ душъ спустился съ неба и взялъ тело изъ души чистой и девы Марии и очеловѣчилъся. Прибитый на крестѣ ради насъ передъ нимъ мучился и погребенъ. И вставалъ въ третий день по писанию. И поднялся на небо, и садился по правую руку отца. Который опять придетъ со славою судить къ живымъ и мертвымъ, его же жизни не будетъ конца. И святаго духа господа жизнь творящему, который родился отъ отца, которымъ съ отцомъ кланяются и славятъ, что прежде пророки говорили, одной чистой соборной апостольской церкви. Держу одно крещеніе, отдаляю отъ греховъ. Жду вставания мертвыхъ. И жизни въ будущемъ. Аминь.

Аналіз. Въ переводе имеются описки.

Рис. 6а, 5 строка св.: *неавить* вм. *неявить* (см. здесь же рядомъ правильное: *анѣвить*).

Рис. 6а, 10 строка св.: *и кѣле* вместо правильного: *и кѣле* iki'l'e «прежде», «перед» (см. на этомъ же листѣ 4 строка сн.: *икѣле*).

Рис. 6а, 13 строка св.: *пять* ошибочно вм., *тяить*: *апакъ*, *тяить* аракъ т'ajt' «нестворенный».

Рис. 6б, 5 строка св.: *марко* ошибочно вм. *марто marto* «съ».

Рис. 6б, 8 строка св.: *ванксъ* вм. *ваньксъ?* См. въ рукописи дважды употреблено: *ванькенъ* (рис. 6а, 7 строка св.) van'ksen' «чистого», «святого» и *ванькененъ* (рис. 6б, 8 строка сн.) van'ksnen' «чистымъ», «святымъ» (дат. мн. ч. указ. скл.).

Переводъ «Символа веры» въ этой рукописи также осуществленъ на ё-диалектъ эрзя-мордовскаго языка. Но данный вариантъ перевода несколько отличается отъ предыдущего текста «Символа веры» (см. № 9).

11. Слова, взятые изъ разговоровъ для перевода на мордовской языкъ. Валть саизъ кортамста путумксь ярзя кель ланксь. — РО ГПБ, ф. Аделунга 35, 86 — 161 л., 2-я пол. XVIII в. (рис. 7а и 7б).

Рукопись представляетъ собой русско-эрзя-мордовский списокъ словъ или словарь, разбитый на 130 «уроковъ». Всего въ этомъ поурочномъ словаре около 2000 словарныхъ статей.

Въ конце рукописи имеется приписка: «Переводилъ съ российскаго на мордовскій языкъ богословія и философіи слушатель Григорій Симилейский». Какъ и «Священная история» (см. № 8), данная рукопись, по-видимому, также была прислана епископомъ Дамаскинымъ изъ Нижегородской семинарии въ Петербургъ не позднее 1791 г.

раз	разъ
спряталась	влянилась
быть	у жёсткій
радуга стала	радужнинамъ
предсказати	предсказывати
предсказывати	предсказывать
предсказывати	предсказывать
учитывать	учитывать
быть болѣю	быть болѣющимъ
имѣть насморкъ	имѣть насморкъ
сональство	сональство
издѣлиться	издѣлиться.
<u>УРОКЪ 5.</u>	<u>Манжозъ тѣлъ 8.</u>
птица.	птицѣ.
догъ.	собакѣ
оловица.	платинѣръ
недѣла.	недѣль
вспрѣтъ, думать,	внимаетъ, думаетъ.
думать, внимательствовать.	думаю думаетъ.
составлять брачный	составлять
жнать	содомъ
снаждать	довѣришься
говорить	портмонѣвъ.
<u>УРОКЪ 6.</u>	<u>Манжозъ тѣлъ 9.</u>
быть столпомъ	же сидѣть
сердце	серд
ромбъ	ромбъ
яблоко	тѣлъ.

Рис. 7а

распахиваться.	распахаешься.
уволить.	уволи.
пересыпать, опрокинуть.	пересыпать, перекинуть
уполномочь, уплатить.	уполномочь, уплатить
<u>УРОКЪ 26.</u>	<u>Манжозъ тѣлъ 9.</u>
животъ.	живъ.
вода	вода
коно	коно
объясна.	объясня.
матка.	матка
уборка злоба.	уборка злобы
матеръ.	матерь
поле.	поле
снотъ.	снотъ
потеть.	потеть
носить	носить
подбить.	подбить
убирать изъ митницу.	убирать изъ митницу
<u>УРОКЪ 27.</u>	<u>Манжозъ тѣлъ 9.</u>
осеня.	осеня.

Рис. 7б

Данный памятник мордовской письменности, составленный в Нижегородской семинарии для учебных целей, приобретает особенное значение, так как в нем широко представлена бытовая лексика эрзя-мордовского языка второй половины XVIII в. Кроме того, словарь включает также неологизмы, появившиеся в письменном эрзя-мордовском языке рассматриваемого периода, и относительно большое количество русских заимствований, которые представлены и в современном эрзянском литературном языке.

Список отдельных слов из рукописи (русские переводы даются по оригиналу, в необходимых случаях в скобках приводятся и буквальные переводы):

*Máksoszъ tjavъ ma·ksoz' t'äv* «урок» («даваемое дело»), *инязоронъ кардазъ in'-azoron'* kardaz «дворец» («царский двор»), *ïörazъ ульнемсъ ojraz' ul'n'ems* «быть готову», *náro kudb' kirdé pa·ro kudo·kir'd'e* · «дворянин», *куймъ куйте* «коробка», *nurdo* «повоzка», *ченьксъ čep'ks* «вино», *кинъдрягтумсъ kin'd'r'avtums* «перескочить», *вадижá vad'iza* · «равнина», *сыргавсъ sîrgavs'* «котел», *нолá nola* · «сок», *олгó вядъ olgo* · *väd'* «пиво» («соломенная вода») *чавачамо čavačamo* «зеркало», *вазынь пяйльтъ vaz'în'päi'l't'* (~vasin' p.?) «ножницы»; *нявýлямсъ n'âvi'l'ams* «линевать», *тонáвтица tonávt'i·c'a* «учитель», *тонáвти авá tonávt'i·ava* «учительница», *нармó narmo* «птица», *тонáдышъ toná-dj̄c'a* «ученик», *толгóнь вýтнима пяйль tolgo·n' vi·t'n'ima päi'l'* «перочинный ножик», *ïöratvumсъ joravtums* «изготовить», *чи сí число*, *ковóнь валъ kovon' val* «месяцеслов», *ашб мацíй ашо mac'i·j* «лебедь» («белый гусь»), *пулстъ pulst* «сноп», *сивель s'ive·l'* «мясо», *мукуртъ muku·r't'* «кресла», *нили́це пель иéнь nil'i·c'e pel' ije·n'* «четверть года», *цикъ улимсъ c'ak ul'ims* «быть в пору», *порчнáнь стýциа porčn'n' stj·c'a* «башмачник», *раштума raštuma* «родство», *вармá меvть varma·mev't'* «парус», *инé вядъ in'e·väd'* «море», *мазыльма maz'i·l'ma* (?-l-) «украшение» и т. п.

Список русских заимствований:

*цérкova, церкóva c'e·r'kova, c'erko·va* «церковь», *веселáсто яkáma ves'ela·sto jaka·ma* «прогулка» (*веселасто* < рус. весело), *смѣамсъ s'meja·ms* «сметь», *разъ raz* «раз», *радувамсъ radu·vams* «обрадовать», *радувúшинамсъ raduvu·kšnams* «радоваться», *нядлý n'äd'l'a* «неделя», *циксъ c'as* «час», *цистъ c'ast* «часы», *отвѣтъмо ot've·t'amo* «ответ», *отвѣтъмсъ ot'vet'a·ms* «отвечать», *книгá kn'iga* · «книга», *горнецъ gor'n'e·c'a* · «горница», *божамсъ boža·ms* «клясться» (< рус. божиться), *шуткатъ*

*таяннémсъ šutkat t'äjn'e·ms* «шутить» («шутки делать»; *шуткатъ* < рус. шутка), *олý ol'a* «вольность» (< рус. воля), *долксъ макснýмсъ dolks maks'n'i·ms* «одолжать», *обязывать* (< в долг давать), *ули́ца ul'i·c'a* «улица», *шага šaga* «шаг», *обу́циа, обу́циа obu·c'a, obi·c'a* «обряд», *обычай*, *обыкновение* (< рус. обычай), *цѣстъ стенáнь c'ast s't'enan'* «стенные часы», *пуль pul'* «пыль», *росá rosa* · «роса», *кругъ krug* «круг», *рóзна pan'e·ms* «разгонять» (*розна* < рус. розно), *виноградъ vinograd* «виноград», *виноградынь чўто vinogra·din' ču·vto* «виноградник», *сливá s'l'iva* · «слива», *гру́ша gruša* «груша», *ракá raka* · «рак», *пецкá реска* (?-c-) «печь» (ср. совр. эрз. *пецька* «печь»), *тулупъ tulu·p*, «тулуп», *чубá čuba* · «шуба», *чапкá čapka* · «шапка», *поленá pol'ena* · «полено», *пяньгé поленá pän'ge·pol'ena* · «полено дров», *иней in'ej* «иней» (ср. совр. эрз. лекше l'ekše «иней» РЭС 1948, стр. 137), *лугá luga* · «луг», *корéта kor'e·ta* (?kar'e·ta) «карета», *топкá-таркá topka·tarka* · «тина» (< топкое место», топка < рус. *топко, топкий*), *серóй кснавъ s'ero·j ksnav* «серый горох», *песокъ peso·k* «песок», *коло́съ kolo·s* «колос» (ср. совр. эрз. *пра* «колос», *розва пра* «ржаной колос» ГЭС 1948, стр. 154), *крутáста улнémсъ kruta·sta ul'n'e·ms* «быть крутым» (< рус. *круто*), *беріóкъ ber'o·k* «берег», *беріóкъ лисýмсъ ber'o·ks l'is'i·ms* «выйти на берег», *садбýн кирдýця sado·n' kir'd'i·c'a* «садовник», *лимбóнонъ чувтó l'imo·non'* *чұнто* · «лимонное дерево», *колцá kol'c'a* · «кольцо», *ящикъ jašči·k* «ящичек», *сахóръ saxó·t* «сахар», *рѣшётка r'eše·tka* «решетка» (ср. совр. эрз. *решётка*), *бобкá bobka* (~bopka) «боб», *тиркá t'orka* · «терка», *завтýркамсъ zavtj·rkams* «завтракать», *ужинáма užina·ma* «ужин», *ужинамсъ uži·nams* «ужинать», *оббðама obe·dama* «обед», *оббðамсъ obedamсъ* *obeda·ms* «обедать», *дивамсъ d'iva·ms* «удивляться» (< рус. *дивиться*), *столъ stol'* «стол», *тарелка tor'e·lka* «тарелка», *вилкá vilka* · «вилка» (ср. совр. эрз. *вилка, сянгине* «вилка» РЭС 1948, стр. 39), *водкá vodka* (?-t-) «водка», *склянýця s'kl'an'i·c'a* «бутилка» (< рус. *скляница*), *склянýця ойксъ s'kl'an'i·c'a ojks* «склянка для масла», *уксóсъ ukso·s* «уксус», *уксосонъ кирдýця uksoson' kir'd'i·c'a* «уксусница», *рюмкá r'umka* · «рюмка», *стопкá stopka* · «стакан» (< рус. *стопка*), *блюдъ bl'ud'a* «блюдо», *хріóнъ xg'ón* «хрен», *барðнъ bara·n* «баран», *уїжка ic'a·ska* «счастье» (< рус. *участь*), *манякшинумсъ man'a·kšnumbs* «обманывать» (< рус. *манить*), *охотнекъ охотn'ek* «охотник», *шипцы* s'c'i·pc'at «шипцы» (< рус. *шипцы*), *свѣтъмсъ s'vet'a·ms* «светить», *туфлý tufl'a* «туфель», *колпакъ kolpa·k* «колпак», *штанáтъ štana·t* «штаны»,

цюлкá с'улка· «чулок», баши́макъ ба́шма·к «башмак», камзоль kamzol «камзол», перчатка перчатка· «перчатка», шляпá шл'ара· «шляпа», юпкá юрка· «юбка» (< рус. *йупка*), стрѣлка цюлкань s'tr'elka c'ulkan· «стрелка чулочная», колцъ kol's'a· «кольцо», черни́латъ чегн'i·lat «чернила», понедѣльникъ pon'ed'e·l'n'ek «понедельник», овтóрникъ овто·г'n'ek «вторник», середа s'er'e·da «среда», цветвérкъ c'et've·rk «четверг», пяця пác'a «пятница», субóта subo·ta «суббота», нядлý чý n'äd'l'a·c'i «воскресенье» (< недельный день>), охота oxota· «охота», смѣласто улнýмсъ s'me·lasto ul'n'i·ms «быть смелу», сахъянъ saxja·n «сафьян», вешкé коріонъ veške·kor'o·n «корешок», сургúци surgu·c'a «сургуч», тюрмá t'urma·(-r-) «тюрьма», пецитамсъ pec'a·tams «печатать», вяшемсъ отвѣтъмсъ vâshems ot've·tams «потребовать к ответу», осудъямсъ osu·d'ams «осудить», судъямсъ sud'ams «судить», стопá stopa· «стопа», стена s't'ena· «стена», проу́лка prou·lka «переулок», плоти́на plot'i·na «плотина», горнéца gor'n'e·c'a «горница», сукна sukna «сукно», кроjmo kroja·mo «выкроека», заiомъ máksoмсъ zajo·m ma·ksoms «снабдить» (< рус. *заём*), арчи́нъ arci·n «аршин», срокъ strok «срок», тяймкъ можнá t'äi·mks možna· «возможное» (< сделать можно>), подкладка podkla·dka (~ potkla·tka) «подкладка», рабу́тамсъ rabu·tams «стараться» (< рус. *работать*), боя́ръ авá боja·r·ava· «госпожа», барыня (< рус. *бояр*), бояръ боja·t «барин», скрипка skr'ipka· «скрипка», рузъинъ ruzi·n' «русский», рузъ гуз «русь», порядка por'a·dka (~ -t-) «порядок», бѣднóй bedno·j «бедный», беднякъ, цюдá c'uda· «чудовище» (< рус. *чудо*), кумъ кум «кум», кріоснóй тýмя kr'osno·j t'a·t'a «крестный отец», кріоснóй авá kr'osno·j ava «крестная мать», кума кима «кума», няня n'ä·n'a «няня», попъ рор «священник», «поп», иерей ange·l' (-n') «ангел», яйдéнь помоций äjd'e·n' ромос'т «детские помочи», помоцтеме рото·с'т'ете «без помощи», лавицé lavc'e· «колоныль» (< рус. *лавица*), бабáй baba·jl «бабка», бабушка, тяятай t'ät'aj! «отец» (< рус. *тятя*), козяйка koz'a·jka «жена» (< рус. *хозяйка*), подкðва podko·va (~ -t-) «подкова», кузнéцъ kuz'n'e·c' «кузнец», подпруга podprug'a (-t-?) «подпруга», подкðвамсъ podko·vams (-t-?) «подковать», бродъ brod «брод», молéмсъ бродгá mol'e·ms brodga · «переехать бродом», пýчкеме плотъ pä·čkeme plot «плот», паромъ, винá vina · «вино», сцёлокъ sco·lok «щелок», мешамкъ meša·mks «помешать», потревожить, якорь jakor' «якорь», карта karta «карта», олень ol'e·n' «олень», борзой кобель borzoj kobel' «борзый кобель», борзой сука borzoj suka «борзая сука», нéводъ n'e·vod

«невод», саднóй sa·dne «садок», жалýмсъ žal'a·ms «скучать» (< рус. *жалеть*), теснýмсъ t'es'n'a·ms «теснить», разбрýмсъ razo·t'ams «разорить», ранá rana · «рана», отверстие, совѣтъ máksomсъ sove·t ma·ksoms «присоветовать» (< совет дать>), дивáмо d'iva·mo «удивление», пеñýцямсъ pen'a·c'ams «жаловаться» (< рус. *пенять*) и др.

Диалектная основа и графические особенности эрзянской части рассматриваемой рукописи в общем совпадают с диалектной основой и орфографией других эрзя-мордовских памятников (см. №№ 2, 13).

**12. Словарь языка мордовского. — РО ГПБ, ф. 885. Эрмитажное собрание 220, 65 л., 2-я пол. XVIII в.**

Рукопись этого словаря составлена четким полууставом в два столбца на каждой странице: русские слова расположены слева, а справа к ним даны эрзя-мордовские переводы. Листы рукописи с золотым обрезом. Бумага серая, плотная. Текст с двух сторон ограничен полями. Переплет рукописи картонный, в красной коже с золотым тиснением на корешке. Формат обычной тетради. Автор словаря не указан. В рукописи дано свыше 2500 русско-эрзянских слов.

Во второй половине XIX в. рассматриваемый «Словарь языка мордовского» вместе с другими словарями такого же типа и объема был передан из Эрмитажной библиотеки в Рукописный отдел Гос. публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. В фонде № 885 Эрмитажного собрания РО ГПБ, кроме «Словаря языка мордовского», в настоящее время хранятся следующие словари:

Под № 197/1 — Краткий черемисский словарь с российским переводом, собранный Кукарской слободы Троицкого собора протоиереем Василием Крекнином и Спасской церкви диаконом Иоанном Платуновым. 1785 года, л. 315.

Этот словарь составлен скорописью на плотной белой бумаге, листки с красным обрезом. Слова расположены в два столбца. Переплет картонный, корешок кожаный. На л. 272—315 приведен «Алфавитный указатель русских слов по страницам». Словарь снабжен предисловием следующего содержания: «Краткий черемисского языка словарь при сем почтенной публике предлагается. Что ж до грамматических правил касается, то оные оставлены потому, что существуют под названием «Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского

языка. Печатаны в Санкт-Петербурге при императорской Академии наук 1775 года». И во всем, что до склонений имен и глаголов спряжений на лежит, сходственны. В рассуждении же наименования вещей хотя и есть некоторое разноречие, ибо в сем словаре многие найдутся речения в началах своих с положенными в той грамматике не сходны. Но сие потому, что черемисы по разности мест разное имеют наречие, а при том что и произношение их такое, которому прямо из большого с ними обращения приучаться надобно».

Далее идет текст словаря объемом до 5000 слов. Словарь снабжен «Реестром российских речений, из черемисского словаря выбранным и по алфавиту расположенным с означением страниц». В этом реестре после каждого русского слова приводится № страницы, на которой данное слово встречается.

Под № 216 — Словарь языка черемисского, л. 73, конец XVIII в.

Словарь этот составлен полууставом на плотной серой бумаге. Текст написан в виде двух параллельных столбцов: мариjsкие слова и их русский перевод. Текст с двух сторон ограничен полями, листы с золотым обрезом. Переплет-картон в коже с золотым тиснением на корешке. Объем словаря не превышает 3000 слов.

Под № 219 — Словарь языка вотского, л. 78, 2-я пол. XVIII в.

Полуустав. Текст расположен двумя столбцами: слева русские, справа — удмуртские слова. По краям листов очерчены поля. Бумага серая, плотная. Переплет кожаный.

Под № 222 — Словарь языка чувашского, л. 68, конец XVIII в.

Текст словаря написан полууставом двумя столбцами: русские слова — слева, чувашские — справа. Бумага плотная, серая. Переплет — картон в коже. В тексте словаря многие чувашские слова повторно написаны карандашом средствами арабской графики. По-видимому, эти карандашные записи представляют собой позднейшие интерполяции.

Под № 221 — Словарь языка калмыцкого, л. 103, конец XVIII в.

В этой единице хранения представлен русско-калмыцкий словарь. Русский текст написан полууставом, а калмыцкие переводы в первом столбце написаны средствами русской графики, во втором эти же слова переданы графическими средствами старомонгольской письменности. Текст ограничен с двух сторон полями. Бумага плотная, серая. Переплет

картонный в красной коже с золотым тиснением на корешке, листы с золотым обрезом.

Под № 206 — Краткий пермский словарь с российским переводом собранный и по алфавиту расположенный города Перми Петро-Павловского собора протоиереем Антонием Поповым. 1785 года, л. 131.

Текст написан четким почерком в два столбца: слева помечены коми-пермяцкие слова, справа — русские. Переплет картонный, обклеенный тисненной бумагой. Корешок кожаный. В словаре не менее 2500 слов.

Словарь снабжен предисловием следующего содержания:

«Пермяки особливых букв или письмян не имеют, а потому речения на их языке в сем словаре изображены обыкновенными российскими. Но как в произношении их есть некоторые такие гласы, которых прямо оными изобразить не можно, то над некоторыми буквами особенные знаки проставлены, иные же и соединены отменно, а каким образом те и другие правильно читать и произносить, то всяк может видеть примечаний, принадлежащих к Грамматике пермского языка в § 2. Впрочем понеже глаголы у пермяков, какие бы ни были, выключая существительное *емъ*, т. е. *есмъ*, все имеют едино спряжение, то здесь после каждого глагола означено только, каким образом в неопределенном способе наклоняется».

После основного текста словаря идет «Реестр российских речений из пермского словаря выбранный и по алфавиту расположенный с означением страниц».

Под № 197/2 — Краткий вотский словарь с российским переводом собранный и по алфавиту расположенный села Еловского Троицкой церкви священником Захарием Кротовым. 1785 г., л. 183.

Словарь написан четкой скорописью на плотной белой бумаге. Слова расположены в два столбца, обрез листов красный, переплет картонный, корешок кожаный.

Словарь снабжен предисловием следующего содержания:

«Издавая в свет краткий вотского языка словарь, для лучшего уразумения оного надлежало бы предложить некоторые грамматические правила. Но как оные уже прежде были и ныне существуют под названием «Сочинения, принадлежащие к грамматике вотского языка. Печатаны в Санкт-Петербурге при императорской Академии наук 1775 г. во всем с разговором вотским сходственны, то всяк желающий войти в какое-нибудь познание того языка может, ни малейшей не опасаясь ошибки,

следовать оным. Что ж до того касается, что в сем словаре найдутся речения в началах своих с положенными в Грамматике мало или и совсем не сходны, тому причиною не что другое, как по разности мест разное вотяков наречие. Однако не такое, чтоб со временем исправлено и в порядок приведено быть не могло».

За основным текстом этого памятника удмуртской лексикографии идет «Реестр российских речений из вотского словаря выбранный и по алфавиту расположенный с означением страниц».

Под № 207 — Краткий пермский словарь с российским переводом собранный и по разным материям расположенный города Перми Петро-Павловского собора протоиереем Антонием Поповым. 1785 г., л. 29.

Словарь написан четким почерком. Слова расположены в два столбца. Столбец слева заполнен коми-пермяцкими словами, справа — русскими. Рукопись в переплете из плотной цветной бумаги. Перед самым началом словаря имеется подзаголовок «Краткий пермский словарь, расположенный по разным материям с российским переводом».

В словаре материал расположен по тематическим группам, а не в алфавитном порядке. Каждая лексическая группа имеет свой заголовок. Всего приведено 11 лексических групп с такими названиями: о добродетелях, пороках и болезнях. О родстве и свойстве. О пище, питье и вещах до кушанья и стола принадлежащих. О частях растений, о деревьях и травах и т. д.

Ко многим словам в сносках дается объяснение их происхождения и значения. Например: *Ной юр* собственно значит «суконная голова», а *куш юр* «стриженая голова». Но пермяки так называют попа, во-первых, потому, что попы в старину носили на головах скуфы и по бедности иногда суконные, во-вторых, что у попов обыкновенно при посвящении наверху выстригается несколько волосов, которые и после редко запускаются. *Сёрся берсся* собственно значит «один за другим», а пермяки так означают свадебный поезд, потому что они обыкновенно ездят один за другим и по большей части на верховых лошадях. *Упоки* верхняя обувь, в которой пермяки ходят в праздничное время. *Куа мешекъ* собственно значит «кожаный мешок», а как сборщики государственных податей обыкновенно почти ходят с кожаными сумками, то пермяки их так и называют. *Уръ* собственно «белка или векша». Пермяки же так копейку означают потому, что в старину у них белка значила две деньги. *Шать* прямо прут или лоза, а почему так называют рубль, не известно и т. д.

В некоторых случаях в сносках есть объяснение графических знаков. Например, к слову йзысь «серебро» дано такое объяснение: й наверху с краткою значит голос средний между ы и и. Гр. § 2. Пр. 6. К слову лэситчюжемь — «й с краткою значит среднее между ы и ч. Гр. § 2. Пр. 8» и т. д.

В рассматриваемом словаре всего приведено около 1300 слов.

Под № 225 — Краткий vogulicheskiy словарь с российским переводом собранный и по разным материям расположенный города Соликамска Свято-Троицкого собора протоиереем Симеоном Черкаловым. 1785 г., л. 19.

По объему и по оформлению словарь напоминает предыдущий «Краткий пермский словарь». В рассматриваемом словаре материал также расположен по лексическим группам. Всего приведено 23 группы, а именно: о стихиях, воздушных явлениях и принадлежащих к оным вещах; о родстве и свойстве; о рыbach; о доме и частях оного; о вещах к учению принадлежащих и т. п. В словаре имеется подзаголовок «Краткий vogulicheskiy словарь, расположенный по разным материям с российским переводом».

В сносках к отдельным словарным статьям дается объяснение значения мансийских слов. Например: *Шунь*. Небольшие, но долгие санки с тончайшими полозьями, на которых vogulichi запас волочат, ходя по лесу для ловли зверей. *Келмомъ* длинное суконное женское платье. *Тошньяры, уледи*. Обувь vogulicheskaya, которая шьется обыкновенно из звериной кожи с острыми загнутыми как у лыж вверх носками и т. д.

В данном словаре мансийского языка представлено около 1500 словарных статей.

### Анализ «Словаря языка мордовского»

Мордовская часть словаря составлена на ё-диалекте эрзянского языка. Фонема [ё] регулярно передается через букву я. Например: *вяшема* väšema «просьба», *вяте* väťe «пять», *кялефнима* käl'efn'ima «расширение» и др.

В словаре представлено большое количество архаизмов, а также слов, которые теперь употребляются лишь в отдельных мордовских диалектах.

Приведем список слов, представляющих интерес с точки зрения их написания, диалектной принадлежности и т. п.

*вац’ръ vac’at «базар», вац’ронъ vac’at·ron’ «базарный», нóгатъ no·gat «боб», нóгатынь no·gatiñ «бобовый», пачá раča · «выдра», почвармá роč-varma · «вьюга», акáсъ aka’s «горностай», акáскень akasken’ «горностаевый», тяньгине tä·n’gin’e «денежка», ѫдемевъ i·d’emev «дикий», техтерь t’ext’er «дочь», стирь s’t’ir «девица», андáмо an’d'a·mo «детина», андáмонъ an’d'a·mon’ «молодецкий», торгáй torga:j «жаворонок», итнáнъ it’n’at·n «заикаюсь», пакишá pakša · «зверь», пакишáнъ pakša·n «звериный», модáнтий moda·n’t’ej «земледелец», ногáй nogaj «калмык», монá тона· «кила», монáкш тона·kš «киляк» (см. киляк челов. или животн. с килою, грыжею Даль II, стр. 108), кусля kus’l'a · «кисель», кáльме ka·l’mе «клей», сяфтáнъ s’afta·n «ковыряю», сяфнáнъ s’afn’at·n «колупаю», нóтомданъ po·tomdan «конопачу», эро u·to «копейка», лясксъ l’äks «корысть», шня šn’at·n «корюха», арлáнъ arl’at·n «круг», чарáмо čara·mo «круг», локсí loks’i · «лебедь», локсéй loks’ej «шершень», улянáсъ ul’ana·s «лён», бакáлда baka·lda «лужа», ве-жáксъ veža·ks «мизинец», мáзя ma·z’at · «мель», важдáма važda·ma · «нега», кáфтонестъ ka·ftón’est «оба» («они вдвоем»), кучкáнъ kučkan «орел», ѹске u·ske «оса» (ср. совр. эрз. укска «оса» РЭС 1948, стр. 239), лумпáсъ lumpa·s «палуба», лéне l’e·n’e(-p-?) «пепел», лéпень l’e·rep’ «пепельный», Ѯзáма joza·ma «пила», пáкартъ pa·kart «плевелы», кярдъ kär’at · «плуг», метъкáсъ met’ka·s «ящерица», Ѯрмáтъ юргта·t «потроха», пиче ri·če «почка», панктъ ransk «почки на дереве», щавáй ščava:j! «прабабка», щатá ščat’at · «прадед», чéнгиванъ če·n’givan «пригораю», чéнгима če·n’gima «пригарь», ѹкшенькишнáнъ i·kšen’kšn’an «прохладжаю», сiôлфъ s’ol’f «пруд», «плотина», мáмокъ ma·mok «пух», мáмоконъ ma·mokon’ «пуховый», ярá jara · «рана», ярафтáнъ jarajafta·n «раню», валксъ valks «рубль», кудá kuda · «сват», зорðð zoro·d «скирд», пáйме pâjme · «слега», нулъ nul «сок», нúлонъ nu·lon’ «сочный», шýрja ši·r’at · «стол», чинáсъ čin’as · «русый», печкáсъ pečka·s «татарин», тютымá t’ut’mä · «тынина», кивгерпрé kivger pr’at · «уж», арфъ arf «узор», арфонъ a·rfon · «узорный», танцъ tanc (?p-) · «узда», онкстишнáнъ onks’it’at·n «уздаю», мýукъ mi·uk · «ус», мýукевъ mi·jkev · «уста-ый», эро u·to «чирей», эронъ u·ton’ · «чирьеватый», тюнъгольксъ t’u·n’gol’ks · «чудо» и многие др.*

В рассматриваемом словаре, по сравнению с другими памятниками мордовской лексикографии второй половины XVIII в., отражено лишь небольшое количество русских заимствований, а именно следующие:

*Букá вика · «бык», нуцкáтъ пинка·t «внучата», нуцкá пинка · «внучка», вядунъ vädu·n «волшебник» (< рус. ведун), оля ol’at · «воля», ортá orta · «ворота», недля n’ed’l’at · «неделя», недлячи n’ed’l’at·ci · «воскресенье» (< недельный день; недля- < рус. неделя), коль kol’ (-l?) · «горазд» (ср. кол: ни кола ни двора «о крайне бедном, ничего не имеющем человеке» Ожегов, стр. 275), габрятъ gabr’at · «грабли», корð kog «досадно» (< рус. укор), коцкéрьгáнъ koc’ker’ga·n «кочерга», пáтькель pät’kel · «ось», «пест» (< рус. диал. пехтель), рузъ ruz · «русь», рúzon’ · «русский», одра· odra · «саван» (< рус. одра), зорðð zoro·d · «скирд» (ср. зарðð сев. и вост. «стог», «скирд» Даль I, стр. 628), живатá živata · «скот» (< рус. животd?) и др.*

В фонетике диалекта, лежащего в основе данного словаря, вместо эрзянского звонкого *v* чаще выступает глухое *f*, например: чапафтома čapaftoma «закваска», ванцькафнáнъ van’c’kafn’an «вычищаю», понжрафнáнъ ponžafn’an «вею», валикафтманъ valakaftan «глажу», наксафнáнъ naksafn’an «гною», чуфто čufto «дерево», кафто kafto «два», чополгифнáнъ čopolgafn’an «застенаю», пичкафнáнъ pičkafn’an «исцеляю», пуфтанъ puftan «бужу» и др. Но рядом встречаются: чумовто-мо čumovtomo · «безвинно», сюровтомонъ s’urovtomon’ · «безротий», ловтания lovtan’at · «бледный» и т. п.

В исходе большой группы слов выступает *-f* — словообразовательный суффикс мокшанского типа. Например: косъкефъ kos’kef · «засохлый», содафъ sodaf · «знакомый», вяшьфъ väsf · «иск», матфъ matf · «погреб», пофъ rof · «пуговица», путавофъ pürapof · «колковатый», каньфъ kan’f · «конопля», пячфъ päcf · «ломть», каряфъ kar’af · «обруб», кадфтъ katft · «остатки», таньфъ tan’f · «вкус», паньшфъ pan’sf · «цвет», усфъ usf · «воз», сизефъ s’iz’ef · «усталый», понафъ ponaf · «волнистый», чинефъ čin’ef · «вонючий», солафтъ solaft · «истопки», нильфъ n’il’f · «глоток», кошфъ koſf · «дух», яфудьфъ jaſut’f · «замах» и т. д.

В ряде слов звукосочетание *sh* > *щ*. Например: теше t’eshé · «звезда», кищница kičn’ic’ · «плясун», липщенъ lipšcan · «щемлю» и др. Сюда же относятся слова, более характерные для мокшанских диалектов: щавай ščavaj · «прабабка», щатя ščat’at · «прадед».

Иногда *ки-* в начале слова переходит в *ши*. Например: шна šna · «ремень», шнанъ šnan’ · «ременный», шня šn’at · «корюха», «корь» и т. д.

В целом рассматриваемый памятник в фонетическом отношении характеризуется наличием большого количества глухих и аффрикатизированных согласных, а именно чаще

всего: *й > x, с > ү, с' > ү', ш > ч* и т. д. Например: *texhterъ t'ext'er'* «дочь», *салцянъ salc'an* «ворую», *валцкесъ valckes* «до утра», *арцима ar's'ima* «дума», «мысль», курьца *kur's'a* «коромысло», *нурцима nur's'ima* «качание», *панцикишнянь pan's'ikšn'an* «погоняю», *корчъ korč* «филин», *корчнянь korčn'an* «хлебаю», *вяихце väjxse* «вместе», *вихца vijxsa* «насиливо», *вихке vixke* «один», *вяхкетема växket'ema* «равенство» и т. д. Но в некоторых словах аффрикатизация обще-мордовского начального *ш > ч*, весьма характерная для эрзя-мордовских диалектов, здесь не состоялась. Например: *шочко šočko* «бревно», *ши ši* «день», *шумо šušto* «наст», *шованъ šovan* «тру», *шужъ šuž* «ячмень» и др.

Графические особенности «Словаря языка мордовского» в общем совпадают с графикой и орфографией других памятников, особенно «Словаря языков разных народов...» (см. № 13).

**13. Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих, именно россиян, татар, чувашей, мордвы и черемис. По высочайшему соизволению и повелению ее императорского величества премудрой государыни, Екатерины Алексеевны, императрицы и самодержицы всероссийской. По алфавиту российских слов расположенный и в Нижегородской семинарии от знающих оные языки священников и семинаристов, под присмотром преосвященного Дамаскина епископа Нижегородского и Алаторского сочиненный 1785-го года. — ГАГО. Горький, ф. 2013, оп. 602, д. 187, 519 л.**

В Госархиве Горьковской обл. хранится первый (черновой) вариант «Словаря языков разных народов...» в двух томах<sup>1</sup>.

Первый том под приведенным выше названием имеет шифр: Коллекция Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Фонд № 2013, описание № 602, дело № 187. Второй том, представляющий собой самостоятельную единицу хранения (шифр: Коллекция Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Фонд № 2013, без даты, описание № 602, дело № 186), называется: «Словарь черемисского языка с российским переводом по алфавиту российскому расположенный».

«Словарь языков разных народов...» занимает 519 листов ин-фолио (и соответственно 1038 страниц). В «Словаре черемисского языка» 373 листа ин-фолио (и соответственно 746

страниц). Оба тома словаря в неокрашенных сафьяновых переплетах.

В первом томе представлен «Словарь языков разных народов...».

Но основной текст этого русско-татарско-чувашско-мордовского словаря начинается лишь с л. 54. До этого листа идет «предуведомление» (предисловие), в котором сообщаются необходимые этнографические сведения о народах Поволжья: татарах, чувашах, мордве и марийцах. Это предуведомление имеет два списка: первый список (черновой), составленный епископом Дамаскиным, занимает л. 4 — 9. На л. 10 — 14 текст предисловия переписан набело другим почерком без каких-либо изменений в содержании. На поле л. 4 имеется заметка (А. Можаровского?): «Это предуведомление напечатано в «Миссионере» за 1879 г. № 37 и 38».

На л. 2 до предисловия приведена копия рецензии Екатерины II на имя Дамаскина с требованием составить словарь на языках народов Нижегородской епархии. Текст рецензии гласит:

«Преосвященный епископ Нижегородский Дамаскин! Считая, что в Нижегородской семинарии преподается учение языков разных народов в епархии вашей обитающих, я желаю, чтобы ваше преосвященство доставило мне словарь тех языков с российским переводом, расположив оный по алфавиту российских слов и сверх письмом оных народов написав по российски каждое слово, как оное произносится. Пребываю впрочем вам доброжелательная. Екатерина. В Царском селе августа 26-го дня 1784-го года».

По мнению А. Можаровского, оригинал этого рецензии в 1803 г. был изъят из рукописи словаря и передан в материалы Нижегородской духовной консистории, а вместо подлинника пришли копию<sup>1</sup>.

На обратной стороне титульного листа имеется заметка, написанная также рукой Дамаскина. В этой заметке Дамаскин писал: «Как сей словарь на разных языках народов, в Нижегородской губернии обитающих, сочинен по именному ее императорского величества повелению, то и рецензия ее величества в сей силе к преосвященному Дамаскину епископу Нижегородскому насланный прилагается при сем в оригинале

<sup>1</sup> Аполлон Можаровский. Рукописный пятиязычный словарь в Нижегородской семинарской библиотеке и его происхождение // Русская старина. — СПб., 1878, декабрь. — С. 706.

<sup>1</sup> О беловом экземпляре, хранящемся в РО ГПБ, см. в № 14.

за собственноручным ее подписанием: который рескрипт равно, как и словарь весь в двух томах состоящий, с коего точная копия послана к ее величеству апреля 15 дня 1785 года, отсылается в семинарскую библиотеку с тем, чтобы с прочими семинарскими книгами хранился в вечные роды, яко достопамятный монумент премудрых узаконений ее императорского величества, Екатерины второй, императрицы и самодержицы всероссийской.

Смиренный Дамаскин епископ Нижегородский и Алаторский».

За предисловием на л. 22 — 53 даны тексты маленьких словариков, точнее списки русско-татарско-мордовских слов, составленных для пересылки в редакцию «Сравнительных словарей всех языков и наречий» (СПб., 1787—1789, ч. 1 — 2). На л. 22—35 приведен русско-татарско-мордовский словарик на 287 пронумерованных словарных статей. Мордовская часть этого словарика заполнена мокшанскими словами (см. № 26). На л. 37 — 41 имеется русско-татарский словарик с тем же количеством и с таким же составом слов. На л. 42 — 46 следует русско-мордовско-татарский словарик. Состав слов тот же, мордовская часть составлена на эрзя-мордовском языке (см. № 7).

С л. 54 открывается текст основного русско-татарско-чувашско-мордовского словаря с новым подзаголовком, написанным рукой Дамаскина: «Словарь татарских, чувашских и мордовских языков с российским переводом и по российскому алфавиту».

Материал в I томе расположен в четыре колонки (столбца). В первой колонке слева приведены русские слова, которые являются заглавными, во второй идет перевод этих слов на татарский язык, в третьей колонке — перевод на чувашский и в четвертой — на эрзя-мордовский язык. Каждый столбец сверху имеет название соответственно: «по-российски», «по-татарски», «по-чувашски», «по-мордовски». Всего в «Словаре языков разных народов...» приведено свыше 11 000 русских слов и словосочетаний, из которых более полутораста не имеют мордовских переводов. Примерно по такому же количеству лакун и в татарской и чувашской частях.

Заголовок II тома «Словарь черемисского языка с российским переводом по алфавиту российскому расположенный» — написан тоже рукой Дамаскина. В этом томе имеется специальная графа для заполнения ее удмуртскими лексическими соответствиями. Но в удмуртской части насчитывается лишь

немногим более 1500 слов, которые к тому же были переписаны из «Сочинений, принадлежащих к грамматике вотского языка» В. Пуцек-Григоровича<sup>1</sup>. Марийских же соответствий к русским заглавным словам дано в пределах 6000. До основного текста «Словаря черемисского языка» приведен «Перевод с российского на черемисский язык», включающий 287 пронумерованных русско-марийских лексических параллелей. Материал этот предназначался также для «Сравнительных словарей всех языков и наречий» (СПб., 1787 — 1789, ч. 1 — 2).

«Словарь языков разных народов...» занимает первое место среди немногих памятников XVIII в., содержащих в себе мордовский языковой материал в таком большом объеме. Это наиболее важный памятник мордовской лексикографии XVIII в., который имеет определяющее значение в истории мордовской письменности вообще. Поэтому дальнейшее изложение посвящается подробной характеристике русско-мордовской части «Словаря языков разных народов...».

### Характеристика мордовской части «Словаря»

Остановимся на палеографическом описании памятника. Все части «Словаря языков разных народов...» составлены на основе русской графики последней четверти XVIII в. Поэтому по количеству графических знаков — графем мордовская часть (как и другие части) рукописи почти ничем не отличается от русской части.

О б о с н о в а н и е составителями Словаря применения русской графики. О графической основе и принципах употребления тех или иных графем в словаре имеются сведения лишь общего характера. Эти сведения рассеяны в разделах, посвященных историко-этнографической характеристике народов Нижегородской епархии, на языках которых был составлен словарь.

В предисловии к словарю говорится, что поскольку «народы, в Нижегородской епархии обитающие, не имеют собственных своих письмян или букв, то и слова их в сем словаре писаны российскими буквами. Татаре же нижегородские хотя и употребляют в своем письме буквы арабские, но токмо те,

<sup>1</sup> См.: Т. И. Т е п л я ш и н а. Памятники удмуртской письменности XVIII века. Вып. 1. — М., 1965. — С. 130.

кои обучались у казанских татар, каковых весьма мало здесь между ими сыскать можно. А прочие татаре пишут и мысли свои на письме сообщают по большей части российскими письменами. Для того и в сем словаре все их слова изображены российскими буквами, так точно, как они произносятся» (л. 2).

Автор предисловия отметил далее, что чуваши «не знают ни писать, ни читать. Да и письмян или букв у себя не имеют. Для того и в сем словаре слова их писаны российскими литерами» (л. 3 об.).

В разделе о мордве Дамаскин подчеркнул, что язык мордовцев «с татарским и русским премного перемешан, поелику прежде долгое время были они у татар в подданстве, а ныне у россиян, и русскими селениями так перемешаны, что инде от русских и различить их неможно. А как они единой с россиянами греко-российской веры, и по сей причине и русских девок берут в замужество за своих детей, и своих дочерей отдают за русских, то язык свой час от часу забывают и привыкают к русскому. У них же нет письмян или букв своих, а кто из них учился читать и писать, тот пишет русскими литерами» (л. 4 об.).

Графемы и их начертание в мордовской части «Словаря языков разных народов...»: *a, б, в, г* (также латинское *g*), *ð, е, ё, ж, з, и, і, ѹ, к, л, м, н, о, п, с, т, у, ф, х, ү, ч, ш, ў, Ӯ, ӭ, Ӯ, ӹ, ӻ, Ӹ*.

Некоторые из перечисленных графем имеют по несколько вариантов начертания. Так, например, наряду с буквой *г* во всех частях словаря, кроме русской заглавной части, фигурирует латинская буква *g*. По поводу введения этого знака в качестве самостоятельной графемы, отличной якобы от буквы *г*, в предведомлении к словарю Дамаскин дает следующее разъяснение: «Здесь знать надобно еще то, что в сем словаре употребляемая из латинского языка буква *g* не должна читана и произносима быть, как русское *д*. Но как два *гг* русских вместе, или как греческий *spiritus asper*, например, «ομηρος», «Гомер», понеже нашим русским глаголем *г* не можно изобразить некоторых выговоров в сих языках, а паче в татарском, где *г* буква больше произносится через горло» (л. 7 об.). Если в татарских и чувашских словах употребление латинской буквы *g* было мотивировано, поскольку имелось означаемое — заднеязычный

<sup>1</sup> В татарской и чувашской частях состав графем тот же, что и в мордовской части. В заглавной же русской части вовсе не употребляются латинское *g* и ди-графф *ïö*.

звуконкий взрывной  $\top$  (в современной орфографии тюркских языков *F*), в отличие от соответствующего спиранта, обозначаемого буквой *г*, то в мордовской части появление латинского *g* можно объяснить единственным стремлением составителей к сохранению одних и тех же приемов графической передачи слов одними и теми же средствами. Больше того. В мордовских словах фонема *g* почти повсюду передается латинской буквой *g*. Исключение составляет очень небольшая группа русских заимствований, в которых сохранено написание с русской буквой *г*.

Следует иметь в виду близость начертания латинского *g* с русской буквой *д*, отчего происходит взаимозамена их друг другом.

Буква *d* приближается к современному написанию. Следует иметь в виду вариант типа латинского *q*, которым в рукописи иногда подменяется латинское *g*, служащее для графического обозначения фонемы [g], а не [d].

Имеются два варианта начертания буквы *e*: *ε* и *e*. Причем в отдельных случаях невозможно определить, имеем ли дело с вариантом *e*, или же с *ε*. Это несомненно связано с исключительной близостью начертания обоих вариантов. Начертание *e*, в целом не характерное скорописи второй половины XVIII в.<sup>1</sup>, встречается, пожалуй, в меньшем количестве случаев, чем начертание *ε*, и служит простым средством разнообразия письма. Оба начертания как абсолютно однозначные являются графическим средством передачи фонемы [e].

Буква *ї*. Этот диграф с диакритикой встречается в татарской, чувашской и мордовских частях. В мордовской части служит средством передачи: в начале слов — звукосочетания *jo*, не в начале слов — палатализации предшествующего согласного и гласной фонемы [o]. В истории русского письма буква *ё* заменила собой диграф *їо*<sup>2</sup>. Это графическое новшество впервые было введено Карамзиным<sup>3</sup>.

Буква *i* употребляется, наряду с *и*, для обозначения фонемы [i].

Буква *й* по начертанию напоминает современное *й*. В начале слова перед гласными иногда употребляется вариант *i*.

Буква *к* имеет два наиболее характерных начертания: две вертикальные черточки и написание, близкое к современному.

<sup>1</sup> См.: Л. В. Ч е р е п и н и н. Русская палеография. — М., 1956. — С. 481.

<sup>2</sup> См.: Я. К. Г р о т. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. Второе, значительно дополненное издание с подробным указателем всех сомнительных случаев. — СПб., 1876. — С. 187.

<sup>3</sup> См.: А. Б. Шапиро. Русское правописание. — М., 1951. — С. 174.

В рукописи имеются разночтения буквы *k* с буквами *n* и *и* восьмиричным.

Для буквы *n* характерны два начертания: первый вариант — современное начертание. При этом варианте написания иногда возникает разночтение с буквой *k* и восьмиричным *и*. Второй вариант, употребляемый в конце слова (и строки) или в качестве выносной буквы, — в виде латинского *g*.

Начертания буквы *o*: *o*, *ω* («омега») и *ö*. Есть случаи написания «омеги» через *a*, что связано с некоторой близостью начертания этих скорописных знаков.

Буква *u* имеет два характерных варианта. Первый вариант приближается к современному начертанию, второй вариант — лигатура *U*, свойственная скорописи XVII в. Оба варианта имеют тождественное означаемое — фонему [u], поэтому использовались писцами лишь для разнообразия письма, чтобы «дать для глаза отдых от монотонного написания»<sup>1</sup>.

Буква *f* приближается к современному начертанию. В нескольких словах вместо *f* употребляется *θ* («фита»). По своему начертанию буква *þ* (твёрдый знак, или «ер») приближается к современному *þ*, но в целом характеризуется большим многообразием конфигурации верхней петельки. Часто возникает разночтение с *þ*. Из-за чрезвычайной близости *þ* и *þ* иногда невозможно определить, которая из них употреблена. В конце мордовских слов *þ* имел одну и ту же функцию, что и в русском языке, — показывать отсутствие палатализации у конечного согласного и конец строки.

Буква *ы* приближается в целом к современному начертанию. Имеются варианты. Разночтение с другими буквами обычно дает вариант *ы*, когда оказывается в соседстве с буквами *к*, *с* и *ш*. В этом случае происходит расчленение составных элементов знака *ы* на *þ* и *i*. Но таких слов с искаженным написанием очень немного.

Буква *ь* (мягкий знак, или «ерь») по начертанию приближается к современному *ь*. Имеются варианты, некоторые из которых по существу не отличаются от вариантов начертания *þ*. Отсюда большое количество разночтений между *ь* и *þ*, а иногда и с *þ*.

Буква *э* напоминает современное *э*, но в мордовской части словаря часто подменяется буквами *e* и *ë*. Такая непоследовательность употребления вполне объяснима, если иметь в виду, что рассматриваемая графема в то время была новым

и недостаточно освоенным знаком, целесообразность употребления которого брали под большое сомнение многие авторитеты в области русского письма. Отрицательное отношение к букве *э* было у большинства писателей того времени. Ломоносов пишет: *етот, ей (-эй)..., электрическая..., эфирь..., поэзия...*, считая, что «ежели для иностранных выговоров вымышлять новые буквы, то будет наша азбука с Китайскую»<sup>1</sup>.

Имеются случаи разночтения *þ* с *ь* и *ö*.

Обобщенно о внешних особенностях рукописи словаря можно сказать следующее. Составители, по-видимому, с самого начала располагали русским словником, к которому постепенно подбирали соответствия отдельно — из татарского, из чувашского, из мордовского языков. Причем, что важнее всего, один составитель (= переводчик) подбирал соответствия к русским словам только из одного языка. И так было по всем языкам. Затем все предварительные материалы были сведены в одном списке. В пределах одной тетради все части сведенного списка переписаны как правило одним и тем же почерком. Во всех 44 тетрадях сведенного списка насчитывается по приблизительным подсчетам и сопоставлениям около 6 — 8 разных почерков. Правка в мордовской части осуществлена не более чем тремя почерками.

О *р ф о г р а ф и я* мордовской части словаря интересно соотносится с русской орфографией. При написании мордовских слов составители словаря использовали не только буквы русского алфавита, но и орфографическую систему в целом, которая была свойственна русскому письму последней четверти XVIII в. Поэтому достоинства и недостатки принципов написания мордовских слов средствами русской графики — результат переноса и копирования правил правописания, установившихся к указанному времени в русском языке.

#### A. Рассмотрим гласные фонемы

В передаче фонемы [a] трудностей нет. Имеются два способа ее обозначения: 1) в начале, а также в середине и конце слова после твердых согласных передается буквой *a*. Отступлений нет. Например: *карчо кагсо* «против», *тонавтлянъ*

<sup>1</sup> В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. — М., 1918. — С. 120.

<sup>1</sup> А. Б. Шapiro. Русское правописание. — М., 1951.

*tonavt’l'an* «учусь», *aramks’ aramks* «встать», *башка баška* «отдельно» и др.; 2) в середине и конце слова после палатализованных согласных передается буквой *я*. Например: *кадныц’ kadnyc’* «покидающий», *панилянъ panilyan’* *рапш’l'an* «открываю», *трямсо т’r’amsо* «в воспитании» и др. Следует отличать [a] от фонемы [ä], которая тоже обозначается буквой *я* (см. ниже об [ä]).

В начале, середине и конце слова после твердых согласных фонема [o] обозначается буквой *о*. Например: *одъ odъ* «молодой», *озавтанъ ozavtan’* «сажаю», *судо sudo* «нос», *паро raro* «хороший», *сакшиномо sakšnomo* «приход» и др. После палатализованных согласных фонема [o] передается диграфом *io*, который, кроме этого, обозначает еще палатализацию предшествующего согласного. Например: *циора c’ora* «сын», *сіормаданъ s’ormadan’* «пишу», *сіовныця s’ovnyc’* «браниящийся» и др. Когда фонема [o] идет за фонемой [j] абсолютного начала слова, то графически эти фонемы передаются общим диграфом *io*. Например, *іовтанъ jovtan’* «скажу», *іомсянъ joms’an* «пропадаю», *іонъ jon* «сторона» и др.

Фонема [u] передается: в начале слова — буквой *у*. Например: *уянъ цјан* «плыву», *уре ur’e* «раб», *удыця uidc’* «спящий», *уръва ur’va* «сноха» и др. В середине слова после твердых согласных — буквой *у*. Например: *пурнанъ purnan’* «собираю», *чопуда соруда* «темный», *прадума pr’aduma* «завершение» и др. Буквой *ю*, когда фонема [u] стоит после фонемы [j] начала слова. Например: *юмамо јутамо* «пропажа», *ютазъ jutaz’* «прошлый». Буквой *ю* в середине слова после палатализованных согласных (практически только после [s’]). Например: *сюросо s’uroso* «рогом», *сюкунамо s’ukun’amo* «поклон» и др.

В передаче фонемы [ä] средствами русской графики составители испытывали вполне понятные трудности, вытекающие из отсутствия ее в фонетической системе русского языка и, следовательно, из отсутствия какой-либо орфографической традиции в обозначении [ä]. Эта фонема обычно передается в середине и конце слова после непарных согласных буквой *я*. Например: *тявъ t’äv* «дело», *пяй räj* «зуб», *кявъ käv* «камень» и др. В начале слова буквой *а* или *я*, а также буквосочетанием *йа*. Например: *ачкелгадмокс äčkelgadmoks* «толстеть», *ачкелма äčkelma* «толщина», *ярмо är’amo* «жизнь», *йарявекс järg’aveks* «нужный», *йарь järg’* «каждый» и др.

Такие колебания с обозначением в начале слова фонемы [ä] не всегда дают возможность твердо отличать, имеем ли дело с чистым [ä] или же с [ä] *j*-отированным.

В эрзя-мордовском языке фонема [e] имеет два характерных позиционных варианта: первый вариант — несколько продвинутый вперед и второй — несколько отодвинутый назад. Передний вариант обычно выступает в абсолютном начале слова и как правило передается буквой *э*. Например: *эйтъ ejt’* «льды», *эрицят ег’ic’at* «жители», *эсь es’* «свой», *эземъ ez’em* «скамья» и др. Но еще больше случаев, когда фонема [e] в начале слова передается, буквой *е*. Например: *ехкакшонъ exkakšon’* «детский», *ерке er’ke* «озеро», *ей ej* «лед». В этих и многих других словах трудно с полной уверенностью сказать, что обозначает буква *e*: фонему [e] или же сочетание звуков *j + e*. В середине и конце слова передний вариант фонемы [e] после палатализованных согласных и согласных непарных передается буквами *e* и *ë*. Например: *неянъ мязе n’ejan mäz’e* «вижу что», *кудынъ kudin’* «домик» и др. Отодвинутый или задний вариант фонемы [e] в середине и конце слова передается как правило буквой *э*. Например: *онцнэнъ onspen* «во сне», *висъкстэмъ vis’ksteme* «без стыда» и др.

Фонема [i (i)] в эрзя-мордовском языке имеет два позиционных варианта звучания, «одно звучание существует обычно, а другое после твердых *d, t, z, c, l, r, n*, вообще после твердых переднеязычных. Как ни различны эти звучания, а все-таки они оказываются комбинаторными вариантами одной и той же фонемы...»<sup>1</sup>. В словаре эта фонема обозначается буквой *и*, если стоит в начале слова, а также в середине и конце слова после парных палатализованных и непарных согласных. Например: *икелъ ikel’* «впереди», *ильтиця il’t’ic’* «выводящий», *якица jakic’* «ходящий», *али al’* «или» и др.

В середине и конце слова после непалатализованных согласных выступает задний вариант фонемы, который в этом случае регулярно обозначается буквой *ы*. Например: *удыця uidc’* «спящий», *ярцы jarcı* «ест», *ёвтыця jovtic’* «рассказчик», *алтыма altıma* «обещание» и др.

<sup>1</sup> Д. В. Бурих. Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков, ч. I. Фонетика и морфология. — Саранск, 1962. — С. 13.

## *Б. Рассмотрим согласные фонемы*

Фонема [b] во всех позициях передается буквой б. Например: *баягасъ* baŷgas «в колокол», *берянь* ber'ap' «дурной», *горбатой* gorbatoj «горбатый» и др.

Фонема [c] передается буквой ц: *ацамо* acamo «постель», *алицо* alco «в яйце», *арцыма* arcima «расположение» и др.

Фонема [d] передается буквой д. Например: *даволь* davol «ураган», *кудо* kudo «дом», *кунданмо* kundamo «схватить» и др.

Фонема [f] передается буквой ф. В начале слова практически не встречается. В середине слова [f] выступает обычно как результат оглушения фонемы [v]. Примеры: *кляйгафлема* käl'ejgafl'ema «расширение», *явофлеса* javofl'esa «разделяю» и др.

Фонема [g] передается латинской буквой г. Например: *гуй* guj «эмяя», *ялга* jalga «товарищ», *яксярго* jaks'argo «утка» и др.

Фонема [х] передается буквой х. Например: *эйхть* ejxt' «льды», *хабрик* xabt'ik «фабрика», *хоть* хот' «хоть» и др.

Фонема [j] в начале слова передается диграфом iō с диакритикой, который одновременно обозначает звукосочетание jo. Например: *іозазъ* jozaz' «потертый», *іожовтомо* jožovtomo «без сознания» и др. В начале слова перед фонемой [u] передается буквой ю. Например: *յутко* jutkso «в середине», *юмамо* jumamo «пропажа» и др. В начале слова перед фонемой [a] или [ä] передается буквой я. Например: *яки* jaki «ходит», *якстере* jaks'ter'e «красный», *ярямо* jär'amo «жизнь» и др.

В начале, середине и конце слова фонема [j] обозначается и буквой ѹ. Например: *йарциянъ* jarc'an «ем», *килей* kil'ej «береза», *клейсе* kl'eje «клеем» и др.

Фонема [k] передается буквой к. Например: *карчо* karčo «против», *ярмакъ* jarmak «деньги», *явмоксъ* javmoks «разделить» и др.

Фонема [l] передается буквой л. Например: *ламо* lamo «много», *ялга* jalga «товарищ», *ломань* loman' «человек» и др.

Фонема [m] передается буквой м. Например: *маций* mac'ej «гусь», *максомо* maksomo «отдать», *ямъ* jam «щи» и др.

Фонема [n] передается буквой н. Например: *нарданъ* nardan «вытираю», *навтанъ* navtan «сморкаю» и др.

Фонема [p] передается буквой п. Например: *паро* paro «хороший», *апакъ* apak «не...», *покиш* pokš «большой» и др.

Фонема [r] передается буквой р. Например: *розвъ* roz' «рожь», *карксъ* karks «пояс» и др.

Фонема [s] передается буквой с. Например: *салы* salı «вор», *лияксъ* l'ijaks «по-другому», *ляскъ* l'asks «помощь» и др.

Фонема [š] передается буквой ш. Например: *макионъ* makšon' «из трухи», *шаштанъ* šaštan «двигаться» и др.

Фонема [z] передается буквой з. Например: *зыянъ* zjan «убыток», *лаз* laz «доска», *лазан* lazan «расщепляю» и др. Трудности в передаче этой фонемы иногда возникают с подбором необходимого графического знака для обозначения аффрикатизации в особых позициях.

Фонема [ž] передается буквой ж. Например: *живойстъ* živojste «живым», *ловажса* lovaža «кость» и др. Трудности возникают при передаче аффрикатизации в особых позициях: ž > ž.

Фонема [t] передается буквой т. Например: *таратъ* tarat «ветвь», *токафтъ* tokraft «затронутые» и др.

Фонема [č] передается буквой ч. Например: *чапамо* čapamo «кислый», *чарчавъ* čarčav «полог» и др.

Фонема [v] «в обычнейшем положении... губно-зубная, звонкая, щелевая с ясно выраженным шумом, но в положении не перед слоговым, а также в положении после у — губно-губная, звонкая, щелевая с едва выраженным шумом или даже просто неслоговое у, без всякого шума<sup>1</sup>. Оба варианта этой фонемы передаются буквой в. Например: *валдо* valdo «свет», *оргав* orgav «дрожевой», *лавтов* lavtov «плечо» и др.

## *В. Рассмотрим обозначение палатализации согласных*

В эрзя-мордовском, как и в мокша-мордовском языке переднеязычные согласные подразделяются на парные и непарные.

Парные согласные это те, которые образуют два фонематических ряда непалатализованных и палатализованных переднеязычных согласных. Парные непалатализованные согласные: [d], [t], [s], [r], [c], [z], [l], [n].

Парные палатализованные согласные соответственно [d'], [t'], [s'], [r'], [z'], [l'], [n'].

Что касается непарных согласных, то к палатализации или к ее отсутствию они проявляют фонематическую нейтральность. Непарные согласные (в, f, g, x, j, к, т, р, ѿ, Ѣ, ѕ, в) в окружении гласных переднего ряда и парных палатализованных согласных, как правило, бывают относительно палатализованными, а в окружении гласных заднего ряда и

<sup>1</sup>Д. В. Бурих. Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков, ч. I. Фонетика и морфология. — Саранск, 1962. — С. 23.

непалатализованных парных согласных — относительно непалатализованными.

Обозначение палатализованных парных согласных, являющихся в эрзя-мордовском языке фонемами, совершенно необходимо. Как известно, в русской графике нет особых согласных букв, которыми обозначались бы палатализованные согласные. Но в орфографии русского языка издавна установленился слоговой принцип письма, который «состоит в том, что в качестве единицы чтения и письма выступает слог: сочетание согласной и гласной букв представляет цельный графический элемент, например, чтобы прочесть твердое или мягкое *в* в словах *вал*, *вял*, необходимо обращать внимание на следующую за *в* гласную букву *а* или *я* (*ва-вя*)»<sup>1</sup>.

Этот принцип оказался господствующим и при обозначении палатализованных согласных в мордовских словах.

Следует подчеркнуть, что перенос правил правописания русского языка в мордовскую часть «Словаря языков разных народов...» оказался весьма удачным. Это подтвердились после Великой Октябрьской социалистической революции, когда на базе русской графики и орфографии началось формирование мордовских литературных языков.

**Г. Рассмотрим особенности языка мордовской части «Словаря»,** которая представляет собой прямой перевод на эрзя-мордовский язык русских заглавных слов. Все характерное для русской части относится и к мордовской. Как и в русской части, в мордовских переводах в качестве исходных форм фигурируют: у имен существительных — именительный падеж (основное склонение), у глаголов — инфинитив и т. д. Но в связи с необходимостью подбора мордовских соответствий к словоцетаниям и даже развернутым предложениям, из которых состоит заглавная часть отдельных словарных статей, в мордовской части встречаются формы многих других грамматических категорий.

Мордовская часть «Словаря языков разных народов...» составлялась, исходя из задачи перевода русской лексики на мордовский язык, свидетельством чему являются описательные переводы многих русских слов на мордовский язык, например: *ад* по-мордовски перевели «темное место», *адвокат* «ходящий по делам», *бдение* «богу моление», *булат* «твёрдое

железо», *велеречие* «говорит красиво, хорошо», *вельможа* «большой боярин» и др.

Отметим наиболее характерные особенности мордовской части словаря в области ф о н е т и к и.

Наличие фонемы [ä], передаваемой буквой *я*. Например: *лявксь l'ävks* «агнец», *вядь väd'* «вода», *кяvv käv* «камень», *пяди päd'i* «липкий», *вяргесъ här'ges* «волк», *сяльме s'äl'me* «глаз» и др.

Аффрикатизация звуков *s*, *š* и переход их соответственно в *c*, *č* в позиции после *l*, *p*, *n*. Например: *арчинъ arčin* «аршин», *караулъ karaulc* «на караул», *выйце väjče* «вместе», *вяц väc* «в воду», *ярцы jarcj* «ест», *вяньчень vän'cen'* «судна», *арцима ar's'ima* «вымысел», *карчо karčo* «напротив», *кельце kel'ce* «языком», *ярцъ z'arc* «долго ли» и др.

Частые случаи обобщения конечных звуков имен прилагательных *v* и *j* в одном *v*. Например: *товаъ и севъ tov i s'ev* «туда и сюда», *илевъ il'ev* «ветвь», *тантевъ tan't'ev* «вкусный», *кежевъ кејев* «лютый» и др.

К фонетическим явлениям относится также сохранение конечного *k* в восполнительной форме наречно-деепричастных конструкций с отрицательным словом *анак арак* «не». Например: *анакъ колакъ арак kolak* «не испортив», «неиспорченный», *анакъ содакъ арак sodak* «не зная», *анакъ лоткакъ арак lotkak* «не останавливаясь», «неотступно», *анакъ жалякъ арак žal'ak* «не жалея» и др.

В области г р а м м а т и к и следует отметить употребление инфинитива преимущественно с окончанием *-мекс*, *-мкс* вместо *-mc*. Например: *каямксъ кајамks* «снять», *таймексъ t'äjmeks* «сделать», *ульмексъ ul'meks* «быть», «находиться», *ардомксъ ardomks* «ехать», *кармамксъ картамks* «начать», *мольмексъ mol'meks* «идти» и др.

Но инфинитив встречается в мордовской части словаря и с окончанием *-mc*. Например: *вялявтомсъ väl'avtoms* «возвращаться», *маштомсъ maštoms* «окончить», *ускомсъ uskoms* «взести», *колцемсъ kolc'ems* «портить», *кунсемсъ kuns'ems* «ловить», *озамсъ ozams* «сесть» и др.

Обращает на себя внимание значительно большая степень продуктивности словаобразовательного суффикса *-лма*, *-лмо* по сравнению с современными мордовскими языками. Например: *сюдолма s'udolma* «брانь», *покшолма pokšolma* «величина», «величество», *тустолма tustolma* «густота», *псилма ps'ilma* «жара», *томбалмо tombalmo* «глубина», *стувтулма stuvtulma* «забвение», *сиядулма s'ijadulma* «зависть», *нижелма*

<sup>1</sup> А. Н. Гоздев. Современный русский литературный язык. — М., 1958. — С. 79.

piželma «зелень», мазылма mazılma «красота», шождылма šoždılma «легкость» и др. В большинстве случаев этот суффикс употребляется вместо словообразовательного суффикса -чи, с помощью которого образуются имена существительные с абстрактным значением.

В области л е к с и к и ограничимся приведением перечня слов, представляющих интерес для характеристики мордовской части «Словаря языков разных народов...»: ускула uskula «излишний» (совр. эрз. лишной, аэрявикс), покшолма pokšolma «начальство» (совр. эрз. прявкст, начальства), тумо амякиш tumo at'akš «орел» (совр. эрз. орел, кавал), вядъ уло väd' ulo «остров» (совр. эрз. усея, остров), олга вядъ olga väd' «пиво» (совр. эрз. пива, пия), пель уло pel' ulo «полуостров», авань сыменъ avan' sımən' «женский пол», цёрань сыме с'оран' sımə «мужской пол» (совр. эрз. пол), кивъгеръ kiv-ger' «скала» (совр. эрз. кев, пандо), пукштурды pukšturdı «воин», «солдат» (совр. эрз. салдат, воин) и многие другие.

### Характеристика заглавной (русской) части «Словаря»

Создание «Словаря языков разных народов...» связано с именем Дамаскина — епископа Нижегородской епархии.

Дамаскин родился в 1737 г. в Калужской губернии. В 1750 г. Дамаскин (в то время Димитрий Семенов) был отдан на учебу в Крутицкую семинарию при Московском Покровском монастыре, а через два года переведен в Московскую славяно-греко-латинскую академию. Здесь ему дали новую фамилию — Руднев. В течение девяти лет, с 1752 по 1761 г., Руднев прошел полный академический курс в числе лучших студентов. По окончании академии, 24 лет Димитрия Руднева определили учителем риторики и греческого языка в Крутицкой семинарии.

В дальнейшей судьбе Руднева произошли значительные перемены. В первой половине 60-х годов XVIII в. в России была сделана попытка обзавестись для духовных учебных заведений европейски образованными преподавателями восточных языков, главным образом еврейского, сирийского и халдейского. В 1765 г. Екатерина II через обер-прокурора синода объявила: «Из обучающихся в семинариях учеников, кои дошли уже до риторики и как в понятии хорошую о себе подают надежду, так и в частных поступках пред прочими взяли преимущество, избрать 10 человек, для отправления их

в Англию, дабы в университетах Оксфордском и Кембриджском в пользу государства, высших обучаться могли наук и восточных языков, не выключая и богословия»<sup>1</sup>.

Для надзора и попечения при молодых людях должны были находиться инспекторы. Так в 1765 г. Руднев был вызван в Санкт-Петербург и в 1766 г. отправлен в Геттинген как инспектор группы из четырех студентов (Рязанов, Новиков, Смирнов, Андреевский). Из всех групп, отправленных в разные западно-европейские страны для обучения, наиболее успешной оказалась поездка геттингенской группы во главе с Рудневым.

В Геттингенском университете Руднев не ограничился одним выполнением простого надзора над вверенной ему группой студентов, он все свое время посвятил учебе. Руднев слушал университетские лекции, повторил и те науки, которым обучался в славяно-греко-латинской академии, прошел новые курсы. Он овладел немецким и французским языками, научился древнееврейскому языку.

За время шестилетнего пребывания в Геттингене, кроме самообразования, Руднев занимался изданием богословских книг на немецком и латинском языках. В 1771 г. перевел на немецкий язык Несторову летопись. За эту деятельность Дмитрий Руднев получил диплом товарища и корреспондента Исторического института в Геттингене.

По возвращении в Россию в 1772 г. члены Геттингенской группы держали экзамен перед комиссией, в которую входили академики Штелин, Крафт, Лаксман, инспектор академической гимназии Бакмейстер и др. На этом экзамене особенно глубокие знания обнаружил Руднев. Комиссия назначила Руднева префектом и профессором философии Московской славяно-греко-латинской академии. После этого высокого назначения Руднев около двух лет оставался в Петербурге для продолжения своих ученых занятий: Руднев собрал все прозаические и стихотворные, печатные и рукописные произведения М.В. Ломоносова и издал их в Москве с указанием на различные чтения прежних изданий.

В 1775 г. на 38-м году жизни Руднев вступил в монашество, приняв духовное звание Дамаскина. В 1778 г. Дамаскин был назначен ректором славяно-греко-латинской академии. В 1782 г.

<sup>1</sup> С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России. — СПб., 1910. — С. 469.

он принял сан епископа. 22 сентября 1783 г. был переведен с поста Московского викария в Нижегородскую епархию. Как отмечают биографы, при Дамаскине в Нижегородской епархии произошли большие изменения. Эти изменения коснулись прежде всего Нижегородской семинарии, где «прежние науки... распространялись, а с ними вместе вводились и новые»<sup>1</sup>. По распоряжению Дамаскина «для обращения инородцев в христианство, введено преподавание языков татарского, мордовского и чувашского, которыми и сам он занимался»<sup>2</sup>.

Дамаскин правил Нижегородской епархией 10 лет, с 1783 по 1794 г. За все это время семинария славилась так называемыми диспутами, на которых «читались оды и речи на русском, латинском, греческом, немецком, французском, татарском, мордовском и чувашском языках»<sup>3</sup>. Об этих диспутах стало известно за пределами Нижегородской епархии. В государственном архиве Горьковской области (г. Горький) хранится подробное описание торжественной церемонии, состоявшейся по случаю окончания учебного года в семинарии. Это описание представляет собой изложение хода диспута семинаристов и было составлено для преподношения Екатерине II (см. № 1).

В книге архим. Макария «История Нижегородской иерархии...» говорится, что Дамаскин занимался языками инородцев, «особенно изучал язык мордовский, для которого готовил и грамматику, но издать ее не успел»<sup>4</sup>. Следует, однако, отметить, что пока не обнаружено никаких следов работы Дамаскина над мордовской грамматикой. В Гос. архиве Горьковской области, где хранятся дела Нижегородской семинарии и духовной консистории, по этому вопросу не содержится никаких данных.

В начале 1794 г. Дамаскин впал в немилость перед Екатериной II и был уволен за «германские бредни, толпившиеся в его голове». В течение последних двух лет он жил в Москве в неизвестности. Умер Дамаскин в 1795 г. в 57-летнем возрасте в Покровском монастыре.

<sup>1</sup> Иер. Макарий. История Нижегородской семинарии. — Н.-Новгород, 1849. — С. 13.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Архим. Макарий. История Нижегородской иерархии. — СПб., 1875. — С. 172.

Назначение Дамаскина епископом Нижегородской епархии, пользуясь выражением Н.А. Добролюбова, совпало со временем «особенно литературного и ученого настроения императрицы. Тут она основала Российскую академию, дозволила заведение вольных типографий, составила план сравнительного словаря всех языков и наречий...»<sup>1</sup>. Поэтому уже через год своего правления Дамаскин получил указание о составлении словаря языков, на которых говорили в пределах Нижегородской епархии.

По получении царского распоряжения Дамаскин сплотил группу составителей словаря. Тот факт, что в общей сложности за семь месяцев был завершен не только черновой вариант, но и переписан весь словарь объемом свыше 11 000 словарных статей на пяти (а с учетом удмуртской части — на шести) языках, говорит о хорошо продуманной и организованной работе.

К составлению словаря Дамаскин привлек «знающих оные языки священников и семинаристов» (л. 1) — носителей эрзя-мордовского, татарского, чувашского и марийского языков, вызывал с мест священников, владеющих этими языками, и обращенных в христианскую веру представителей татар, чувашей, марийцев и мордовцев.

Судя по тому, как быстро был составлен Словарь (на все виды работ ушло всего семь месяцев), можно заключить, что, во-первых, организатор работы над словарем епископ Дамаскин был опытным лексикографом и, во-вторых, составители имели перед собой готовый словарник, составленный на основе готовых словарей русского языка того времени. Совсем не исключено, что Дамаскин составил словарик к «Словарю языков разных народов...», опираясь на следующие источники:

В е с м а н н о в . Немецко-латинский и русский лексикон. — СПб., 1731.

Лексикон российский и французский, в котором находятся почти все слова российского алфавита, ч. I — II. — СПб., 1762.

Российский с немецким и французским переводом словарь, сочиненный Иваном Нордстетом, ч. I, А — Н. — СПб., 1780; ч. II, О — Я. — СПб., 1782.

Словарь на шести языках: на российском, греческом, латинском, французском, немецком и английском, Г. Полетика. — СПб., 1763.

П о л и к а р п о в Ф. Лексикон трезычный, сиреч речений славянских елиногреческих и латинских сокровище. — М., 1704.

Российской целариус, или этимологический российский лексикон, изданный Ф. Гелтергофом. — М., 1771.

<sup>1</sup> Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений в трех томах. — Т. II. — М., 1952. — С. 378.

Не исключено также, что Дамаскин как член Российской Академии мог использовать еще неопубликованные материалы, подготовленные для «Словаря Российской Академии».

Какое-то количество заглавных слов, по-видимому, Дамаскин ввел, не прибегая к помощи готовых источников.

В русской части представлены очень разнообразные лексические пласти. Перечисление всех групп слов заняло бы очень много места. Укажем поэтому лишь на некоторые слои лексики русского языка: слова, связанные с выражением религиозных понятий, слова отвлеченного значения (типа благодушие, доброта и др.), термины родства, названия животных, растений, рыб и т. д., и т. п.

Поскольку многие словарные статьи в заглавной части состоят из пяти и более слов, то специалист по русскому языку здесь найдет материал не только для фонетических и лексикологических наблюдений, но и для работы над морфологией и синтаксисом русской части Словаря.

Самым трудным, однако, остается вопрос о том, представителями каких населенных пунктов, следовательно, носителями каких диалектов являлись составители, в частности, мордовской части словаря?

Положительный ответ на этот вопрос разрешил бы многие вопросы, возникающие при филологической обработке рукописи словаря и лингвистической интерпретации содержащихся в ней явлений, в частности эрзя-мордовского языка.

Из-за отсутствия необходимых данных вопрос о локализации населенных пунктов, говоры которых легли в основу словаря, приходится решать лишь косвенным путем.

Необходимо, во-первых, определить пространственные пределы Нижегородской епархии в год составления словаря, именно в 1785 г.

Во-вторых, надо установить, какие мордовские населенные пункты входили в Нижегородскую губернию и епархию.

В-третьих, нужно выявить особенности говоров тех мордовских населенных пунктов, которые прежде входили в состав Нижегородской епархии и продолжают ныне существовать в пределах тех или иных административных единиц.

И, наконец, сравнив особенности мордовской части словаря с характерными чертами современных говоров указанных населенных пунктов, можно было бы с большей или меньшей долей вероятности локализовать исконные мордовские говоры, которые послужили основой для мордовской части словаря.

**14. Словарь языков разных народов 1785 г.— РО ГПБ, ф. 885. Эрм. собр. 223, 477 л. (рис. 8 а, б).**

В рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (г. Ленинград) хранится беловой список «Словаря языков разных народов» 1785 г. Этот экземпляр был составлен по черновому списку словаря под этим же названием (см. № 13) и преподнесен Екатерине II. Рассматриваемый беловой (или Ленинградский) список, как и черновой (или Горьковский), состоит из двух томов. Оба тома ленинградской рукописи словаря в кожаных сафьяновых переплетах с золотым тиснением.

Заголовок в первом томе полностью повторяет название, которое дано в черновом списке. Однако предуведомление в Ленинградском экземпляре не является полной копией предуведомления Горьковского списка. Поскольку Ленинградский список был составлен для Екатерины II, то в нем нельзя было приводить и текста реескрипта императрицы с требованием доставить ей словарь на языках народов Нижегородской епархии. В Ленинградском беловом списке было бы также неуместным оставлять указание Дамаскина о том, что черновик словаря передан на хранение в библиотеку Нижегородской семинарии. В ленинградском списке нет также тех словариков, которые фигурируют в составе предуведомления Горьковского списка. В остальном предуведомление в Ленинградском списке словаря повторяет все содержащееся в Горьковском списке.

В основном тексте первого тома Ленинградского списка словаря имеется, как и в Горьковском экземпляре, свыше 11.000 словарных статей. Но в беловом списке совсем не восстановлены зачеркнутые слова из Горьковского списка.

Специально об особенностях мордовской части «Словаря языков разных народов...» см. в № 13.

Второй том Ленинградского экземпляра рукописи имеет заголовок: «Словарь черемисского языка с российским переводом по алфавиту российскому расположенный». Заголовок этот написан рукой Дамаскина. Во втором томе Ленинградского списка отсутствует графа с удмуртскими словами, нет и отдельного списка 287 русско-марийских слов, которые в черновом экземпляре даны под названием «Перевод с российского на черемисский язык». Основной же текст Ленинградского списка «Словаря черемисского языка», кроме некоторых разнотечений в графике, ничем существенным не отличается от Горьковского текста.

# СЛОВАРЬ

*Изъикъеъ разнѣихъ народовъ  
въ*

*Нижегородской Епархіи отыпавшыхъ;  
И. Ф. Ино*

*Россіянъ, Татаръ, Чувашск.*

*Мордвы, и Чеченисъ:*

*По вилючащему соневоленію и повсатнію  
Ея Імператрійскою величественію  
Пресвѣтой Государзинѣ,  
Екатеринѣ Алексѣвнѣ,  
Императрицы и Самодержицы всероссійской,  
По Адрессамъ Россійскихъ съборъ  
Расположенію;*

"  
*въ Нижегородской Семинарии  
отъ*

*Знающихъ онихъ языки священніиоъ  
и Семинаристыоъ,  
Подъ присмотромъ Пресвѣтѣннаго  
Амвросійскаго Епископа Нижегород-  
скаго и Алатовскаго,  
Сочиненію  
1785ъ года*

Поросійскии	Татарскии	Чувашскии	Мордовскии
Зод	таманъ	хиза	тилтакъ
Зодъ	таманънъ	хизансъ	тилтакъ
Зодъ	тамъ	хиза	тилтакъ
Зода	тамънъ	хиза	тилтакъ
Золото	сітапанъ	бичтынаданъ	сынгире вадни
Золото	сітапанъ	сітапанъ	сынгире
Золото и шебако	сітапанъ біланъ тываданъ	бичтапанъ вадни кылъвасъ	сынгире виш- нинъ
Золотои	сітапананъ	бичтапанъ	сынгире
Зодъ	сітапананъ	бичтапанъ	сынгире
Золотина тутъ			сынгире тутъ
Зульдостъ	пшианъ	тизишъ	пянирка
Зуралы	пшианъ ти- памъ	тизишъ	пянирка

Рис. 8а

Рис. 8б

15. Словесник на разных языках. — ААН СССР, ф. 21, оп. 5, д. 6, 114 л. об. — 127, 1-я пол. XVIII в.

В данной рукописи представлено по 314 слов на русском, татарском, марийском, чувашском, удмуртском, эрзя-мордовском, коми-пермяцком и коми-зырянском языках. «Словесник» является приложением к рукописи под названием «Описание сибирских народов вообще с приобщенным к оному особливым известием о живущих около Казани языческих народов с показанием, что при описании народов примечати должно. Герардом Фридрихом Миллером императорской Академии наук профессором сочиненное. Часть первая» (см. ААН СССР, ф. 21, оп. 5, д. 6, 114 л.).

Листы рукописи «Словесника на разных языках» перепутаны, по-видимому, уже при брошюровке рукописи другими лицами.

Мордовская часть «Словесника» составлена на эрзя-мордовском диалекте, имеющем в системе консонантизма характерную фонему [η]. Например: *тенгзера t'ēŋz'era* «пшеница», *килинг kil'iŋ* «береза», *пенгечурка реңе-čurka* «чеснок» и т. п. Как видно, [η] передается сочетанием букв *нг*.

«Словесник» на перечисленных языках позднее был полностью включен в книгу Г.Ф. Миллера «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков, с показанием их жительства, политического учреждения, телесных и душевных дарований, какое платье носят, от чего и чем питаются, о их торгах и промыслах, каким языком говорят, о художествах и науках, о естественном и вымыщенном их языческом законе, тако же о всех употребительных у них обрядах, нравах и обычаях; с приложением многочисленных слов на семи разных языках, как-то: на казанско-татарском, черемисском, чувашском, вотяцком, мордовском, пермском и зырянском, с приобщенным переводом господней молитвы Отче наш на черемисском и чувашском языках. Сочиненное Герардом Фридрихом Миллером... по возвращении его в 1743 году из Камчатской экспедиции» (СПб., 1791)<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Об особенностях мордовской части «приложения многочисленных слов на семи разных языках» из указанной книги Г.Ф. Миллера см.: А. П. Феоктистов. Мордовские языки в историко-этнографической литературе 17 — 18 вв. — В кн.: «Очерки мордовских диалектов», т. 2. — Саранск, 1961. — С. 13 — 22.

Первое издание «Описания живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков...» вышло в свет в 1756 г. в журнале Академии наук «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие»<sup>1</sup>. Однако текст «Описания» 1756 г. редакционно несколько отличается от текста «Описания» 1791 г. издания.

В «Описании» 1756 г. отсутствует «Словарь на татарском, черемисском, чувашском, вотяцком, мордовском, пермском и зырянском языках, с российским переводом», в нем не указано и авторство. В сноске к заглавию первого (1756) издания книги Г.Ф. Миллера (стр. 33 — 34) говорится следующее: «Сие описание сочинено в 1733 г. при случае отправления некоторых членов Академии наук в Камчатскую экспедицию, которые путь имели через Казань, и сочинитель (т. е. Г.Ф. Миллер. — А.Ф.) уверяет, что он здесь им предложенное либо сам видел, либо по вопросам от него учиненным, то через самые те народы, то через толмачей, обо всем известился». Отсутствие словаря в первом, русском, издании работы Г.Ф. Миллера, по-видимому, объясняется тем, что как раз в те же 50-е годы XVIII в. стали готовить к изданию немецкий перевод «Описания» вместе со словарем. Немецкое издание вышло в третьей части IV тома «Sammlung Russischer Geschichte»<sup>2</sup>. Приведем список различий в эрзянских словах по «Описанию» 1791 г. и рукописи «Словесника на разных языках» Г.Ф. Миллера. В «Описании живущих в Казанской губернии языческих народов» 1791 г. допущены некоторые типографские ошибки, которых нет в рукописном тексте «Словесника на разных языках». Слева до косой линии даются написания эрзянских слов по «Описанию», а справа — из рукописи «Словесника». Транскрипция основывается на написаниях по «Словеснику»:

воскре енье — чедле-чи/недле-чи n'ed'l'e-či  
неделя — недль/недтль n'ed'l'e  
воздух — войма-кошь/войма-кошь vojma-koš  
дрова — пъенге/пъёнге re:n'ge  
река малая — въешкине въедь/... въедь veškin'e ved'  
клей — якъ стремоди/якъстре мόда jaks't'r'e mo·da  
серебро — съе/сье s'ije.

<sup>1</sup> СПб., 1756, июль, с. 33 — 64, август, с. 119 — 145.

<sup>2</sup> См.: G. F. M ü 1 1 e г. Nachricht von dreien im Gebiete der Stadt Kasan wohnhaften heidnischen Völkern, den Tscheremissen, Tschuwassen und Wotiacken. — SPb., 1758 — 1759.

олово — рауше киве/ráuše-ki·ve  
 жена — рьёмь/rvémь r'vem  
 грудь — міесте/miéste meš't'e ~ mes't'e  
 кишки — сúллоть-пъенеть/c.-пъекет s'u.llot-peket  
 дом — кардасъ/кардáсь karda·s  
 восковая свеча — шшатоль/штатоль šta·tol'~ štatol  
 лось — свярда/съярда s'arda  
 пьяный — ириденъ/ириденъ i·r'id'en'  
 есть — ярсамасъ/ярсамкъ jarsamks  
 спать — удумумзасъ/ўдумумзасъ udumum zas'  
 молчать — лоткаль/лотка́къ lotka:k  
 я стою — монъ эщанъ/... эщанъ mon e·šcan  
 красный — якстра/յакстра ja·kstra  
 желтый — оша/o·sha o · ša  
 низкий — апукшке/ápukshke a·pukške  
 живой — оимингъ/óимингъ ojmíŋ  
 шесть — кота /kóta ko·ta  
 девятнадцать — ке-вейнсие/ке-вéйксие ke-vejksije и некоторые др.

16. [Список русских слов с переводом на черемисский и мордовский языки].— ААН СССР, ф. 94, оп. 2, д. 110, 4 л., 2-я пол. XVIII в. (рис. 9).

В рукописи 286 пронумерованных русских слов, переведенных на марийский и эрзя-мордовский языки. Проставлено ударение. Материал этот был прислан из г. Нижнего Новгорода по требованию составителей «Сравнительных словарей всех языков и наречий». Мордовская часть написана на ё-диалекте эрзянского языка. Например: сядей s'äd'ej «сердце», вя vä «ночь» и др.

17. [Список русских слов с переводом на черемисский, чувашский, мордовский и вотяцкий языки].— ААН СССР, ф. 94, оп. 2, д. 111, 5 л., 2-я пол. XVIII в. (рис. 10).

В рукописи представлено 264 слова из русского языка, которые снабжены переводом на марийский, удмуртский, чувашский и эрзя-мордовский языки. Этот словарный материал был прислан из Нижегородской губернии в редакцию «Сравнительных словарей всех языков и наречий».

Мордовская часть рукописи написана на ё-диалекте эрзя-мордовского языка. Например: пяки päki «живот», сяреi sär'ej «высота» и др.

16	Черемисский	Мордовский
38	чоты	нёре
	ромы	у́жин
40	глаза	буй
	лобъ	санга
	зубъ	тило
	биль	саме
	кротъ	вяри
	белого	куй
	мало'	нидо
	блеско	крутьш
	ниско	глекш
	солнце	квие
	блески	глекше
	звезды	шэдуро
	небо	
	луна	дигило
	осень	тижо
	зора	шайшо
	тучи	ногар
	солнце	бокъ
	серебро	сами
	железо	седло
	боязнь	хёре
	моги	рёб
	гроза	шия
	ливни	шайшо
	луга	содра
	дерево	ну
	горы	шидо
	солнце	сами
	спаси	умышишо
	раздеть	штеношо
70	волыт	нагашаш
	миара	биса
	волошо	шоршиш
	серебро	ши
	блескъ	бозакъ
	голова	кудо
	слухъ	лон

Рис. 9

2

№	По русскому	По чувашки	По мордовски	По чечетчи	По калмыцки
74	Осаев	шозяинъ	шогорз	сакисинъ	шозяинъ
75	Домб	сортовъ	шкаб	шодоткашъ	шоронъ
76	Соков	шолосовъ	шаднинъ	шоретовъ	шэхуръ
77	Зенков	шфасовъ	шаристовъ	шранъ	шордзукъ
78	Винук	шора	штуковъ	шитонъ	шанештукъ
79	осадение	шикдрѣнъ	штѣжкъхолъ	шадъ	шебигла
80	обожание	шылнѣрѣнъ	швадукъ	нишинъ	шбинъ
81	шофър	штѣбашъ	штѣръ	шубъ	шит
82	стюх	шшадъ	штихъ	шитъ	шитъ
83	стакан штѣб пін	шра	штакъ	штакъ	штакъ
84	шотръ	шѣйоринъ	шакинъ	шессинъ	шотръ
85	шѣтровъ	шакинъ	шаданъ	штакинъ	штакинъ
86	шорицъ	шаде	шорез	шурбез	шорбез
87	шкуро	шуму	шмурда	шль	штакъ
88	штихъ	шакинъ	шарлонъ	штолбъ	штолбъ
89	штѣро	штѣтевъ	штѣтчадъ	штѣрла	штѣблъ
90	шѣкос	штѣрбенъ	шозяинъ	шбенъ	шбенъ
91	шурѣ	штѣб-шиссе	ширдя	шортъ	шорб
92	брать	шнѣх	шнѣхъ	шнѣхъ	шнѣхъ
93	шестеро	штан	штакъ	штакъ	штакъ
94	шѣбахъ	шнѣхъ	штѣбъ	штѣрдъ	штѣнъ
95	шѣбкъ	шурбенъ	шрадъ	штѣбенъ	штѣпъ

Рис. 10

18. [Список русских слов с переводом на черемисский, чувашский, мордовский языки].— ААН СССР, ф. 94, оп. 2, д. 112, 7 л., 2-я пол. XVIII в. (рис. 11)

403

№	По русскому	По чувашки	По чечетчи	По мордовски
189	Гесница.	Шинадупинъ.	Күспинин.	Салланнинъ.
190	Щопи.	Унлашъ.	Янахъ.	Цопи.
191	лицо.	Шылбен.	Пыръ.	Пыма.
192	Пасты.	Погна.	Пугна.	Султъ.
193	Ногти.	Кытвъ.	Чина.	Кенде.
194	Пято.	Боги.	Хубуси.	Лаатху.
195	Шекъ.	Шей.	Май.	Судимъ.
196	Спина.	Пупъ.	Сурымъ.	Кадимъ.
197	Суи.	Ушицъ.	Пугамъ.	Паритъ.
198	Листикъ.	Аыштаникъ.	Сылезнъ.	Лопатъ.
199	Фара.	Иагъ.	Сыныгъ.	Лизимъ.
200	Глазъ.	Йи.	Лагъ.	Сягахманъ.
201	Молния.	Волсаданъ.	Сисенъ.	Уандилъ.
202	Снегъ.	Ахъ.	Рагъ.	Лоу.
203	Струда.	Иашинъ.	Сиахъ.	Яшиами.
204	Бризъ.	Ногна.	Пылактий.	Рядисъ.
205	Макушка.	Шигъ.	Сыть.	Лаатца.
206	Челюстъ.	Енб.	Симъ.	Ламанъ.
207	Спичка.	Шонга.	Бады.	Сыга.
208	Молено.	Угбенъ.	Самгашъ.	Одъ.
209	Сиело.	Вашинъ.	Часъ.	Кутенъ.
210	Птича.	Оланъ.	Хулгяна.	Спасти.
211	Лягунъ.	Енбеллий.	Синаямъ.	Ламашъ.
212	Каш.	Кулышишъ.	Лапла.	Када.
213	Цапъ.	Кушпо.	Эстегъ.	Коса.
214	Кога.		Хурланъ.	Зарда.
215	Что.	Падено.	Менъ.	Мизя.
216	Кенъ.	Кундиннинъ.	Канба.	Ки.

Рис. 11

В рукописи дано 357 русских слов с переводом их на марийский, чувашский и эрзя-мордовский языки. Рукопись подписана: «Собирал коллежский асессор Мендиер Бекдорин». [Но эта фамилия, написанная нечетким почерком, читается с большим трудом]. Мордовская часть этого списка слов составлена на ё-диалекте эрзянского языка. Например: лям läm «имя», вядь väd' «вода», пячима päckima «резать» и т. д.

**19. Список 357 русских слов с переводом на черемисский, чувашский и мордовский языки (в русской транскрипции, за подписью Мендиер Бекдорин). — ААН СССР, ф. 94, оп. 2, д. 192, 1—7 л., 2-я пол. XVIII в.**

Представлен тот же словарный материал, что и в рукописи под названием «Список русских слов с переводом на черемисский, чувашский, мордовский языки» (см. № 18).

**20. [Т а т и щ е в В. Н. Параллельные русско-чувашско-черемисско-мордовские списки слов. Не в алфавитном порядке]. — ААН СССР, ф. 21, оп. 5, д. 149, 454 — 463 л., 1-я пол. XVIII в. (рис. 12).**

Рукопись составлена русской скорописью первой половины XVIII в. Обилие выносных букв, а также, по-видимому, и описок затрудняет чтение ряда слов. Мордовская часть написана на ё-диалекте эрзянского языка. Например: мякиш mäkš «пчела», кянжса känža «копыто», пянгэб pän'ge «дрова», вяли väl'i «деревня», тяхтиль täh'tir' «девица», вядь väd' «вода» и др. Всего в мордовской части рукописи, как и в других ее частях, фигурирует около 500 эрзянских слов.

Приведем список отдельных эрзянских слов: лова lova «снег», чухта čuhta «дерево», кёлас kelas' «лисица», чиними čin'im'i «куница», уваси uvaši «жеребенок», увас uvas «тленок», туга tuga «свиная», пине pin'e «собака», нарма narmta «птица», карчага karčaga «ястреб», вязис väz'is «воробей», кёбя keg'a «соты», чора čora «сын», шакала šakala «борода», турбат turbat «губы» и др.

**21. Mordwinische Sprachproben. — РО ГПБ, ф. Аделунга 35, 221 л. Конец XVIII в. (рис. 13).**

Рукопись представляет собой запись около сотни эрзянских слов с немецкими переводами. Эрзянская часть, в отличие от немецкой, составлена средствами русской графики. Например: чора čora — Sohn, mexterъ t'eht'er — Tochter, вёхка vehka — eins и т. д.

РУССКОЕ	ЧЕРЕМИССКИЙ	МОРДВИНСКИЙ	ДЕУ
жареное	тю	шамашма	пясе
убийство	чига?	элчи	чимма
удобство	эржаси	эрла	шоткази
платье	вяде	шогжин	вадилга
блеск	шумах	коше	кофе
смирить	онеси	кохенк	хома
пастух	шаки	шабанчурбин	брюссекс
птица	эйк	вончай	хакон
хлеб	свир	кнэхт	хлеб
мясо	аша?	шк	хлеб
мучка	шонож	кошашка	хлебка
молоко	свон	шешеб	хлеба
масло	сё	ги	ши
себя	шумах	шурт, шурб	моты
прост.	эй	обж	виф
развод	од?	я?	ти
соловей	а?	ш	хэт
избы	шакад	шаки	ховы
оло для развод	ко?	шурб	ханы
зуб	хор	шакаш	хах
снеби	шб	пвс	хх'
нос	сн	нбрас	хха
носарь	снешашмаки	нбрас	ххови
с精华	тхаш	шаки	хаси
борода	корд	шогжел	хасика
рот	свес	шак	хх

Рис. 12

## Mordunische Sprachproben.

Рис. 13

35

## Эрзянские рукописи на основе латинской графики

**22.** Сходство венгерского с остяцким и ногульским, с пермским и зырянским; и с татарскими языками. — ЦГАДА, ф. 199, оп. 513, д. 25, 4 л., 1-я пол. XVIII в.

В рукописи 20 мордовско-венгерских словарных соответствий, снабженных латинскими переводами. В мордовской части материал в диалектальном отношении неоднородный.

Приведем список латинско-эрзянских слов вместе с транскрипцией:

coelum — menil [men'il], nix — lo [lo], nox — wei [vei], mensir — ko [ko], aqua — wied [ved'], lupis — kjaw [käv], pilus — scher [šer], purva — sakal [sakal], oculus — ssjelm [s'el'm], lingua — kjel [kel'], mentum — ula [ula], manus — kjed [ked'], cor — ssiedei [s'ed'ej], pagus — wälä [vä'lä], sagitta — nall [nal], lupus — wjargess [wär'ges], piscis — kâl [kal], butyrum — wai [vaj], siligv — ross [ros], coeruleus — ssan [san].

23. [Фишир И. Э. Словарь]. — ААН СССР. Разряд III, оп. I, № 135, 2-я пол. XVIII в. (рис. 14).

В этом рукописном словаре приведены списки около 500 слов на многочисленных языках и диалектах. Заглавными поставлены латинские слова. Затем следуют переводы этих слов на финно-угорские, тюркские и языки других систем. В словаре фигурируют переводы почти на всех финно-угорских и самодийских языках: финском, эстонском, венгерском, мордовском, марийском, коми-зырянском, коми-пермяцком, удмуртском, мансийском, хантыйском, ненецком и камасинском. Камасинский язык в рассматриваемый период сохранял еще черты самодийской группы уральских языков. В настоящее время этот язык является полностью отуреченным. Важно отметить, что мансийские, хантыйские и ненецкие переводы в рукописи повторяются на разных диалектах этих языков.

Составление словаря приписывается проф. И.Э. Фишеру, участнику Великой северной (или 2-й Камчатской) экспедиции 1733—1743 гг. Академия наук в 1739 г. командировала И.Э. Фишера в Сибирь на смену акад. Г.Ф. Миллера, возглавлявшего «сухопутный отряд» этой экспедиции. Во время своего путешествия в 1739—1743 гг. И.Э. Фишер по инструкциям Г.Ф. Миллера собирал лексические материалы по языкам народов России.

Völtice	Czeremissice	Mordvitsce	Mofitice
181) kar [štr. Ung. Heor.	181) olák [Cz. g.	181) osch [Isg. Ost.	181) Lin; Morav.-Riedl.
182)	182)	182)	182) Lina
183) gurč [jurdy. Mong.	183) aul [Tat.	183) Wälä [finn. Ugr.	183) Küllä
184)	184)	184)	184) Küllä
185) gitkwa	185) kuda [Mong. 186	185) Karabas [Perm.	185) Kärbä
186) korkkha [šir.	186) port [Cz. w.	186) huda [Cz. n. 185	186) Kärbä
187) muntchó [Tat.	187) molchak [Tat.	187) banja [Lufs.	187) zuur
188) tuščak [Tat.	188) tuščak [Tat.	188) alkama	188) wadi (Jab. bkt)
189) džher [Rom. 20 190	189) ešel [Augs. Ung.	189) stol [Aus.	189) land (Jab. g. bkt)
190) pučén [Cz. er.	190) pučén [Tat.	190) m'okol	190) taol (Jab. tig.)
191) ušciuso	191) olma, tengil	191) esem	191) pinc
192) ořeš [štr. Aug.	192) amojáň	192) Kangsch	192) uks [Bot.
193)	193)	193)	193) Luk
194) tungon [Oř.	194) Šura potčekesch	194) pančhúmat	194) Wölle
195) pielák [ung.	195) akna [Aus.	195) Wel'ma	195) alkhan
196) partí [Perm. šir.	196) pat [Isg. Ost.	196) surgošas	196) Kalid
197) kafčeké [Aus.	197) petčeké [Aus.]	197) [Aus.]	197) Wéat
198) partí [Perm.]	198) küje [ung.]	198) péal	198) waga
199) puči [štr.]	199) kudčák	199) pātčch [Syr.	199) l. -skaf
200) kafčeké [šir. Hung. 198]	200) Wäfch. Käfesch [šwigs]	200) kaitch [Bot.]	200) l. -kaf
Vogulorum Talymer- skim	Vogulorum Vereno- tarium	Tangutice	Язике
181)	181) očja	181)	180) 20113, ТВ
182) ang	182) üz	182)	181)
183)	183) neet	183) Kang	183) 20113, Тангуты
184)	184) kerpautehma	184)	184)
185)	185) : Kaljatrom-	185) Khawà	185) /з/
186) Kornka [Bot. Perm.	186) Kerke Karantan.	186)	186) 20113-234
187)	187)	187)	*
188)	188)	188) Deng, Dagan	187) тангуты-з/
189)	189)	189)	188) 20113-234
190)	190)	190) džukur, Jihakur	189) 20113-234
191)	191)	191)	190) 20113-234
192) ang	192) okwaa	192) Kong, Jgo	191) Ганчуганд
193)	193)	193)	192) Кунчумано
194)	194)	194)	193)
195)	195) kummarj	195) kar-ül	194) га-з/е
196)	196)	196) tang-ugä	195) джанчук
197)	197)	197)	196) /з/
198) iapet	198) jepet	198) džuh	197) Манчукунчук
199) ke-čenap: setap	199) ke-čenap: seta	199)	198) джанчук
200)	200)	200)	199) джанчук

Рис. 14

В известных «портфелях» Г.Ф. Миллера (ЦГАДА, ф. 199) сохранился отдельный список «Инструкции г. адъюнкту Фишеру, когда он был послан на мое место». К этой подробной программе собирания этнографических и других сведений Г.Ф. Миллер приложил «Vocabularium», представляющий собой список свыше 500 слов, которые надлежало переводить путешественникам на многочисленные языки и диалекты народов России. Словарь И.Э. Фишера, по-видимому, и был составлен по этому готовому списку слов. Русская часть «Vocabularium» повторяется также в «Словарнике, по которому собирать слова в языках и диалектах иностранных народов»,ложенном к другой рукописи Г.Ф. Миллера «Показанию, каким образом при описании народов, а паче сибирских, поступать должно» (ЦГАДА, ф. 199, портф. 508).

Составленный таким образом словарь И.Э. Фишера «Vocabularium continens trecenta vocabula triginta quatuor gentium maxima ex parte Sibericarum» служил в свое время немецкому историку А.Л. Шлецеру при составлении им классификации «aller russischen Nationen» в его трудах «Probe Russischen Annalen» и «Allgemeine Nordische Geschichte». По просьбе А.Л. Шлецера И.Э. Фишер передал рукопись своего словаря Историческому институту в Геттингене, где она должна находиться и поныне. Однако геттингенскую рукопись, по-видимому, нельзя считать единственным списком словаря И.Э. Фишера. Можно предположить, что словарь, переданный в Геттинген, является всего лишь отдельным (и не обязательно вполне идентичным!) списком той же рукописи, которая хранится у нас в Архиве АН СССР. Окончательно же этот вопрос решится лишь при конкретном сопоставлении материалов обеих рукописей.

Перейдем к краткой характеристике мордовской части словаря И.Э. Фишера. Мордовская часть словаря заполнена словами из эрзянских говоров. Всего приведено 277 слов, написанных средствами латинской графики.

Приведем список отдельных эрзя-мордовских слов, представляющих интерес с точки зрения их написания, диалектной принадлежности и т. д.

Kümen [kümen'] «десять», kümen-toscht [kümen' tošt] «десять тысяч», tschudi-wied [čud'i ved'] «река» («текущая вода»), inne-vied [in'e ved'] «море (великая вода)», jerke [jer'ke] «озеро»,

schufsta [šufta] «дерево», kiling [kil'iŋ] «береза», kjäv [käv] «камень», tongsöra [toŋs'ora] «пшено (пшеница)», mui [muj] «масло», loftza [lofca] «молоко», süwel [s'uvel'] «мясо», wälä [vä'lä] «слобода», «деревня», uschmä [ušmä] «конь», «лошадь», tschinama [čin'ětə] «куница», ıru [ırı] «белка», matsen [mac'en] «гусь», Rau [rav] «Волга» и т. д.

## МОКШАНСКИЕ РУКОПИСИ

### Мокшанские рукописи на основе русской графики

24. [П а л л а с П. С. Параллельные латинско-мордовские списки слов]. — ААН СССР, ф. 21, оп. 3, д. 222, л. 8 — 15, 1768 г. (рис. 15).

Материал прислан акад. П.С. Палласом в Академию наук вместе с письмом из г. Симбирска, датированным 10 ноября 1768 г.

В письме П.С. Паллас сообщил о своей поездке в г. Касимов и встретившихся ему на пути двух племенах мордвы — мокше и эрзе.

В приложенной к письму рукописи приведено 558 латинско-мокшанских слов. Мокшанская часть «списков слов», в отличие от латинской части, дана в транскрипции на основе русской графики. В «списках слов», являющихся вариантом словарного материала под названием «Vocabularium-morduanicum airpis mokchanical» (см. № 28), пропущена 46-я словарная статья: Venerio — пятница<sup>1</sup>.

25. М а с л е н и ц а и Т. Г. Топографическое описание губернии Симбирской вообще и порознь городов и уездов и обитающих в ней иноязычных народов по запросным пунктам от кабинета ее импер. величества 1784 г. Сочиненное из доставленных сведений о городах от городовых магистратов обще с комендантами и городничими, об уездах от нижних земских судов и от разных присутственных мест с приобщением историческим, касательным до страны здешней, надворным советником Тимофеем Масленицким 1785 г. — ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19026.

<sup>1</sup> Справку о «Параллельных латинско-мордовских списках слов» см.: Nova acta. Histoire de l' acad'emie imperiale des sciences. — СПб., 1788. — Т. III. — С. 68 — 70.

Latine	mordonee	Latine	mordonee
27, Aquila	акшиш-пейде	52, Umbra	снегъ
	варна	53, Annus	годъ
28, Venter ab orientе	стюомтама пейде.	54, Ver	весна
29, - a meridie	леите пейде	55, aestas	лето
30, -ab occidente	имедома пейде	56, frigore borealis	зима
31, Otiens affer	Тундзаль финна	57, Autumnus	осень
32, Oriens bramaf.	Тундзаль финна	58, Hiems	зима
33, Occafus dñi vns.	Тундзаль финна бн.	59, Menis	коу
	дона.	60, Ignis	мойв.
34, Occafs hibernus	Масленка финна зона.	61, Fumas	хараш.
		62, Pruna	пчи-сега, вады
35, Mane	шебада	63, Frigidus caro	холодъ съе
		64, Carb	съе
36, matutinum	варнишесма	65, Scintilla	спичка
37, -vespertinum	шонку	66, Aer	воздв.-помѣ.
38, Meridias	Абэрв	67, Agre	вега
39, Vesper	шеста	68, Flavius	лта
40, Media nox	Пять	69, catarracta	казафф
41, dies solis	чеснка-ш-	70, Tenuis	шэллэргэб.
42, - Lunae	недела отишь	71, rura	бълакъб.
43, Martis	шата-ши	72, Mare	шина-река
44, mercurij	вера-ши	73, Volgu	река
45, Iovis	шона-не	74, lacus	бъзе
46, Veneris	Пятница.	75, Uligo	шён
47, Saturni	Смъх-ши.	76, Foja	матыкъ
48, dierum hebdomas.	недела	77, Insula	супад
49, Flamma	шадж-торай.	78, promontorium	рашка
50, dies	ши	79, Agnus, ratus	Чиг
51, nox	блн.	80, Fons, scatena	Еши-брэ
		81, Puteus	Очи.

Рис. 15

Большое рукописное сочинение Т.Г. Масленицкого было составлено при следующих обстоятельствах. В 1781 г. Екатерина II утвердила доклады директора Академии наук Домашнева и генерал-прокурора Вяземского о направлении трех экспедиций в некоторые города России для астрономических обсерваций в целях составления карты русского государства. Симбирск был включен во вторую экспедицию. В 1782 г. Академия наук дала указание Симбирскому наместническому правлению о составлении по «запросным пунктам» топографического описания Симбирского наместничества. Наместническое правление поручило составление топографического описания некоему Т.Г. Масленицкому, предоставив ему широкие полномочия по сбору сведений как от учреждений и должностных лиц наместничества, так и от учреждений других наместничеств и от частных лиц.

В «Топографическое описание» Т.Г. Масленицкого вошли сведения о географических координатах Симбирской губернии и всех ее уездов и городов; о рельфе тех или иных территорий; о недрах и полезных ископаемых; о лесах, реках, речках и других водоемах; о растительности; о зверях, птицах и рыbach; о населении губернии; о сельском хозяйстве; о торговле; о фабриках и заводах; о некоторых фактах из истории губернии и ее городов. Непосредственное отношение к нашей теме имеют довольно подробные сведения о жизни, обрядах, верованиях, нравах и быте нерусских народов Симбирской губернии — мордовцев, чувашей, татар и калмыков.

На л. 8 рукописи имеется указание о том, что «описание иноязычных народов» Т.Г. Милькович получил от «Буйнского уездного землемера капитана Сергеева сына Мильковича». В мордовской части этого описания встречается большое количество мордовских слов и фраз. Эти слова относятся преимущественно к мокшанскому языку. Часть мордовского языкового материала имеет книжное происхождение, т. е. заимствовано из печатных источников, которыми пользовался Т.Г. Масленицкий при составлении своей рукописи.

Приведем список некоторых мордовских слов и фраз в составе кратких этнографических извлечений из «Топографического описания»:

“Трудолюбивы, склонны к хлебопашству и к крестьянским разным ремеслам и рукоделиям. И как они имеют привычку о самой малости, прежде нежели приступают к делу толковать и советовать не малое время, то роптав на свою худую привычку, употребляют обыкновенную свою пословицу

*Каля, каля, да мезя [kal'ä kal'ä da mez' ä]*, то есть «толкования много, но дела ничего»“ (л. 315).

”Даваемые же мужского пола младенцам имена следующие: *Трене* [t'ren'e «кормилец!»?], *Казай* [kazaj «коэлик!»?], *Баскул* [baskul?], *Сидяс с'idas?* и пр. А женского — *Лопай* [lopaj «листочек!»], *Проска* [proska «Прасковья»], *Шиндё* [šin'd'o?], *Лумзур* [lumzur] и проч.“ (л. 319).

”Когда больной умрет, то курице отрывают голову и бросают на улицу, говоря: *Тонаши волтетьня capac* [tona-ši vo(v) t'et' na saras] «вот тебе на тот свет курица» (л. 319). В написании волтетьня даны три слова: *во* или *вов* «вот»; буква *л*, по-видимому, дана вместо *в*; *теть* «тебе»; *ня*, которое мы читаем как *на* со значением русского «на». Написание *ня* отражает результат прямой ассимиляции *н* предшествующему *ть* по линии палатализации. Таким образом, буквально приведенная фраза означает: «тот свет, вот тебе на курицу»“.

”Жрецов у них настоящих нет. Но место их занимают всякие добрые люди, кои называются *Атепокши теш* [at'e «старик»; pokš'te «дед»]. Бог называется у эрзян *пас* [pas], мокшан *шкаи* [škaj]. За сим же словом они называют и небо. Они исповедуют еще и мать богов — *баба озакс* [babä ozëks букв. «бабье моление»], сына божия — *иничи пас* [in'i-či pas]. *Мастер пас* [master pas] есть в центре земли живущее божество, растянутое посевянные в нее семена. Есть... *ливтимя суавтума озакс* [l'ivt'imä suavtuma ozëks] «бог полей и оберегатель стад и паства»; *пурганий* [pur'gin'ij] «бог грома»; *шипас* [ši-pas] «солнце»; *тумо* [tumo] «дуб»; *пекши* [pekše] «липа»; *келу* [kelu] «береза»; *пиче* [piče] «сосна»; *заря* [zar'ä] «заря»; *юртова* [jurt-ava] «домовой»; *варма* [vartma] «ветер»; *акшекал озакс* [akše kal ozëks] «белая рыба»; *рев озакс* [r'ev ozëks] «бог овец»; *аигор озакс* [ajgär ozëks] «бог жеребцов»; *кардаз сярка озакс* [kardaz s'arka ozëks] «главный бог всего дома и дворового скота»; *кереть озакс* [ker'et' ozëks] «бог плугов, сох и всех к хлебопашеству принадлежащих орудий»; *буламак озакс* [bulamak ozëks] «бабушка богов»; *лишменя озакс* [l'išmen' ä ozëks] «бог лошадей»; *керень пас* [ker'en' pas] «лубочный бог»; *шоккань пас* [šockän' pas] «бог брёвен»; *норро вава апаручи* [norov-ava a-paru-či] «хлебная матка»; ...*муно пас* [tuon' pas] «свиной бог»“ (л. 330 — 332).

”*Тумо пас кормилесь ванымак мон грешнай вант* [tumo pas | kor'mil'es' | vanmak|m'on gr'ešnaj | vant «покровитель дубов, кормилец, обереги-меня, я грешен, обереги»] «дубовое божество, благодетельствующее мне, помилуй и спаси меня грешного»“ (л. 332).

”А в високосный год приносят в жертву с разных жительств большим числом народа лошадь и немалое количество меду, из коего приготовляют напиток. Сие жертвоприношение называется у них *Сисем веле озакс* [s'is'em vel'e ozəks букв. «моление семи сел»]“ (л. 334).

”Керень шочкин пас кормилесь ваньмак душмандо кольдо аппарарсиде мелень бутыде норровава аппаручи тонсь ванок [ker'en'] šočkən' pas | kor'mil'es' | vanmak dušmando | kol'do | a-par ar's'id'e | mel'en' butq'de | norov-ava a-paru-či ton's' vanək] — лубочный и деревянный бог, сохрани и спаси от дьявола, колдуна, от завистливого человека и лиходея. Хлебная матка, заступись и помилуй“ (л. 339).

26. Ребиндер И. Перевод нижеобъявленных слов мордовским разговором, каков употребляется в Пензенском наместничестве. — ААН СССР, ф. 94, оп. 2, д. 86, 3 л., 2-я пол. XVIII в. (рис. 16).

В рукописи 288 пронумерованных русско-мокшанских слов. Этот лексический материал за подписью Нижегородского губернатора И. Ребиндера был прислан в Петербург в редакцию «Сравнительных словарей всех языков и наречий» (СПб., 1787 — 1789, ч. 1 — 2).

Мокшанские слова отражают особенности говора, весьма близкого к центральному диалекту мокша-мордовского языка. В начале некоторых слов вместо ң выступает ч. Например: чярахманъ չагахтап «град», чиляръ չibär' «благ (хороший)» и т. д. Имеется один случай употребления ч вместо ң в середине слова: очюкаль օсükal «кит (большая рыба)».

Данная рукопись легла в основу мокшанской части «Сравнительных словарей всех языков и наречий»<sup>1</sup>.

27. Русско-татарско-мокшанский словарь. — ГАГО, Горький, ф. 2013, оп. 602/д, л. 187, 22 — 35 л., 1785 г.

Этот словарный материал представляет собой часть «предуведомления» к «Словарю языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих...» (см. № 13). Мокшанская часть «Русско-татарско-мокшанского словаря» почти полностью повторяет только что рассмотренную рукопись № 26.

<sup>1</sup> Специально об этом см.: А. П. Феоктистов. Из истории отечественной лексикографии // Всесоюзное совещание по финно-угроведению: тезисы докладов и сообщений. — Сыктывкар, 1965. — С. 109 — 111.

поручи	помордован	порушки	помордовши
война — —	война:	войнъ — —	войнъ.
брата — —	ппюрижтв.	партъ — —	шнисср.
латви — —	латви:	ббъ — —	ббъ,
лабъ — —	лабтвъ,	блазъ — —	тибярзо.
миръ — —	мирингаштв.	шарбъ — —	типора.
разбъ — —	разбъ:	полка — —	шарбъ.
ппаттв	поят.	поисб — —	пона.
кира — —	вааръ.	птицъ лтвъ —	ппардатв.
литтв	шайтв.	жика — —	изъ юништв.
варитв	тихинъ.	эло — —	օսրтира.
лтвъ — —	шатв.	ббило — —	члихчуб.
полбъ — —	(эйсроидъ).	цди — —	мойтв.
полъ — —	сланза.	што — —	спанда.
полбъ — —	штебланза.	или — —	или.
рэзбъ — —	ласртта.	эхимъ — —	срдя.
тюза — —	шюзъ.	жада — —	насртса.
полбъса — —	ппобтса.	три — —	нолима.
блолбъ — —	сийча.	латвъ — —	втортв.
блолбъ — —	ппяислв.	штептв — —	нотта.
лтбъз	ян.	(эхимъ — —	инимъ.
литтв — —	лишбонъ.	шосемъ — —	нафртд.
шиттв — —	огюнайлъ.	шемптв — —	штимис.
шиттв — —	партъ.	шеситв	штиминъ.

Иван Ребиндер

Рис. 16

**28. *Vocabularium-morduanicum airpis mocschanicae.* — ААН СССР, ф. 3, оп. 32, д. 12, 206 — 212 л., 1768 г.**

В рукописи, принадлежащей перу акад. П.С. Палласа, 559 латинско-мокшанских словарных параллелей. Мокшанские слова, в отличие от латинских, переданы транскрипцией на основе русской графики. Этот материал повторяется (кроме словарной статьи под № 46: *Venerio* — пятница) в рукописи П.С. Палласа «Параллельные латинско-мордовские списки слов» (см. № 24).

Можно предположить, что материал для этого словаря собирался в зоне распространения разных мокшанских диалектов. Об этом свидетельствуют написания, отражающие диалектную специфику одних и тех же мордовских лексем не только в их графической и звуковой оболочке, но и фонемном составе. Например: *кенчксъ* ken'čks и *кенкшъ* ken'kš «дверь»; *cie s'ije cia* и *s'ijä* «серебро» и т. д. Диалектную специфику можно, по-видимому, усмотреть и в таких словарных статьях, в которых заглавные слова имеют не по одному мордовскому соответствуанию. Например, латинское *frater* переведено *брать* [brat] и *туганъ* [tugan]; *mater* переведено словами *тедя* [ted'ä] и *ава* [ava] и т. п. Написания *мази* [maz'i] «красивый» вместо *мазы* [mazi], *жимадома* *пелде* [ži madəma pel'de] «запад», *жинстяма* *пелде* [žin' s'tama pel'de] «восток» с начальным звонким *ж* вместо *и* дают основание утверждать, что эти слова отражают особенности не центрального диалектного ареала мокшанского языка.

Весьма ценным в рассматриваемом памятнике является довольно обширный список мокшанских названий растений и деревьев, насекомых и зверей, а также некоторых других предметов и явлений природы, не нашедших достаточного отражения в современных мордовских словарях.

#### **Мокшанские рукописи на основе латинской графики**

**29. *Лексикон корейский с шведским переводом.* — ЦГАДА, ф. 199, оп. 513, д. 21, 34 л. Середина XVIII в.**

Лексикон состоит из списков слов на различных языках, выписанных из книги Н. Витсена «Северная и восточная Татария...»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> N. Witsen. Noord en oost Tartarye... — Amsterdam, 1692 (см. № 30).

В Лексиконе мордовская часть занимает л. 27 об. — 31. Выпись, в частности мордовской части, из книги Н. Витсена осуществлена с некоторыми изменениями в орфографии. См., например, в написании голландских слов:

У Н. Витсена	В данной рукописи
Godt, Musquet	God, Musket
Heyligh,Vuer-roer	Heilig,Vuur-roer
Brant, Boogh	Brand, Boog
Lant, Gras	Land, Graes

В написании мордовских слов в рукописи, по сравнению с книгой Н. Витсена, допущены небольшие и, возможно, лишь случайные изменения. См., например:

У Н. Витсена	В данной рукописи
Tsarachman	Tsarahman
Verblud	Verblued
Schimalne pelde	Schilmalne pelde

**30. *Morduinisch. Aus Witsen.* — РО ГПБ, ф. Аделунга 35, 210 — 216 л., 2-я пол. XVIII в.**

Рукопись представляет собой выпись голландско-мордовского списка слов из книги Н. Витсена<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> N. Witsen. Noord en oost Tartarye... Специально об этом глоссарии см.: A. Feoktistov. Esimene mordva sõnastik (А. Феоктистов. Первый мордовский словарь). «Emakeele seltsi aastaraamat». — Tallinn, 1959. — Т. 5. — С. 268 — 287.

*Гла в а II*  
**ЗАРОЖДЕНИЕ МОРДОВСКИХ  
ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ**

Мордовский народ издавна привлекал внимание ученых и путешественников своеобразием своего языка, быта и поэзии. В сочинениях авторов прошлых столетий содержатся обширные сведения об особенностях материальной и духовной культуры мордовцев в тот или иной период их истории.

Фрагментарные записи образцов мокшанской и эрзянской речи в виде небольших списков слов, переводов и словарей разного объема, иначе говоря, спорадические и нелитературные письменные фиксации стали осуществляться не позднее XVII в. Учет подобных записей, как известно, имеет исключительное значение при исследовании вопросов исторической диалектологии и лексикологии. Не менее важное значение внелитературные фрагментарные, записи приобретают и при изучении начальных этапов развития письменно-литературного языка.

Итак, основная цель данной главы—описать процесс зарождения и возникновения мордовской письменности, т. е. первый этап истории мордовских письменно-литературных языков. Вместе с тем важными задачами этой главы являются также изучение принципов письменной передачи языкового материала, регистрация лексических богатств, которые были запечатлены в дошедших до нас памятниках письменности, и, наконец, подбор необходимого материала для решения вопросов преемственности в эволюции мордовских литературных языков.

**МОРДОВСКИЕ ЯЗЫКИ  
В ИСТОЧНИКАХ XVII — XVIII ВВ.**

Около трехсот лет назад в Амстердаме вышел в свет первый мордовский словарь, опубликованный голландским ученым Николасом Корнелиссоном Витсеном (1641 — 1717) в его книге «Северная и восточная Татария». Этот труд, вышедший на голландском языке, имеет следующее название: *N i - k o l a e s W i t s e n. Noord en oost Tartarye, Ofte bondigh Ontwerp*

*Van Eenige dier landen en volken, zo als voormaels bekent zyn geweest Beneffens Verscheide tot noch toe onbekende, en meest noit voorheen beschreve Tartersche en nabuerige gewesten, lantstreken, steden, rivieren, en plaezen, in de Noorder en Oosterlykste gedeelten Van Asia en Europa, zo buiten en binnen de rivieren Tanais en Oby, als omtrent de Kaspische, Indische-Ooster, en Swarte Zee gelegen; gelyk de lantschappen Niuche, Dauria, Jesso, Moegalia, Kalmakkia, Tangut, Usbek, Noorder Persie, Georgia, Circassia, Grim, Altin, enz. mitsgar ders Tingoesia, Siberia, Samojedia, en andere aen Hare Zaerze Majesteiten Kroon gehoorende heerschappyen: Met der zelver Lant-Kaerten: Zedert nauwkeurigh onderzoek van veele jaren, en eigen ondervindinge beschreven, getekent, en in't licht gegeven. Amsterdam, 1692.*

Автор «Северной и восточной Татарии» Витсен играл важную роль в истории Нидерландов и особенно в развитии Амстердама, бургомистром которого он был. В 1666 — 1667 гг. молодой Витсен находился в Москве в составе голландского посольства. Однако, по мнению биографов, официального места при посольстве Витсен не занимал, так как цели его приезда в Россию были чисто научными. Здесь он составлял карты, чертил и рисовал планы и виды городов. В то же время Витсен собирал сведения по этнографии и языкам народов тогдашней Российской империи. Из людей, с которыми Н. Витсен познакомился близко, он сам называл патриарха Никона — мордвина по национальности. Можно поэтому предположить, что сведения о мордовцах он получил у Никона или же от других информантов из мордовы, которых рекомендовал Н. Витсену тот же Никон.

По возвращении на родину Витсен принялся за систематизацию и подготовку собранных материалов о народах России к изданию. Работа над книгой шла с большими перерывами и длилась ровно четверть века. В течение этого времени Витсен, занятый большими государственными делами, продолжал постепенно пополнять свои наблюдения новыми данными и сведениями, которые поступали теперь от многочисленных корреспондентов не только из России, но и из других стран: Персии, Японии и т. д. Особенно много дополнительных материалов для второго издания своего труда<sup>1</sup>. Витсен получал из России через посредство Петра I, который был знаком с Витсеном и поддерживал с ним дружеские отношения.

<sup>1</sup> Второе, исправленное и значительно дополненное издание книги Витсена на голландском же языке вышло в 1705 г., третье — в 1785 г.

В научных кругах последней четверти XVII в. и первой четверти XVIII в. Витсен был признан одним из лучших знатоков истории России и сопредельных с нею восточных стран. Исключительно высокий авторитет Витсена во всех вопросах, касавшихся России (в особенности ее востока) подтверждается, в частности, перепиской с ним знаменитого немецкого философа Лейбница. Желая ближе познакомиться с особенностями культуры и языков многочисленных народов и этнографических групп России, Лейбниц нашел необходимым обратиться за советами и материалами прежде всего к Витсену. Автора «Северной и восточной Татарии» уже современники называли «новым Колумбом» и «первооткрывателем северо-восточного света».

Книга Витсена «Северная и восточная Татария» первого, 1692 г., издания состоит из двух частей. В первой части сжато изложены высказывания древних и средневековых авторов (Константина Багрянородного, Плano Карпини, Гильома Рубрука и др.) об описываемых народах. Во второй части автор ввел новый материал по этнографии и языкам народов Сибири, а также поволжских народов: татар, марийцев, калмыков, мордовцев и др.

В книге Витсена помещен отдельный очерк о мордве (*Mordvinen*, стр. 412 — 417). Некоторые замечания автора об особенностях быта мордовцев XVII в. в этом очерке представляют несомненный исторический интерес. Витсен обратил внимание на основное занятие мордовцев — земледелие, отметил также их гостеприимство, указал на то, что мордовцы вокруг своих жилищ воздвигают защитно-оборонительные сооружения (под названием *Seek* или *Sajsec* <рус. засека>). Особенно важным представляется впервые высказанное им соображение о степени родства мордовского и марийского языков: «Мордовский, или мордвинский, и черемисский языки почти одинаковы и отличаются, как верхний и нижний немецкий»<sup>1</sup>. Конечно, такое сравнение сильно преувеличивает близость мордовского к марийскому языку. Тем не менее вывод Витсена о ближайшем родстве этих языков в условиях науки XVII в. поднимается до ранга подлинного открытия, которое в общем сохраняет свою силу и в современном финноугроведении.

<sup>1</sup> N. Witsen. Noord en oost Tartarye etc. — Amsterdam, 1692. — C. 412.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что в мордовском очерке Витсена речь идет о северо-западном ареале мордовской территории: «*Mirom, Morum, или Moruma*, — городок на Оке, находящийся недалеко от Владимира. Здесь начало мордовских татар...»<sup>1</sup>. В настоящее время на территориях, указанных Витсеном, проживают только русские. Однако явно мордовские названия многих современных сел Горьковской области, в которых живет русское население, и вообще вся топонимика этого края в целом служат подтверждением того, что в XVII в. в северо-западном ареале исконно мордовской территории, по-видимому, еще сохранялись отдельные очаги мордовской речи.

Очерк мордовской этнографии в труде Витсена завершается голландско-мордовским словарем, или, по словам самого автора, «небольшим списком мордовских наименований и слов». В этом списке приведено триста двадцать пять словарных статей.

Словарные статьи в рассматриваемом источнике не имеют алфавитного порядка, поскольку они расположены по предметным группам. В словаре фигурирует несколько групп и разрядов мордовских слов, связанных с лексическим выражением различных предметов и явлений: времен года, небесных тел, растений, зверей, птиц, частей тела и т. д.

Звуки мордовской речи в голландско-мордовском словарике обозначены средствами латинской графики, на которой, как известно, основан и голландский алфавит. При записи мордовских слов Витсен, по-видимому, испытывал влияние особенностей родного (голландского) языка, а с графической стороны, кроме голландского, также и других письменно развитых европейских языков (французского, английского, немецкого). Это подтверждается, между прочим, высокой степенью вариативности, которая была допущена Витсеном при выборе транскрипционных знаков для передачи на письме мордовских согласных фонем *š*, *č*, *c*, не характерных фонологической системе голландского языка. Так, например, готическим знаком *ſ* (= латинской букве *s*) одновременно обозначены в словаре следующие мордовские фонемы: [s], [š], [ž]. Примеры: *osal* /osal/ «худой», *pisime* /pižime/ «дождь», *tosero* /tožero/ «пшеница», *psy* /pši/ «жарко», *kselmed* /kšel'met/ «глаза», *jaksama* /jakšama/ «холодно», *tise*

<sup>1</sup> N. Witsen. Noord en oost Tartarye etc. — Amsterdam, 1692. — C. 412.

/t'iše/ «трава». Вместе с тем фонема [š] передается иногда сочетанием букв **sh**, **sch**, например: shufta /šufta/ «дерево», shej /šej/ «болото», peschte /pešt'e/ «орех», osch /oš/ «город», vaschyne /vaščine/ «жеребенок», schoun /šoučn/ «затылок», schuan /šuvaňe/ «тонкий», meschte /mešt'e/ «грудь» и т. д.

Для графической передачи фонемы [č] Витсен употребил буквосочетания **cz** или **sz**. Например: kaszama /kačama/ «дым», usza /uča/ «овца» и др. Фонемы [c] и [č] также имеют несколько вариантов графического воплощения, а именно: **cz**, **z**, **ts**, **tz**. Примеры: tsocks /ćoks/ «соловей», oczuved /oču ved/ «большая вода», tzatka /ćatka/ «искра», kutskan /kućkan/ «орел», loftze /lofca/ «молоко» и др. Графемой **z**, кроме **č**, иногда отмечается также фонема [z]: kize /kiza/ «лето». Фонема [i] передается то с помощью **i**, то **u**, например: keli /kel'i/ «широкий» sisem /šísem/ «семь», symicht /šímixt/ «пьют», afyrista /af iřecta/ «не пьяный» и т. п. В способах графической передачи особенностей мордовской фонетики наблюдаются и другие случаи варьирования (см. сводную таблицу 4).

Отсутствие четкой системы транскрибирования затрудняет определить диалектную основу мордовской части словаря. Сравнение материалов словаря с соответствующими данными современных мордовских языков все же не оставляет сомнения в том, что для мордовской части материал был получен из мокша-мордовского языка. Это подтверждается тем, что большая группа слов, приведенных в книге Витсена, в мокшанском языке продолжает оставаться в широком употреблении, тогда как в современном эрзянском языке для них не находится прямых фонетических соответствий. Ср., например, следующие случаи словарных расхождений: osi — оцио/покш «большой», jomla — ёмла/вишка, аволь покш «маленький», atumzara — атяма/пурьине «гром», stir — стирь/тейтер «дочь», id — иль/эйкакш «дитя», schallka — шалхка/судо «нос», trax — тракс/скал «корова», schobdava — шобдава/валске «утро», usza — уча/реве «овца», kelas — келазь/ривезь «лиса», schumbas — шумбас/нумоло «заяц», ilet — илядь/чокшне «вечер(ом)» и многие другие.

Наличие слов kertiaks /keR't'aks/ «ласточка», schumbas /šumbas/ «заяц», morafdk /moraftk/ «прочитай», kche /kšä/ «хлеб» и ak (если только это последнее восходит к исказенно-му такъя «шапка») приближает словарь Витсена к западному диалекту мокшанского языка, где встречаются указанные

лексемы. В других же мокшанских диалектах и эрзянском языке приведенные слова имеют иное звучание или вместо них употребляются другие лексические единицы: пъгата /цинав «ласточка», нумол/нумоло «заяц», лувомс/ловномс «читать», кши «хлеб», вазь, шапка/шапка «шапка».

Как известно, многие общемордовские слова в современных мокшанском и эрзянском языках получили неодинаковое фонетическое развитие. В словаре Витсена большинство слов записано в мокшанской форме. Так, например, эрзянскому **o** в ауслауте в мокшанском языке закономерно соответствует **a**, у Н. Витсена в этом случае употребляется также графическое **a**. Ср. valda — валда/валдо «светло», kota — кота/кото «шесть», kolma — колма/колмо «три», shufta — шуфта/чуфто «дерево», karga — карга/карго «журавль», kurga — курга/курго «рот», ofta — офта/овто «медведь», panda — панда/пандо «гора» и др. Следует все же отметить, что ряд слов в указанной позиции имеет эрзянскую огласовку, например: tosero — тозер/тозюро «пшеница» и т. д.

Мокшанскому **š** в абсолютном начале слова в эрзянском языке закономерно соответствует **č**, в словаре Витсена в этой позиции употреблено **š** мокшанского типа. Ср.: schuar — шувар/чувар «песок», schuan — шуваня/човине «тонкий», schoun — шовонь/човонь «затылок» и т. п.

Мокшанское происхождение словаря Витсена подтверждается наличием отрицательной частицы **af** «нет; не...». Ср.: afpar kuliaf — аф пара куля/аволь паро куля «недобрая весть», afyrista — аф ирецта/а иредез «не пьяный» и др.

Немалый интерес в словаре представляют такие лексемы, которые теперь уже не встречаются ни в мокшанских, ни в эрзянских говорах, например: tukdich в значении «колчан», usve «пика», vaksar «щит», vaksiarschamo «броня (воинские доспехи)», kondan « власть», babri «тигр», kaschmarasch «рысь» и др.

В списке мордовских слов Н. Витсена обращает на себя внимание большое количество русизмов. В 325 словарных статьях представлено более трех десятков словарных единиц русского происхождения, в их числе: basné < русск. башня, palas < палаш, ostena < стена, puska < пушка, sudja < судья, chram < храм, sater < шатёр, pozno < поз(д)но, pusir < пузырь, grus < груша, slan < слон, soki < щека, pul < пыль, tuczy < туча, lesed < лещ, angil < ангел, psal < пищаль, spaga < шпага, kosak в значении «вооруженный воин» < казак, boiar < боярин, czuly <

чулок, boran < боран, sokol < сокол, sevrug < севрюга, sterli < стерлядь, piva < пиво, vina < вино и т. д.

В немалом количестве зафиксировано в этом источнике XVII в. и тюркизмов, например: pakse «поле», tarat «ветвь», jurd «жилище», osal «худой», suman «зипун», airger «жеребец», czalka «галка» и др.

Как русизмы, так и тюркизмы, нашедшие отражение в рассматриваемом источнике, можно считать относительно старым наследием в составе мордовской лексики. Обилие русских заимствований, отмеченных в небольшом словаре, дает также основание утверждать, что влияние русского языка на мордовские к середине XVII в. получило большие размеры. По-видимому, воздействие русской речи на мордовскую становилось еще более интенсивным в пограничных областях, которые совместно охранялись от посягательств кочевников.

В труде Витсена, таким образом, наряду с ценными сведениями по мордовской этнографии, представлены важные материалы по лексике мордовских языков. Мордовский словарь, изданный Н. Витсеном в последней четверти XVII в., открывает первую страницу мордовской филологии и, в особенности, лексикографии.

Во время путешествия по Сибири в 1719 — 1727 гг. новый и чрезвычайно интересный материал по этнографии палеоазиатов, тюркских и финно-угорских народов (манси, хантов, удмуртов, бурят, монголов, киргизов, казахов, татар и др.) собрал по заданию Петра I Д.Г. Месссершмидт (D.G. Messerschmidt, 1685 — 1735). В дневнике Месссершмидта можно найти разнообразные сведения об этих народах: об их обычаях, верованиях и обрядах, жилищах, орудиях труда, их внешнем виде, одежде, украшениях, происхождении и территориях их расселения. Вместе с тем Месссершмидт собирал сведения о языке каждого народа, составлял списки общеупотребительных слов. Путем установления сходства и различия в лингвистических материалах Месссершмидт пытался выяснить этногенез отдельных народностей.

В рукописи Месссершмидта «Specimen der Zahlen und Sprache Finiaer...» (ЛО ААН СССР, ф. 98, оп. 1, № 36-б) имеются списки слов из ряда финно-угорских, в том числе и мордовских языков. В мордовском списке даны названия чисительных первого десятка.

В списке Месссершмидта мордовские слова приведены в латинской графике, причем в способах транскрипции замет-

но влияние немецкой орфографии. Написание *üchta* близко к ф. *yksi* «один», а *wäxe* можно сопоставить с эрз. диал. *växke* «один». Написания *kaffta*, *kolma* соответствуют современным мокш. *kafta* «два», *kolma* «три». В слове *wite*, возможно, имеем дело с i-кающим мокшанским говором. Ср. мокш. диал. *wit’э* «пять». В названии шестерки /kuta/ в мордовских диалектах не наблюдается переход o > u. Обычно: *kota/koto* «шесть», но ср. ф. *kuusi*, эст. *kuus* «тж». Написание *ssiʃim*, как и *kaffta*, произведено по образцу немецкого языка: начальное /s/- получило изображение дублетным ss-, как и /f/ — графическим удвоением (ff-). В написании *kaluʃka* скорее всего допущена ошибка: по-видимому, следует читать *kauksa* «восемь»; в написании *kauckʃim*, отражена особенность немецкой орфографии: использование буквосочетания (ck) для графической передачи фонемы [k]. В *kaime* через -ai-, по-видимому, передана фонема [ä]: *käme(n)* «десятъ». Написание *Bott* — немецкий перевод неясного мордовского *Torm* следует читать как *Gott*: в списке финских слов у Месссершмидта против этого слова стоит *jumala* «бог».

Ограниченностю материала не дает возможности сколько-нибудь подробно говорить о диалектной принадлежности мордовских слов в «Specimen...» Месссершмидта. Приведенные мордовские слова Месссершмидт, по-видимому, записал в Нижнем Новгороде или Казани, где, как известно, он побывал в начале своего далекого путешествия в Сибирь (сентябрь 1719 г.).

Следующим автором, в работах которого имеется спорадический материал по мордовской лексике, был Ф.И. Табберт фон Страленберг (1676 — 1744).

В результате Северной войны 1700 — 1721 гг., особенно после Полтавской биты (1709), в Сибирь было отправлено большое количество пленных шведов. В г. Тобольске в составе небольшой группы шведских офицеров был и Ф.И. Табберт, позднее — Страленберг, который там занимался изучением страны. После возвращения на родину Страленберг в 1730 г. опубликовал карту России и «Великой Татарии» и книгу «Историко-географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии». Этот труд Страленберга, выпущенный на немецком языке, был переведен и издан на английском (1736, 1738), французском (1757) и испанском (1780) языках. Книга имела длинное, в духе того времени: название: «Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches

das ganze Russische Reich mit Siberien und der grossen Tatarey in sich begreiffet, in einer Historisch-Geographischen Beschreibung der alten und neuern Zeiten, und vielen andern unbekannten Nachrichten vorgestellet, nebst einer noch niemahls ans Licht gegebenen Tabula Polyglotta von zwey und dreysigerley Arten Tatarischer Völcker Sprachen und einem Kalmuckischen Vocabulario, sonderlich aber einer grossen richtigen Land-Charte von den benannten Ländern und andern verschiedenen Kupfferstichen, so die Asiatisch-Scythische Antiquität berteffen; Bey Gelegenheit der Schwedischen Kriegs-Gefangenschaft in Russland, aus eigener sorgfältigen Erkundigung, auf denen verstattheten weiten Reisen zusammen gebracht und ausgefertiget von Philipp Iohann von Strahlenberg. Stockholm, in Verlegung des Autoris. 1730»

Указанный труд Страленберга был издан ещё в Лейпциге без указания года издания под заглавием: «Historie der Reisen in Russland, Siberien und der Grossen Tatarey. Mit einer Landcharte und Kupfferstichen welche die Geographie und Antiquität erläutern, verrichtet und gesammlet von Philipp Iohann von Strahlenberg, Königli, Schwedischen Obristlieutenant. Leipzig, bei Gottfried Kiesewetter, Buchhandler in Stocholm».

Тексты обоих этих изданий, по мнению М.Г. Новлянской, ничем не отличаются друг от друга, кроме титульных листов<sup>1</sup>.

Страленберг сильно задержал издание своего труда. Как он сам указывает в предисловии, причина была в том, что Страленберг дожидался возвращения из Сибири «своего хорошего друга», который, как ученый, мог бы подготовить эту работу к печати лучше. Страленберг имел в виду Мессершмидта, оставшегося в Сибири после его отъезда.

Книга Страленберга «Северная и восточная части Европы и Азии» делится на две части: «Введение» и «Историко-географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии». Во введении шесть глав. В I главе Страленберг отметил, что география и особенно карты отдельных стран являются важным источником получения сведений о происхождении народов и их переселении. В III главе Введения он подробно останавливается на народах, известных в Западной Европе под общим именем татар. Страленберг опроверг мнение своих предшественников о том, что северная часть Азии засе-

<sup>1</sup> М. Г. Н о в л я н с к а я . Филипп Иоганн Страленберг. Его работы по исследованию Сибири. — М. — Л., 1966. — С. 72.

лена исключительно татарами. По его мнению, это заблуждение возникло из-за недостатка достоверных сведений об этой части Азиатского материка. Такие сведения, по Страленбергу, впервые были получены лишь 50 лет назад русскими, открывшими и исследовавшими полуостров Камчатку. Эти сведения, как и личные наблюдения и материалы, дали возможность Страленбергу утверждать, что, кроме татар, на указанной территории проживает еще много других народов, ошибочно причисляемых к татарам. Все эти народы он разделил на шесть классов. В основу классификации Страленберг положил сопоставление языков этих народов. Связь между отдельными языковыми группами представлена им в таблице, названной «Tabula Polyglotta» или «Harmonia linguarum gentium boreo-orientalium vulgo tatarorum». В Таблице приведены шестьдесят слов на тридцати двух языках, разбитых на шесть классов. В I класс включены финно-угорские языки.

Среди приведенных слов фигурируют числительные (счет от 1 до 10 или до 20) и существительные (отец, мать, вода, огонь, ветер, земля, луна, солнце, день, ночь, голова, рот, язык, глаз, нога, рука, лошадь и др.). В переводах предложенного списка слов на некоторые языки имеются многочисленные лакуны. Так, например, на мордовский язык переведены двадцать восемь слов, на мансийский и хантыйский языки — только шестнадцать, чувашский — семнадцать, удмуртский — двадцать слов и т. д. Эти пробелы получились вследствие утери Страленбергом в 1723 г. по пути из Тобольска в Москву записной книжки, в которой были выписаны собранные им слова.

Несомненно, по-видимому, то, что словарный материал, положенный в основу исследования, был собран Страленбергом лишь у тех народов, с которыми он непосредственно соприкасался. Записи же по языкам других народов он переписал из разных источников.

Страленберг надеялся, что опубликование *Tabula Polyglotta* поможет выяснить происхождение имен различных народов и поднимет у ученых интерес к дальнейшим исследованиям в области переселения народов и древней истории.

И ограниченность самого материала, и допущенные неточности в транскрипции сильно затрудняют определение диалекта, откуда Страленберг получил мордовские слова для включения в *Tabula Polyglotta*.

Локализация материала в мордовской графе этой таблицы ограничивается весьма кратким указанием Страленберга:

«Мордвины называют себя Mordua, живут в Нижегородской губернии». Слово soda «нос» (ср. совр. эрз. судо «тж»), а также написание имени числительного wäte «один» с ä свидетельствуют о том, что в основу списка мордовских слов легли материалы какого-то эрзянского диалекта, имевшего в вокализме фонему ä на месте е других говоров.

Страстным любителем доказывать происхождение языков «от всеобщего начала» проявил себя участник Великой северной (или 2-й Камчатской) экспедиции Иоганн Эбергард Фишер (1697 — 1771), который во время своего восьмилетнего путешествия по Сибири (1739 — 1747) собирая лексические материалы по инородческим языкам<sup>1</sup>.

В книге Фишера «Geschichte von der Entdeckung Sibiriens bis auf die Eroberung dieses Lands durch die Russische Waffen, in den Versammlungen der Akademie der Wissenschaften vorgelesen, und mit genehmhaltung Derselben ans Licht gestellt von Iohann Eberhard Fischer. SPb., 1768, Bd. I-II» записано свыше двадцати мордовских слов рядом с лексическими единицами из других финно-угорских языков.

Мордовские слова воспроизведены и в русском переводе книги Фишера под названием «Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, сочиненная на немецком языке и в собрании Академическом читанная членом Санктпетербургской академии наук и профессором древностей и истории, так же членом Исторического Геттингского собрания Иоганном Эбергардом Фишером. СПб., при Имп. Акад. наук, 1774».

В диалектном отношении в список мордовских слов, по-видимому, был включен неоднородный материал. Так, некоторые написания как-будто свидетельствуют о том, что материал был собран в зоне диалекта, характеризовавшегося наличием фонем [η] (см., например, matsen — мятынь /maćeñ/ «гусь») и ä (см., например: kjäv — къявъ /käv/ «камень»). Последней фонеме, как известно, закономерно противопоставляется [e] (см., например: kjel — къель /kel'/ «язык»). Другие же написания не отражают эту закономерность (см., например: wei — веи /vei/ «ночь» — при наличии /ä/ должны бы иметь написание wäi/вяи).

Если написание jerke — ерке /jefke/ «озеро» отражает подлинное звучание, то мы сталкиваемся с весьма редким случа-

ем сохранения финно-угорского инициального j- в указанном слове (ср. ф. järv, эст. jägi, мокш. диал. jäR'kä «озеро»). В современных эрзянских говорах известно лишь звучание /eŕke/ «тж» без начального j-. А может быть перед нами слово, полученное Фишером из мокшанского источника?

В русском издании книги Фишера при транслитерации написаний мордовских слов с латинской графической основы на русскую были учтены все особенности немецкой орфографии, но остались без внимания особенности мордовской фонетики.

Удвоенное ss в начале слов правильно передается одной русской буквой с: ssielma — сielмя /šel'mä/ «глаз». Одиночное инициальное s передано на русской основе буквой з: saka/zaka «кошка», saras/заилась «курица», suda/зуда «нос». Однако здесь, по-видимому, переводчик действовал по принципу побуквенной транслитерации без учета реального звучания мордовских слов. Приведенные слова все же должны были иметь в анлауте не звонкий, а, как и в современном эрзянском языке, глухой сибилиант s соответственно: [(p)saka], [sarasi], [suda]. Свидетельством механической замены латинских графем буквами русской азбуки является также употребление двух лл в конце слова nall — налья nal «стрела» на месте фонемы [l].

Палатализация мордовских согласных в немецком издании книги обозначается употреблением после соответствующих согласных буквы j или i, в русском издании — букв ъ, ѿ, ѹ, например: kjäv/къявъ «камень», kje1/къель «язык», pjel/пъель «облако», ssielmä/cielмя «глаз», wied/видъ «вода» (в видъ, по-видимому, пропущена буква e, перед которой следовало бы поставить і десятеричное: віедъ.

Более двадцати мордовских слов зафиксировано в печатном источнике второй половины XVIII в. под названием «Eberhardi Fisher Quaestiones Petropolitanae I de origine ungrorum, II de origine tatarorum, III de diversis Shinarum imperatoris nominibus titulisque, IV de hyperboreis. Edidit Aug. Ludvicus Schloezer. Göttingen — Gotha (Gottingae et Gothae), imp. Dietrich, 1770. Angeb.: 3 Büch.»

Первые три части этой книги Эбергарда Фишера в издании известного немецкого историка Авг. Л. Шлёттера написаны на латинском языке, четвертая часть — на немецком: Von den Hydropotheern (стр. 97 — 119). В конце приведенного раздела имеется следующая датировка: Tradidi anno, 1754 Dec. 28.

<sup>1</sup> С. К. Булыч. Очерк истории языкоznания в России. — СПб., 1904. — С. 220.

Остальные разделы рассматриваемого издания (с повторяющейся пагинацией) посвящены описанию путешествий скандинавов в Китай и Америку в первой половине XVIII в.

В разделе I «De origine ingotum» имеются словарные материалы на венгерском, мансийском, хантыйском, финском, коми-зырянском, коми-пермяцком, удмуртском, марийском, мордовском и некоторых других финно-угорских языках.

Мордовские слова скорее всего были получены из разных диалектных источников. Эрзянский облик имеют, например, такие слова: *weigke* «один», *pjel* «облако», *kjäv* «камень». Другие слова ближе к мокшанскому языку, а именно: *hafta* «два», *kolma* «три», *ssjäda* «сто», *toschen* «тысяча», *jerke* «озеро», *schufa* «дерево».

Отнесение остальных слов к мокшанскому или же эрзянскому языку невозможно, так как они в равной мере присущи одновременно и мокшанским и эрзянским говорам. Имеются в виду следующие слова: *wjete* «пять», *ssisim* «семь», *wei* «ночь», *kal* «рыба», *al* «яйцо», *nall* «стрела» и некоторые др.

Интересно написание *kümen* «десять», которое фонетически сближает мордовское числительное с прибалтийско-финским названием десятка: ф. *kummenen*, эст. *küttme* и т. д.

Написание начального /k/ через **h** в слове *hafta* «два», по-видимому, является результатом акустического восприятия фонемы [k] под влиянием /f/ в составе одного и того же слова. Эта ассимиляция могла найти отражение лишь в индивидуальном произношении: **k** > **x** под влиянием последующего **f**. Других случаев такого перехода не зафиксировано. См.: *kolma* «три», а не *holma*; *kota* «шесть», а не *hota* и т. д.

Из способов графической передачи фонем и фонетических явлений в мордовских словах выделяются следующие. Звуко-сочетание **ks** передается буквой **x**: *kauxa* «восемь», *weixa* «девять». Фонема [k] в слове *weigke* «один» обозначена сочетанием графем **gk**. В начале слова *ssisim* «семь» фонема [ś] передана двумя **ss**; такое же написание с прибавлением **j** эта фонема получила в слове *ssjäda* «сто». Палatalность согласных через **j** отмечена и в некоторых других словах *wjete* «пять», *ssjäda* «сто», *pjel* «облако», *kjäv* «камень». А в слове *kied* «рука» — через **i**.

Фонема [j] после гласного **e** обозначена буквой **i**: *weigke* «один», *weixa* «девять», *wei* «ночь».

В *nille* «четыре» два **ll** скорее всего обозначают одну фонему [l'] точно так же, как в *ssjäda* «сто» начальное сочетание **ssj-** служит средством передачи фонемы [ś] и т. д. В *kauxa* «восемь» через **u** могло быть обозначено билабиальное /u/. С точки зре-

ния исторической фонетики мордовских языков обращает на себя внимание написание *toschen* «двадцать» с буквой **sch**. Не исключено, что в том мордовском диалекте, из которого был извлечен соответствующий лексический материал, еще не состоялось озвончение š > ž в интервокальном положении (ср. совр. мокш. *t'ozän'*, совр. эрз. *t'oža* «тысяча»). Однако эта буква могла быть употреблена и для передачи ž, отсутствующего в фонетике латинского и немецкого языков.

Часть мордовских слов (например, *ål*, *jerke*, *kâl*, *kjäv*, *nall*, *pjel*, *schufa*, *wei*) графически тождественна и, по-видимому, была перенесена из книги И.Э. Фишера «Geschichte von der Entdeckung Sibiriens etc» (1768).

Несколько мордовских фраз приведено в книге под названием «Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и имп. Академии наук корреспондентом Петром Рычковым, ч. I. СПб., 1762».

Основу этого труда составили личные наблюдения Петра Ивановича Рычкова (1712 — 1777) во время его многолетней службы на разных административных должностях в Оренбургском krae. В книге дана всесторонняя характеристика природы, населения и хозяйства Оренбургской губернии, охватывавшей в то время обширную территорию от Башкирии на севере до Каспия на юге и от Волги на западе до Тобола на востоке. Первая часть книги, законченная к 1755 г., посвящена общему обзору Оренбургской губернии, вторая — характеристике населенных пунктов.

«Топография Оренбургская» вначале была напечатана в январско-ноябрьском номерах журнала «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие» за 1762 г., а затем с того же набора, но с перевороткой, выпущена в том же году отдельным изданием.

В переводе на немецкий язык, осуществленном Х.Г. Газе (Ch .H. Hase), напечатана в издании А.Ф. Бюшинга «Magazin für die neue Historie und Geographie (тт. 5 — 7. Hamburg — Halle, 1771 — 1773) и в переводе Я. Рогге — отдельным изданием под названием «Orenburgische Topographie, oder umständliche Beschreibung des Orenburgischen Gouvernements. Verfasset von Peter Rytschkov, Staatsrat und Korrespondenten der kaiserl. Akademie der Wissenschaften. Aus dem Russischen von Jacob Rogge, Secretair und Translateur in Riga, bei Iohann Friedrich Hartnoch, 1772. Teile 1 — 2».

Этнографическому описанию мордвы посвящены 8 — 9 главы, имеющие общий заголовок «О мордве и черемисах общественно» (ч. 1, стр. 176 — 183). «В Оренбургской губернии, — писал П.И. Рычков, — из мордвы в Ставропольском уезде около реки Черемшана, по последней генеральной ревизии, между государственными крестьянами, кроме крещеных, положено в подушной оклад 881 душа, да в Исетской провинции четыре двора... И хотя по канцелярским делам все они признаются за сходцев в башкир из других уездов, ...мордва более из Курмышского уезда: но может быть между ими несколько есть и из тех, о коих в Казанской истории упоминается, ибо сами они за неимением у себя грамоты ничего про то не знают» (ч. 1, стр. 181).

При характеристике описываемых народов П.И. Рычков часто обращается к авторитету своего учителя, автора «Истории Российской» В.Н. Татищева. Так, например, без каких-либо оговорок П.И. Рычков принял положение В.Н. Татищева о том, что язык мокшанский «с мордвою (т. е. в понимании В.Н. Татищева — эрзя-мордовским языком — А. Ф.) не различится, который они с русским и татарским смешали. А принявшие христианство, оставя свой, русский употребляют, так что от русских и различить их нельзя» (ч. 1, стр. 180).

Но не во всём соглашался Рычков с Татищевым. Существенно отметить то, что Рычков был одним из первых авторов, которые выступили против отождествления Татищевым мери и мордвы. Опираясь на свидетельства русских летописей, Рычков подчеркнул: «Народ меря хотя и упоминается над Ростовским и Клещинским озерами, но тут же мордва и черемиса особливо означены с показанием сего, что все оные народы от славянского особые языки имели, и дань давали русским. О помянутом же народе Меря особливо пишется, что они в лето 6415 /907/ с Ольгом между прочих народов на греков ходили; а потом объявляется, что в лето 6889 /1381/ один мордовский князь приведе рать от Мамаевой орды, и на реке Пьянай /коя находится в Арзамасском и Алаторском уездах/ нечаянно и с тылу напал на войски великого князя... сын князь Иван Димитриевич в реке Пьянай утонул, и Новгород Нижней от того мордовского князя был пограблен, а великий князь ... Димитрий принужден был уйтить в Сузdal» (ч. 1, стр. 179 — 180).

Мордовские слова, приведенные в книге П.И. Рычкова, почти в одинаковой мере являются принадлежностью и эр-

зянского, и мокшанского языков. Однако наличие слова шкай/schkai<sup>1</sup> |škaj| «бог» говорит в пользу того, что П.И. Рычков провел свои наблюдения преимущественно среди мокши. Это подтверждается, между прочим, следующим высказыванием самого автора «Топографии Оренбургской»: «Мордва именует себя мокши, которым именем... и татара их называют. Некоторые ж, из них есть, кои называются эрзя, и в языке с мокшами несколько имеют разности» (стр. 182).

Написание слова **милостивой** (в немецком издании это слово не представлено) с окончанием **-ой**, а не **-ай**, напротив, ближе к эрзянскому языку. В мокшанском же языке в этом случае было бы: **милостивай** |miləst'ivaj|. Ср. еще: совр. мокш. **труднай** |trudnaj|, совр. эрз. **трудной** |trudnoj| < рус. **трудный** и т. п.

В **трякштай**/träkschtai второе **т** после **ш** дано по ошибке вм. **к** (как видно, эта ошибка механически повторена и в немецком издании). Следует: **тряк**, **шкай**/träk, schkai |t'rak, škaj| «корми (содержи), бог». Первое слово имеет следующую грамматическую характеристику: глагол в форме 2 л. ед.ч. повелительного накл. безобъектн. спряжения, второе — имя существительное в форме вокатива на **-ј**. Слово боась/boas приымкает к шкай/schkai, составляя с последним композиту |škai-bavas|, в котором обычно происходит стяжение до **ška-bas** «господь бог». Это сложное слово, таким образом, восходит к копулятивному словосочетанию с весьма близкой семантикой его составляющих: **шкай** «бог» + **pavas** > **bas** (< pas) «счастье, бог». Употребление буквы **б** вм. **п** в **боась** отражает позиционное изменение /p/ > /b/ под ассимилятивным влиянием конечного звонкого согласного первого компонента словосочетания **ška-bas** < **škaj pavas**. Буква **о** в **боась**, по-видимому, отражает нефонематическую лабиализацию, **а** в позиции после билабиального **b** < **p**.

Поскольку и в целом ряде других источников XVIII в. встречаются написания с отражением позиционного озвончения исконных глухих согласных, можно заключить, что в консонантизме мордовских языков обозреваемого периода, как и теперь, в полной мере действовал следующий закон прогрессивной ассимиляции: «Если данное слово начинается на глухой согласный, а предшествующее без паузы слово оканчивается на звонкий согласный, глухой согласный в

<sup>1</sup> После косой черты справа приводится написание мордовских слов по немецкому изданию.

произношении озвончается<sup>1</sup>. Такое озвончение нашло широкое отражение в мордовских текстах вследствие того, что мордовское письмо было по преимуществу фонетическим.

В написании **тряктоң**/trjäkton объединены два самостоятельных слова: -t'rak- «корми, содерги» (глагол в форме 2 л. ед. ч. повелит. накл. безобъектн. спр.) и ton «ты» (личн. мест. 2 л. ед. ч.). В **вактоң** легко выделяется вторая часть написания **ton** «ты», в первой же части **вак-**, по-видимому, произошел пропуск буквы **и**: **вак** vaŋk «смотри; оберегай; сохрани» (ср. совр. морд. ваномс «смотретьеть, караулить, уберечь»).

Приведем в табл. 1 способы транслитерации мордовских слов в немецком издании книги П.И. Рычкова.

Таблица 1

Буквы русской алфавитной системы	Транслитерация русских букв средствами немецкой графики	Фонетическая основа употребления графем в мордовских написаниях	Примеры из русского и немецкого издания книги П.И. Рычкова
а	a	[a]	шкай — schkai
б	b	[b] — результат позиционного озвончения	боась — boas
в	b (ошибочно вм. w или v)	[v]	вактоң — bakton
й	i	[i] — в ауслайте	шкай — schkai
к	k	[k]	тряк — trjäk-
н	n	[n]	-тон — ton
о	o	[o]	” — ”
р	rj	[r]	тряк- — trjäk, trjak
с	s (в конце слова)	[s]	боась — boas
т	t	[t]; [t'] перед другим палатализованным согласным	тряктоң — trjakton
ш	sch	[ʃ]	шкай — schkai
я	ä	[a] — после палатализованных согласных	тряктоң — trjakton
ъ	—	не имеет звукового значения; ставится в конце слов на непалатализованные согласные	-тонь — ton

Для филологической науки немало дали поездки исследователей-натуралистов в 1768 — 1774 гг. Эти поездки известны под именем «физической» или «академической» экспедиции.

Поводом к организации экспедиции послужила подготовка наблюдений над прохождением Венеры перед диском Солнца (май 1769 г.). Но задачи экспедиции, разделенной на несколько самостоятельных «отрядов», были значительно расширены. Помимо поездок с чисто астрономическими целями, Петербургская Академия наук снарядила пять «экспе-

<sup>1</sup> Д. В. Б у б р и х. Историческая грамматика эрзянского языка. — Саранск, 1953. — С. 15.

диций» — три «оренбургских» и две «астраханских». Во главе 1-й Оренбургской экспедиции был назначен знаменитый естествоиспытатель П.С. Паллас. 2-й Оренбургской экспедицией руководил И.И. Лепехин. 3-я «астраханская» экспедиция возглавлялась С. Гмелиным, 4-я «астраханская» — И. Гильденштедтом. Пятая экспедиция называлась тоже «оренбургской» — под руководством сначала П.П. Фалька, а позже, в связи с его болезнью, — И.Г. Георги. При каждом из руководителей экспедиций было по нескольку помощников, некоторые из них оказались самостоятельными исследователями.

Шестилетние путешествия ученых по громадным территориям тогдашней России от Закавказья до Белого моря и от Москвы до Забайкальских степей имели результатом накопление очень большого и разнообразного научного материала. В описаниях и дневниках путешествий тех лет зафиксированы интересные материалы на многочисленных языках, в том числе на мордовских и других финно-угорских языках. Ценность таких материалов в том, что они вносились в дорожные дневники путешественников как результат конкретных впечатлений и собирались в естественной среде, непосредственно от носителей диалектной речи.

Петр Симон Паллас (1741 — 1811), зоолог по образованию, был приглашен в Россию в 1768 г. и сразу же стал руководителем одного из отрядов задуманной экспедиции. Он с увлечением отдался большому делу и за шесть лет проделал самый сложный из всех участников экспедиции маршрут: в 1768 г. Паллас ездил по Правобережью Волги, проделав путь от Москвы до Симбирска, в 1769 г. — по Левобережью Нижней Волги и Оренбургским степям, в 1770 г. — по Южному Уралу и Западной Сибири, в 1771 г. — по Западной и Южной Сибири, в 1772 г. — по Восточной Сибири и Забайкалью, в 1773 г. — от Красноярска через Томск и Уральск на Царицын, в 1774 г. — по нижней Волге. Обширный материал этих поездок изложен П. С. Палласом в его пятитомном труде «Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs» (SPb. 1771 — 1776).

Рядом с разнообразными этнографическими сведениями, вписывавшимися П.С. Палласом в дорожный дневник попутно, особый интерес представляют сообщавшиеся им названия этнографических реалий, растений, терминологии родства и т. д. на самых различных языках. Особенной полнотой отличаются историко-этнографические материалы о

монголоязычных народностях. П.С. Паллас систематически собирал эти материалы у калмыков на Волге и у монголов на Селенге. Плодом его разысканий в указанной области было капитальное двухтомное сочинение «*Sammlung historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften*» (SPb., 1776).

Немецкий текст дорожных записок П.С. Палласа был переведен на русский язык под названием «П.С. Палласа, доктора медицины, профессора натуральной истории и члена Российской имп. академии наук и Санкт-Петербургского вольного экономического общества, также Римской имп. академии испытателей естества и Королевского аглицкого ученого собрания, Путешествие по разным провинциям Российской империи» (СПб., 1773 — 1778, кн. I — V, 3 ч. в 5 кн.).

Мордовская часть, маршрута путешествия П.С. Палласа (воспроизводится нами по русскому тексту его «Путешествия...», ч.1: «Физическое путешествие по разным провинциям Российской империи, бывшее в 1768 и 1769 году». СПб., 1773, стр. 3 — 242):

«21 числа июня вступил я в путь с придаными мне при служниками за отправившимися вскоре один за другим ... Лепехиным и Гильденстетом... Мне надлежало ехать вверх по Пьянай (реке. — А.Ф.); и так продолжал я путь свой к большому мордою и россиянами населенному господскому селу Пилокшову |Pilokschowo|<sup>1</sup>. Тамошние мордвинцы живут отделяясь в хижинах на правом берегу реки, и не много уже осталось у них старинных обрядов: ибо они почти все обращены в христианскую веру, и кроме старинного своего языка, почти ни в чем не разнятся от российского народа». После Пилокшова П.С. Паллас попадает в Ичалы |Itschaly|, затем в Саранск. На его пути села Выпелсово |Wypelsowa|, Шарапуль |Scharapull|, Аратъ |Arath|, Соврасово |Sowrassowa|, Чиркуш |Tschirkusch|, Васильев Майдан |Wassilof Maidan|, Пузя |Pusa|, Починки |Potschinki|, Хованское |Chowanckowo|, Ембера |Emberg|. Выезд из Саранска в Пензу через с. Архангельское |Archangelskoj|, Иса |Issa|, Пятина |Paetina|, Шадин |Schadin|. «Мордвинцы в Шадине и во многих к реке Мокше, также в верхних местах Суры, а особливо на лесистой стороне находящихся деревнях, суть иного поколения, нежели живущие при реке Пьянай и в Нижегородской губернии. Они и сами

<sup>1</sup> В квадратных скобках приводится написание мордовских названий по немецкому изданию «Путешествия...» П.С. Палласа.

себя отличают от оных, и присвоивают себе особливое имя Мокша |Mokscha|, во мн. ч. мокшадь Mokschad, которое на их языке употребляется также для означения всего мордвинского колена; напротив того происшедших от другого колена называют они Ерзядъ |Ersad|, или Ердзадъ |Erdsad|; и оные сами себя так же именуют. В вышеупомянутых странах, в коих мокшадь |Mokschad| живет, находится не много деревень другого колена. Но вдоль Волги, Соки, Черемшана и в соседственных местах Казанской и Оренбургской губерний, куда они переселены с другими мужиками, находятся оба их колена, и не редко разнородные мордвинцы, смешавшись, живут в одной деревне; однако с некоторою отменою. Мокшанцы еще и ныне говорят, что они все жили в стране реки Мокши (которая уповательно по ним проименована) и при текущих в онную речках даже до самой Оки, и состояли под собственными князьями или старшинами, пока еще не были рассеяны по новонаселенным странам. Сии суть те мокшанцы, о коих Страленберг упомянул так, как о некотором особливом народе. Они почти во всем сходствуют с эрзянцами и говорят почти одинаким языком; однако они отличаются от оных отменным женским одеянием, произношением и многими собственными словами». Далее упоминаются села Куракино |Kurakino|, Вязера |Wjaesera|, Бессоновка |Bessonofsk| и г. Пенза. Названия мокшанских и эрзянских сел Пензенской округи: Камешкир |Kameschkir|, Коршиман |Korschiman|, Старый Мачим |Staryj Matschim|, Муржинка |Murshinka|, Селиска |Seliksa|. По пути из Пензы в Симбирск и далее в Самару и Оренбург П.С. Паллас также посетил несколько мордовских населенных пунктов: Мордовский Мелекес |Melekess Mordofskoi|, Сокармала |Sokkarmala|, Алексеево |Aleksejef|, Санчелеево |Santschalewoi|, Биларатки |Bilaratki|, Шелехмет |Schelechmet| и др.

Наличие подробных сведений о мордовской части маршрута П.С. Палласа значительно облегчает локализацию мордовского языкового материала, встречающегося на страницах его трудов и собранного им в разных диалектных ареалах.

Часть мордовских материалов из «Путешествия» П.С. Палласа вошла в сборник, изданный в 1773 г. в Германии под названием «*Merkwürdigkeiten der Morduanen, Kasaken, Kalmücken, Kirgisen, Baschkiren. Nebst andern dahin gehörigen Nachrichten und Kupfern. Ein Auszug aus Pallas Reisen. Frankfurt und Leipzig*». В разделе «*Von den Morduanen, ihrer*

Tracht, ihrem Gewerbe, ihren verschiedenen Stämmen und Hochzeitceremonien» в этом сборнике представлены те же мордовские слова и фразы, что и в «Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs», но в их написании допущены отдельные разночтения.

Материалом для фундаментального каталога по флоре обширных территорий России под названием «Flora Rossica seu stirpium imperii Rossici per Europam et Asiam indigenarum descriptiones et icones. Iussu et auspiciis Catharinae II. Augustae edidit P.S. Pallas. Petropoli. E Tipographia imperiali I.I. Weitbrecht. Tomi I. Pars 1 — 2. 1784 — 1788» послужили для П.С. Палласа не только его собственные наблюдения во время многолетних путешествий, но и труда И.И. Лепехина, И.П. Фалька, И.Г. Георги, С.П. Крашенинникова, Г. Стеллера, И.Г. Гмелина и других путешественников. В каталог вошли названия деревьев, плодовых кустов и культурных растений на латинском и русском языках, а также на финно-угорских, тюркских, монгольских и некоторых других языках народностей Кавказа, Сибири и Дальнего Востока. Из финно-угорских языков полнее представлены эстонские, пермские и обско-угорские названия деревьев и растений, в меньшей степени марийские и финские. На мордовских же языках фигурирует лишь восемь наименований.

Этот труд П.С. Палласа, Представлявший собой одну из первых и наиболее значительных сводок по флоре России, остался незавершенным: на латинском языке вышли две части, на русском — одна часть под названием «Описание растений Российского государства с их изображениями, по всевысочайшему повелению, и на иждивения ее имп. величества, изданное П.С. Палласом. С рукописного сочинения перевел Василий Зуев, ч. I. СПб., 1786».

Перевод В.Ф. Зуева (1754 — 1794) — помощника П.С. Палласа по 1-й Оренбургской экспедиции, впоследствии профессора Академии наук — заслужил у современников высокую оценку. В рецензии, вышедшей в журнале «Зеркало века» (1786, № 52, стр.369 — 370), отмечалось, что переводчик «преложил оное не токмо ясным и вразумительным вся кому российским слогом, но и тщился выражать ботанические речения соответствующими словами».

Из мордовских названий одно было использовано в русском переводе (*kiling* — килингъ). Остальные семь наименований В.Ф. Зуев ввел, по-видимому, из своих мордовских материалов или же каких-нибудь других источников.

Как явствует из путевых заметок П.С. Палласа, мордовский языковой материал им был собран в разных населенных пунктах, жители которых являлись носителями не только мокшанской или эрзянской, но и смешанной мордовской речи (с преобладанием элементов мокшанского или эрзянского языка).

Для истории мордовской графики и орфографии интерес представляют система транскрипции и способы транслитерации немецких графем буквами русского языка в мордовских словах, встречающихся в трудах П.С. Палласа (табл. 2).

Таблица 2

Латинский шрифт: буквы немецкого алфавита и буквосочетания	Транслитерация немецких букв и буквосочетаний средствами русской графики	Фонетическая мотивировка употребления немецких и русских графем в мордовских словах	Мордовские примеры из немецких и русских изданий трудов П.С. Палласа
a	а	[a]	panga — панга schurkas — шуркась karks — карксъ sjuka — сюка utscha — уча
d	д	[d] после сонорных и перед гласными [-t]	krandas — крандасъ tiksched — тикшедь
e	е	[e]	wergaß — вергасъ lengax tische —тише eisirman — ейзирманъ
f	в	[f] перед другим глухим согласным	zifks — цивксъ
g	г	[g]	wergaß — вергасъ
i	и	[i]	ili — или pilks — пилксъ pischelaoma-tiksched — пижелаоматикшедь
i	и	знак палатализации согласного	sjorne-sarne- циорне-зарне
	ю	палатализация предшествующего согласного + [u]	sjuka — сюка
k	к	[k]	karks — карксъ schurkas — шуркась tiksched — тикшедь
l	л	[l'] в соседстве с переднерядными гласными	ili — или pilks — пилксъ

П р о д о л ж е н и е т а б л и ц ы 2

Латинский шрифт: буквы немецкого алфавита и буквосочетания	Транслитерация немецких букв и буквосочетаний русской графикой	Фонетическая мотивировка употребления немецких и русских графем в мордовских словах	Мордовские примеры из немецких и русских изданий трудов П.С. Палласа
m	м	[m]	warma — варма muschkar — мушкаръ
n	н	[n]	krandas — крандасъ
o	о	[o]	wot — вотъ
p	п	[p]	panga — панга paas — паасъ
r	р	[r]	karks — карксъ schurkas — шуркасъ
s	с	[s]	zifks — цифксъ pilks — пилксъ
		[s] перед гласными переднего ряда	siä — сия
з		[z-] в анлауте перед гласными заднего ряда	sarne — зарне
		[z] в окружении гласных переднего ряда	eisirman — ейзирманъ mesei — мезей
ß	с	[s]	paaß — паасъ wergaß — вергасъ
t	т	[t]	wot — вотъ; lopat
		[t'] перед гласными переднего ряда	tikshed — тикшедъ
u	у	[u]	schurkas — шуркасъ urumbulut — урумбулутъ utscha — уча
ю		палатализация предшествующего согласного + [u]	sjuka — сюка
v		[v]	vergasyn
w	в	[v]	wergaß — вергасъ wot — вотъ warma — варма
z	ц	[č] перед гласным переднего ряда	zifks — цивксъ schkai — шкай

П р о д о л ж е н и е т а б л и ц ы 2

Латинский шрифт: буквы немецкого алфавита и буквосочетания	Транслитерация немецких букв и буквосочетаний русской графикой	Фонетическая мотивировка употребления немецких и русских графем в мордовских словах	Мордовские примеры из немецких и русских изданий трудов П.С. Палласа
sch	ш	[š]	tische — тише scurkas — шуркасъ tiksched — тикшедъ
		ж	pischelaoma — пижелаома lengax
x		[χ]	kiling — килингъ panga — панга sengertom — сенгертомъ
ng	нг	[ŋ]	utscha — уча pitschumar; пича
		[ŋg-]	sjä, siä — сия tätei — тяней
tsch	ч	[č]	paas — паасъ
		ä	schkai — шкай
aa	аа	[a]	insae
ai	ай	[ai]	
ae	—	[e]	

Руководитель «2-й Оренбургской экспедиции» Иван Иванович Лепехин (1740 — 1802) объехал области среднего и нижнего Поволжья, Оренбургские степи, южное и среднее Приуралье, бассейн Северной Двины и побережье Белого моря вплоть до Канина и Кольского полуострова. На своем длинном пути путешественник видел и описал до десяти народов. Ценные этнографические материалы, собранные в немалом числе в четырех томах «Дневных записок путешествия Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства» (СПб., 1771 — 1805), разбросаны среди его путевых заметок, частью сосредоточены в отдельных этнографических очерках, вставленных в текст, например: «О жителях при Черемшане», «О мордве, чувашах и татарах», далее — о манси, о коми-пермяках, коми-зырянах и др.

«Дневные записки» снискали их автору мировую известность и славу. Первые три тома этого замечательного произведения были переведены на немецкий язык пастором Х.-Г. Газе и в 1774 — 1783 гг. изданы в Альтенбурге под названием «Herrn Ivan Lepechin der Arznei- kunst Doctor und der Akademie der Wissenschaften zu Petersbourg Adjunctus Tagebuch der Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reiches».

Обширные выдержки из «Дневных записок» И.И. Лепехина были также опубликованы в Швейцарии на французском языке в книге «*Histoire des decouvertes faites par divers savans voyageurs dans plusieurs contrées de la Russie et de la Perse relativement à l’Histoire civile et naturelle, à l’Economie rurale, au commerce etc.*», (Лозанна, 1784, т. 1 — 2).

Первые три части «Дневных записок» вышли в свет «вторым тиснением» в 1795, 1802 и 1814 гг., а еще позже были включены в «Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое имп. Академией наук» (т. III — V. СПб., 1821 — 1822).

В этнографических очерках И.И. Лепехина встречается обильный материал по языкам описанных им народов.

Особенно ценной в «Дневных записках» является публикация отысканной И.И. Лепехиным в селе Подкиберское (ныне — село Куратово Сысольского района Коми АССР) рукописи литургии на древнепермском языке (т. III, стр. 242 — 249). Несколько десятков мордовских наименований местных реалий, а также небольшие текстовые записи на мордовских языках представлены в первом томе «Дневных записок»<sup>1</sup>.

Важными представляются высказывания И.И. Лепехина о различиях между мокшой и эрзей и их языками: «Мордва разделяется собственно на два колена, из которых первое называется мокшанским, а другое эрзянским, но и в мокшанах есть некоторое различие. Одни называются коренными, или высокими, мокшанами, а других считают простыми мокшанами, и вся разность состоит в некоторых наречиях. Они еще сказывали нам о четвертом роде мордвы, которых каратаями называют и которых только три деревни в Казанском уезде находятся. В мокшанском и эрзянском языке была прежде великая разность, но по переселении их из коренной отчизны, то есть к Волге и за Волгу, и по смешении между собою друг друга разумеют, сохранив при том в своих языках и разность» (т. I, стр. 155).

Кроме мокши и эрзи, И.И. Лепехин, — кажется, впервые в научной литературе, — упомянул о так называемых мордовских «каратаях»<sup>2</sup>, но нигде в своих записках не отметил «те-

<sup>1</sup> О мордовских языковых материалах И.И. Лепехина см.: А. П. Феоктистов. Мордовские языки и диалекты в историко-этнографической литературе XVII — XVIII вв. «*Очерки мордовских диалектов*», т. II. — Саранск, 1963. — С. 23 — 30.

<sup>2</sup> См.: Н. Раасонен. *Karataj-Mordwinen oder Karatajen*. — JSFOu. XXI, 1902.

рюхансскую», или «терюшевскую», мордву<sup>1</sup>. Судя по маршруту, которым двигался «второй отряд» Оренбургской экспедиции, И.И. Лепехин все же мог на своем пути встретить и терюхан, которые в то время, по-видимому, еще имели выраженные национальные признаки и поэтому воспринимались неотделимой частью всей мордвы.

Записки путешествия начальника 5-й — «оренбургской» — экспедиции 1768 — 1774 гг. Ивана Петровича Фалька (1725 — 1774) были изданы его спутником И.Г. Георги в трех томах под названием «*Herrn Johann Peter Falk Professors der Kräuterkunde beym Garten des Russisch-Kayserl. Medizinischen Kollegiums, auch Mitglieds der freyen Oekonomischen Societät in St. Petersburg Beyträge zur Topographischen Kennthiß des Russischen Reichs. Erster Band, welcher die Geschichte seiner Reise von den Jahren 1768 bis 1773 und Beiträge zur phisikalischen und politischen Erdbeschreibung enthält. Zweiter Band, welcher Beiträge zur Mineral- und Pflanzen geschichte enthält. Mit Kupfern. Dritter Band, welcher Beiträge zur Tierkenntnis und Völkerbescheinigung enthält. Mit Kupfern.* SPb., 1785 — 1786».

В переводе на русский язык «Записки путешествия академика Фалька» вошли в «Полное собрание ученых путешествий по России» (СПб., 1824 — 1825, т. I — VII).

В труде И.П. Фалька фигурирует два десятка мордовских названий полевых и огородных культур и домашних животных. Среди мордовских наименований имеются заимствования из русского и тюркских языков. Запись мордовских слов не отличается большой точностью. «Например, в оригинале вместо *kschuman* — кшумань «редька» ошибочно дано *ksahuan* — ксагумань, в русском издании *tongsia* транслитерировано: тонгфиара (**Ф** вместо правильного **с**) и т. д.

Иоганн Готлиб Георги (1729 — 1802) о продолжительности своего участия в «физической» экспедиции Академии наук писал: «С 1770 по 1774 год путешествовал с Фальковою и по том с Палласовою экспедициою в России и Сибири»<sup>2</sup>.

Дневник путешествия И.Г. Георги был издан в 1775 г. под названием «*Bemerkungen einer Reise im Russischen Reichs im*

<sup>1</sup> Ныне полностью обруссевшая «терюханская мордва» проживает в Дальнеконстантиновском районе Горьковской области (исторический центр терюхан или терюшевцев — село Большое Терюшево).

<sup>2</sup> И. Г. Георги. Описание столичного города Санкт-Петербурга. — СПб., 1794. — С. 342.

Jahre 1772; ...in den Jahren 1773. und 1774. Von Ioh. Gottl. Georgi. SPb., Bde. 1 — 2».

Сведения по этнографии мордвы в дневнике вошли в общую главу «Reise an der Wolga im Jahre 1774» (т. 2, стр. 781 — 859). В этой главе выделен специальный раздел, посвященный этнографической характеристике мордовцев (стр. 857 — 859). Указанный раздел, а также разделы о марийцах и чувашах даны в том месте записок путешествия, где И.Г. Георги сообщает о своем прибытии в Нижний Новгород. В конце мордовского очерка (стр. 859) И.Г. Георги отметил: «20 июня (1774 г. — А.Ф.) я покинул Нижний Новгород и продолжил свое путешествие по Волге».

Описывая весь обратный путь экспедиции вверх по Волге через Самару, Симбирск, Казань, Н. Новгород и другие поволжские города, И.Г. Георги подчеркнул в дневнике, что он посетил на этом пространстве несколько мордовских поселений. По мнению И.Г. Георги, различия между мокшой и эрзей в тех населенных пунктах «небольшие, так как часто живут смешанно». Это замечание И.Г. Георги относится к тем мордовским селам, которые возникли вследствие миграций мордвы-мокши и эрзи в свободные районы левобережья Волги. Мордовцы «долгое время находились под татарским господством и от татар много восприняли в языке и обычаях. Много сходного имеют с марийцами и чувашами. Большинство мордвинов исповедует христианство». И.Г. Георги отметил, что на своем пути среди мордвы не видел язычников, но «настоящие люди, которые еще и сами до недавнего времени были язычниками, имеются во всех селах». Наблюдения, касающиеся мордвы, И.Г. Георги вывел «из общения с такими людьми».

В записках И.Г. Георги несомненный интерес вызывает одно из самых ранних упоминаний в литературе о мордве-каратаях, которые во второй половине XVIII в., по-видимому, сохраняли еще родной, мордовский язык и которых И.И. Лепехин назвал «четвертым родом мордвы»<sup>1</sup>. В настоящее время мордва-каратай живут в Камско-устынском районе ТАССР и говорят на одном из западных говоров татарского языка.

Языкового материала в дневнике путешествия И.Г. Георги немного. Важно отметить, что большинство мордовских названий из дневника затем было перенесено в другой труд И.Г. Георги «Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer

<sup>1</sup> И. И. Лепехин. Дневные записки путешествия etc. — СПб., 1771. — Ч. 4. I. — С. 155.

Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidungen und übrigen Merkwürdigkeiten. Ausg. I. Nationen vom Finnischen Stamm. Ausg. 2. Tatarische Nationen. Ausg. 3. Samojedische, Mandschurische und östlichste Sibirische. Nationen. Ausg. 4. Mongolische Völker, Russen und die übrigen Nationen. SPb., 1776 — 1780».

Первые три части этого во многих отношениях фундаментального произведения русской этнографии 2-й половины XVIII столетия тогда же были изданы на русском и французском языках под названием «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Часть 1. О народах финского племени. Часть 2. О народах татарского племени. Часть 3. Самоедские, манжурские и восточные сибирские народы. Переведено с немецкого. Спб., 1776 — 1777 («Description de toutes les Nations de l'Empire de Russie, où l'on expose leurs moeurs, religions, usages, habitations, habilemens et Autres particularités remarquables. Traduite de l'allemand. Coll I, qui contient les nations d'origine finnoise. Coll. 2, qui contient les nations tatares établies dans cet Empire. Coll. 3, contenant les nations samoyedes et mandschoues, et les peuples les plus orientaux de la Sibérie. SPb., 1776 — 1777»).

В 1783 г. «Описание всех в Российском государстве обитающих народов...» было вновь издано в Лейпциге на немецком языке под названием «Ioh. Gottl. Georgi. Russland. Beschreibung aller Nationen des russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidungen und übrigen Merkwürdigkeiten: in zweien Bänden». Предисловие (Vorrede) к этому изданию подписано И.Г. Георги 4/15 сентября 1780 г.

При составлении «Описания...» материалы своих путешествий И.Г. Георги существенно дополнил широким использованием других печатных и письменных источников, в том числе и записок участников академической экспедиции 1768 — 1774 гг. В предисловии к «Описанию...» (стр. V — VIII) И.Г. Георги отметил: «Я сам во время прежней поездки по Швеции (еще до приезда в Россию) посетил лопарей, а во время академических путешествий по России и Сибири в 1770 — 1774 гг. побывал более или менее продолжительное время у следующих народов, производя у них наблюдения: у финнов, черемисов, чувашей, вогулов, остыков, пермяков, башкир, мещеряков, барабинцев, киргизов, различных

татар, телеутов, монголов, тунгусов, бурят и калмыков, а также в наших бухарских, нагайских, армянских, индийских и других колониях... Сведениями о вотяках, ногулах, частично о бухарцах, киргизах и черемисах я обязан главным образом погившему ученому, профессору Фальку». Здесь же И.Г. Георги упоминает сочинения Миллера, Гмелина, Крашенинникова, Штейлера, Фишера, Рычкова, Палласа, Лепехина и др. Особо автор отметил, что он прибегал к помощи Г.Ф. Миллера, пользуясь, в частности, его многочисленными рукописными вocabulariями, составленными еще в 1733 — 1743 гг. во время 2-й Камчатской экспедиции Петербургской академии наук.

В трудах И.Г. Георги нами обнаружено около трех десятков мордовских слов и словосочетаний. Первоначально этот материал был написан средствами немецкой графики, а затем в русском и французском изданиях «Описания всех в Российском государстве обитающих народов» подвергнут соответствующей транслитерации. Причем транслитерация на французскую графическую основу в мордовских написаниях в общем свелась лишь к минимальным разночтениям с их первоначальной (немецкой) записью. Это объясняется, конечно, тем, что немецкая и французская графические системы имеют общую для них основу — латинский шрифт.

Скудность материала не позволяет сколько-нибудь подробно рассматривать вопросы графической передачи особенностей мордовской речи в работах И.Г. Георги.

Отметим некоторые особенности мордовских написаний в немецких изданиях.

Парные палатализованные согласные в абсолютном конце мордовских слов графически не разграничены и никак не противопоставлены таким же фонологически парным, но не-палатализованным согласным. Например: kar «лапоть», wel «село» и др. В середине же слова перед гласным заднего ряда палатализация согласного может передаваться буквой *i*, например: siurlack «женское украшение на поясе». Перед гласными переднего ряда палатализация мордовских согласных, как и при их написании на основе русской графики, специально не обозначается. Например: initschi — иничи «пасха», atä — ате «старик» и др.

В графической передаче отдельных фонем и фонетических явлений в мордовских словах нетрудно обнаружить некоторые специфические особенности графики и орфографии немецкого языка. Из немецкого правописания, в частности, перенесены:

а) способ передачи звукосочетания *ai* сочетанием букв *ei*: skei «бог»;

б) написание фонем [š] и [č] буквосочетаниями соответственно **sch** и **tsch**, например: schindu «женское личное имя», jurtschasche «покровительница дома, двора», tschi «день», initschi «пасха», utscha «овца» и др.;

в) обозначение фонемы [k] в инлауте и ауслайте диграфом **ck**, например: poick «штаны», siurlack «украшение на пояске у женщин», racksa «скот». В некоторых других словах, однако, [k] передана одинарной буквой *k*: pilks «серьга», zifks «нагрудное украшение у женщин».

Графическое оформление большинства мордовских слов во французское издание перенесено из немецкого текста «Описания...» (табл. 3). Но в отдельных мордовских словах все же прослеживаются правила французского правописания. Это относится к последовательной передаче мордовской согласной фонемы [k] одинарной буквой *k* на месте немецкого диграфа **ck** (см. табл. 3). Мордовская гласная фонема [u] во французском издании регулярно обозначается диграммой **ou**, фонема [š] в одном случае передана буквосочетанием **ch** вместо триграфа **sch** и т. д. (Другие особенности в графике и орфографии мордовских слов в немецких, французском и русском изданиях трудов И.Г. Георги см. в табл. 3).

Таблица 3

Немецкие буквы и их сочетания	Транслитерация немецких букв и буквосочетаний средствами французской графики	Транслитерация немецких букв и буквосочетаний средствами русской графики	Фонетическая основа употребления немецких, французских и русских графем в мордовских словах	Мордовские примеры из трудов И.Г. Георги
a	a	a	[a]	kar — kari — карь racksa — ракса trena — трена master — мастеръ kasai — казай lopai — лопай
ai			[ä]	waln — валнь
			[ä]	sia — siai;
			[o]	atschuskoi — atschouskoi — ачускаю
b	b	б	[b]	betkub — betkoub — беткубъ
d	d	д	[d]	tschidas — чидась schindu — schindou — шиндуду
e	e	е	[e]	wel — вель, betkub — betkoub — беткубъ

### Продолжение таблицы 3

Немецкие буквы и их сочетания	Транслитерация немецких букв и буквосочетаний средствами французской графики	Транслитерация немецких букв и буквосочетаний средствами русской графики	Фонетическая основа употребления немецких, французских и русских графем в мордовских словах	Мордовские примеры из трудов И.Г. Георги
f	f	f	(e ~ œ?)	master — мастеръ;
g	g	г	[f]	zifks
i	i	и	[g]	purgini — paurgini — пургини;
j	j	ю	[i]	tschidas — чидась, initsch — иничи, nikolai — Николай;
			знак палатализации согласного	siurlack — siourlak;
k	k	к	[jj] перед гласным [u] в аанлауте	jurtschasche — jourtchache — юр чашу;
l	l	л	[k]	skei — скей, osks — осксъ, kar — kari — каръ, kasai — казай;
l	l	л	[l], [l']	lopai — лопай, lumsur — loumsour — лумзуръ, nikolai — Николай, wel — вель;
m	m	м	[m]	master — мастеръ lumsur — loumsour — лумзуръ;
n	n	н	[n], [ń]	trena — трена, schindu — schindou — шинду, initsch — иничи, purgini — paurguini — пургини;
o	o	о	[o]	wotet, lopai — лопай, nikolai — Николай;
p	p	п	[o]	poick — poik — пойкъ, pas — пасъ, lopai — лопай;
r	r	р	[p]	racksa — raksa — ракса, lumsur — loumsour — лумзуръ, jurtschasche — jourtchache — юрчашу,
			[r], [ŕ]	

### Продолжение таблицы 3

Немецкие буквы и их сочетания	Транслитерация немецких букв и буквосочетаний средствами французской графики	Транслитерация немецких букв и буквосочетаний средствами русской графики	Фонетическая основа употребления немецких, французских и русских графем в мордовских словах	Мордовские примеры из трудов И.Г. Георги
s	s	c	[s], [š]	purgini — paurgуни — пургини, master — мастеръ;
			[š]	tschidas — чидасть, master — мастеръ, sia — siai, pilks, zifks, pas — пасъ, osks — оскстъ;
			[z]	atschuskoi — atschouskoi — ачускаю, racksa — raksa — ракса skei — скей;
s	ss		[s]	wergas — wergass;
t	t	t	[t], [t']	betkub — betkoub — бет- кубъ, trena — трена, master — мастеръ, wotet
ck	k	k	[k]	racksa — raksa — ракса, poick — poik — пойкъ, siurlack — siourlak;
u	ou	y	[u]	schindou — schindou — шинду, betkub — betkoub — бет- кубъ, jurtschasche — jourtschache — юрчашу, lumsur — loumsour — лум- зуръ atschuskoi — atschouskoi — ачускаю utscha — outscha, siurlack — siourlak,
	au			purgini — paurgуни — пур- гини;
w	w	v	[v (u)]	wel — вель, waln — валнъ, wergas — wergass, wotet;

Окончание таблицы 3

Немецкие буквы и их сочетания	Транслитерация немецких букв и буквосочетаний средствами французской графики	Транслитерация немецких букв и буквосочетаний средствами русской графики	Фонетическая основа употребления немецких, французских и русских графем в мордовских словах	Мордовские примеры из трудов И.Г. Георги
z	z		[č]	zifks;
ä	ai	е	[ä] или [e]	atä — atai — ate;
tsch	tsch	ч	[č]	tschi — чи, initschii — иничи, tschidas — чидась, utscha — outhscha, jurtschache — jourtschache — юрчашу,
			t > č под влиянием согласного следующего слова	
			č > č под влиянием согласного следующего слова	atschuskoi — atschouskoi — ачускаю,
aa	aa	aa	[a]	paas — паась,
ai	ai	ай	[ai]	kasai — казай, nikolai — Николай;
ei	ei	ей	[ai]	skei — скей;
oi	oi	аю	[ai]	atschuskoi — atschouskoi — ачускаю,
ng	ng	ой	[oŋ]	poick — poik — пойкъ,
			[ŋ]	panga;
sch	sch	ш	[ʂ]	schindu — schindou — шинду;
	ch			jurtschache — jourtschache — юрчашу.

В книге И.Г. Георги записано несколько названий видов мордовской одежды, языческих божеств и дохристианских личных имен. Часть зафиксированных слов уже вышла из языкового употребления. В первую очередь это относится к языческим дохристианским именам, которые повсеместно на территории распространения мордовской речи вытеснены антропонимами христианского происхождения. Среди дохристианских антропонимов, по-видимому, имели распространение у мордвы слова-заменители, или эвфемизмы, создававшиеся язычниками по причине всевозможных суеверных запретов. Словоформа lopai расшифровывается как вокатив от lopa «лист», kasai также имеет формант вокатива -j («моя

козочка»), lumsur напоминает архаичный антропоним lamzua (см. имя женского персонажа из поэмы эрзянского писателя А. Куторкина «Ламзурь»).

В трудах И.Г. Георги представлен сводный материал по этнографии мордвы-мокши и эрзи. Поэтому в названиях одежды, языческих богов и т. д. в разделе о мордовцах нашли отражение те или иные особенности обоих мордовских языков.

У И.Г. Георги встречаются прямые указания относительно принадлежности отдельных мордовских наименований к мокшанскому или эрзянскому языку.

Словоформам паңга «волосник», pil'ks «серьга», čifks «нагрудное украшение», kazaï «моя козочка», lopaï «мой листок», škaï «небо», ѿ t'et, vərgas, uča «вот тебе, волк, овца», осú škai «боже великий» можно приписать мокшанское происхождение на том основании, что в эрзянском языке имели бы соответственно: paңgo, pil'eks, ſeve, pokš raz и т. д.

Слово zifks и у И.Г. Георги снабжено пометой «мокшанско». Мокшанскому же kaza «коза» в эрзянском соответствует šeja id., lopaï относим к мокшанскому по аналогии с kazaï, в эрзянском скорее имели бы lopińeј, а не lopaї.

В фонетическом отношении интерес представляет osks «моление», имеющее глухое s перед k и отнесенное И.Г. Георги к мокшанскому языку. Известно, что в современном мокшанском языке s в этом слове перешло в z, тогда как в эрзянском оно сохранилось без изменения: osks «Opfer» (Равила).

Слова poik «порты, штаны», šurlak «украшение на пояссе», čidas «мужское личное имя», lumzur «женское личное имя», pas «бог», ińiči-pas «пасха», či-pas «солнце», puŕgińi «гром», paşaŋgi «помилуй» отражают особенности эрзянского языка. В написании waln в букве a графически воплощена фонема [ä]: väl'eń ~ väl'iń «сельский».

На размышления наводит словоформа poick со значением «порты». Если это написание безошибочное, то с grammaticalной точки зрения оно представляет собой форму номинатива множественного числа имени существительного основного склонения. Ср. в этом отношении данные прилатырского диалекта: pil'ge «нога» — pil'k «ноги», kil'eŋ «береза» — kil'ek «березы» (Очерки мордовских диалектов, т. I., Саранск, 1961, стр. 42). В других эрзянских диалектах формы множественного числа соответственно: pil'kt', kil'ejt' и т. д. Кроме того, нет ли в приведенном написании poick следов исторического чередования ɳ//v//j? Ср., например, мокш. povəms//<sup>6\*</sup>

эрз. *роңгомс* «попасться», *роңгатомс* «повесить (на гвозде, вешалке и т. д.)», эрз. мокш. *коу*//эрз. диал. *коң* «луна», *реј*//*реј* «зуб» и т. д.

Остальные слова, записанные И.Г. Георги, в одинаковой мере характерны и для мокшанского, и эрзянского языков. Это — *panar* «рубаха», *sija(~ä)* «украшение», *rakša* «скот», *at'a (~ä)* «старик», *mastər*, *mastor* «земля», *jurta-ši-paz~juRta-ši-paz* «покровительница дома» и некоторые другие.

В составе эрзянского языческого заклинания *paschangi*, *purgini pas!* «помилуй, бог!» слово *paschangi* нельзя возводить к русск. «пощади», хотя семантически они очень близки. *Paschangi*, по нашему мнению, восходит к двум словам: *pas/paz* «бог» и *čant'ams* «благословить». Ср.: Вай, пасчанготь, пасчанготь! Лиси чи паз чантъяник. «О, боже, благослови, о боже, благослови! Восходящего солнце-бога благословляем» (М.Е. Евсевьев. Мордовская свадьба. М., 1931, стр. 67).

Мокшанское *wotet* в составе восклицания *Wotet vergas utscha!* «Вот тебе, волк, овца!» представляет собой слитное написание двух лексем: русской указательной частицы **во-** или **wot-** и мокшанского личного местоимения 2 л. ед. ч. в форме датива (-t'et) ~ (-t'e-(j) t') «тебе». В *wotet* серединное -t- оказалось на стыке двух корневых морфем: заимствованной и исконной. Остается неясным, что было заимствовано из русского языка: просторечное **во** или же **wot**.

Итак, в рассмотренных выше печатных источниках XVII — XVIII вв. содержатся немаловажные сведения об особенностях языка, материальной и духовной культуры мордовского народа. Дальнейшие поиски, по-видимому, расширят круг таких источников.

О спорадических письменных фиксациях обозреваемого периода в целом необходимо сказать, что многие из них не были четко локализованы в диалектальном отношении. Ценность таких материалов в ряде случаев снижается из-за плохой транскрипции и общей их фрагментарности. В указанных письменных фиксациях часто даже не отмечена принадлежность приводимых слов или текстов той или иной протяженности не только к определенному диалекту, но и к мокшанскому или же эрзянскому языку.

Основной недостаток мордовских спорадических записей в литературе XVII — XVIII вв. состоит в отсутствии научно обоснованных и твердых принципов передачи звучания живой речи. Это обстоятельство приводило к неизбежному произволу

при графической трактовке разными авторами одних и тех же явлений мордовской фонетики (о диапазоне варьирования в графической передаче фонетических особенностей мордовских языков в печатных источниках XVII — XVIII вв. в табл. 4).

Таблица 4  
Графическое воплощение фонем, вариантов и специфических звукосочетаний мордовских языков в печатных источниках XVII — XVIII вв.

Фонемы и звукосочетания	Способы передачи морд. фонем и звукосочетаний литерами латинского шрифта	Примеры	Способы передачи морд. фонем и звукосочетаний средствами русской графики	Примеры
[a]	a	valda «светло» (Витсен), karķs «пояс» (Паллас), kapsta «капуста» (Фальк)	a	шкай «небо» (Рычков), уча «овца» (Паллас), мастер «земля» (Георги)
	aa	raas «бог» (Паллас, Георги)	aa	паась «бог» (Паллас, Георги)
	ou	jaksouma «холод(но)» (Витсен)	я	тряктонь «содержи ты» (Рычков), куярь «огурец» (Фальк), трядя «содержите» (Лепехин)
[ä]	ä	wäte «один» (Страленберг), ssielmä «глаз», kjàv «камень» (Фишер), siä «серебро» (Паллас), atä «старик» (Георги)	я	кьявь «камень», сieldмя «глаз» (Фишер), сiя «серебро», тягей «отец» (Паллас), серыга «онучка» (Лепехин)
	a	waln «сельский» (Георги)	а	валнъ «сельский» (Георги)
	ai	atai «старик» (Георги)		
[o]	o	tosero «пшеница» (Витсен), ton «ты» (Рычков), wot «вот» (Паллас), ros «рожь» (Фальк), lopai «листок мой!» (Георги)	о	тонъ «ты» (Рычков), вотъ «вот» (Паллас), рось « рожь» (Фальк), лопай «листок мой!» (Георги)
	e	wei «ночь» (Фишер), wergaβ «волк» (Паллас), riŋjeme «овес» (Фальк), wel «село» (Георги)	е	веи «ночь» (Фишер), вергась «волк» (Паллас), пинемя «овес» (Фальк), вель «село» (Георги)
[u]	u	shufta «дерево» (Витсен), schurkas «украшение на женской одежде» (Паллас), kujař «огурец» (Фальк), schindu «женское имя», lumsur «женское имя», purgini «гром» (Георги)	у	уча «овца», шуркась «украшение на женской одежде» (Паллас), бука «бык», куярь «огурец» (Фальк), шинду «женское имя» (Георги), пула «метелка, хвост» (Лепехин)

Продолжение таблицы 4

Фонемы и звукосочетания	Способы передачи морд. фонем и звукосочетаний литерами латинского шрифта	Примеры	Способы передачи морд. фонем и звукосочетаний средствами русской графики	Примеры
	ou	Betkoub «мужское имя», schindou «женское имя», loumsour «женское имя», outscha «овца» (Георги)	ю	сюка «хохол» (Паллас), юрчашу «покровительница дома» (Георги), сюрлакъ «женский пояс» (Лепехин)
ai	ai	schkai «небо» (Паллас), kasai «моя коза!» (Георги), aiger «жеребец» (Фальк)	ай	шкай «небо» (Паллас), казай «моя коза!» (Георги)
	ei	skei «небо» (Георги)	ей	скей «небо» (Георги)
[i(i)]	i	keli «широкий» (Витсен), ili «прут» (Паллас), initchi «пасха» (Георги), udicht «спят»	и	или «прут», пилксь «серьга» (Паллас), иничи «пасха» (Георги)
	y	symicht «пьют», schy «день», afyrista «не пьяный», kysa «год», ineedstv «заморская ягода» (Витсен)		
[ə]	i	azir «хозяин», kulis «он умер» (Витсен)		
	e	piled «уши» (Витсен)		
	a	narmam «воробей», jondal «молния» (Витсен)	а	каргаужна «ужовка» (Лепехин)
	y	vergasyn «волчий» (Паллас)		
[b]	b	buka «бык», baran «баран», tabak «табак» (Георги)	б	бука «бык», барань «баран», табакъ «табак» (Георги), шкабась «боже!»
[v(u)]	v	ved «вода» (Витсен), vergasyn «волчий» (Паллас)	в	вактонъ «сохрани ты» (Рычков), вергась «волк», вогъ «вот», varma «ветер» (Паллас), rewu «овца» (Фальк), wel «село» (Георги), lou «снег» (Витсен), snau «горох» (Фальк)
	w	wergaß «волк», wot «вот», wargma «ветер» (Паллас), rewu «овца» (Фальк), wel «село» (Георги), lou «снег» (Витсен), snau «горох» (Фальк)		
	u		у	снау «горох» (Фальк)
[g]	g	wergaß «волк» (Паллас), purgini «гром» (Георги)	г	вергась «волк» (Паллас), аигерь «жеребец» (Фальк)

Продолжение таблицы 4

Фонемы и звукосочетания	Способы передачи морд. фонем и звукосочетаний литерами латинского шрифта	Примеры	Способы передачи морд. фонем и звукосочетаний средствами русской графики	Примеры	
	[d]	d	krandas «телега» (Паллас), dura «дурной» (Фальк), schindu «женское имя» (Георги)	д	крандась «телега» (Паллас), дура «дурной» (Фальк), шинду «женское имя» (Георги)
	[z]	sch	toschen «тысяча» (Фишер), pischelaoma «для окраски в зеленый цвет» (Паллас)	ж	пижелаома «для окраски в зеленый цвет» (Паллас), вежава «средняя невеста» (Лепехин)
	[z], [ž]	z	kize «лето» (Витсен)	з	мезей «средняя невестка» (Паллас), казай «коза моя» (Георги)
		s	pisime «дождь», tosero «пшеница» (Витсен), kasai «коза моя» (Георги)		
	(ʒ)	dz	murdza «князь», murza» (Витсен)		
	(ʒ')	ds	erdsad «эрзяне» (Паллас), odsora «парень» (Витсен)	дз	ердзадь «эрзяне» (Паллас)
	[j(i)]	j	kuja «жирный», kujar «огурец» (Фальк), jurtshasche «покровительница дома» (Георги)	й	шкай «бог» (Рычков)
		i	weigke «один» (Фишер), schkai «бог» (Рычков), aiger «жеребец» (Фальк)	я	куярь «огурец» (Георги)
		[J]	ch	pecht «зубы» (Витсен)	
		ix	veixa «девять» (Витсен)		
	[k]	k	karks «пояс», tiksched «травы» (Паллас), kapsta «капуста» (Фальк)	к	карксь «пояс», тикшедь «травы» (Паллас), капста «капуста» (Фальк), карь «лапоть», казай «моя коза!» (Георги)
		gk, ck	racksa «скот», siurlack «украшение на поясе женщины» (Георги), peckpel «внутренность», tsocks «солоевой» (Витсен), weigke «один» (Фишер)		
		c	colma «три», caldas «двор» (Витсен)		

Продолжение таблицы 4

Фонемы и звукосочетания	Способы передачи морд. фонем и звукосочетаний литерами латинского шрифта	Примеры	Способы передачи морд. фонем и звукосочетаний средствами русской графики	Примеры
[l], [l']	I	lopai «лист мой!», wel «село», lumsur «женское имя» (Георги), siekla «свекла» (Фальк)	л	или «прут», пильсь «серьга» (Паллас), лопай «мой лепесток» (Георги)
	II	nall «стрела» (Фишер), kollma «три» (Страленберг)	лл	наль «стрела» (Фишер)
[L], [L']	x I	naxicht «играют» sholka «нос» (Витсен)		
[m]	m	warma «ветер» (Паллас), kschumian «редька» (Фальк), master «земля» (Георги)	м	варма «ветер» (Паллас), кшумань «редька», пинеме «овес» (Фальк), мастеръ «земля» (Георги)
[n], [n']	n	ton «ты» (Рычков), snau «горох» (Фальк), initshi «пасха», purgini «гром» (Георги)	н	тонь «ты» (Рычков), снай «горох» (Фальк), иничи «пасха», пургини «гром» (Георги)
[ŋ]	n ng	matsen «гусь» (Фишер) kiling «береза» (Паллас), tongsiara «пшеница» (Фальк)	н нг	мятсенть «гусь» (Фишер) килингь «береза» (Паллас), тонгсиара «пшеница» (Фальк)
ŋg	ng	panga «гриб» (Паллас, Георги), sengertom «для окраски в зеленый цвет» (Паллас)	нг	панга «гриб», сенгертомь «для окраски в зеленый цвет» (Паллас)
[p]	p	pinje «пёс» (Фальк), pas «бог» (Георги)	п	капста «капуста» (Георги)
[r], [r']	r	karks «пояс» (Паллас), purgini «гром» (Георги), repkis «репа» (Фальк)	р	«карксь» пояс (Паллас), куаръ «огурец» (Фальк)
[R], [R']	r	surт «пальцы», kertiaks «ласточка» (Витсен)		
[s], [s']	s	osal «худой», psy «жарко» (Витсен), pilks «серьга» (Паллас), snau «горох» (Фальк)	с	суда «нос», сіелмя «глаз» (Фишер), цивксъ «ожерелье» (Паллас), снай «горох» (Фальк), осксь «моление» (Георги)
	ss	ssisim «семь» (Мессершмидт), ssielmä «глаз» (Фишер), wergass «волк» (Георги)		
β		raaβ «бог», wergaβ «волк» (Паллас)		

Продолжение таблицы 4

Фонемы и звукосочетания	Способы передачи морд. фонем и звукосочетаний литерами латинского шрифта	Примеры	Способы передачи морд. фонем и звукосочетаний средствами русской графики	Примеры
[t], [t']	t	trjakton «содержи ты» (Рычков), lopat «листья» (Паллас), kapsta «капуста» (Фальк)	т	тряктонь «содержи ты» (Рычков), капста «капуста» (Фальк)
d	piled «уши», jodka «средний» (Витсен), ersad «эрзяне», mokschad «мокшане», tiksched «травы» (Паллас)		д	ерзядь, ердзадь «эрзяне», мокшадь «мокшане», тикшедь «травы» (Паллас)
[f]	f	af «нет, не ...», aspar kuliaf «недобрая весть» borof «боров» (Витсен), zifks «ожерелье» (Паллас, Георги)	в	цивксъ, «ожерелье» (Паллас)
ff		kaffta «два» (Мессершмидт)		
[x]	ch	lichtibepre «родник», tsarachman «град», sumicht «пьют» (Витсен)		
[c], [č]	ts	tsocks «оловей», tsarachman «град», kutskan «орел» (Витсен)	ц	цивксъ «ожерелье» (Паллас), куцъ «в дом» (Лепехин)
	z	ozu «большой» (Витсен), zifks «ожерелье» (Паллас, Георги)		
cz	oscuved «большая вода» (Витсен)			
tz	loftze «молоко», tzatka «искра» (Витсен), pretzier «волос» (Страленберг)			
[č]	tsch	utscha «овца», pitschumag «брюсника» (Паллас), tschi «солнце», initshi «пасха» (Георги)	ч	уча «овца», пича «сосна» (Паллас), чи «солнце», иничи «пасха» (Георги)
cz	icza «овца», kaczama «дымя» (Витсен)			
[š]	sch	peschte «орех», osch «город», tische «трава», mokscha «мокша» (Паллас)	ш	шкай «небо» (Рычков), тише «трава», мокша (Паллас), шушь «ячмень» (Фальк), шисаль «хлеб-соль» (Лепехин)
s	jaksama «холодно», tise «трава» (Витсен), racksa — raksa «скот», skei «небо» (Георги)		с	ракса «скот», скей «небо» (Георги)

Окончание таблицы 4

Фонемы и звукосочетания	Способы передачи морд. фонем и звукосочетаний литерами латинского шрифта	Примеры	Способы передачи морд. фонем и звукосочетаний средствами русской графики	Примеры
	sh	shufsta «дерево», shei «болото» (Витсен), schush «ячмень» (Фальк)		
šč	schr	schcam «рубаха» (Витсен)	щ	щурка «пряжка» (Лепехин)
ks	ks, cks	tsocks «сололовей» (Витсен), zifks «ожерелье» (Паллас)	кс	пракста «онучка» (Лепехин), каркс «пояс» (Паллас)
x		kafxa «восемь», oghofxa «лев», surx «кольцо», trax «корова» (Витсен), kauxa «восьмь», weixa «девять» (Фишер), -len-gax «шиповник» (Паллас)		
	kx	surkx «кольцо» (Витсен)		

### Способы передачи палатализации согласных

#### I. В источниках с латинской графикой

Таблица 5

Знаки	Примеры
j	pjel «облако», kjel «язык», ssjäda «сто» (Фишер), trjäk- «содержи» (Рычков), sjuka «охол» (Паллас), rinpjeme «овес» (Фальк)
i	ssielmä «глаз», wied «вода» (Фишер), siurlack «украшение», kari «лапоть» (Георги), katti «руки» (Страленберг), otiacks «петух», varied «ямы», siade «сто» (Витсен)

#### Примечания

1. Как и в русской орфографии, в источниках с латинской графикой палатализация мордовских согласных в позиции перед гласными переднего ряда в большинстве случаев специальным знаком не обозначается. Например: gule «голубь» (Витсен), nile «четыре» (Мессершмидт), zsisim «семь» (Страленберг), pilä «ухо» (Фишер), purgini «гром» (Георги) и т. д.

Палатализация обычно не отмечается, когда согласные занимают позицию перед другими согласными, палatalность которых выражена специальным знаком (j или i, например,

kertiaks «ласточка» (Витсен), ssielmä «глаз» (Фишер) и т. д.) или же графическим нулем (обычно перед гласными переднего ряда, например: elde «кобыла», kselmed «глаза», nielengemen «сорок», serke «голень» (Витсен), jerke «озеро» (Фишер), targes-tische «Христофорова трава», eisirman-tische «трава лоскутный цвет» (Паллас), purgini «гром» (Георги) и др.).

Если необозначение палатализованности в указанных позициях можно считать достаточно мотивированным, то отсутствие графических средств обозначения парных палатализованных согласных в инлауте непосредственно перед согласными непалатализованными является существенным недостатком в способах написания мордовских слов латинскими литерами. См., например: kenerbakar «локоть», kutskan «сокол», pilkt «ноги» (Витсен), pilks «серыга», wergaβ «волк» (Паллас), waln «сельский» (Георги) и т. п.

2. Палатализация согласных не отмечается также в исходе мордовских слов, например: kelas «лиса», kenerbakar «локоть», loman «человек», ved «вода» (Витсен), pretzier «волосы на голове» (Страленберг), kjel «язык», kied «рука», peel «нож» (Фишер), ros «рожь», kschuman «редька» (Фальк) и т. д. Написания kemet' «место богохолия», ton' «меня» (Лепехин), karig «лапоть» (Георги) относятся к числу редких исключений.

Неразличение парных палатализованных согласных от непалатализованных в исходе слов является одним из самых слабых участков в способах письменного воплощения мордовского языкового материала средствами латинской графики в источниках XVII — XVIII вв.

Необходимо в связи с этим иметь в виду, что указанное обстоятельство открывало широкие возможности для образования графических омонимов типа tar — «куча» / «яблоко», karks — «пояс» / «обора», kal — «рыба» / «куст(арник), лоза» и т. п.

И наконец, графическая непротивопоставленность финальных палатализованных и непалатализованных согласных в мордовских написаниях XVII — XVIII вв. затрудняет теперь проводить весьма важные разыскания по исторической диалектологии и, в частности, работу по отнесению дошедших до нас спорадических записей к тому или иному мордовскому диалекту обозреваемого периода истории мордовских письменно-литературных языков.

## II. В источниках с русской графикой

Таблица 6

Знаки	Примеры
ъ	къель «язык», пъель «облако» (Фишер), монъ «меня», каръкъ «оборы» (Лепехин), пинъ «пёс» (Фальк)
ъ (как исключение вместо ъ)	къявъ «камень» (Фишер)
е (не в начале слова = фонетическому '/e/)	тикшедъ «травы» (Паллас), репкисъ «репа» (Фальк)
ю (не в начале слова = фонетическому '/u/)	сюка «хохол» (Паллас), сю(л)гама «пряжка», сюрлакъ «женский пояс» (Лепехин)
я (не в начале слова = фонетическому 'а или 'ä; после гласных і и у=я или я)	тряктонъ «содержи ты» (Рычков), ляпя, ляпу «ольха», тя-тей «старшая невестка» (Паллас), ергя «подвеска, буса», руци «балахон» (Лепехин); сія «серебро» (Паллас), куяръ «огурец» (Фальк)
и (только перед о)	чачезюора «урожай хлеба» (Лепехин), сіорнє-зарне «выши-тый передник» (Паллас).

### П р и м е ч а н и я

1. Перед гласным **и** палатализация согласных специальным знаком обычно не обозначается. Например: пинеме «овес» (Фальк), пургини «гром», иничи «пасха» (Георги), или «прут», пилксъ «серьга» (Паллас) и т. д.

2. В конце мордовских слов, по правилам русской орфографии рассматриваемого периода, должны были ставить **ъ** после непалатализованных согласных, а **ь** — после согласных палатализованных. Однако этот принцип правописания обычно нарушался. В источниках XVIII в. написание мордовских слов средствами русской графики представляет собой за редкими исключениями транслитерацию их написания первоначально на основе латинской графики, где, как известно, необозначение палатализации согласных в ауслауте имеет тотальный характер (см. выше). Под влиянием латинской графики можно объяснить написания с **ъ** вместо **ь**, например, в следующих словах: валинъ «сельский» (Георги), рось «рожь» (Фальк), таргесь-тише «христофорова трава», ейзирмань-тише «трава лоскутный цвет» (Паллас), видъ «вода», къель «язык» (Фишер) и др.

В «Дневных записках» И.И. Лепехина, оригинал которых, как известно, был составлен на русском языке, различие конечных палатализованных и непалатализованных финаль-

ных консонантов в мордовских словах проведено уже более последовательно. Например: круть «сорт сыра», шултанъ «халат», калдасъ «двор» и т. д.; пулукеръ «деревянная трубка», монъ «меня» и др. В ряде слов И.И. Лепехин графемой **ъ** отметил палатализованность и серединных согласных. Например: серыга «онучка», каръкъ «оборы» и т. п. Однако и у И.И. Лепехина имеются случаи непоследовательного употребления **ъ** и **ь** в исходе некоторых мордовских словоформ, например: панарь (вм. правильного пана́рь) «рубаха», трямясть (вм. трямясть) «кормите нас» и т. д.; см. также у П.С. Палласа: отямаръ «вишня» (**ъ** вм. **ь**), пизяль «рябина» (**ь** вм. **ъ**) и т. п.

### МОРДОВСКИЕ ТЕКСТОВЫЕ ЗАПИСИ XVIII в.

Видный лингвист-кавказовед А.С. Чикобава справедливо подчеркивает, что «документация большей или меньшей давности по бесписьменным и младописьменным... языкам ...актуальна как с точки зрения истории ... языков, так и в плане общелингвистическом для анализа труднейших вопросов теории исторического развития языков»<sup>1</sup>. К этому можно еще добавить, что текстовые памятники являются основой основ при исследовании истории письменно-литературных языков.

Первые текстовые памятники мордовской письменности восходят к XVIII в., т. е. к тому периоду истории русской церкви, когда ее служители все больше и больше начали осознавать безуспешность пропаганды среди нерусского населения идей православия на церковнославянском языке. В создании переводов на мордовские и другие языки народов России основных разделов Нового завета и прочей богослужебной литературы на протяжении XVIII — XIX вв. нашла свое воплощение одна из центральных установок синода для миссионеров в деле «просвещения язычников христианской верой... причем на языке инородцев»<sup>2</sup>.

Кроме перевода сакральных текстов, в ту эпоху «призрачной славы, ... жалкой подражательности, эпоху не только пустозвонной, но даже кощунственной фразы»<sup>3</sup>, в особенности,

<sup>1</sup> Арн. Ч и к о б а в а. К вопросу о первых текстовых записях по горским иберийско-кавказским языкам. — ВЯ. — 1962. — № 4. — С. 98.

<sup>2</sup> К. Х а р л а м п о в и ч. Казанские новокрещенские школы. — Изв. ОАИЭ. 1905. — Т. XXI. — Вып. 1. — С. 1.

<sup>3</sup> К. Х а р л а м п о в и ч. Материалы для истории Казанской духовной семинарии в XVIII веке. — Изв. ОАИЭ. — 1903. — Т. XIX. — Вып. 3 — 4. — С. 182.

в царствование Екатерины II, а затем Павла I и Александра I, на мордовских языках был также издан ряд неканонических текстов.

В 1769 г. в издательстве Академии наук вышел в свет панегирический сборник под названием «Духовная церемония, производившаяся во время всевожделеннейшего присутствия ее императорского величества великой государыни премудрейшей монархии и попечительнейшей матери Екатерины Второй в Казани, с приложенным при том словом о несравненном великолушии августейшей императрицы самодержицы Всероссийской, получившей благополучное от прививания оспы выздоровление».

Поводом для создания этого сборника послужило посещение Екатериной II в 1767 г. казанских новокрещенских школ. Сборник состоит из панегирических «речей», «кантов» и «стихов» на русском, латинском и греческом языках. На стр. 44 — 49 приведены также стихи на марийском, чувашском и удмуртском языках и прозаические отрывки (или, лучше сказать, стихи в прозе) на эрзя-мордовском и татарском языках.

Тексты на языках поволжских народов имеют следующее название: «Стихи. В высочайшее ее императорского величества в Казани присутствие в загородном архиерейском доме называемом Иерусалим, от имеющихся из разных народов в Новокрещенской школе учеников говоренные; где прежде всего став порядочным образом по обеим сторонам все орды встречаю... свою гостью, единогласно пели приличную к тому времени следующую песнь:

Днес благодать святого духа нас собра, и прочая».

После этого характерного подзаголовка идет следующий стих на русском языке:

Если б природа была согласная с нами  
.... О счастливые орды! видевшие такую,  
Кая движет в речь язык чрез себя самую?  
Но наши не способные на речи языки;  
Однако вы, черемисы, чуваша, вотяки,  
Мы татара своим же теперь разговором,  
Сколько можно, скажем все всем нашим собором:  
Ибо сладко и приятно речь детскую нагу,  
Матерний слух и горящий дух приемлет как благу.

Затем идут тексты рифмованных стихов: по-черемисски (4 строки), по-чувашски (6 строк), по-вотски (4 строки). На 46 странице дан прозаический текст стиха по-мордовски (5 строк, см. прилож. III A, 1).

После эрзя-мордовского отрывка идет текст «Предписанных приветствий на российском разговоре... содержание»: «Всемилостивейшая государыня всех нас мати!

Наше счастье, а ваша милость к нам состоит в том особенно, что ваше величество нас заблудших на путь правый наставили, которым мы шествуя, истинного бога прославляем. Сие за щастие считаем для того, что достойное бога прославление есть прямая вина всего как временного, так и вечного нашего благополучия. Чувствуя убо толь великую материю духа вящего к нам горячесть, все мы всякой день преусердно благодарим господа Саваофа, и ваше величество; господа, что даровал нам такую попечительницу; ваше величество, что в сем сообразуетесь воли его. За что в знак благодарности приносим сердце наше молитвы изыхающее к вышнему, да той блажий и благих податель подаст вашему величеству процветати здравием многая лета: приими убо о матерь прещедрая от нас его!»

Текст мордовского приветствия, однако, лишь в общих чертах соответствует содержанию только что приведенных «предписанных приветствий на российском разговоре».

Мордовская часть «Духовной церемонии ... 1769 года» составлена на таком эрзя-мордовском диалекте, в вокализме которого обнаруживается фонема ä. Этот гласный в тексте регулярно передается буквой я. Например: вясе wäše «весь, всё», тяйме t'äjme «(с)делать».

В представленном диалекте имя существительное в указательном склонении единственного числа имеет формант генитива -st'. Например: пазость razo- st' «бога», инязорость iń-azoro-st' «царя».

В эрзянском тексте имеются два русских заимствования (бу bu < русск. бы; уцяскавсто ućaskausto «счастливо» < русск. участь) и одно слово тюркского происхождения (яла ajla «всегда, постоянно»; ср. тат. диал. юлан id. ДСТЯ 1969, стр. 162, чув. юлан id. ЧРС 1961).

В принципах графической передачи особенностей мордовской фонетики в рассматриваемом тексте допущены некоторые непоследовательности. Так, заднерядный аллофон ę фонемы e в позиции после непалатализованных парных согласных обозначается не только через э (прядейстэ pr'ävejstę «(раз)умно»), но и с помощью е (чисте čistę «за день, в течение дня»). Фонема [e] в абсолютном начале слова также пишется то через э (эрдчисте), то через е (еряволнекъ). Причем в

слове *эрдчисте* буква д, по-видимому, напечатана ошибочно вместо буквы ы: эрьчище (ср. мокш. эрь шиня id. РМС 1951, стр. 137, эрз. эрьва чистэ, эрьва чине id. РЭС 1948, стр. 93).

Написание *итынкъ* состоит из двух слов: и тынкъ i t̄iŋk «и вы». Написание *ванкексъ нымъ-тынъ*, по крайней мере, следует читать: ванкекснымъ тынъ. Второе слово является личным местоимением 2 л. мн. ч.: тынъ t̄iŋ «вы». А первое слово *ванкекснымъ*, по-видимому, связано со словом *ванькс* «чистый», «святой», «верный», являясь производным от этого прилагательного глаголом (см. ваньскавтнемс «очищать» ЭРС, 1949). Выражение *вясе менъ-минекъ* следует читать: вясемень минекъ vāšemeń mińek «всех нас». Написание *прявейстэтай* мé должно члениться: прявейстэ тяйме präveiſte; t̄äime «делать разумно», «сделать разумными».

Опираясь на все сказанное выше, можно предложить следующую наиболее вероятную транскрипцию эрзя-мордовского текста из «Духовной церемонии... 1769 года»: Vāše miń eŕ-či-stę kšnasi·ńek vāše ojmsiń sońi·nze pa·zośt' i t̄iŋk iń-a·zorośt' son, miń d̄ä·ńek vańkeksniń, t̄iń, iń-a·zoro-ava·ś, pek parta·do. t̄iń laža·tado vāšemeń mińe·k prävejstę tajme·vāše miń bu paz i·kel'e vad'fá·sto eŕa·vol'·ńek i ja·la uća·skausto ul'e·vel'·ńek.

Наш перевод данного транскрибированного эрзя-мордовского текста на русский язык.

«Все мы ежедневно восхваляем всей душой самого бога и вас, царицу. Он (? будучи для нас священным), вы, царица, очень добры. Вы пачетесь (букв. вопите) всех нас умными сделать. Чтобы все мы перед богом хорошо жили бы и всегда счастливыми могли бы быть».

Целый набор ошибочных написаний, невысокие достоинства как оригинала, так и качества перевода сводят почти на нет значение этого первого небольшого текстового памятника мордовской письменности.

В 1782 г. Н.И. Новиков в типографии Московского университета издал другой сборник панегирического содержания под названием «Сочинения в прозе и стихах, на случай открытия Казанского наместничества, в публичном собрании на разных языках говоренные в тамошней семинарии декабря 26 дня, 1781 года».

События, произшедшие при открытии Казанского наместничества в Казанской духовной семинарии, в сборнике (стр. 3 — 4) нашли следующее описание: «По окончании открытия Казанского наместничества ... назначено было 26 декабря

1781 года от ... митрополита Казанского и Свияжского учинить в память сего происшествия торжество в семинарии. После открытия собрания ректором речью на русском языке следовал кант при музыке. Затем следовали пространные от двух студентов речи... После чего читана ода; за сим говорены были юношеством... краткие речи в прозе и стихах на разных языках, т. е. на греческом, латинском, немецком, татарском, чувашском, черемисском, мордовском, вотском и калмыцком, коих содержание изъяснено тогда же было другими учениками порознь на российском языке при игрании в перемене оных речей симфоний. Наконец... префект заключил речью благодарность к собранию и поздравление о благополучном сего знаменитого происшествия окончании. В заключение сего пет был другой кант при музыкальных орудиях, а между тем... митрополит пригласил все собрание в свои покой ... и притом петь и играны были нарочно сочиненные канты и концерты; и тем день сей кончился».

В 1908 г. Д.А. Корсаков — редактор «Сборника материалов по истории Казанского края в XVIII веке» (Изв. ОАИЭ, т. XXIV, приложение, стр. 154 — 155) переиздал эти «Сочинения...» по рукописному экземпляру, приложенному в свое время к письму Казанского митрополита Вениамина князю А.А. Вяземскому, добавив и варианты из печатного издания 1782 г. (см. приложение III Б, 1).

Мордовская часть «Сочинений...», состоящая из шести строк, озаглавлена «Стихи мордовские» и снабжена русским переводом. «Стихи» написаны на мокша-мордовском языке без соблюдения размера, но в них обнаруживаются явные следы рифмовки. Так, конец первой строки рифмован с концом третьей: пякъ — анцякъ; вторая строка связана с четвертой парой: ванизьминъ — видинъ; и пятая строка с шестой: атамя — лама.

В мокшанском тексте обоих изданий допущено большое количество ошибок, затрудняющих местами чтение этого первого в истории мордовской литературы стихотворного отрывка. Поэтому и с учетом показаний обоих изданий мы нашли уместным привести в транскрипции не весь мокшанский отрывок, а лишь отдельные фразы, которые нам удалось прочитать: koda af radəvams mińd'eńek «как не радоваться нам»; pák oću «очень большой»; kud-azərəí-ava здесь «царица» (букв. «жена хозяина (дома)»), čebärsta (ć-?) «хорошо»; vanə́z «оберегая»; miń «мы; нас»; lažnaj; «беспокоится»; šembəńd'i

«всем»; *t'ijəms* «сделать»; *ańcak* «только»; *śaks* «по(э)тому»; *kel'gəzä* «полюбил он; пожелал; захотел»; *putəms* «основать»; *kud* «дом»; *t'än* «это»; *parat'* «это добро»; *nájəz* «видя»; *veš'tama* «просим»; *maksəza* «путь даст»; *at'ama* «гром»; *kud-azır miń* *avat'i* «нашей царице»; *eŕams* «жить»; *parsta* «хорошо, добро»; *lama* «много».

Рассматриваемый текст составлен на говоре, близком к центральному диалекту мокша-мордовского языка.

В 1787 г. в Москве вышло в свет «Торжество Нижегородской семинарии о вступлении на всероссийский престол ее императорского величества, благочестивейшей государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы все-российской, по двадцатипятилетнем царствовании ее величества происходившее в оной семинарии июня 30 дня, 1787 года».

О содержании этого сборника. В разделе «Краткое извещение о Нижегородской семинарии» (стр. IV — VIII) отмечается: «При нынешнем преосвященном Дамаскине епископе еще умножены в... семинарии науки; потому что, кроме богословия, философии, риторики, пиитики, российской и латинской грамматик, эллиногреческого языка и арифметики, преподаются также и история, и география... Отборные ученики обучаются немецкому и французскому языку... Некоторые из них обучаются также по-татарски, чувашски и мордовски, для удобнейшего наставления в законе христианском имеющихся в Нижегородской епархии таковых народов».

Далее приведены «речи», «комplименты», «стихи», «канты», «возражения и ответы» на русском, греческом, латинском, немецком, французском, татарском, чувашском и мордовском языках.

Мордовская часть сборника представлена «речью» на эрзянском языке. Следует подчеркнуть, что рассматриваемый текст относится к числу наиболее удачных произведений мордовской литературы XVIII в.

Диалектная основа эрзя-мордовского текста характеризуется наличием фонемы *ä*, например: *mázén* *mäzeń* «что за», *t'áveń* «дела», *máks* «почему» и т. д. И другие особенности мордовской части рассматриваемого произведения совпадают с диалектными чертами других памятников мордовской письменности, созданных в Нижегородской семинарии под руководством Дамаскина в последней четверти XVIII в.

В словаре памятника встречаются следующие наименования, которые воспринимаются как неологизмы: *promks* «собрание», *lía moda l'ija moda* «неприятель (во время войны)», (букв. «другая (-чужая) земля»), *mikšniča* «купец» (букв. «продавающий, продавец»), *rus moda* «Россия» (букв. «русская земля»), *siormas kol* «мудрый» (букв. «способный к грамоте»), *tonautiča* «учитель, учащийся», *tonautliča tonauč'l'iča* «ученик, учащийся» и др.

В лексике фигурирует также ряд русских заимствований, например: *učaska* «частье» < русск. участь, солдаться *soldać* «воин» < русск. солдат, *tovaranzo* *marto* «он со своими товарами» < русск. товар, аробä «не боится, не робеет» < русск. робеть, *slava*, *cerkuva*.

Из морфологии памятника следует выделить вариативное оформление глаголов в 3 л. ед. и мн. ч.: *e*, *я/i*, например: *maksne* «дает», *ul'nä* «имеется», аробä «не трусит», *promovkšnet'* «собираются»; но также: *iarpcti* *äŕcit'* «бывають», *apali a päl'i* «не боится», *jaki jaki* «ходит», *ayari a jäři* «не живет», *sazní* *saźni* «одерживает» и т. д.

В графике памятника обращает на себя внимание изображение /ä/ в анлауте диграфом *ia*: *iarpcti äŕcit'* «бывають», *iärjmęs* /äŕams/ «живь».

Обзор мордовской части «Торжества Нижегородской семинарии... 1787 года» завершим транскрипцией эрзянского текста и нашим переводом (см. прилож. III A, 3). В транскрипции, как и в самом приложении, не воспроизводятся явно ошибочные, с нашей точки зрения, написания. Их немного. Так, в оригинале встречаются: *pokt'* (вм. *pokš'*), *palta* (вм. *pialta*), *supaldać* (вм. *supalgać*), *slavazonzo* (вм. *slavazonzo*), *syxsemat'* (в другом предложении правильно: *syxsemat'*), *tonavtličat'* (вм. *tonavtličat'*, ср. рядом в оригинале: *tonavtličat'*). Сохранено написание *večke* якъ с г, хотя не исключено, что на месте этой буквы предполагалось дать десятиричное *i*. Транскрипция этого слова дана с учетом обоих этих вариантов.

*väl't' pokš t'ät'e!*  
*paro promks!*

*mäzeń večke v tarkaso, mäzeń paroń učaskaso äŕci t' né lo·ma t', konańeń paro ińeške-pas maksne, väl't' práveń sormas koleń i eŕva t'áveń sodicań iń-azoron! ko·sta ul'nä lamo part t'eńemat şorma·t*

tonaut'l'imat t'ado sjskemat tuřemsto 1'ija moda marto. šasto a-peł'ksta kijak, mäks väl't' paro äfams přaveń iñ-azoro marto. tosa soldać a päl'i mäžd'ejak tufemsto. mikšniča jaki tovaranzo (tovaronzo?) marto apak päl't'. sokiča a robä žardijak sokamsto, tonautiçat žarija érva tarkaso promo·ukšnet' i veikejak-(vexkejak?) lomań a jä·fi uća·skavtom. mińek ruz modań väseme ne part ul'nít'. son äfamsto komś vä·t'ejška it' iñ-azoro-ava marto völ't' 1'äzoúš. t'eń piňksta völ't' supalgać (ś-?) i tonaut' 1'imaso, i tuřemsto 1'ija moda marto žarija sjskemat sažni. oz-nutanok ena pazněń maksisa iñ-azoro-avańeń paro ku(u)aka či, vanozo pařct'ä eś slavazonzo čerkuań, ućaskas tonautiçat i tonaut'l'içat i vanmozonzo pa·roń väsemeń mińek ruz modań.

#### НАШ ПЕРЕВОД

«В каком прекрасном месте, в каком добром счастье пребывают те люди, которым добрый господь бог дает премудрого, просвещенного и всезнающего монарха. Если будет много полезных дел, письменных знаний и еще успехов в борьбе с другими странами, тогда никто не усомнится, что весьма хорошо жить с благоразумным царем; там воин не боится ничего во время битвы. Купец ходит со своими товарами безбоязненно. Пахарь никогда не робеет во время работы, число учащихся в разных местах увеличивается. И ни один человек не живет несчастливо. И все это добро — нашей России. Она, живя лет двадцать пять с царицей, весьма расширилась. За это время весьма разбогатела и в науках, и в победах над другими странами.

Помолимся же богу, пусть даст царице долголетия, оберегал бы ее во славу церкви, на счастье учащих и учащихся и во имя сохранения всего добра российского».

В 1795 г. было издано «Торжество Казанской семинарии, приносящей святейшего правительствующего синода члену, великому господину высокопреосвященнейшему Амвросию, архиепископу казанскому и свияжскому, милостивому архипастырю, отцу и покровителю своему, в день тезоименитства, усерднейшее поздравление 1795 года».

В эту брошюру вошли «оды», «эпиграммы», «сонеты» и «речи» на русском, латинском, чувашском, татарском и мордовском языках. В мордовской части памятника (стр. 32) преобладают черты мокшанского языка (см. прилож. III Б, 2). Написание послеложно-личного местоимения 2 л. ед. ч. ик-

сыть iksit ~ iksat 'ради тебя' (вм. iñksat id. большинства мокша-мордовских диалектов) сближает диалектную основу мордовской части казанского «Торжества...» с мокшанскими говорами кильдишевско-киртелинского типа, расположенными на территории Тат. АССР.

Мордовская часть рассматриваемого памятника была составлена совершенно неопытным человеком (по-видимому, учеником младшего класса казанской семинарии), допустившим сплошные искажения как форм, так и синтаксиса мокша-мордовского языка. Поэтому о каком-нибудь значении этого отрывка в истории мордовской письменности говорить не приходится. Марийский текст в «Торжестве...» также «безграмотен, но уже в такой степени, что нет никакой возможности привести из него какую-либо выдержку»<sup>1</sup>.

С именем Амвросия связано также появление в свет брошюры под названием «Жертва признательных сердец величому господину высокопреосвященному Амвросию, архиепископу Казанскому и Свияжскому в день его тезоименитства... приносится от Казанской семинарии 1787 года, декабря 7 дня. М., в типографии Пономарева, 1788». В брошюру вошли стихотворные и прозаические тексты на русском, латинском, татарском, чувашском и марийском языках. Мордовского материала в этом сборнике нет.

В 1797 г. университетская типография в Москве опубликовала «Все радостное торжество, которым благочестивейшего, самодержавнейшего, великого государя императора Павла Первого по священном миропомазании и короновании на всероссийский императорский престол, совершившемся в 5 день апреля 1797 года, всемилостивейше посещающего Нижний Новград, благоговейнейше приветствует Нижегородская семинария мая дня 1797 года» (24 стр. 4°).

Издание этой брошюры было приурочено к возможному приезду Павла I в Нижний Новгород в 1797 г. Однако поездка была перенесена на следующий год. Поэтому издателям пришлось внести изменения в титульном листе и исправить выходные данные брошюры. Одновременно с заменой титульного листа были допечатаны стр. 25 — 32. Брошюра вторично была озаглавлена: «Всерадостное приветствие, которое благочестивейшему, самодержавнейшему, великому государю,

<sup>1</sup> В. М. В а с и л ь е в. Письменные памятники на марийском языке конца XVIII и первой половины XIX в. // Уч. зап. Мар. НИИЯЛИ, V, 1953. — С. 257.

императору Павлу Первому, при всевожделеннейшем его императорского величества прибытии в Нижний Новград благовейнейше приносит Нижегородская семинария мая 20 дня 1798 года. М., в университетской типографии, у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия».

Содержание «Всерадостного приветствия... 1798 года»: на стр. 3 — 16 помещены панегирические «оды», «стихи» и «речи» на русском, латинском и греческом языках, на стр. 17 — 18 приведена «речь» мордовская с переводом на русский язык (см. приложение IV A, 4), на стр. 18 — 19 следует «речь» чувашская (22 строки), затем на стр. 20 — 32 «эпиграммы», «мадригалы», «рондо», «оды» и «акrostихи» снова на русском, латинском, греческом и немецком языках.

В отделе рукописей научной библиотеки Казанского государственного университета хранится брошюра всего в восемь страниц под названием «Речи на мордовском и чувашском языках и русские стихи и канты, посвященные Павлу Первому по поводу его приезда в Нижний Новгород».

Полных выходных данных это издание не имеет, в нем нет и конца текста. По мнению автора «Описания рукописей научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского гос. университета» (вып. 2. Лингвистика, 1958), «Речи на мордовском и чувашском языках...», напечатанные типографским способом без отдельного титульного листа и переплета, были составлены в конце XVIII в. Если иметь в виду, что в 1798 г. Павел I посетил г. Казань, то можно допустить, что издание рассматриваемых «Речей...» было приурочено к предстоящему приезду царя и в Нижний Новгород. Это допущение подтверждается другим изданием такого же типа, а именно брошюрой «Торжество Казанской семинарии, по случаю всерадостного в Казань прибытия его императорского величества Павла Первого, великого государя императора и самодержца всероссийского. М., в университетской типографии, у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия. 1797» (40 стр.). В этой брошюре находим «оды», «стихи», «дифирамбы», «рондо», «сонеты», «эпиграммы», «канты» на русском, латинском и греческом языках. Однако никакого мордовского, как и чувашского, марийского или татарского материала в ней не представлено.

Павел I был в Казани в 1798 г. Появление «Торжества Казанской семинарии» в 1797 г. К. Харлампович объяснил следующим образом: Павел после своей коронации 5 апреля 1797 г. выразил желание посетить в числе других городов и

Казань. Узнав о том, Казанский архиепископ Амвросий, присутствовавший при коронации, отпросился в Казань (19 апреля), чтобы подготовиться к приему высокого гостя и, по обычаю, настроить семинарскую музу на требуемый лад. И хотя государь раздумал путешествовать по Волге в этом (т. е. 1797. — А. Ф.) году, составленные стихи были напечатаны<sup>1</sup>.

Таким образом, «Речи на мордовском и чувашском языках...» также могли быть составлены в Нижегородской семинарии в 1797 или самое позднее 1798 г. Содержание «Речей» обычный панегирик конца XVIII в. Мордовская «речь», как и «речь» на чувашском языке, снабжена русским переводом. «Стихи и канты» приведены лишь на русском языке.

Сравнение всех трех нижегородских брошюр подтвердило полную тождественность представленного в них мордовского текста (см. приложение III A, 4). Больше того, мордовский текст и его русский перевод, по нашему мнению, выдержали лишь одно типографское «тиснение», когда набиралось «Всерадостное торжество... 1797 года». Об этом красноречиво свидетельствуют одни и те же ошибки (точнее — типографские или корректорские опечатки), допущенные во всех трех брошюрах. Так, вм. **ансяк** «лишь, только» везде дано ошибочное **аксякъ**; вм. слитного **оимъть** «твоя душа» ошибочно напечатано раздельно: **ой мъть**. Слово **сетьмъть** «утихают» также по ошибке во всех брошюрах набрано: **сеть мъть**. В слове **ескть** вм. **к** следовало бы **есить** «своего, своим» (в других предложениях дано написание **с и**) и т. д.

Диалектная основа мордовского текста в рассматриваемых брошюрах отличается от особенностей мордовской части «Торжества Нижегородской семинарии... 1787 года» (см. выше).

В лексике мордовского текста имеются следующие русские заимствования: **стречямо** «встречать», **судямо** «судить», **сякой** «всякий», **уцяскать** «твое счастье» (<рус. участь>), **радуваятанок** «радуемся», **радуваямсто** «радуясь», **вѣть** «ведь», **ощо** «еще».

Из других особенностей лексики отметим употребление **ињазоро** в значении «монарх», **судямо тарка** (букв. «место суда») в значении «скипетр», **ињазоро тарка** «царство», **чеката-ноќ** «молимся» и т. д.

В фонетике диалекта, на котором был составлен рассматриваемый памятник мордовской письменности, отсутствует

<sup>1</sup> К. Х а р л а м п о в и ч . Материалы для истории Казанской духовной семинарии в XVIII в. // Изв. ОАИЭ. — Т. XIX, вып. 3 — 4. Приложение. — Казань, 1903. — С. 176 — 177.

фонема **ä**. Например: *vel't'* (вѣльть, вельте) «весыма», *mešt'* (мѣсть) «что» (мн. ч.), *převejzē* (превѣйзѣ) «мудрость его» и т. п.

Звукосочетанию **št'** многих диалектов в памятнике соответствует **šč**, передаваемое буквой **щ**, например: *ašči* (аши) «находится», *oščo* (оощо) «еще», *aščete* (ащемъ) «стоять». В то же время в памятнике не наблюдается оглушение **v** перед **š** и **t'**, например: *panžovšt'* (панжовстъ) «открылись», *jovl'i* (иовли) «сообщает» и т. д. Нет и характерной аффрикатизации **s**, **š**, **z**, **ž** после сонорных, например: *sonzē* (сонзе) «его», *aňšak* (ансякъ) «только», *toňs* (тоньсъ) «ты сам» и пр.

Слепое подражание русскому тексту при его переводе на мордовский язык по существу также свело на нет значение и этого письменного памятника.

Прямым продолжением серии перечисленных сборников является брошюра панегирического же содержания под названием «Жертва всерадостных чувствований его императорскому величеству, всепресветлейшему и всемилостивейшему великому государю императору и самодержцу всероссийскому Александру Первому, во всехожденнейший день торжественного венчания и священнейшего миропомазания его императорского величества на всероссийский прародительский престол, со всеподданнейшим благоговением приносимая от Казанской Академии 801 года сентября дня. М., 1801. В университетской типографии, у Христофора Клаудия» (37 стр.).

В названный сборник вошли «пятистишия», «оды», «идиллии», «стансы», «мадrigалы», «дифирамбы», «акростихи», «эпиграммы» и «канты» на русском, латинском, греческом, французском и немецком языках (стр. 3 — 31, 34 — 35), а также «речи» на марийском (стр. 31 — 32), чувашском (стр. 32), удмуртском (стр. 33) и мордовском (стр. 34) языках.

«Речь мордовская» состоит из восьми строк прозаического текста, к которому приложен и «перевод» (см. прилож. III A, 5). Сопоставление материалов сборника, однако, привело нас к твердому выводу, что сама «речь мордовская» представляет собой не что иное, как перевод готового русского текста, нарочито озаглавленного «переводом мордовской речи».

Мордовская часть рассматриваемой брошюры не выдерживает и самой снисходительной критики. Наряду с предельной буквальностью, в мордовском переводе допущено боль-

шое количество корректорских и других ошибок, воспроизведение которых выглядело бы здесь бессмысленным.

Мордовский текст был составлен на таком эрзянском диалекте, в фонемном инвентаре которого была гласная фонема [ä], например *šäd'ej* (сядеи) «сердце», *väšä* (вяся) «весь» и т. д. Из русских заимствований представляется важным отметить следующие: *оля* «царствование» < *воля*; **мутрена** «мудрый» < мудрёный; **венецъ** «скипетр» < *венец*; **здороу** «здоров(ый)»; **робота; уже**.

Таковы некоторые текстовые записи, появившиеся в свет во второй половине XVIII в. Небольшие по объему, эти записи, как правило, являются дословными переводами с русского языка и изобилуют типографскими и другими ошибками. В большинстве рассмотренных мордовских текстовых записей по существу лишь слова и их формы имеют мордовский облик; что же касается синтаксиса текстов, то он почти полностью (вплоть до порядка слов) перенесен из русского языка.

Во второй половине XVIII в. был создан ряд других текстовых памятников, сохранившихся в рукописном виде<sup>1</sup>.

Небольшая текстовая запись включена в «предуведомление» к рукописному «Словарю языков разных народов, в Нижегородской епархии обитающих», составленному в 1785 г. под руководством епископа Дамаскина в Нижегородской семинарии (см. ниже). Этот текст приведен в том разделе предисловия, где даны сведения «о богослужении, молитвах и других обрядах, примечаемых в чуваше и мордве, кои остались у них еще от язычества» (см. приложение III A, 2).

Транскрипция мордовского текста: *iňeške pas, vanjmiš* (~ *vani-miž*). *iňeške pas, il'amak kad. tuka moňän lamo čorat i t'ajt'eřt'*. *iňeške pas, tuka moňän lamo pandot šuroda i pešček šuro utomot.* *iňeške pas, tuka moňän šrot, măd'*, *simd'ema-jarcamo-pel'*, *šumbrači, sät'me eřamo. Iňeške pas, pešček kardazom l'išmed'e,* *řeved'e, séjado. iňeške pas, baslovek* (~ *baslovek*) *moń kudom, čtobu* (~ *štobu*) *moňän možna sakšničat noldams, purnams, andoms i äžňems. Iňeške pas, vanjč kiřd'ičań modań iń-azoro-avań.* *Eřva maštomsta oznomoń meřňet' väše lomat': amiń.*

<sup>1</sup> Общий обзор этих памятников см.: А. П. Ф е о к т и с т о в. Истоки мордовской письменности. — М., 1968.

## НАШ ПЕРЕВОД

Боже, сохрани нас. Боже, не оставь меня. Принеси-ка мне много сыновей и дочерей. Боже, принеси-ка мне много гор зерна и наполни хлебные амбары. Боже, принеси-ка мне хлеб, мед, еду и питье, здоровье, тихую жизнь. Боже, наполни двор мой лошадьми, овцами, козами. Боже, благослови мой дом, чтобы мне можно (было) приходящих пускать, собирать, кормить и согревать. Боже, береги владелицу земли царицу. При окончании каждой молитвы произносят все люди: аминь.

Дialectная основа рассматриваемого текста идентична с dialectной базой мордовской части «Словаря языков разных народов» Дамаскина (см. ниже).

Освобожденная в значительной степени от влияния russkogo sintaksisa и от груза elementarnykh oshibok, stol'ya xarakternykh pechatnym tekstam, dan'naya zapisь vygodno otlichayetsya ot uye рассмотренных mordovskikh pamятnikov pismennosti.

V leksike pamятnika ometim russkie zaimstvovaniya: baslavek baslovek «благослови», čtobu ~ štobu «чтобы», možna «можно».

Rukopisnoe «Dействие Нижегородской духовной семинарии... при окончании годичного учения... 1788 года июня 30 дня» (ГАГО, ф. 2013, оп. 602, д. 1450), po-vidimomu, takzhe yavляetsya peredovym pamятnikom. Odnako peredov semanticheski poluchil'sya naстолько adekvatnym, chto v nem prakticheski ne zameñno vliyanie ishodnogo (russkogo) jazyka. V tekste etoy neboldshoy zapisy predstavleny tri russkih zaimstvovaniya (raduvukshnutanokъ «радуемся», slavazotъ «во славу тебе», cerkovanenъ «церкви»), kotorые vo vtoroy polovine XVIII v., po vsej veroyatnosti, uye byli osvoeny mnogimi mordovskimi dialektami<sup>1</sup>.

V rukopisnom otdele Gosudarstvennoj Pubличnoj biblioteki im. M.E. Saltykova-Щедрина (ф. Аделунга, 35) xranitsya ryad важnyx rukopisnyx pamятnikov mordovskoj pismennosti XVIII v., v tom chisle: «Kratkij katekhis, perivedennyj na mordovskij jazyk s наблюдением rossийskogo i mordovskogo prostorečija, radi uđobnejšego onogo poznania восприявших svjatoe kreshchenie. 1788-го goda» (лл. 162 — 194),

<sup>1</sup> Tekst «Действия Нижегородской семинарии... 1788 года июня 30 дня» и его анализ см. А. П. Феоктистов. Истоки мордовской письменности. — М., 1968. — С. 8 — 12.

«Священная история. Краткими вопросами и ответами сочиненная и переведенная на мордовский язык 1790 года марта 14 дня» (лл. 1 — 85), «Речи для перевода на мордовский язык» (лл. 197 — 200), a также текст «Отче наш» (лл. 20 — 21) и два варианта «Символа веры» (лл. 205 — 208).

Voprosy grafiki i orfografi, osobennosti dialektta, položennogo v osnovu perечislennyx tekstovych pamятnikov, созданных v Nizhegorodskoj seminarii pod rukovodstvom episkopa Damaskina, uye byli predmetom obsgudcheniya v našej knizhke «Istoki mordovskoj pismennosti» (sm. str. 12 — 18, 20 — 21, 25 — 47). Poэtomu v etom razdiele cele-soobrazno ostanovitsya na drugix problemah, v chasnosti, na xarakteristike osobennostej leksiki niжegorodskix rukopisnyx tekstovych zapisey.

Leksika niжegorodskix peredovых tekstov primечatel'na vo mnogix otnosheniyax. Kak vyясняetsya, v praktike peredov s russkogo na mordovskie jazyki uye vo vtoroy polovine XVIII v. shiroko использовался prinzip leksicheskogo razvertyvaniya, t. e. замены otдельnyx slov ishodnogo (v danном slučae — russkogo ili cerkvenoslavjanского) jazyka цel'ymi словосочетаниями peredovayushchego (mordovskogo) jazyka. Naprimjer: angel — пазонъ ure букв. «слуга божий», greshnyj — пяжеть тяица букв. «делающий грех»,пустыня — чаво тарка букв. «пустое место», свет — вясе маствур букв. «вся земля», наводнение — вядень само букв. «прибытие воды», мир — вясе ломать букв. «все люди», завет — духовной сюрма букв. «духовное письмо», предтеча — икеле молица букв. «впереди идущий», раскол — коенъ коламо букв. «порча (расстройство) обычая», молитва — ознома вал букв. «слово моления», спаситель — ойменъ ваныша букв. «охраняющий душу», христианин — паро коинъ ломанъ букв. «человек хорошего обычая», его неприятели — сонза гаршо молицят букв. «идущие против него», столица — седе покш ош букв. «более крупный город», распятый — чавозъ кріост ланксо букв. «прибитый к кресту», покаяние — пяжетень ювтамо букв. «рассказывание грехов (своих)», чудеса — вяльть покш тявть букв. «весъма великие дела», идолопоклонствовать — сюкунямс чувтненень и кявненъ букв. «поклоняться деревьям и камням», вечеря — чокшне ярцамо букв. «вечерняя трапеза» i dr.

Imeotsya v рассмотриваемых peredovах sluchi leksicheskogo svertvaniya teksta, naprimjer: Vsega lъ oni prebyivali

в сем святом и блаженном месте? — Яла ли сынь ульность тона паро таркасо? (букв. «Всегда ли они были в том хорошем месте?»); Жена его глуха: не слышит, что мы говорим. — Козяйказо а мари, мясть минь кортлитаюк (букв. «Жена его не слышит, что мы говорим»), прежде всего — васнятак и т. д.

Весьма характерно в переводах расширение семантики мордовских слов, например: обетованный — алтазъ букв. «обещанный», святой — ванъкс букв. «чистый», согласно — вяйкетста букв. «одинаково», проповедь — ювтамо, ювтлима букв. «рассказывание, сообщение», пророк — ювтлиця букв. «рассказчик, сказитель», проповедывать — ювтнемс букв. «рассказывать, извещать», благодарить — каванявштомс букв. «угощать, потчевать», поклонение — каванявштомо букв. «угощение, потчевание», повинование — каванявштомо букв. «угощение, потчевание», празднуемый — каванявштозь букв. «угощенный», глава (в книге) — кирдима букв. «держание» (содержание), власть — кирдима букв. «держание, удержание», вера, закон, обыкновение, религия — кой букв. «привычка, обычай», скрижали — ласт букв. «доски», книжник — ловныща букв. «чтец, читатель», рост (в значении процент, прибыль) — ляскс букв. «польза, помощь», переведен на мордовский язык — путозъ эрзя кельланкс букв. «положен (переложенный) на эрзянский язык», непорочно — пяжетьстеме букв. «без согрешения», плен (ение) — сайсима букв. «взятие», путешествие — якамо букв. «хождение» и т. п.

К искусству перевода следует отнести и антонимические переводы, например: мало — аламо букв. «немного», глухой — амари букв. «не слышит», слепой — анеи букв. «не видит», она еще не может — сон ошо сэриди букв. «она еще болеет», закон — amerima «запрещение» букв. «не приказывать», заповедь — amerima (см. только что приведенный пример), тайно — апак нейть букв. «не видя» (ср. явно — неезь букв. «видя») и др.

Лексические варианты — наиболее характерный признак обозреваемых переводных текстов. Например: Чаю жизнь будущего века — Учан эрямонь ули пингень /Учан эрямодо икиле пиньгенъ; восшедшего на небеса — кяпитецъ мянильланкс /кусцъ мянейецъ; вочеловечася — ломаныгацъ /ломаныцъ вялявцъ; вседержитель — вясекирдица/васеме кирдица; грехи — а паро тявть/пяжеть; во оставление грехов — васулгав-

тан пяжетьсто/кадумкс а паро тявть; праотцы — ташт тяятане/ сыреть аят; свет — валдо/ашо и многие другие.

Обращает на себя внимание употребление одного из компонентов словосочетания в значении суффикса образования отвлеченных имен существительных (эрямо, тарка, тяйма) или же русских приставок и суффиксов залогового значения, например: озномо вал — молитва, нишке кой — христианство, вятыгемима иудейской — пятидесятница иудейская, озномонь тарка — жертвенник, лавчо тяв — слабость, икельть тявть — будущее, паро чи — здоровье, блаженной эрямо — блаженство, вайц пядинь — приобщился я, веселасто эрямо — увеселение и т. д.

К этой группе слов примыкают мордовские наименования, составленные из атрибутивных сочетаний, например: верев савтомо — возвышение, иневядь — море, кязеръ ломать — потомки, пщи прявь — премудрость, пургинъ юнкс — радуга, покш тявь — чудо, вяльть парсте — чудесно и т. д.

В мордовских переводных текстах нашли отражение также русские заимствования XVIII в., как, например: бедас — в беду, бу — бы, буто — будто (ловажать кямъть буто кявь «кости крепки, как (букв. будто) камень»), доля — часть (доля), же — же, думаямо — выдумка, здоров — здоровый, кинязь — князь, кинязь ава — княгиня, козяйка — жена(хозяйка), крист — крест, ли, венчамо — брак(венчание), манямкс — обольщать (манить), оля — власть (воля), осуждямо — осуждение, ошо — еще, простямыс — простить, робута — работа, самой — самый, лишнойсте — все (излишне), судямкс — судить, тесналгавтлемкс — утеснить, церькува — церковь, штоб(y) — чтобы и многие другие.

В мордовских переводах встречается большое количество семантических заимствований (калек), например: апостол — кучица, букв. «посылающий» (следовало бы: кучозь «посланный, посланник»), вседержитель — вясекирдица, евангелие — паро куля «благовестие», единородный — вайке чацмонь, жрец — озномонь тяиция, животворящий — эрямотия, идолопоклонство — идолнень каванима /идолнень сюкунямо, к тому же — тенес же, яко... тако и... — кода ... эстя и...: яко на небеси, тако и на земли — кода мяньельланкс, эстя и мода ланкс, не иное что — а ля мязе, великий Новгород — покш од ош, Андрей первозванный — Андрей икелемерезъ, предтеча — икеле молица, пророк — икеле ювтница, то же самое — сежо самой, трудолюбивый — тяйме вечкица,

язычники — лія келевть, троекратно — колмораст, виеде судало — под правосудием и пр.

Примечательно употребление мордовского относительно-го местоимения мязе «что» в значении изъяснительного союза что, например: Штобу невтямкс, мязе сынь кавнеськ вяйке кискень «Чтобы показать, что они оба от одной плоти»; Мязе паз иди колияк вясе ломать работаста чопачань и пяже-тень «Что бог избавит некогда всех людей от работы демон-ской и греха». При этом в переводах иногда допускается сме-шение (неразличение) союзов и союзных слов: Мязе те сода-ви? — Мязе ваныця вясе ломанинь чачи шацмо пельсте Авра-амонь «Что это значит? — Что спаситель мира родится от племени Авраама».

В текстах XIX в. еще наблюдается употребление местоиме-ния мезе «что» в значении союза, присоединяющего прида-точное предложение к главному. Например: Анатама, мезе шкабазь авъ ильце нолда шайтанть (Крат. кат. 1861 м) «Про-сим, чтобы бог не попустил диаволу»; Мялясть, месь синь ся-вийхъ сядя лама (Тюм. 1879 м) «Они думали, что получат больше». В современных мордовских языках в указанном значении употребляется лишь русское заимствование **что** «что», напр.: Маринкать пяк мялецоль азомс, што Сире Ку-женясонга улихъ интереснай тефт (Левчаев, стр. 186) «Ма-ринке очень хотелось сказать, что и в Старой Поляне есть ин-тересные дела» и др.

## Гла в а III ЭРЗЯНСКИЙ ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

### ПЕРЕВОДЫ НА ЭРЗЯ-МОРДОВСКИЙ ЯЗЫК

В течение последних десяти лет нам удалось открыть ряд архивных документов, содержащих в себе интересные дан-ные об особенностях развития письменности финно-угор-ских народов волжско-камского ареала в XIX столетии и ис-тории создания отдельных письменных памятников на мор-довских, марийском, пермских и некоторых других финно-угорских языках. Об издании книг на коми-зырянском, коми-пермяцком, удмуртском, марийском, карельском и эрзянском языках обширные сведения содержатся в обнару-женных нами документах, хранящихся в ЦГИА СССР (ф. 808, оп. 1, гг. 1817 — 1824). Среди этих архивных материалов имеются весьма примечательные свидетельства об органи-зации переводов на языки народов России с церковнослав-янского и русского языков. В частности, здесь содержатся подробные сведения о том, какие попытки предпринима-лись при определении диалектной основы того или иного письменного языка, на который осуществлялись соответ-ствующие переводы духовной литературы, а также графики и орфографии текстов перевода. В документах указанной единицы архивного хранения можно также проследить по-пытки создания неологизмов, эквивалентных лексическим единицам старославянского или русского языка<sup>1</sup>. В нашем распоряжении имеются многие другие архивные докумен-ты, в которых раскрываются немаловажные обстоятельства в истории мордовских письменно-литературных языков (см. приложения I и II).

В эрзя-мордовском письменно-литературном языке вплоть до 70-х годов XIX в. продолжались традиции, харак-терные для истории мордовской письменности 2-й полу-вины XVIII в. Основной областью применения эрзянского

<sup>1</sup> Подробно об этом см.: А. П. Ф е о к т и с т о в . Новые данные о письменно-сти финно-угорских народов в 1-й четверти XIX столетия. «Вопросы финно-уг-роведения», вып. 5. — Йошкар-Ола, 1970. — С. 164 — 171.

письменного языка в указанное время оставалась переводческая работа.

Крупный знаток «инородческого» вопроса Н.И. Ильминский отметил, что уже в начале XIX в. «сознана была необходимость обучения инородцев по книгам, переведенным на их родные языки»<sup>1</sup>. Так, в 1804 г. был издан церковнославянский букварь вместе с сокращенным катехизисом, переведенным на эрзя-мордовский, марийский, татарский и чувашский языки. «Такое соединение букваря с переводом катехизиса на разные языки казанского края», по мнению Н.И. Ильминского, свидетельствовало «о школьном именно назначении этих переводов»<sup>2</sup>.

Первое известие о печатном тексте эрзянского перевода сокращенного катехизиса, от которого, по нашим сведениям, теперь уже не сохранилось ни одного экземпляра, «способно было только раздражать любопытство, несколько не удовлетворяя его», потому что «во всем переводе нет ни одного отличительного, характерного оборота»<sup>3</sup>.

Учитель начальной мордовской школы при Казанской учительской семинарии А.Ф. Юртов, рассмотревший по поручению Н.И. Ильминского этот печатный текст, также пришел к выводу, что «перевод сделан... русским грамотеем с помощью посредственно знающего русский язык мордвина, и сделан, по справедливости говоря, очень плохо. Русский и его помощник мордвин друг друга мало понимали, должно быть. Русский не прочитывал мордвину целыми предложениями, а каждое слово заставлял переводить в отдельности, потому что нигде не встречается целой удачно переведенной фразы. Как видно из описок, перевод вовсе не был проверен и сличен с текстом»<sup>4</sup>.

Н.И. Ильминский сделал допущение, что рукописи переводов сокращенного катехизиса на языки народов Поволжья были уничтожены «по отпечатанию»<sup>5</sup>. Однако это не подтвердилось. Несколько лет назад в архиве Московской синодальной типографии нам удалось обнаружить рукописный ориги-

<sup>1</sup> Н. И. Ильминский. Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия. Материалы для истории православного русского миссионерства. — Казань, 1883. — С. 5.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же. — С. 236.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Там же. — С. 143.

нал эрзя-мордовского перевода, с которого был произведен набор этой первой мордовской книжки<sup>1</sup>. Ознакомление с оригиналом этого письменного памятника подтверждает мнение Н.И. Ильминского и А.Ф. Юртова о действительно низком уровне эрзя-мордовского перевода. Основной порок эрзянской рукописи сокращенного катехизиса — буквализм, перевод русских синтаксических конструкций слово в слово без элементарного соблюдения особенностей синтаксиса и порядка слов в эрзя-мордовском языке. Другой существенный недостаток — орфографический разнобой в написании одних и тех же эрзянских слов и словоформ, например: пазонь/пазынь «бога», мастер/мастыр «земля», чисто/чиста «в день», нолдавить/нолдавть «отпускаются» и т. д.

Вместе с тем заслуживают внимания в рассматриваемом памятнике попытки создания эрзянских терминов для передачи отдельных понятий из русского текста катехизиса, например: крест ланксо кулось «распятый», муцязь «страдавший», коли «когда», славямс «прославлять», максан пасибат «приношу благодарность», чирязонь ломать «рабы», икиля пя «начало», беда «искушение», инязорокирдима «царство», судямыс «толковать», вискс кортлемо «сквернословие», апак тейть ащимо «праздность», ворожамо «колдовство», илиа кенгеле напрасной «не свидетельствуй ложно», божамсто «в клятиях», седе пекь «наипаче», йарякс теици «животворящий», стямо «воскресение», жалямыс «милосердие», чиряз «князь», се ули «то есть», пря «глава» и пр.

В 1808 г. в Москве был напечатан эрзянский перевод Краткого катехизиса. От этого издания, по нашим данным, также не сохранилось ни одного экземпляра. Может быть, также лишь единственный экземпляр этой книжки, вышедшей в 1853 г. уже «3-м тиснением», хранился до последнего времени в ФБОН АН СССР. Перевод Краткого катехизиса на эрзянский язык был сделан еще в 1788 г. учащимися Нижегородской семинарии по поручению епископа Дамаскина. А.Ф. Юртов, рассмотревший печатный текст и этого перевода, справедливо

<sup>1</sup> Эта рукопись имеет следующее русско-мордовское название: «Сокращенный катехизис, переведенный в пользу мордовов на их природный язык, для удобнейшего им уразумения православного христианского закона, с присовокуплением некоторых молитв и символа веры, В Казанской Академии 1803 года». — «Нўркния катихизис, тёзвтызь эрзя лома́нь-гис сынгст кортлемсто сёде парстэ содамс сынайтст видь пазынь кристовей законсть нильценъ ёззамосо пазыны ма́рто символствагак кымимань. Казанской Академиасто 1803-го иёста». — ЦГАДА, ф. 381, ед. хр. 1678.

7 А.П. Феоктистов

отметил, что он «отличается удачным большею частью подбором мордовских слов для выражения христианских понятий. Но синтаксическая сторона в этом переводе не правильна: часто формы грамматические стоят не на месте, особенно же недостаток этого перевода в том, что он слишком буквально следует порядку и расположению слов в русском тексте... Можно упомянуть о множестве опечаток во всей книжке»<sup>1</sup>.

Несколько лет назад нами обнаружены два списка оригинала рассматриваемого источника<sup>2</sup>.

В 1820 г. вышла в свет Священная история на эрзя-мордовском языке в переводе А.И. Охотина (см. прилож. III А, 8). Этому источнику, изданному церковнославянским шрифтом, в общем присущи те же недостатки, которые отмечены в эрзя-мордовских книгах 1804 и 1808 гг. Из словарного состава эрзянского перевода 1820 г. следует выделить следующие лексические единицы: рожамо пель «утешение», ваныця «спаситель», затеямс «начать», васинъ лемень «первозванный», шайтян «лукавый», пувакшномс «излечивать», янксемс «покаяние», икеле молиця «предтеча», венчамс «обручить», оля эрямо «свобода», ялга «товарищ», икелепеленъ ѹовтыця «пророк», кема «религия», пленямо «пленение», ламо кель кирдицят «язычники», плема «фамилия», «колено (род)», служиця «слуга», покш превть «мудрость», кирдеме «правление», вясе шумбрань паро «изобилие благ», кинъ якамо «путешествие», ненавидязь «из ненависти», тетядонь тетят «праотцы», ведь нолдамо «наводнение», толика «часть», кежъ кирдиця «элонравный», ваямо «потоп», пукшторт «войны», вииде кемиця «христианин», оля « власть », авечкицят «неприятели », кряконъ венец «терновый венец», чаманъ онкстыця «лицемер », вид «пример», печкиця «жрец» и др.

В 1821 — 1827 гг. на эрзя-мордовский язык был переведен и издан весь текст нового завета (см. прилож. III А, 9 — 11). И этот столь обширный перевод отмечен печатью буквализма, характерного для переводов 1-й четверти XIX в. на языки народов Поволжья. Этот памятник вышел в свет тремя отдельными изданиями: «Четв. 1821 э.», «Ев. от Луки 1821 э.», «Тявть 1827 э.».

<sup>1</sup> Н.И. Ильминский. Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия... — Казань, 1883. — С. 319.

<sup>2</sup> Об особенностях языка указанного памятника по этим спискам см.: А.П. Феотистов. Истоки юрловской письменности. — М., 1968. — С. 12 — 20.

Во избежание повторений мы не останавливаемся на анализе буквальных переводов, разнобое и высокой вариантности в написании одних и тех же слов и словоформ типа маро/марто «с», икельце/икельсь/икелсе «первый» и т. д., и т. п. Приведем, однако, список слов, примечательных и в этом памятнике с точки зрения своей диалектной принадлежности, семантики и пр.: ускула «особенный», вайгель бя «поприще», посуда «сосуд», шандал «сосуд», таланов «блаженный», рожомомс «утешиться», несак «ибо», куля «откровение», олянькирдиця «вождь», мутявомс «встревожиться», обруциамо «обручение», шачмо «рождество», чалгамо «стезя», идолнень сюкуница «язычник», те пиньгеньде «отныне», аразды «разве», базар «улица, собрание», беднойгадомс «оскудеть», веселгальма «ликование», гостиной кудо «гостиница», маласо вялетнес и деревнятнес «в окрестные селения и деревни», кяменце доль «десятина», прок «как будто», лечамс «исцелять», обед «угощение, пир», однак «впрочем», остатка «последний», теймекс отказ «извиняться», позорямо «хуление», пяца «пятница», йовтамс пасибат «благодарить», йовтлемс поздоровт «приветствовать», промышлямс «приобретать», кош «хотя», упрямой «непокорный», парочестень «благочестивый», школьцо «в синагогах», арцемевтеме «конечно», керчазетне «пленные», кучовкс «посольство», покшалмо «величие», таст «проказа», тодей «всегда», толгон «волна», тормодемс «брисаться», цицердемс «просветить», пришлойть ломать «переселенцы», аволь ломань кедьсэ строязь «нерукотворный», пукштайтне «войны», тюрма «темница», селменеемкс «свидетельствовать», парокулямо «проповедывать», слававтомс «возвысить», розорямс «истребить», смеласто «дерзновенно», пелкстамо «состязание», нужной «необходимый», думардомс «пожелать», инязоро одежа «багряница» и многие другие.

Итак, эрзя-мордовские переводы первой половины XIX в. по своему качеству существеннейшим образом отличаются от текстов, которые были составлены в последующие десятилетия XIX и в начале XX вв.

Из мордовских переводов 2-й половины XIX в., выполненных учениками и последователями Ильминского (А. Юровым, М. Кобаевым, Н. Барсовым и др.) выделяются следующие: на эрзянском языке — История 1880 э., Покш 1881 э., Матф. 1882 э., История 1883 э., Чин 1884 э., Креш. Руси при Владимире 1888 э., Ев. от Луки 1889 э., Ев. от Луки 1897 э., Мол. 1890 э., Рассказ 1894 э., Мол. 1898 э., Ев. 1910 э. и некоторые

другие; на мокшанском языке — Кр. кат. 1861 м., Тюменев 1879 м., Мол 1891 м., Ев. от Луки 1891 м., Крещ. Руси при Владимире 1891 м., Рассказ 1894 м., История 1897 м., Барсов 1901 м. и др.

К подобным изданиям по своим высоким качествам относятся также: Букварь 1884 э., Букварь 1892 э., Букварь 1894 э., Букварь 1892 м., Букварь 1897 м., Учеб. рус. яз. 1892 э., Учеб. рус. яз. 1897 э., Учеб. рус. яз. 1892 м., Учеб. рус. яз. 1898 м. и т. п.

Перечисленные издания собственно и определяют лицо мордовских письменно-литературных языков на последнем этапе их развития до 1917 г. О языке памятников рассматриваемого периода можно получить представление по двум переводам: Крещ. Руси при Владимире 1888 э. и Крещ. Руси при Владимире 1891 м. (см. прилож. III А, 17 и Б, 6). Наряду с Крещ. Руси при Владимире 1888 э. вершиной переводческого искусства на эрзя-мордовском письменно-литературном языке дореволюционного периода является Ев. 1910 э. Остановимся более подробно на характеристике этого во многих отношениях образцового переводного памятника мордовской письменности 1-й четверти XX в.

Прежде всего отметим отсутствие каких-либо следов буквального или дословного перевода на эрзянский язык русских оборотов речи. По всему видно, усилия переводчика (М.Е. Евсевьева) были направлены на то, чтобы самым понятным и доступным для читателя средством выразить по-эрзянски переводимый с русского языка текст, в том числе и специфические идиоматические выражения. Этот способ позволил переводчику создать, с нашей точки зрения, удачные лексико-фразеологические обороты типа: аволь те чистэнть «не от мира сего», чаво таркасо сеерицянь вальгей «глас вопиющего в пустыне», мезе сёргадынь уж сёргадынь «что я написал, то написал», лиякс меремс «иначе говоря (= что значит)» и т. п.

В тексте перевода встречаются десятки лексических единиц, которые представляют интерес не только для историка литературного языка, но и специалиста по исторической лексикологии. Нельзя не отметить примечательные случаи перевода отдельных русских лексических единиц русскими же заимствованиями, которые во 2-й половине XIX в., по-видимому, воспринимались уже в качестве неотъемлемой части лексики эрзя-мордовского языка. См., например: свирепый — благой; кляться — божамс; вельможа — бояр; мятеж — бун-

тувамо; призрак — видения; осквернить — гадямс; званые — госькс тердезетне (< гость); холм — губра (< бугор), близнец — двойнякш; изумление — дивамо; завет, заповедь — закон; завеса — занавес; конечно — знама; стража — караул; ящик — кружка; врач — лекарь; соблазниться — манявомс; прельстить — манямыс; даже, так что — натой; ли — нать; во мгновение времени — нацяс; пелена — одра; власть, свобода — оля; последний — остатка; часть — пай; трость, посох, иссоп — палка; сумма — котума; роптать — пеняцымс; священник — поп; содействовать, помочь — пособлямыс; воин, оруженосец — салдат; брак — свадьба; мир — свет; молва — слава; кружка — стопка; служитель — сторож; темница — тюрьма; вечеря — ужинамо; заботиться — майсемс; храм — церькува; знамение — чуда; куща — шалага; дабы — штобу и др.

Как видно, перечисленные заимствования в самом русском языке относятся к разным стилям речи и в большинстве своем являются синонимами тех слов, которые переведены на эрзянский язык с их помощью.

К указанной группе лексем примыкают русизмы, примечательные уже с точки зрения их фонетического освоения на почве эрзянского языка, например: аразик «неужели» (< разве?), блидя «блюдо», венец «венец», весёлгалима «веселье», госькс «в гости», дова «вдова», кадямо «каждение», колия «кол», коть «хоть», «впрочем», «и», сё таки «все таки», «но», лучи «лучше», моць «мощь», мутналгадомс «возмутиться», ништёт «нищий», одижка «риза», «одеяние», «одежда», простямс «простить», святойгавтомс «освятить», срасть «страх» (< страсть), тёштя «тёща», тыстыя «тысяча» и многие другие.

В поисках мордовских эквивалентов к русским лексическим единицам переводчик в ряде случаев прибегнул к расширению семантики некоторых исконных слов и тем самым перевел их в разряд неологизмов. К таким образованиям можно отнести следующие: аламонь кемиця «маловер», амазы «нечистый, бес, диавол», амазынь колавт «бесноватые», апаро ломань «злодей», ара «разве», «неужели», «ли», арась чи «скудость», арась таркас арамс «обнищать», ашо кодст «площаница», аштима тарка «вертеп», безарьдемс «отвергать», верькс саэмс «превозмочь», важдыця «утешитель», важко «раб», «служитель», валдонь невтица свеча «светильник», ванцтума тарка «башня», венченъ пуло «корма», виде чи «истина», «правда», видъкстамс пежетте «покаяться», ёвтлемс «благовествовать», или пельть «дерзай», инязоронь кедьсэ служиця

«царедворец», истяжо «подобным образом», кадовиця паро «наследство», каявкс «пошлина», кенгелезъ ётамо «лжесвидетельство», кичкеръкс «лукавство», кормалав пулю «терние», кундазъ максмос «предать», максыця «предатель», кшнис путозъ ломань «узник», ламос правтума «лихомство», ламо чи «избыток», маньчиця пророк «лжепророк», мастеронь сорнума «землетрясение», мельс паро «услаждение», микшнима-рамсима «торговля», невтима «пример», немга «приметным образом», неявмо «видение», орта лангсо аштиця ава «придверница», парт кулят «евангелие», пек педямо «неотступность», пельстамо «распры», «прения», пингевтеме эрямо тарка «вечная обитель», пингень-пингс «вовек», «вечно», покш тевть «знамения», покш чи « власть», «величие», сельме нейма «свидетельство, сельме сиядма «застость», симма-ярцамо «пиршество», содавкс «знамение», сэтыме чи «мир», «смижение», ули-паро «имение», чавма пель «бич», чама пелькс «ланита», чарынезъ «давая разуметь», чешкс «печать», шачмо мастер «отчество», шнамокс ливтемс «прославить», шумбракшнима «приветствие», экшелямо тарка «купалня», эрьгедьма/эргелима «радость», «утешение», эксэ чавомс «распять», эсь орма «горячка», якстере одижат «багряница», (церькувань) ярмаконь кирьдима «сокровищница» и т. д.

Часть приведенных лексических образований представляют собой несомненные кальки или полукальки, эквивалентные русским словам — именам существительным с отвлеченной семантикой.

В тексте перевода встречается немалое количество синонимичных лексических соответствий в разных вариантах, например: чаво пакся/ чаво тарка «пустыня», эргедмес/радувамс «воздороваться», чавомс эксэ/крёст лангсо эксэ чавмо «распять», ванцтозъ аштемс/удозъ а аштемс «бодрствовать», сея левкс/кацяга «козленок», вирь гулька/тур гулька «горлица», каштоц/пецъкас «в печь», баляга/светка «лилия», гуй/ёэнэ/кьюв/куй/ку «змея», варя/нора/пизэ «нора», пултамс/стявшомс/пувтамс «разбудить», ярцамо пель/ярцамкс «пища», буй/род «колено, род», вилемтемс/шумбраштамс «исцелить», нардапаця/нардамо «полотенце», неямга/наяв «явно», сёрмадовкс/сёрма «надпись» и т. п.

Перевод одних и тех же лексических единиц в разных контекстах в нескольких синонимичных вариантах (см., например, перевод слова « власть» — вий, оля, покш вий, покш

чи) свидетельствует о великолепном знании переводчиком выразительных средств и возможностей эрзя-мордовского языка. Вместе с тем в ряде случаев вариантность на лексическом уровне, по-видимому, отражает стремление переводчика к учету показаний различных эрзянских диалектов, в которых те или иные словарные единицы имеют разные значения или же отличаются в оттенках значения.

Однако вариантность на других уровнях, в особенности в правописании одних и тех же единиц языка в различных контекстах относится в общем к слабым сторонам рассматриваемого перевода. См. в этом отношении, например: скамика/скамейка, морянть/морянть/морясть/морясьть «моря», мастерсть/масторонть «земли», маро/марто «с», вальгей/вайгель «голос», суббота/субута, кудость/кудонтъ «дома», марост/мартость «с ними», кавнек/кавт-нест «оба» и т. д.

Из особенностей морфологии диалекта, на котором создан памятник, отметим употребление у глаголов показателя условного наклонения во всех лицах ед. и мн. числа в неизменной форме — **деряй**, например; приматадызыдеряй «если примут вас», сюкунятдеряй «если ты поклонишься», макстадодеряй «если вы дадите», муйсынъздеряй «если найдет их», сёрмадомсдеряй «если бы писать» и пр.

### ЭРЗЯ-МОРДОВСКИЕ ПЕРЕВОДЫ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НАЧАЛА ХХ в.

Как уже подчеркивалось в предыдущих разделах, до 1917 года на мордовских языках издавалась в первую очередь конфессиональная литература. Индивидуальное творчество мордовцев на родном языке ни издательскими, ни какими-либо другими официальными мерами не поддерживалось. Лишь спорадически отдельные образцы индивидуального творчества мордовских авторов включались в фольклорные и этнографические сборники как произведения устного народного творчества. К изданиям такого рода могут быть отнесены, например, публикации А.А. Шахматова «Из области новейшего народного творчества» (журнал «Живая старина» за 1909 год, кн. 70 — 71, вып. 2 — 3, стр. 162 — 177), «Мордовский этнографический сборник» (СПб., 1910, см. особенно стр. 1 — 56 и 621 — 666), «Eine mordvinische Ueberlieferung über die Herkunft der Mokša und Ersa (JSFOu XXX 1913 — 1918) и др.

Образцы индивидуального творчества мордовских писателей изредка печатались в переводе на русский язык. Примером является большой поэтический сборник одного из заслуженных мордовской литературы З.Ф. Дорофеева, вышедший в 1912 г. под названием «Песни и думы народного учителя» (М., типография «Орион»). О литературно-художественном мастерстве представителей дореволюционной интеллигенции из мордовы сведения можно почерпнуть также из сохранившихся рукописей на мордовских языках.

До Великой Октябрьской социалистической революции на мордовских письменно-литературных языках были написаны десятки религиозных текстов. Уже в XVIII в. на эти языки перевели отдельные разделы Нового завета. На протяжении же XIX столетия по несколько раз издавались варианты мордовских переводов священной истории, четвероевангелия, катехизиса и некоторых других сакральных книг. Примерно так же обстояло дело и со многими другими языками народов царской России. Вот почему в то время, когда печатное слово использовалось прежде всего в целях массового насаждения идей христианства, попытки организации перевода светской литературы на мордовские и другие так называемые инородческие языки приобретали значение важных демократических акций со стороны прогрессивных деятелей русской культуры и науки.

В данном разделе дается характеристика особенностей языка и стиля эрзя-мордовского перевода некоторых образцов русской художественной литературы в 1-м десятилетии нашего столетия.

24 июля 1906 г. грамотный мордвин из деревни Старой Куриловки Пензенской губернии В.В.Бажанов направил в Академию наук заявление. В этом документе В.В. Бажанов сообщил о своем согласии — в соответствии с предложением представителя Академии наук П.В. Оленина — собирать материалы по этнографии и устно-поэтическому творчеству мордовского народа, а также «переводить на мордовский язык произведения русской литературы» (ААН СССР, ф. 134, оп. 1, № 340/1).

В архиве А.А. Шахматова сохранились лишь некоторые рукописи мордовских переводов В.В. Бажанова, среди них: эрзя-мордовские тексты рассказа А.П. Чехова «Толстый и тонкий» и четырех сюжетов из «Материалов по этнографии Вологодской губернии» Н.А. Иваницкого (эрзянский перевод А.П. Чехова см.: приложение III А, 24).

Автор мордовских переводов Владимир Васильевич Бажанов родился в эрзянской деревне Старой Куриловке (Чуфаровской волости Саранского уезда Пензенской губернии — по современному административному делению: село Курилово Ромодановского района Мордовской АССР). Для характеристики творческого лица В.В. Бажанова можно воспользоваться его же словами из упомянутого выше заявления в Академию наук: «...литературным трудом занимаюсь пятый год — темами для моих произведений служит народный быт». Из писем В.В. Бажанова известно, что он был редактором-издателем уездной газеты «Мужик» (ст. Инза Симбирской губ.). Эта газета просуществовала недолго. За участие в крестьянских волнениях 1905 — 1907 гг. и за содержание вышедших номеров «Мужика» В.В. Бажанов был привлечен к суду и сослан в Вологодскую губернию (г. Кадников). О дальнейшей судьбе В.В. Бажанова нам ничего не известно. По-видимому, между А.А. Шахматовым и его корреспондентом-сотрудником В.В. Бажановым связи поддерживались и в последующие годы.

Находясь в ссылке, В.В. Бажанов по поручению А.А. Шахматова перевел на эрзя-мордовский язык несколько сказок, помещенных в «Материалах по этнографии Вологодской губернии» Н.А. Иваницкого. Выбор сюжетов из этого источника нельзя считать случайным. В.В. Бажанов находился в ссылке в г. Каднике Вологодской губернии. Автор «Материалов...» Н.А. Иваницкий в свое время также был сослан в эту губернию и там провел почти всю сознательную жизнь.

Иваницкий Николай Александрович (1847 — 1899) был знаменитым краеведом. Как поэт и писатель он выступил с несколькими талантливыми очерками и стихотворениями, как этнограф зарекомендовал себя автором ценных научных исследований о жизни северорусского крестьянства и как фольклорист собрал богатейшую коллекцию песен и других произведений устного народного творчества.

Еще в гимназические годы Н.А. Иваницкий приобщился к литературной жизни. Он слушал лекции Н.В. Гоголя по истории средних веков и оставил о них ценные воспоминания (см.: «Гоголь в воспоминаниях современников». М., 1952, стр.83 — 86).

Детство Н.А. Иваницкого прошло в Вологде. Окончил 2-ю Петербургскую гимназию. Учился на 1-м курсе Военно-

юридического училища, но весной 1868 г. был арестован, а затем сослан под надзор полиции в Вологодскую губернию за контакты с революционно-демократическими кругами столицы. С 1886 г. работал в Кадникове.

На конкретном примере изучения Вологодской губернии конца 70 — 80-х годов Н.А. Иваницкий показал, как в силу сложившихся исторических, природных и иных условий произошло неравномерное экономическое и культурное развитие ее уездов: Грязовецкого, Вологодского и Кадниковского. «Долговременное крепостное право» и «эксплуатация кулаков» — вот причины, которые привели народ этих уездов к «крайней захудалости», — отметил Н.А. Иваницкий в своих «Материалах по этнографии Вологодской губернии» (М., 1890). В отделе II этих «Материалов...» имеются разделы: заговоры, детские игры, сказки, легенды и перегудки (стр. 165 — 220), песни.

Н.А. Иваницкий опубликовал около 60 сказок и легенд. Не все сказки и легенды равнозначны по записи. И не те сказки, которые перевел на эрзя-мордовский язык В.В. Бажанов, определяют самое ценное в собрании Н.А. Иваницкого. К замечательному явлению сборника Н.А. Иваницкого относится цикл антибарских и антипоповских сказов, рисующих подлинное отношение трудового крестьянства к представителям господствующих классов. Нужно иметь в виду, что не все переводы В.В. Бажанова, в том числе и из Иваницкого, сохранились. Многие его переводы, по-видимому, безвозвратно погибли от рук полиции. Об этом говорит и сам В.В. Бажанов в первом своем письме к А.А. Шахматову: «Только что успел перевести... рассказ «Сюпав нищёй» («Богатый нищий». — А. Ф.), я был арестован... Перевод забран в полицию вместе с другими рукописями».

Более ценным для нас, конечно, представляется эрзя-мордовский перевод рассказа А.П. Чехова «Толстый и тонкий». Переходим к лингвистическому анализу особенностей языка и стиля мордовских переводов В.В. Бажанова.

Диалект, на который сделаны мордовские переводы из Н.А. Иваницкого и А.П. Чехова, мало отличается от современного эрзянского литературного языка. К диалектным чертам относятся:

1. Аффрикатизация с, ё > ц, ѵ после л, ѡ, р, ё, н, Ѽ. Например: вакзалцо (< вакзал + со) «на вокзале», мольць (< мол́ + ё) «он шел», меръць (< мер + ё) «он сказал», кунцоломс (< кунсоломс ) «слушать» и др.

2. Оглушение в > ф перед т, т̄. Например, кафто (< кавто) «два», чефте (< чевте) «мягкий», ёфтызе (< ѿвтызé) «он расскал», тонафнинек (< тонавтнинек ~ тонафтнинек ~ тонафнинек с выпадением -т-) «мы учились», прафтызе (< правтызé ) «он уронил его» и др.

3. Наличие є мягкого, что нашло отражение и в орфографии (путем употребления ъ после буквы ч). Например: эчъке «толстый», вечъкима «милый», эзинъ учъне «не ожидал я» и т. д.

4. Спорадическая ассимиляция г > д после Ѽ: кинъдяк |кинъдак < кингак| «кого-нибудь».

5. Переход -тт: > -т̄, -cc > -c в ауслауте, например: гость (го́ст < го́ст + т̄ ) «гости», вакс (вакс < вакс + с ) «к, около (куда?)».

6. Наличие причастий на -нь в функции адъектива. Например: урьвакстонь цёра «женатый парень», кенерень вишнят «спелые вишни», сезнень панар «ранняя рубаха», конень сельме «прищуренный глаз» и т. п.

7. При наличии спрягаемого отрицания употребление основного глагола с -к или -ть. Например: кода эсть озяк «как ни возились», мезе эсть тейть «чего (только) ни делали», эзъ мук «не нашел он», эзъ содак «не знал он» и пр.

8. Употребление при лично-собирательных числительных суффикса 3 л. мн. -ск вм. -ст, например, весе колмонеск «все трое», кафтонеске (кафнеске) «оба».

Рассматриваемые переводы сделаны без каких-либо существенных отступлений от русского оригинала. Однако при переводе трудных случаев В.В. Бажанов часто находит удачные решения. Так, к русскому обороту «был навычен» найден эквивалент: ульнесь сэрц понгафтнезь.

У Чехова: Тонкий ... был навычен чемоданами, узлами ...

В переводе: Човинесь... ульнесь сэрц понгафтнезь чамаданцо, сюлмцо...

Сочетание слов «и до самого утра» переведено: и прок валцкенъ стямос.

К предложению «Все трое были приятно ошеломлены» найден ближайший эквивалент: Весе колмонеск ульность парсьсте токазь.

Удачно переведено слово «захихикал» из чеховского: «Помилуйте... Что вы-с... — захихикал тонкий, еще более съеживаясь».

— Жалямак... Мекс тон... — пелезь пейдезевьсь човинесь, ошо седеяк сеелькстэвьсь.

Пелезь пейдезевьсь — букв. «боязливо улыбался», что в общем точно передает созданную А.П. Чеховым речевую ситуацию.

В эрзянском тексте встречаются целые обороты, заимствованные из русского языка, например, ваша превосходительства, охаесь ды ахась «охал да ахал» и др.

Наличие в эрзянском тексте калек, т. е. семантических заимствований путем буквального перевода русских слов и оборотов речи в общем свидетельствует о хорошей филологической подготовке переводчика. Так, вводное слово «небось», восходящее исторически к «не бойся» (см.: М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. М., 1971, т. 3, стр. 54), переведено по его этимологии: иля-пель «не бойся». С помощью дефиса переводчик здесь, по-видимому, хотел графически изобразить переход этого глагольного сочетания со значением отрицания действия в другое семантическое поле, а именно в разряд вводных слов.

У Чехова: Здесь буду служить. Ну, а ты как? Небось, уже статский? А?

В переводе: Тесэ карман служамо. Ну, а тон кода? Иля-пель, уш стацкоят? Ай?

Слово «картонка» также переведено описательно, т. е. путем калькирования его содержания: конёвонь коропкине букв. «бумажная коробка». Ср. картонка «коробка из картона» (Ожегов, 1972, стр. 262); картон «толстая, очень твердая бумага» (там же). Сюда же можно отнести перевод: ощетинился — сеелькстэвсь.

К семантическим заимствованиям непосредственно примыкают гибридные слова или полукальки, т. е. «скрещенные» слова, составленные из элементов эрзя-мордовского и русского языков. В текстах В.В. Бажанова встречаются, например, такие полукальки:

паръка «kadushka» < парь «kadka» + russk. уменьшит.-ласкателльный суфф. -ка;

аньцяк што < только что:

Толстый только что пообедал на вокзале. — Эчъкесь аньцяк што обидась (ярцась) вакзалцо;

сё-ровно кода < все равно как. Этот оборот употреблен при переводе семантически близкого «вроде бы как», что свидетельствует о реальном существовании указанного оборота в эрзянском диалекте.

У Чехова: — Милостивое внимание вашего превосходительства... вроде как бы живительной влаги...

В переводе Бажанова: — Жалиця ванумась ваша превосходительства... сё-ровно кода живой ведь...

кой-кода < кое-как:

— Пробавляемся кое-как.

— Эрятам (озятам) кой-кода;

вана уж < вот уж, хотя у Чехова стоит одиночное «вот»:

— Вот не ожидал! Вот сюрприз!

— Вана уж эзинь учыне! Вана так сюрприз!

вана так < вот так, хотя у Чехова стоит одиночное «вот»:

— Вот сюрприз! Ну, да погляди же на меня хорошенъко!

— Вана так сюрприз! Ну, эно вант жо монь лангс парынестэ! исти што < так што:

— Жена была... большая лакомка: все проела на орешках да на пряничках, так что наконец осталась в одной рубахе...

— Хозейказо ульнесь... таньтейненъ вechки: весе сэвиньзе пешс ды жомкас, исти што остаткань пелей кадовсь ве ташто панарцо...

немезе < нечего:

— Вот подходит большой праздник, а у бабы нечего и надеть...

— Вана эльзы покш празник, а аванть немезе ульнесь... орштамс лангузонзо.

Ср. у Бажанова же в другом месте переведено: Делать было нечего. — Теемс ульнесь амезе. Ср. также: нечего — а мезе, а мезть (РЭС 1948).

Ах, тон, осподи! < Ах, ты, господи!

Ну, ды паз мартонзо! < Ну да бог с ним! и др. См. также русизмы:

что < что:

Ведь я сказал, что купил гуська... — Мон, ведь, меринь, што раминь мацейне...; Я чувствую, что скоро умру. — Мон маряса, што курок кулан;

что бу < чтобы:

Она и пошла к соседям, чтобы позвать кого-нибудь. — Сон и тусь шабрав, што бу тердемс кинь-дяк.

штука:

По рублю за штуку продаю. — Валксонь-валкс штуканьть миян; Если кто берет десять штук, тому уступка. — Ежли кие саи кемень штукат, сененъ каян;

ябдничать < ябедничать:

Я ябедничать любил. — Мон ябдничать вечкилинь.

К недостаткам в переводах В.В. Бажанова относятся случаи нарушения порядка компонентов словосочетаний под влиянием синтаксиса оригинала. Например: Жалиця ванумась ваша превосходительствань под влиянием: «Милостивое внимание вашего превосходительства». Предложение «И до самого утра старец стоял между покойником и постелью женщины и ее детей» переведено: И прок валцкень стямос ашесь кулозенть ютксо и аваньт тарканть и сонзэ эйкакшнень. Послелог ютксо «между» в этом переводе нужно было перенести на самый конец предложения. Перевод: Хозейкам урок музыкань максни (вм.: Хозейка музыкань урокт (или же: урок музыкасо) максни) получился под влиянием: «Жена уроки музыки дает» и т. п.

В небольшом количестве встречаются просто неправильно переведенные слова. Так, слово «приватно» переведено абсурдно, что значит: «неплохие». Слово «душонок», употребленное Чеховым в значении: «душка (о приятном, привлекательном человеке)», — переведено: дух поцо «в духах, душистый» и т. д.

В некоторых случаях В.В. Бажанов прибег к двойным (дублетным) переводам одиночных слов. Так, например: баба — урьвась (сноха), никого не могла найти — киньдяк эзь мук (киньдяк эзь машт муеме), старик — сранникесь (атесь); сторож при церкви — церькувань вансты (сторож), спи — удок (мать), старец — старець (атя), приятель — однасум (ялга), пахло от него — чине мольць (марявьсь) эйстэнзэ, пробавляемся — эрятам (озятам), вытянулся во фрунт — таргавсь витстэ (фрунц) и др.

В нескольких местах переводчик в сносках дал обоснование целесообразности сохранения того или иного варианта перевода. Например, к переводу фразы «пошла в погреб за молоком» — тусь мацс чапамо ловцо мельга Бажанов в сноске дает следующее объяснение: «Чапамо (кислое) вставлено мною. Ибо на пасху всегда разговляются (мордва) кислым молоком, а настоящая сказка относится к преданиям мордовской старины». В примечании к словам «херес» и «флердронж» переводчик указывает: «Подобных названий в мордовском языке нет». Такое же примечание имеется и к слову «сюрприз».

## ГРАММАТИКИ ЭРЗЯ-МОРДОВСКОГО ЯЗЫКА

Создание первой эрзя-мордовской грамматики приписывается Дамаскину (Д. Семенову-Рудневу, 1737 — 1795). По мнению биографов этого крупного деятеля русской культуры XVIII в. грамматика эрзянского языка была написана в годы правления Дамаскиным Нижегородской епархией (1783 — 1794). Однако предпринимавшиеся нами неоднократные поиски этой грамматики в разных архивах (ГАГО, ЦГИА СССР, ААН СССР и др.) пока еще не дали никакого результата. Поэтому вопрос о том, принимался ли вообще Дамаскин за создание эрзя-мордовской грамматики, подобной, например, «Сочинениям, принадлежащим к грамматике черемисского языка» (СПб., 1775), совершенно не ясен.

Документально подтвержденная попытка создания грамматики эрзя-мордовского языка относится к 20-м годам XIX в. Об этом свидетельствуют обнаруженные нами архивные материалы переписки ректора Пензенской семинарии с Г. Симилейским и Я. Рождественским, которым было поручено написание грамматики (см. приложение I). Но это начинание тогда не увенчалось успехом из-за недостаточной подготовки в эрзянском языке Г. Симилейского и Я. Рождественского.

Первая эрзянская грамматика, принадлежащая перу известного немецкого языковеда Г. Габеленца, вышла в 1839 г.<sup>1</sup>

В основу изучения грамматического строя эрзянского языка Г. Габеленц положил новый завет, переведённый в 1821 г. на эрзя-мордовский язык. Поэтому и грамматика, с самого начала не имевшая никакого практического значения, была «полны ужасных неправильностей»<sup>2</sup>.

В 1865 г. акад. Ф.И. Видеман издал более полную грамматику эрзянского языка<sup>3</sup>. Однако эта работа, написанная на немецком языке, не служила делу нормализации эрзянского письменно-литературного языка. Кроме того, в ней также обнаруживается большое количество «неправильностей и

<sup>1</sup> H. C. G a b e l e n t z. Versuch einer mordwinischen Grammatik. — «Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», Bd 2. — Göttingen, 1839.

<sup>2</sup> A. A h l q u i s t. Versuch einer, Mokscha-mordwinischen Grammatik nebst Texten und Wörterverzeichniss. — SPb., 1861. — S. 7.

<sup>3</sup> F. J. W i d e m a n n. Grammatik der ersa-mordwinischen Sprache nebst einem kleinen mordwinisch-deutschen und deutsch-mordwinischen Wörterbuch. — SPb., 1865.

выдуманного самим автором»<sup>1</sup>. Примеры для своей грамматики Ф.И. Видеман также частично привел из четвероевангелия, изданного в 1821 г. на эрзянском языке.

Важную работу по фонетике эрзя-мордовского языка выпустил в 1893 г. Х. Паасонен<sup>2</sup>. Его учение об эрзянских звуках до сих пор остается ценным вкладом в исследование эрзянской речи. В этой книге, однако, проведено исследование не только фонетики эрзянских говоров, но и звуковых особенностей части мокша-мордовских диалектов.

Особенности эрзянского языка развернуто изложены в приложении к «Мордовскому этнографическому сборнику» А.А. Шахматова (СПб., 1910). Но и этот труд, посвященный исследованию языка двух эрзянских селений смешанного состава, не имел «практического значения (для школ)»<sup>3</sup>.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что на протяжении всего дореволюционного периода работа в области эрзянской грамматики велась вне какой-либо связи с решением вопросов нормирования эрзянского письменно-литературного языка, на котором осуществлялись соответствующие издания.

### СЛОВАРИ ЭРЗЯ-МОРДОВСКОГО ЯЗЫКА

Эрзянская лексика в довольно большом объеме (свыше трехсот словарных единиц) впервые была издана в сочинении Г.Ф. Миллера «Nachricht von dreien im Gebiete der Stadt wohnhaften heidnischen Völkern, den Tscheremissen, Tschuwaschen und Wotiacken». В этом Труде, вошедшем в серию «Sammlung Russischer Geschichte» (des dritten Bandes viertes Stück. — SPb., 1758 — 1759. — S. 382 — 409), имеется раздел «Vocabularium Harmonicum», который представляет собой переводной восьмиязычный словарь — на немецком, татарском, марийском, чuvашском, удмуртском, эрзя-мордовском, коми-пермяцком и коми-зырянском языках. О назначении словарей, в которых планомерно сопоставляются словарные составы разных по происхождению языков, Г.Ф. Миллер писал следующее:

<sup>1</sup> М. Е. Е в с е в ь е в. Избранные труды. Т. 4. Основы мордовской грамматики. — Саранск, 1963. — С. 312.

<sup>2</sup> H. Paasonen. Mordvinische Lautlehre. Academische Abhandlung. Helsingfors, 1893; Изд. 2. — «Suomalais-ugrilaisen. Seuran Toimituksia», XXII. Helsingfors, 1903.

<sup>3</sup> М. Е. Е в с е в ь е в. Избранные труды. Т. 4. — Саранск, 1963. — С. 316.

«Для меня было приятной обязанностью, для выполнения которой мне представился удобный случай во время нашего пребывания в Казани, обстоятельно изучить и описать проживающих в Казанской губернии нерусских народностей: чечемис, чuvаш, вотяков и отчасти также мордвы, в отношении образа их жизни, религии, нравов и обычаев, — а также собрать словари и другие образчики их языков. Первоначально я предполагал, что касается знания языков, следовать примеру тех ученых, которые собирали переводы Отче наш на всех известных языках; однако встречающиеся в Отче наш непонятные этим народностям идеи показали мне скоро, что это не тот путь, по которому можно было бы идти при основательном изучении языков и их сравнении друг с другом в отношении их происхождения. Я составил поэтому список отдельных слов, обозначающих простые чувственные идеи, которые ни для кого не могли быть непонятными. Эти слова я давал каждому произносить на своем языке и старался передать их звучание на сколько возможно точно латинскими буквами. Этот список служил мне во время всего моего сибирского путешествия в аналогичных случаях директивным руководством (Richtschnur). Другой список позднее Татищев послал во все города, когда он занимался сибирскими делами и потребовал переводов, которые по приказанию воевод также были сделаны, как показывают некоторые опыты, которые проф. Фишер привез с собой и подарил Геттингенскому историческому институту. Составленное мною в Казани описание народов я позднее включил в 3-ю часть Сборника русской истории»<sup>1</sup>.

Таким образом, необходимость составления многоязычных словарей с заранее подготовленным для них реестром слов вытекала из общей научной концепции Г.Ф. Миллера-историка, придававшего исключительное значение установлению этногенеза, в частности, народов России путем сравнения их языков.

Заглавная часть словаря Г.Ф. Миллера — на немецком языке. В словаре представлены названия явлений и предметов природы, животных, растений, деревьев, металлов, чисел, частей тела, терминология родства и некоторые другие группы слов на перечисленных выше языках.

<sup>1</sup> См.: Материалы для истории имп. Академии наук, т. VI. История Академии наук Г.Ф. Миллера. С продолжениями И.-Г. Штриттера. (1725 — 1743). — СПб., 1890. — С. 285 — 286.

В основе графики словаря — немецкий алфавит, поэтому особенной точностью отличается написание, например, тех эрзянских слов, звуковой состав которых легко идентифицируется с особенностями фонетики немецкого языка. В правописании всех частей словаря господствующим является фонетический принцип, который, однако, в целом ряде случаев перемежается с правилами немецкой орфографии. В этом отношении бросаются в глаза следующие характерные признаки правописания эрзянской части словаря:

1) удвоение букв для передачи, как и в немецком языке, негеминированных глухих согласных фонем, например: *innewjed in'e ved'* «море», *ssielmä s'el'mä* «глаз», *surr sur* «палец», *nall nal* «стрела», *ssidei s'ed'ej* «сердце», *ssullot-pjeket s'ulot-peket'* «внутренности», *kuss kus ~ kuz* «ель»;

2) обозначение палатализации согласных буквой *j*, например: *nedljä-tschi n'ed'l'ä-či* «воскресение», *paksjä paks'a* «поле», *prjä pr'a* «голова», *banjä ban'ä* «баня», *sjärda s'arda* «лось», *atjaksch at'akš* «петух»;

3) обозначение палатализованных согласных путем употребления после них «умлаутных» гласных букв, например: *jaksträ jaks't'rä* «красный», *osötra os'ostra* «осетр», *peidän pejd'an* «смеюсь»;

4) обозначение перед гласными одиночных звонких согласных в анлауте и инлауте глухими согласными графемами, что характерно для немецкой орфографической традиции: *osan ozan* «сиду», *pischa piža* «зеленый», *soloto zoloto* «золото»;

5) передача фонемы [ʃ], как и в немецком языке, триграммой *sch*, например: *poksch pokš* «большой», *wjeschkine-panda veškin'e panda* «малая гора», *schufsta šufta* «дерево»;

6) передача фонемы [č] по немецкому образцу сочетанием четырех букв *tsch*, например: *tschari čari* «колесо», *wäntsch vänč* «корабль», *tschinämä čin'eme* «куница», *pitscha piče*, «кося», *tschurku čurku* «лук»;

7) передача следующих друг за другом ѿ и ѿ сочетанием семи графем, например: *aschtschit aščit'* «стоят», *tjeschtsche t'ešče* «звезда» и т. д.

Рассматриваемый словарь позднее был транслитерирован и издан в конце XVIII в. на основе русской графики в книге Г.Ф. Миллера «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков, с показанием их жительства, политического учреждения, телесных и душевных дарований, какое платье носят, от чего и чем пи-

таются, о их торгах и промыслах, каким языком говорят, о художествах и науках, о естественном и вымыщенном их языческом законе, також о всех употребительных у них обрядах, нравах и обычаях; с приложением многочисленных слов на семи разных языках, как-то: на казанско-татарском, черемисском, чuvашском, вотяцком, мордовском, пермском и зырянском, и приобщенным переводом... Отче наш на черемисском и чuvашском языках. Сочиненное Г.Ф. Миллером... по возвращении его в 1743 г. из Камчатской экспедиции. СПб., 1791».

Нельзя не признать справедливым замечание Г.С. Патрушева о том, что словарный материал в этом издании «содержит больше погрешностей, неточностей, ибо в нем, наряду с ошибками, свойственными оригиналу, встречаются дополнительные ошибки, возникшие и неизбежные при переходе от немецкой графики к русской»<sup>1</sup>. Следует, однако, отклонить как недостаточно обоснованное предположение Г.С. Патрушева, что в ауслауте, в частности, некоторых марийских слов латинское *h*, замененное в русской транслитерации буквой *г*, Г.Ф. Миллер будто бы употреблял для обозначения придыхания: мар. *olah*-олагъ «город» (ср. совр. мар. ола ола «тж»). Н.И. Исанбаев, детально исследовавший фонетические особенности марийской лексики в рукописях Г.Ф. Миллера, по-видимому, не случайно вовсе не касается отмеченного Г.С. Патрушевым явления<sup>2</sup>.

Написание ауслаута некоторых эрзянских слов как в немецком, так и русском издании книги Г.Ф. Миллера через *h* — *г* (см., например: *warmah* — **вармаг** «ветер», *ronah* — **понаг** «волос»; «*gemein Haar*». Ср. совр. эрз. **варма** *warma*, **она** *pona*) дает нам полное основание заключить, что графема *h* (в русской транслитерации *-г*) была употреблена Г.Ф. Миллером вовсе не для обозначения придыхания, а передачи (в мордовском языке — нефонологической) долготы ударных гласных точно так же, как это принято в немецкой орфографии. См., например, нем. *sah* [sā] «смотрел», *Muhme* [mūmē] «тетка», *Mahl* [māl] «трапеза», «пиршество» и т. д. Между прочим, в других памятниках мордовской письменности XVIII в.

<sup>1</sup> Г. С. П а т р у ш е в. Из истории изучения марийского языка. — «Уч. зап. Мариийск. гос. педин-та». — Йошкар-Ола, 1958. — Т. 16. — С. 12.

<sup>2</sup> Н. И. И с а н б а е в. Неопубликованные рукописи Г.Ф. Миллера по марийскому языку. — В кн.: «Вопросы марийского языкоznания», вып. 3. — Йошкар-Ола, 1973. — С. 61 — 72.

приведенные эрзянские слова в ауслауте не имеют h — г. См., например, у современника Г.Ф. Миллера И.Э. Фишера: *warma*, *pona* (ААН СССР, разр. III, оп. 1, д. 135); в «Словаре языков разных народов, в Нижегородской епархии обитающих... 1785 г.» также имеем: **варма, пона** (ГАГО, ф. 2013, оп. 602, д. 187) и т. д. К затронутому вопросу не имеет какого-либо отношения гортанный смычный ?, отмеченный Г.И. Ермушкиным в некоторых современных эрзянских говорах восточного ареала<sup>1</sup>, поскольку этот согласный является всего лишь субSTITУТОМ обычных смычных /k/, /t/, /t'/ середины и конца слова<sup>2</sup>.

Часть эрзянской и мокшанской лексики нашла отражение в «Срав. сл. 1787 — 1789». Идея создания такого словаря, как известно, возникла у Екатерины II в годы «особенно литературного и ученого настроения» (Н.А. Добролюбов). На знаменитого ученого-путешественника 2-й половины XVIII в. П.С. Палласа выпала честь подготовить этот словарь к изданию<sup>3</sup>.

Заглавные слова в «Срав. сл. 1787 — 1789» расположены по семантическим группам. Наиболее характерны следующие группы слов: термины родства, местоимения, наречия, отвлеченные имена существительные, являющиеся названиями действий, состояний, качеств и т. д., названия чисел, частей тела, явлений природы, орудий и предметов труда, животных, птиц, рыб, насекомых, деревьев, растений и т. п. Кроме этих групп, имеются более мелкие, представленные лишь несколькими наименованиями (например, названия металлов — золото, серебро).

Перед составителями «Срав. сл. 1787 — 1789» была поставлена задача подобрать из более чем двухсот языков такие соответствия, которые бы точно отражали семантику русских слов.

Против заглавных слов, как правило, приведено по одному эрзянскому и мокшанскому соответствуию. Например: голо-ва — э. **пря**, м. **пря**; муха — э. **карва**, м. **кару**; нет — э. **арясь**, м. **аюшь**; нога — э. **пилгэ**, м. **пилга**; пар — э. **чинть**, м. **шинфь** и др.

<sup>1</sup> Г. И. Ермушкин. О гортанном смычном в эрзя-мордовском языке. «Congressus tertius internationalis fenno-ugristarum Tallinae habitus 17. — 23. VIII 1970». Pars 1. Acta linguistica. — Tallin, 1975. — С. 490 — 494.

<sup>2</sup> Об эрзянской части словаря Г.Ф. Миллера в русской транслитерации см.: А. П. Фокистов. Мордовские языки и диалекты в историко-этнографической литературе XVII — XVIII вв. «Очерки мордовских диалектов». — Т. 2. — Саранск, 1963. — С. 13 — 22.

<sup>3</sup> Об истории создания «Срав. сл. 1787 — 1789» см.: Fr. A de l'ung. Catherinen der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde. — SPB., 1815; Я. Горт. Филологические занятия Екатерины Второй. «Русский архив». — М., 1877, кн. I; С. К. Булич. Очерт истории языкоznания в России. — СПб., 1904.

В некоторых словарных статьях приведено по два эрзянских или мокшанских соответствия. В одних случаях такие двойные написания приведены для передачи средствами мордовских языков дополнительных значений или оттенков значения заглавного слова.

Эрзянские примеры: брат — **алькай, покышь** (больш.), **вышкинь** (меньш.); спина — **копоре**, кудмеря (в современном эрзянском: **копорь** «круп (лошади)», кудмере «спина»); жизнь — **вяльмесь, эрямо** (ср. совр. э. **вельмемс** «ожить», «воскреснуть»; «оживиться»; «разгореться»; **эрямо** «жизнь», «существование», «бытие»); дух — **оймечень, кошфь** (ср. совр. э. кошт «воздух», «пар»; **ойме кошт** «дыхание» и **ойме** «душа», «дыхание»; **чине** «аромат», «запах». Таким образом, понятие дух на эрзянский язык было переведено букв. «запах духа» и «воздух»); стужа — **якшамо, икше** (ср. совр. э. **якшамо** «холод», «мороз», «стужа»; «морозный», «студеный»; **икше** «холодок», «свежесть»; **икше пуви** «свежестью дует»; **икше маряви** «холодок чувствуется». Как видно, рус. **стужа** имеет два эрзянских соответствия: **якшамо** «стужа» и **икше** «холодноватый»); время — **пинье, шка** (ср. совр. э. **пинге** «век», «время»; **ютась пингенъ** «прошлого века», «прошлого времени»; ломань **пинге сэвемс** «заедать чужой век»; **шка** «время», «пора», «возраст». Таким образом, при передаче понятия времени первым эрзянским словом **пинье** (правильно: **пинье** или **пинге**) авторы, по-видимому, хотели обозначить продолжительный отрезок времени: «век» и даже «эпоха» см. РЭС: время — 1) **шка**; 2) эпоха — **пинге, шкат**, вторым словом **шка** — более короткий промежуток времени: время, срок, пора); кора — **судь, чувтокядь** (в РЭС: кора (дерева) — суд, **керь**(земли) — **куво**; дубовая кора — **тумо суд**; липовая кора — **пекшне керь**). Следовательно, первое эрзянское соответствие является точным переводом рус. кора, второе означает «кожа», т. е. «оболочка(кора) дерева»; соха — **соха, сабань** (ср. совр. э. **сока** «соха»). Бытовавшее раньше слово тюркского происхождения **сабан** «род примитивного двухколесного плуга» (Ушаков, IV 18) не характерно современным мордовским говорам. В мордовских диалектах употреблялось также слово э. **кереть**, м. **керяд** «плуг»; лепо — **мазы, вадря** (ср. совр. э. **мазый** «красивый»; **мазый чама** «красивое лицо»; **мазыйде мазый** «очень красивый»; **вадря** «хороший», «красивый», «добрый»; **вадря ломань** «добрый человек»; **вадря до вадря** «очень хороший»); спать — **удомсь, мать удомо** (ср. совр. э. **удомс** «спать»; **матедевемс** «уснуть», «заснуть») и др.

Мокшанские примеры: бог — **шкай**, **шкипаась** (в совр. м. диалектах *škaj* «бог», «небо»; и в «Срав. сл. 1787 — 1789» небо — м. **шкай**): буря — **порфь**, **даныль** (ср. совр. м. **порф** «вьюга», «метель», *tavəl*, *davəl* «ураган»); утро — **шобдава**, **вархмедема** (ср. совр. м. **шобдава** «утро», «утром»; **вархмодема** «рассвет»; **кармась вархмодема** «стало светать, светает»); земля — **мода**, **мастэрь** (ср. совр. м. **мода** «земля (надел)», «земля (почва)», «суша (земля)»; **мода алдонь** «подземный»; **мастор** «земля»; «земной шар», «мир», «страна», «сторона»; ломанень **масторса** «на чужой стороне»); река — **лей**, **шудерксъ**, **очу** (ср. совр. м. **лай** «река»; **шудеръксъ** «ручей», «сток»; **оцю** «большой», «крупный», «значительный»; слово **очу**, по-видимому, относится к **шудерксъ**, ср. совр. м. **оцю шудеръксъ** «большой ручей»); грязь — **шней**, **рдась** (ср. совр. м. **шай** «болото», «трясина»; **рдаз** «грязь», «слякоть»); долина — **лотка**, **арысяваста** (ср. совр. м. **лотка** «яма», «овраг», «обрыв», «ложбина», «котловина»; **арся** «ровный»; **вастесь арся** «место ровное»); лес — **вирь**, **пенга** (ср. совр. м. **вирь** «лес (на корню и срубленный)»; **пенга** «полено», «щепка», «кусок дерева»; сук — **морга**, **тарать** (ср. м. **морга** «сук»; **тарад** «ветвь», «сук»), перо — **толга**, **ляпатуфь** (ср. совр. м. **толга** «перо (птичье)», м. диал. *l'ärä ruf* «мягкий пух»); пашня — **паксе**, **со-кафь** (ср. м. **пакся** «поле», «пашня», **розв пакся** «ржаное поле»; **со-каф** «вспаханный»); зелено — **сенгере**, **пижа** (ср. совр. м. **сянгя-ри** «зеленый»; **пиже** «зеленый», «незрелый», «зелень») и др.

В других местах дублетные написания никаких добавочных значений не выражают, но указывают только, что соответствия к данному русскому слову были переписаны из разных письменных памятников, из которых ряд мордовских слов П.С. Паллас перенес в «Срав. сл. 1787 — 1789», «дабы важнейшие отличия сюда принять было можно»<sup>1</sup>.

Эрзянские примеры: небо — **мяненъ**, **мъниль**; дитя — **айд-не**, **ийденъ**, **еедь**; нос — **судо**, **суга**; шея — **сяодексъ**, **сявдексъ**; любовь — **вечкемъ**, **вечикима**; утро — **волцке**, **валкце**; вечер — **чокшня**; токшня; год — **йъ**, **иэ**; дерево — **чуфто**, **чухта**; мышь — **чяирь**, **тиирь**; перо — **толъга**, **тогла**; гвоздь — **еске**, **эска**; вино — **ченъгай**, **ченкъ**; брань — **сювнима**, **сюлномо**; драка — **тюрима**, **турма**; здоров — **шумбра**, **шумра**; остро — **ишти**, **иши**; тихо — **стасте**, **састо** и т. д.

Мокшанские примеры: нос — **шафка**, **шалка**; шея — **сял-дась**, **сялюдась**; колено — **пулмажа**, **полманжа**; брак — **ирвя-**

**явтама**, **ирвякстима**; лед — **ей**, **яй**; гора — **панда**, **ванда**; трава — **тикше**, **тиша** и т. д.

В мордовских частях «Срав. сл. 1787 — 1789» встречаются русские заимствования, большинство которых закрепилось в обоих современных мордовских языках.

Русские заимствования в эрзянской части: **щокать** — щеки; **оля** — власть; **пуль** — пыль; **пенка** — пень; **звѣрь** — зверь; **бука** — бык; **барань** — баран; **конь** — конь, лошадь (в совр. э. эквивалентами к русскому «конь» являются: **алаша** и **лишме**); **гулька** — голубь; **соха** — соха (совр. э. **сока** «тж»); **радь** — рад; **межа** — межа; **ана** — она (слово **ана** в эрзянскую часть введено искусственно).

Русские заимствования в мокшанской части: **трудъ** — труд; **робота** — работа; **кругъ** — круг; **воля** — власть; **луча** — луч; **вѣкъ** — жизнь; **вихрь** — вихрь; **берякъ** — берег; **пуль** — пыль; **ямань** — яма; **саль** — соль; **циода** — чудо; **пѣнѣкъ** — пень; **корянь** — корень; **луга** — луг, **бука** — бык; **борань** — баран; **голубъ** — голубь; **сока** — соха; **мѣжа** — межа; **горна** — очаг; **мѣра** — мера; **вина** — вино; **воръ** — вор; **струкъ** — судно; **радь** — рад.

По этим спискам слов можно сделать некоторые наблюдения и выводы о характере фонетического освоения русских заимствований на мордовской почве. Так, рус. **ы** в мордовских языках передавалось через /u/: русс. бык > м., э. **бука buka**, **пыль pul'** и т. д. Рус. х > к: соха > м. сока soka (в эрзянской части «Срав. сл...» имеется также написание **соха**); начальное рус. в в эрзянском языке перед **о** выпадало: воля > э. **оля ol'a**. У некоторых односложных русских слов с конечным согласным на мордовской почве возникла эпитета, например: бык > э., м. **бука buka**, луч > м. **луча luča**, луг — м. **луга luga**.

В словаре зафиксировано также несколько тюркских заимствований, например: э. **сакала**, м. **сакаль** «борода» (ср. тат. **сакал** «тж»), м. **даныль** (давыл?) «буря» (ср. тат. **давыл** «тж»), м. **толкыть** «волны» (ср. тат. **дүлкын** «волна»), м. **гумиши** «плод» (ср. тат. **жимеш** «тж»), м. **алаша** «конь», «лошадь» (ср. миш.-тат. **алаша** «тж» ДСТЯ 33), **сабань** «соха» (ср. тат. **сабан** «плуг»), м. **паксе** «пашня» (ср. тат. **бакча** «сад», «огород»), м. **таза** «здрав» (ср. тат. **таза** «тж»), м. **сенгере** «зеленый» (ср. чув. **сенкер**, тат. **зэнгэр**, «тж»), м. **чи-бярь** «благ» (ср. тат. **чибер**, чув. **чипер** «красивый»), м., э. **осаль** «худо» и др.

<sup>1</sup> «Срав. сл. 1787 — 1789». Предисловие.

В мордовских частях «Срав. сл. 1787 — 1789» встречаются описательные и неточные переводы. Так, слово **муж** на эрзянский правильно переведено общемордовским **мирдя**, на мокшанский же **прявеломань**, что в обратном переводе может значить: «умный человек» или «человек», стоящий во главе (семьи и т. д.); судно по-мокшански переведено общемордовским **венчъ** и русским заимствованием **стругъ** (см. **струг** «речное деревянное судно, ладья, лодка» (Ушаков IV 566), а по-эрзянски словом **кедгъ** «посуда» (ср. судно «сосуд», «посуда»; сосуд для испражнений, для мочи) (Ушаков IV 585); **воз** на мокшанский переведено словом **нирда** (совр. м. **нурда**) «санки». Против слова **пади** (=иди) стоит эрзянское **пракъ** «упади». При переводе на эрзянский язык русского слова **благ**, имеющего значения: «хороший» и «блажной» (см. Ушаков I 148: **благой** 1) «хороший, 2) «сумасбродный, блажной») было принято во внимание лишь второе значение: **апаро** букв. «нехороший», а в мокшанской части исходили из первого значения: **чибаръ** букв. «хороший». Слово **боль** по-мокшански переведено: **пякъ** букв. «очень», «весма». Слово **жизнь** имеет два эрзянских соответствия: **вяльмесъ** букв. «ожил(он)» и **эрямо** «жизнь», «существование». Слово **вкусъ** по-мокшански переведено: **сускомо** букв. «кусок» (ср. совр. м. **суском** «кусок, ломоть (хлеба и т. д.)»; **кяромс суском кши** «отрезать кусок хлеба»). Слово **луч** имеет эрзянское соответствие **чингикстъ** букв. «солнечные полосы»; лето на эрзянский переводится **иэкъ**; год — **иѣ** и **иѣ** (ср. совр. э. **кизэ** «лето», **иє** «год») и т. п.

В некоторых словарных статьях представлены лишь эрзянские переводы без мокшанских («сила, шар, время, море, зверь, победа, война, воин»), в других — одни мокшанские соответствия без эрзянских («земля, песок, плоды, корень, кит, легок, над, во, без»). Ряд словарных статей не снабжен мордовскими переводами ни в мокшанской, ни в эрзянской части «Срав. сл. 1787 — 1789», например: «весна, осень, зима, виноград, латы, беда, гром». (О графике и орфографии, фонетических и морфологических особенностях мордовских частей «Срав. сл. 1787 — 1789», как и общем значении этого источника в истории мордовской письменности см. в разделе «Словари мокша-мордовского языка»).

Важнейшими лексикографическими источниками XVIII в., в которых эрзянская лексика получила наиболее полное отображение, являются «Словарь языков разных народов, в Нижегородской епархии обитающих, именно россиян, та-

тар, чувашей, мордвы и черемис... По алфавиту российских слов расположенный и в Нижегородской семинарии от знающих оные языки священников и семинаристов под присмотром... Дамаскина епископа нижегородского и алаторского сочиненный 1785-го года» и «Словарь языка мордовского»<sup>1</sup>.

Словарный состав эрзянского языка объемом около пяти тысяч лексических единиц в печатном виде был представлен в 1865 г. в эрзянско-немецком и немецко-эрзянском приложении к эрзя-мордовской грамматике Ф.И. Видемана<sup>2</sup>. В эти приложения вошли лексические материалы, собранные Ф.И. Видеманом среди мордовцев, служивших в 1854 — 1855 годах в Ревельском гарнизоне. Как отмечает Ф.И. Видеман в предисловии к первому приложению, эрзянский словарь не мог получиться компактным и единым по языку, потому что в него были включены материалы из разных эрзянских говоров. Часть словарного материала была заимствована Ф.И. Видеманом также из отдельных письменных источников на эрзянском языке.

Как и в грамматике, эрзянская лексика в словаре Ф.И. Видемана дана в транскрипции на основе латинской графики. У согласных отмечается палатализация. Например: ad'ado «kommt, wohl an vel'ks' das Obere, Decke». Однако перед гласными **i**, **e**, **ä** палатализация графически не обозначается. Например: aläi «Schwager (älterer Mannesbruder)» |al'äj|, pitere «Beutel, Geldbeutel» |p'it'er'e|, sildeje «Warze» |s'il'd'eje|.

Фонема [č] передается сочетанием **tš**, например: tšerkſ «Linie, Strich» |čer'ks|, tšeи «Riedgras, nasse Wiese» |čej|, tšatšoms «geboren werden» |čačoms|, tšopatša «Götzenbild» |čopača|.

Фонема [c] обозначается диграфом **ts**, например: atsams «ausbreiten, pflastern» |acams|, okol'nitsa «Zauryffnung» |okol'n'ica|.

Фонема [c'] передается с помощью **ts'**, например: ts'uts'u «Krebs (Krankheit)» |c'uc'u|, ts'amkams «schmatzen» |c'amkams|.

<sup>1</sup> Русско-мордовская часть словаря Дамаскина и весь текст «Словаря языка мордовского» изданы нами с необходимыми комментариями, см.: А. П. Ф е о к т и с т о в. Русско-мордовский словарь. Из истории отечественной лексикографии. — М., 1971; О н ж е. Лексикографический памятник XVIII века («Словарь языка мордовского»). «Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae». — Budapest, 1973. — Т. 23. Fasc. 1 — 2. — С. 69 — 120.

<sup>2</sup> F. J. W i e d e m a n n. Grammatik der ersa-mordwinischen Sprache nebst einem kleinen mordwinisch-deutschen und deutsch-mordwinischen Wörterbuch. — SPb., 1865. — С. 113 — 260.

(i), являющийся позиционным вариантом фонемы [i], передается через у, например: puzyr «Blase, Wasserblase, Harnblase» |puzir|, syvel' «Fleisch» |sivel'|, syr'ne «Gold» |sir'n'e|.

Основной недостаток словаря Ф.И. Видемана в том, что он переполнен русскими заимствованиями в ущерб представлению исконной мордовской лексики. Так получилось, по мнению Ф.И. Видемана, из-за того, что информантами по эрзянскому языку у него были представители только мужского пола. Вместе с тем в рассматриваемом источнике Ф.И. Видеману удалось запечатлеть целый ряд эрзянских лексем, которые не находят отражения в современных эрзянских словарях, например: arašt «etwa, vielleicht», arlan «Maulwurf», arv «Muster», avams «bellen», äldarav «Haarraupe», batška «jüngerer Bruder der Frau; Neffe», d'akavks «Steg», der'va «Mast», «Schiffsmast», dod'ams «bekommen, erlangen», d'ora «Rodeland», gait'an «Band, Bandesatz am Hemde», ildz'ams «ohnmächtig werden, in Ohnmacht fallen», inen'tse, inetšks «grösste, älteste, vornehmste», kandyka «kleine hölzerne Schale» (ср. мокш. диал. kan'd'éka «id.»), koreja «Kürschner», kr'ak «Dornstrauch», kultsun «Kahm, Schimmel», kus'ams «stöhnen, wimmern», kuts'kan (kutiškan) «Adler», läjems «verstärken», «hinzufügen», läks'a «Geruch», lälivoms «schmeichelnd, sich einschmeicheln», mentuk «Quappe», mustarka «Bastard, Hurkind», odarvas «Neumond», odavama «Stiefmutter», odit'ama «Stiehvater», pekseve «scharf schmeckend», pelints'a «Firment», pen'ada «Ofen», pen'sker «Löffelkasten», pukštai «Soldat», puramo «Strudel, Wasserwirbel», san'aka «Schwalbe», s'arkapuzei «Rohrdommel», sär'ge «Rothauge (Cyprinus rutilus L.)», sedel'ma «Kohle», sorš «Gänsedistel (Sonchus L.)», stina «Lache, Pfütze», sulems «sichten, durchsieben», sulevkst pl. «Kleie», supo «Hügel, Anhöhe», surka «Marder», štšinga «Dreikönigsfest», šybel' «Hügel, Anhöhe», tašovna «Kreuz (hölzernes) auf Gräbern», tonov pekš «Feuerbrand», tsika «Vers, Lied (der Bettler)», tšangodems «helfen», tšavdire «Wasserholunder (Viburnum Opulus L.)», tšiškinge «Violinbogen», tšuv «Graben», ulosnik «Weibermütze», urabei nalksems «Stöcke werfen, spielen», uro «Eichhörnchen; Kopeke; Pfrieme; Geschwür», ved uske «Welle», uskula «Überfluss, Zusatz, Zuwachs, Zins», vara vanoms «zeugen, bezeugen», vel'mar'a «Rauchloch am Ofen» и др. Конечно, мы не можем полностью гарантировать себя от возможных ошибок, допущенных в написании отдельных мордовских слов при издании книги Ф.И. Видемана.

Многие лексические единицы, представленные в равной мере и в современных эрзянских словарях (например, ЭРС 1949 и РЭС 1948), в словаре Ф.И. Видемана все же имеют отличия фонетического или же семантического порядка. См., например: alutšks «harte Schale» |al lukš|, apaš «Hautflechte, Ausschlag» |apkaž|, aršo «Scharte» |aržo|, kažvarks «Hamster» |kažvarč|, koštan «stolz» |kaštan|, kut'ams «kitzeln» |kut'kams|, netšks «Stiel» |n'et'ks|, norožorks «Lerche» |norovžorč|, potnara «Brett an der Wand (um Sachen darauf zu stellen)» |potmar|, sadreks «Salzfass» |saldirkš|, sirte «Esche» |s'ir't|, siz'gan «Elster» |s'ez'gan|, snav «Erbse» |ksnav|, s'ov, s'ovone «Flügel'» |s'olmo|, spanst pl. «Zaum» |panst|, šenš «Ente» |šenže|, šetšei «Milz» |čečeji|, šrapo «nackt», «bloss» |štapo|, štši «Schneide des Messers, Schärfe; spitzig» |pšt'i|, tšejedalks «Morast» |čejadavks| и т. д.

Ценность немецко-мордовского словарного приложения заключается в том, что Ф.И. Видеману впервые за всю историю мордовских письменно-литературных языков удалось довольно удачно представить отдельные группы синонимов эрзя-мордовского языка. См., например: alt — (nicht neu) tašto, kezer, (nicht Jung) syre, alt werden syredems, anfangen — karmams, ušodoms, Anhöhe — pando kon'a, kupoř, supo, anschwellen — targoz'ams, (v. Wasser) rangodoms, antreiben — panems, er'azkavtoms, aufhaspeln — tapar'ams, kesak ävtoms, aufrichten — käpedems, syrgavtoms, st'avtoms, aushalten, ausharren — kirdems, tsidardoms, auskleiden — kajavtoms, stavtoms, ausrupfenrazdems, nevel'dems, kotškoms, aussätzige — tazov, lämen' pangov, avan'ks kis'ken', benachrichtigen — kul'avtoms, sodavtoms, benennen — merems, lem putoms, lemdeps, besuchen — inžeks sams, sodavlems, vasol'ams, bezwingen — seskems, iznems, binden — s'ulmams, keržams, sodoms, bitten — väšems, in'aldoms, bleiben — kadovoms, liadoms, aštsems, blinzeln — sel'me kon'tsems, tšiperams, brennen-(transit.) kurvaz'tems, (intr.) palams, kurvaz'ams, bringen — kandoms, ved'ams, brodiren — targsems, vikšnems, brüllen — params, seerems, rangams, dulden — kirdems, tsidardoms, einwickeln — tapar'dems, (ein Kind) keršams, Ekel haben — sädei maksoms, nulgudem, erbrechen — sindems, (öffnen) panžoms, (sich e.) uksnoms, Erde — moda, mastor, erforschen — kevstlems, väšnems, erhaschen — kundams, kurodoms, erheben — käpedems, kuztems, syrgavtoms, (sich e.) st'ams, syrgams, Erlöser — vanyts'a, idits'a, ernahren — andoms, tr'ams, fahren — (trans.) uskoms, (intr.) molems, petškems

(lišmese, nurdso etc.), (zu Wasser) ujems, fassen — (ergreifen) kundams, (enthalten) kirdems, kel'gems, (begreifen) tšarkodems, fliessen — tšudem, kol'gems, flimmern — valdoms, vergedems, flüstern — toškams, salava kortlems, fordern — väšems, kevstlems, anams, fortgehen — lisems, tujems, sezems, Frucht — ezne, tšatšmo, raštamo; umar, schärfen — štiste tejems, štšilgavtoms, tšovams, untersuchen — kevstlems, väšnems, snartoms, snartlems, Verräther — maksyts'a, mijits'a, Zusatz — uskula, läze и т. п.

Наряду с исконными лексемами в состав многих синонимических рядов слов, как и следовало ожидать, Ф.И. Видеман включил большое количество русских заимствований.

Например: abermals — ombotsede, oštšo vest, Abgabe (Steuer) dan', podat', pošlina, kajavt, abmühen, sich — muts'avoms, pištsems, achten — (auf etw.) vanoms, (für etw.) putlems, (ehren) potšitams, tšest' putoms, Adler — kuts'kan (kutškan) or'ol, Ahre — kolos, pr'a, Ältester — staršina, at'a, ärglich — käžev, dosadna, aur'adno, als (da) z'ardo, (nach Comparat.) neželi, avol' koda, (als wenn) buttaby, Andenken — pam'at', lemen' kundamo, anklopfen — stukams, tšukams, tšukadoms, annehmen — sajems, primams, antworten — otvets' jovtams, otvets'ams, pškadems, athmen — dyšams, läkams, Aufseher — vany, vanyts'a, pravitel', Bahre — nosilkat, kandomo tšuvto, Band — (z. Binden) sodks, s'ulmamo, (z. Schmuck) lenta, bange — robka, peli, Bank — mukoro, skamia; äzem, Bart — sakal; ust, begnügen, sich — udovol'stvovams, pešksems, begreifen — povn'ams, tšarkodems, begrüssen — pozdravl'ams, pozdorovt kortlems, s'uk pr'a maksoms, s'ukun'akšnems, beistehen — posubams, tšangodems, bekommen — polutšams, primams, sajems, dod'ams, bekümmern, sich — zabolams, (sich Kummer machen) riznems, mut'ams, mel' sindems, beleidigen — obid'ams, s'aldoms, belohnen — nagradams, kazems, beobachten — vanoms, primet'ams, Be-rathschlagung — arseme, prigovor, beschimpfen — s'olnoms, pozor'ams, beztšestiams, beständig — (immer) todei, jala, (standhaft) postojanno, bestrafen — ker'ams, nakazams, Betrübniss — mel'avks, rizks, mut'amo, petšal', Betrug — man'amo, man'tšeme, kengel'me, billig — apitnev, d'oševa Bissen — kuska, suskomo, blass — sukoštšavoi, lovtane, Boot — lodka, ven'sh, Brei — kaša, jam, Brust — grud', meštše, (weibl.) pote, Buch — kniga, s'ormadomo, Bürger — meššanin, ošon'tse, denken — arsems, dumajams, Eid — kl'atva, pris'aga, pežeksteme, erscheinen — nejevoms, pojavams, erwidern — otvets'ams, pškadems,

Faust —kulak, mokšna, feilen — pil'ams, jozams, fein — tšovine, melkoi и т. д.

Немало синонимических групп в словаре Ф.И. Видемана состоит из одних только русских заимствований без участия исконной лексики. Например: abmachen — lad'ams, soglasams, Altar — oltar', žertvennik, arbeiten — rabotams, trud'ams, Barmherzigkeit — miloserdie, milost', Begehlshaber — starosta, natšal'nik, behend — provorna, boika, erfreuen — radovavtoms, veselgavtoms, Farbe — svet; kraska, Fest — prazdnik, pir, fröhlich — vesela, (f. sein) veselgalems, radovams, radovajekšnems, gärben — (roth) dupl'ams, (weiss) bel'ams, ganz — tsela, vese, (ganz und gar) sovsem, prok, Gasthaus — traktir, stojal'noi kardas, gostinnitsa, gostinnoi kudo, Gebieter-starosta, natšal'nik, Gebot — zapoved, prikaz, Harz — smola, var, Köder — privada, primana, thierisch — šivotan', zver'an' и пр.

Из лексикографических источников дореволюционного периода на эрзянском языке самым полным как в отношении словарника, так и особенно фразеологического состава получился словарь мордовского учителя Р.Ф. Учаева (РО БАН СССР тек. пост., 1). Этот словарь был написан в 1-м десятилетии XX в. по поручению и при прямом содействии акад. А.А. Шахматова, который в те годы, как известно, проявлял большой интерес к научным занятиям по языку и фольклору мордовского народа. В 1908 г. Р.Ф. Учаев завершил работу над словарной картотекой и переслал свой материал в Академию наук А.А. Шахматову. В отзыве на эту рукопись А.А. Шахматов отметил, что «Словарь сухокарбулакского говора эрзянского наречия мордовского языка, составленный Р.Ф. Учаевым, содержит более 10 000 слов... Конечно, до 30% общего числа карточек оказываются русскими словами, но слова эти вошли несомненно в разговорную речь мордвы и многим из таких заимствований — это можно утверждать с полною уверенностью — насчитываются несколько сот лет. Таким образом, словарь Р.Ф. Учаева, за исключением ошибочно попавшего в него материала и также русских заимствований, содержит до 4000 исконных мордовских слов — и этот материал представляет несомненно большой научный интерес» (ААН СССР, ф. 134, оп. 1, д. 341/5, л. 303).

Как видно, результаты труда Р.Ф. Учаева были положительно оценены А.А. Шахматовым. Эрзянский словарь А.А. Шахматов предполагал издать в виде отдельного приложения к «Мордовскому этнографическому сборнику» (СПб., 1910).

Однако от этого замысла впоследствии А.А. Шахматов отказался, по-видимому, из-за чрезвычайной занятости другими научными делами в области русистики и славистики.

В написании эрзянских слов Р.Ф. Учаев придерживается русской графики и орфографии. Для графического изображения отдельных специфических звуков эрзянского языка составитель словаря ввел следующие дополнительные знаки:

с (латинское) — для передачи аффрикат з и з' в позиции после **n** и **l**, например: **тенса** «ему» t'enza, **нелься** «нельзя» n'elzä, **нетянсат** «увидит тебя» n'e't'anṣat, **сонса** «его» sonza.

н<sup>г</sup> — для передачи сочетания назального н̄ с заднеязычным звонким g, например: **лан'зын** «на меня» laŋgizin, **ан'ырямс** «грести» aŋgíams, **абун'адумс** «смутиться» abuŋgadums.

н<sup>к</sup> — для передачи сочетания назального н̄ с заднеязычным глухим k, например **лан'с** «на» laŋks, **ан'сима** «прорубь» aŋks'ima, **пен'кть** «дрова» reŋkt'.

Ү — для передачи аффрикаты ј — варианта [č] в позиции после **r**, **n**, например: **арҮ** «щербина» ařj, **чинЧоп** «весь день» čin'žor.

Кроме того, у некоторых русских заимствований Р.Ф. Учаев сохранил буквы **Ө** и **Ӧ**, например: **вӦк** «век», **Өедя** «Федор» и т. д. В конце слов сохранена везде буква **ъ**.

В словаре имеется система помет, которая, однако, осталась неразвернутой, например, нет совсем помет, которые бы указывали на принадлежность заглавных слов к тому или иному грамматическому разряду, части речи и пр.

У имен существительных, словарной формой которых принят номинатив единственного числа основного склонения, в скобках всегда приводится и форма множественного числа. Например: **лепе** (мн. ч. лепть) «ольха», **пря** (мн. ч. прят) «голова», **теле** (мн. ч. телеть) «зима». Этой же пометой снабжены все имена действия на -ма, например: **пидима** (мн. ч. пи-димат) «варево, варка», **сокорграфтума** (мн. ч. сокорграфтумат) «ослепление», **телень-печтема** (мн. ч. телень-печтемат) «зимовка».

Словарной формой у глаголов принят инфинитив на -ме. Например: **марямс** «слышать», **прядумс** «вершить». Иногда в скобках приводится многократная форма глагола. Например: **мииимс** (многокр. **микшнимс**) «продать», **урнуумс** (многокр. **урнукшумс**) «выть» и т. д. Но часто в словаре глаголы в многократной форме приводятся в качестве самостоятельных заглавных слов, например: **нильнимс** «глотать», **пувсимс** «зева-

вать, поддувать». Отдельными словарными статьями иногда даются и глаголы с суффиксом -зев, -зив, обозначающим индоативное действие, например: **паразивимс** «замычать», **пейдезевемс** «засмеяться, рассмеяться».

У причастий на -иша, -еца в скобках иногда приводится словообразовательный вариант (-мий, -ний), например: **тень-щень сюлмища** (-мий), **микшиница** (-ний) «веничник». В других словарных статьях у причастий приводится форма множественного числа, например: **терьдеца** (мн. ч. **терьдецят**) «вызывающий».

Отдельные заглавные слова сопровождаются авторским комментарием типа:

**га** (частица, которая на русском языке заменяется частицей «за» и ставится перед отглагольным существительным) «за».

**гак, как, як** — частицы, которые на мордовском языке заменяют «и», ставятся в конце существительных. В русском же языке и ставится в начале существительных.

**дровнят** (употребляется в одном мн. ч.) «дровни».

**керъба** — слово, вышедшее из употребления, неизвестное на русском языке. Это слово упоминается в песне: Пизиме пизе, керъба ведь кольге /Пакся кунчкаса, ладырман килий/ Килинть пряса а Хролань шляпясь/ А шляпант ваксса Оля-инь шались и т. д.

После русского перевода каждое заглавное слово сопровождается в словаре развернутыми примерами, иллюстрирующими употребление той или иной лексемы в эрзянской речи. Такие примеры представляют собой законченные предложения различной протяженности. В словарных статьях приводится от двух до четырех примеров, однако без перевода на русский язык.

В иллюстративной части словаря поражает острые идеологическая направленность эрзянских примеров. Рукопись словаря составлялась в годы первой русской революции, поэтому в примерах на эрзянском языке Р.Ф. Учаев volens nolens отразил общественно-политические настроения той эпохи. Мы не можем считать простой случайностью тот факт, что в примерах совершенно определенно выражены не только антибарские и антирелигиозные мотивы, но и более глубокие социальные настроения. См. хотя бы следующие примеры (везде с нашим переводом на русский язык):

**bastovamс** «bastовать»: Бастовамс паро, кода а чавить «Бастовать хорошо, как бы ни били (наказывали)».

**бомба:** Князинть вальмава ёрцть бомба «Через окно князя бросили бомбу»; Бомбаса инязырынть чавизь «Бомбой царя убили».

**бояр-левкс** «барич» (барин): Седикиле ульнистъ бояр-левкст, а ней лангызыст-как а ванат «Раньше были баричи, а теперь на них и не посмотришь (противно смотреть)».

**веровамс** «веровать, исповедывать, убеждаться»: Верованек икиле, авуль ней «Веровали раньше, не теперь».

**губернатыр:** Губернатырца-як улить чава-преветь «И среди губернаторов есть идиоты».

**губернатырынъ-козайка** «губернаторша»: Губернатырынъ козайканинъ а-ерямс «Не жить губернаторше».

**диякын:** Диякындынть жадной ломань арась «Нет человека жаднее диакона».

**закон-максыця** «законодатель»: Закон-максыцянинъ пары, а законэнъ кувалт эрецянинъ авуль пек пары «Законодателю хорошо, а живущим по закону плохо (не очень хорошо)».

**закон-аразъ** «беззаконие»: Закон-аразъдынть паньдя сась «Беззаконию приходит конец»; Эрякатъ закон-арасысынть «Поживи-ка при беззаконии».

**закон-максума** «законодательство»: Эрьва-чине закон-максума «Чуть ли не каждый день законодательство»; Закон-максумаса сизифтимизь «Измучили законодательством»; Закон-максумадыт визъдилить «Постыдился бы своим законодательством».

**закон:** Закоттнэнень а кеметь «законам не верят».

**земскэй:** Земскэйда сюрыда а ярцеват «С земским досыта не наешься хлеба»; Миник чава-прянть земскэйкс путызы «Нашего пустоголового земским посадили».

**земства:** Ней земствада-як пары или уча «Теперь и от земства хорошего не жди».

**князёвамс** «княжить»: А кувать теть князёвамс «Не долго тебе княжить». Весе моданык князись саизе «Всю нашу землю князь забрал».

**митинг:** Кабак бокаса ульнистъ митинг «Около кабака состоялся митинг». Колмоце митингкстынть Васятьнинъ саизь «После третьего митинга забрали (арестовали) Васильевых».

**митърика** «метрика»: Митърикатьнинъ кис колма цолковойт попось ватькась «За метрики поп три рубля содрал».

**монаполья:** Монапольясынть лама народэнъ ярмак сае казнась «Монополиями много народных денег забирает казна».

**нарьгамс** «издеваться»: Кода седеест састь бояртнынъ истя нарьгамс хрестьянтынъ ланкса? «Как смели бояре так издеваться над крестьянами?».

**нарьгазъ** «издеваясь с применением действий»: Весе барьчтина пингись ютась нарьгазъ «Весь срок барщины прошел в издевательствах».

**начальник-аразъ** «беззначалие»: Начальниктиме-чись тага а учуве «Скорее бы наступила жизнь без начальников»; Начальник-аразысынть эрямусь пары «Жить без начальников хорошо».

**реакцыя:** Тон вант кодама реакцыя! «Ты смотри какая (началась) реакция!»; Ков молят рекцыядынть? «Куда деться от реакции?»; Реакцыяясь изънимизъ! «Реакция нас победила!»

**реакционёр:** Миник князь-авась реакционёр «Наша княжна на реакционерка»; Тевенек лоткась реакционёрда «Наше дело остановилось из-за реакционеров».

**революционёр:** Революционёрнэнъ понголь дяря боярсы «Попался бы барин в руки революционера»; Бояр-азырт пелеть революционёрда «Хозяева-бояре страшатся революционеров».

**революция:** Ва те революция «Вот это революция»; Революциядынть пелеть боярт-азырт «Революции боятся господа-бояре»; Революцияфтума мезе як а теят «Без революции ничего не сделаешь».

**революционнэй:** Революционнэй kortamuntyinъ курук чарыкдят «Революционную речь легко понимать».

**редактыр:** Се шканть осрокса ульнистъ редактыр «В то время в тюрьме сидел редактор».

**республика:** Миник мастыринтина тейтяна республика «Сделаем в нашей стране республику»; Республиканть пинкста седе пары эрямусь «В республике жить лучше»; Аламус күш эрямс республикаса «Хоть немного пожить в республике». Число таких примеров можно было бы увеличить несколько раз.

В своем отзыве А.А. Шахматов вынужден был высказаться против включения в словарь таких слов, «вряд ли получивших, — по его мнению, — сколько-нибудь заметное распространение в народе» (ААН СССР, ф. 134, оп. 1, д. 341/5, л. 303). Однако в этом случае прав был Р.Ф. Учаев, а не А.А. Шахматов.

В написании русских заимствований Р.Ф. Учаев исходил из их подлинного звучания в эрзянском языке, например: **анафей** «анафема», **аракуль** «оракул», **балхон** «балахон», **басян** «бассейн», **баук** «паук», **башлага** «общлаг», **болбанямыс** «болванить», **болбан** «болван», **борцук** «барсук», **буква** «брюкава»,

**бутулка** «бутылка», **варган** «оргán», газет «газета», **горнадёр** «гренадёр», **графон** «графин», **губушка** «кубышка», **соломщик** «псаломщик», **жаврёнка** «жаворонок», **зависть** «завязь»; **земчуг** «жемчуг», **инытитут** «институт», **инёral** «генерал», **калера** «холера», **клокшик** «ключник», **кульяр** «курьер», **лефетырь** «ефрейтор», **обвакат** «адвокат», **рехметька** «арифметика» и т. п.

Приведем небольшой список исконных слов, интересных с точки зрения своего звучания и семантики: **авань-ава** «праматерь», **апак-юра-яжа** «беззаботно», **бутаскадумс** «наступиться», **важиямс** «поумнеть, прийти в разум», **валкс** «тридцать три копейки с третьим», **вирь-каль** «ива», **гога** «жук», **дубулга** «таволожник», **каль-озяз** «стриж», **келярцамс** «ябедничать», **куванкс** «пук (связка)», **одеса-нальксима** «горелки», **пизиста** «остро», **аргум** «ласточка», **вере-тарка** «вышка», **нарама-куда** «цырульня», **брильня**, **рэгай** «хиляк» и др.

Имеются в словаре неологизмы, созданные путем соединения основы исконного слова с основой русского заимствования, например: **булкань-паний**, **булкань-паниция**, **булкань-микшний**, **булкань-микшиция** «булочник», **буткань-азыр** «бутчник», **винтынь-онаса**, **винтынь-пелевь-чавиция** «винтообразный», **одмодань** «новомодный», **vasинь-раз** «впервые», **ведьгемень-год** «пятидесятилетие» и т. п.

### ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЭРЗЯНСКОГО УСТНО-ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Как и на мокшанском языке, произведения эрзянской устной поэзии в отрывках стали печататься в различных периодических изданиях, начиная с 30-х годов прошлого столетия. Ознакомление с довольно несовершенными и чаще всего фрагментарными записями первых образцов мордовского устного народного творчества привело фольклористов того времени к ложному выводу об отсутствии в мордовском стихе каких-либо метрических закономерностей. Такой взгляд на форму мордовского народного стиха господствовал в науке вплоть до конца 80-х годов XIX в. На этой же точке зрения остался и автор содержательных трудов по мокша-мордовскому языку и фольклору А. Алквист<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> A. Alquist. Versuch einer mokscha-mordwinischen Grammatik nebst Texten und Wörterverzeichniss. — SPb., 1861; Einige Proben mordwinischer Volksdichtung. «Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja». — Helsingfors, 1890. — T. 8.

Основательной критике указанную концепцию подверг Х. Паасонен, который в обширном предисловии к эрзянским народным песням<sup>1</sup> отметил в метрике мордовского стихосложения вполне определенные закономерности. В следующей своей работе, посвященной поэзии восточнофинских народов, Х. Паасонен углубил понимание им формы мордовского народного стиха и пришел к весьма важному заключению, что имеющиеся в мордовских песнях закономерности основываются на силлабическом строем как мокшанского, так и эрзянского народного стиха<sup>2</sup>. В 1910 г. Х. Паасонен опубликовал обобщающую работу о строе мордовской песни<sup>3</sup>. По мнению Х. Паасонена, для мордовского народного стихосложения характерными являются девять силлабических размеров различной длины. Самый короткий из них тот, который составлен из семисложной строки, а в самом длинном число слогов равняется семнадцати<sup>4</sup>. Не менее принципиально важным представляется указание Х. Паасонена о том, что формы мордовской поэзии исторически развивались под влиянием восточнославянской метрики и особенно русского народного стиха.

Художественно-изобразительные средства мордовского устно-поэтического творчества и стихия живой народной речи были широко представлены в двухтомных материалах мордовского фольклора<sup>5</sup>.

Это издание имело огромное значение. Оно явилось собственно точкой отсчета целого этапа в истории мордовских письменно-литературных языков, этапа, который назван выше этапом частичной либерализации.

«Образцы...» были изданы переводческой комиссией при братстве св. Гурия в Казани «с тою целью, чтобы иметь под рукою слова и формы такого языка, на который нужно было переводить... Эти материалы заменяли собою грамматику и

<sup>1</sup> H. Paasonen. Proben der mordwinischen Volksliteratur, I/1. Erzjanischer Theil. Erzjanische Lieder. «Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja». — Helsingfors, 1891. — T. 9.

<sup>2</sup> H. Paasonen. Itäsuomalaisen kansain runoudesta. — «Valvoja». — Helsinki, 1897. — T. 17. — P. 65 — 78, 127 — 140.

<sup>3</sup> H. Paasonen. Über den Versbau des mordwinischen Volksliedes. — «Finnisch-ugrische Forschungen». Helsingfors — Leipzig, 1910. — Bd 10. — Hf. 1 — 3.

<sup>4</sup> Там же. — С. 154.

<sup>5</sup> «Образцы мордовской народной словесности». Вып. I. Песни на эрзянском и некоторые на мокшанском наречии. Вып. 2. Сказки и загадки на эрзянском наречии мордовского языка с русским переводом. — Казань, 1882 — 1883.

словарь»<sup>1</sup>. И действительно, в отличие от переводных текстов, с их часто не характерным для мордовских языков синтаксисом, как и однообразным словарным составом, повторяющим тематически ограниченную лексику духовной литературы, «Образцы...» открывали читателю неповторимое своеобразие: и богатство живой мордовской речи.

К наиболее характерным чертам языка и стиля произведений устного творчества относятся повторы (или удвоения), имеющие распространение во всех финно-угорских языках. В рассматриваемом сборнике употребляются самые различные типы повторов. Особенно часто встречаются так называемые повторы простейшего типа. Употребление таких повторов оказывается важным стилистическим средством повышения эмоциональной выразительности лирического монолога и усиления ритма песни. См., например:

Жальне, жальне сыре тетям/Седеяк жаль сыре авам/ Ишо-  
як жаль саезъ полам/ Седеяк жаль вишкат какан! «Жаль,  
жаль мне своего старого отца/ А больше — мою старую мать/  
А еще больше — мою законную жену/ Но больше всего —  
моих малых детишек»; Бедноень арась робота/ Бедноень  
арась забота/ Бедноень арась лисизэ/ Бедноень арась совизэ  
«Нет у бедного работы/ Нет у бедного заботы/ Нет у бедного  
выходящих/ Нет у бедного приходящих»; Сыре салдатнэ.../  
Чиить, чиить сынъ/ Братцы, пупордыть! «Старые солдаты.../  
Бегут, бегут/ Братцы, споткнутся!»; Утю, балю, киргиз лявкс /  
Утю, балю, башкир лявкс!/ Ище таго мерян: ногай лявкс!  
«Утю, балю, киргизенок!/ Утю, балю, башкиренок!/> Еще ска-  
жу: ногаенок!»; Равужот, равужот одирьвань сельмензэ/ Се-  
дияк равужот одирьвань брованзо «Черны, черны молодушкины» и т. д.

Для характеристики протекания действия обычно используется удвоение основы одного и того же глагола. Первым компонентом повтора этого типа выступает деепричастие на -зы, усиливающее значение второго — основного — компонента удвоения, например:

Сонзо сынъ сэвэзэ сэвэлизь, нилезь нилевлизь «Они готовы были поедом съесть, одним глотком проглотить ее»; Пильг' алонзо мастер... зэрnezъ зэрни, менель гайнезъ гайни! «Под ним земля... громом (гримя) гремит (грохочет), а небо звоном (звеня) звенит!»; Андямо уж ранги! уж ранги! Сонзо маро весе

<sup>1</sup> М. Машанов. Обзор деятельности братства св. Гурия за 25 лет его существования, 1867 — 1892. — Казань, 1892. — С. 150.

виресь как рангазъ ранги... «Андямо вот плачет! вот плачет! С ним вместе и лес ревмя ревет...»; Уряжонзо кежест седеяк пек састь. Пейсэст чикордозь чикордыть «Невестки ее еще сильнее озлобились. Они так и скрежечут (прямо скрипмя скрипят) зубами» и др.

В повествовательном стиле речи (в жанре сказок) выразительные конструкции образуются из повторов, первые компоненты которых выражаются именами действия на -ма -мо в форме номинатива единственного числа указательного склонения (-сь), например:

Микшнесак, мери, ати паро чи, айгорот? — Микшнеса. — Зняро вешат кисэнзэ?.. Сядо валксто мийсак? — Арась, а мийса. — Кавтодо? — А мийса. — Колмодо? — Колмодо **мие-  
мась мийса**, панстанзо ансяк а максса тенть «Продаешь, гово-  
рит он, почтенный старик, этого жеребца? — Продаю. —  
Сколько просишь за него?.. За сто рублей продашь? — Нет, не продам. — За две сотни? — Не продам. — За три? — За три продать-то продам, но только узду не отдам тебе»; Тонсь **па-  
рямось парят**, тейтереть пецьк' удали ашти! «Ты сам париться паришься, а дочь твоя стоит за печкою!»; Да кода, сваткинem диринем, а пейдемс лангсот! не пенгтэ **пультамось пултавстъ**,  
куловост тенть а понжавтовить! «Да как не смеяться над то-  
бою, сватушка миленький! эти дрова сжечь-то сжег, а золу их развеять не сможешь!»; Сынь теде мейле якамодо **лоткамось  
лоткасть**, да марявить, тейтереть содамот эрьва чистэ туриТЬ  
«После этого они, положим, перестали (перестать-то пере-  
стали) ходить, да стало слышно, что зять с дочерью каждый день дерутся» и т. п.

В современных мордовских литературных языках имя действия на -ма, -ме, -мо в указанном типе повторов вместо номинатива употребляется обычно в генитиве, например:

Но **шутендамать шутендак**, а пингсь моли (Левчаев) «Однако шутить-то шути, а время не ждет»; Вана сон кодамо неень войнась!.. — Тон **ёвтнемантъ ёвтнек**, ансяк или кенгеля, — мерсь... Харитон лелясь «Вот она какая современная война!.. — Рассказывать-то рассказывай, только не ври, — заме-  
тил... дядя Харитон»; — Тынь, стало быть, строямо арсетя-  
до? — кевкстъ Осип. — **Арсемантъ арсетяно**, ансяк вана кода ушодомс, несак: чинек-венек валы, — отвечась Яков (Лукьянов) — Вы, стало быть, думаете строиться? — спросил Осип. — Думать-то думаем, только вот как начать, видишь: круглые сутки льет, — отвечал Яков».

Имя действия на **-ма**, **-ме**, **-мо** в современных мордовских литературных языках, кроме того, может заменяться в рассматриваемом типе удвоений инфинитивом на **-мс**, например:

— Пандя, аф азондса... Мяргомс мярьгыс тяфта, а седиц сонценъ-ге токавсь (Девин) — Хватит, не скажу... Сказать-то сказал так, а сердце и у нее самой расстроилось». Аф тейнза максомаль тя рольсь, — пшкядсь Валя. — Содасак вдь... — Содамс содаса, да кинь вастозон-за сяват? (Левин) «Не ему надо было поручать эту роль, — сказала Валя. — Знаешь ведь... — Знать-то знаю, да кого же вместо него возьмешь?»; — Ну и мезе, варьфтиль сонь? — Кода тейть азомс... Няемс нянине, а корхтамс мархтонза ашезь сав (Левин) «Ну и что, встретил его? — Как тебе сказать... Видеть-то видел, а поговорить с ним не удалось».

Интересно при этом отметить тот факт, что в разговорном стиле речи в мордовских литературных языках с формантами инфинитива **-мс** употребляются и другие части речи, в том числе имена существительные и даже наречия, например:

Микеш атя токсесы кенерь бакарти атя ялганц, тошкесы: — Орёл! — Гавря атявок шукасы прянц, дивандай... Пашуть лангс, сяка аф верондай атя ялганцы: — **Орёломс орёл**, да вдь миньгэ тяфтапт мутама! (Левчаев) «Дед Микеш трогает за локоть своего друга старика, шепчет ему: — Орел! — Дед Гавря качает головой, дивится... на Пашу, все равно не верит другу-старику: — Орел-то орел, да ведь и мы такого найдем!»; Монь семейной вопрососы... решави сеске... — **Истямс истя**... — кувакасто мерсь секретаресь... Лебедевень арасель мелезэ сразу коламс Вирясовонь вадря настроениянзо (Лукьянов) «Мой семейный вопрос разрешится тотчас же... — Так-то так... — протянул секретарь... У Лебедева не было желания сразу испортить хорошее настроение Вирясова» и т. д.

И особенно примечательны случаи разъединения компонентов повторов, в которых форманты **-ма** и **-мс** выступают в генитиве, например:

— Кода мяргоны, стане и тисаськ... Ясна? — **Яснамать** аф прокс **ясна**, — куфкстсь Уразовсь (Левчаев) «Как я сказал, так и сделаем... Ясно? — Ясно-то не совсем ясно, — вздохнул Уразов»; **Лятфнемс** сон мезевок изь **лятфне**. Да ашель мезыгэ лятфнемска (Девин) «Вспоминать-то она ничего не вспоминала. Да нечего было и вспоминать»;

— Аф досадна уель, кда варькаfnеленъ, а тя вдь виденц корхтан. — **Видемс** кода ни аф **виде**, — согласиндасть марх-

тонза (Левин)» — Не было бы досадно, если бы обманывал, а то ведь правду говорю. — Правду-то уж как не правду, — согласились с ним».

В «Образцах...» подобная вариативность в оформлении повторов рассматриваемого типа с **-ма** вообще не характерна. Повествовательному же стилю речи, представленному в «Образцах...», главным образом в сказках, присущи удвоения, в которых высокая степень признака предмета выражается не только тем или иным прилагательным-определением, но и повторением основы имени существительного, обозначающего данный предмет, в форме ablativa основного склонения **-до**, **-то**, **-де**. Причем имя прилагательное в таком типе повторов может занимать место как внутри удвоения, т. е. между двумя формами повторяющейся основы существительного, образующими соответствующую этимологическую фигуру (например: Мазы Дамайненъ **понксто** парт **понкст**, **палядо** парт **палят** каннесь «Красавцу Дамаю приносила лучшие из лучших штаны, из лучших лучших рубашки»), так и после всего повтора (например: Маша мельга састь **сюпавонь** **сюпавт** **кудат**: ишмест (алашаст) **ишмеде** **ишме паро**; лангсост **ашкост** **ашкодо ашко ён**; прясо панстост **панстто** **панст вадря** «Приехали за Машей поезжане из богачей богачи; кони у них — конь коня лучше; хомуты на них — хомут хомута лучше, узды на них — узда узды лучше»). Определение в конце повторов такого типа может также употребляться в форме сравнительной степени, например: Банясонть урьканзо **вейкедест** **вейке седе паро** «В бане невестки ее одна ласковее другой».

Следует отметить, что в современных мордовских литературных языках повторы этого типа образуются и путем удвоения основы имени прилагательного с прибавлением окончания ablativa и постпозитивной усиительной частицы **-нга/-як** или же без нее, например:

Эста синь путсазь сембе вийснон, штоба тиемс **кяжидонга** **кяжи** тевснон (Девин) «Тогда они приложат все свои силы, чтобы осуществить свое злое (злее злого) дело»; Песокось лей чиресэнтъ **тюжадояк тюжа** (Вертьянова) «Песок на берегу реки очень желтый (желтее желтого)».

В частности, без постпозитивной частицы **-нга/-як** в современных мордовских литературных языках употребляется в удвоении первый его компонент — имя существительное в ablative, — за которым следует в качестве второго члена повтора относительное имя прилагательное на **-нь**, например:

Неть мелявкстнэ **иеде иень, пингеде пинген** (Абрамов) «Эти заботы на весь год (год от года, из года в год), вековечные». Повтор, такого типа иногда может быть создан из имен существительных, причастий и даже наречий: Минь араме мархтот **ладяйдонга ладяй** ялгакс (Гавычева) «Мы стали с тобой верными друзьями (из дружных дружными товарищами)»; Ой, мезе тисть ломантъ мархта!.. Эх, равжа пря куйхть, **пинедонга пи-нет, зверьдонга зверьхть** (Левчаев) «Ой, что сделали с человеком!.. Эх, змеи черноголовые, псы (из собак собаки), звери лютые (из зверей звери)»; — Эрь илядня сёрматт! — косяться Катя. — Лад? — **Ладтонга лад** ... (Левчаев) «Каждый вечер пиши — уговаривала Катя. — Ладно? — Очень хорошо (ладнее ладного)»; и пр.

В «Образцах...» особенно большой вариативностью и высокой эмоционально-выразительной нагрузкой характеризуются повторы с оформлением первых их компонентов суффиксом **-нь**. Если **-нь** употребляется в обоих компонентах повтора, то такое удвоение обычно выражает дистрибутивные отношения, например:

Орёл мери тензэ: — Тон монь эснэмв ве ие мацийде андомак: эрьва чистэ апак печк **мацеенъ мацеенъ** макстнек тем «Орел говорит ему: — Ты меня один год корми гусями: каждый день давай мне по гусю»; **Толгань, толгань** каядо/**Кавтонь, кавтонь** каядо «По перышку, по перышку киньте/ По два, по два киньте».

Большое разнообразие создается в повторах, в которых высокая степень качества выражается именами прилагательными. Причем в «Образцах...» встречаются следующие повторы с участием имен прилагательных:

1) первый компонент повтора — имя прилагательное с суффиксом **-нь**, второй — основной — компонент является именем прилагательным в абсолютной форме, например: Вай **покшинъ покш пакся** / Покш паксясонть губоркске «Ой, пре-большое, большое поле / В большом поле-то бугорочек»; Тейтерэз **нузяксонъ нузякс** ульнесь «Дочь ее была из ленивых ленивая»; Лись вишкиньке, курсякс мендявозь, **сыренъ сырэ** бабине «Вышла маленькая согнутая коромыслом древняя (из старых старая) старушка»;

2) указанный тип повторов разнообразится дополнительным употреблением имени прилагательного с усилительной частицей **а** «**и**», например: Вай **сюпавонъ сюпав, а сюпав** / Сюпавонъ сисем ёранзо «Ой из богачей богач и богач / У богача семеро сынов»;

3) повтор, в котором первый компонент с суффиксом **-нь** удваивается, например: **Покшинъ, покшинъ, покш** пакся / Покш паксясонть лужомнэ «Из больших-больших большое поле / На большом-то поле ложбинка»;

4) повтор, в котором удваивается второй его компонент — имя прилагательное в абсолютной форме, а первый — вместо **-нь** оформляется уменьшительно-ласкательным суффиксом **-не**, например: **Покшине покш, покш** паксясо/ Покш паксясо покш губоркске «В пребольшом поле, в большом поле/ В большом поле большой бугорок»;

5) повтор, к первому компоненту которого в уменьшительной форме (**-не**) присоединяется формант генитива имен существительных основного склонения **-нь**, например: **Покшиненъ, покш** пакся. Покш паксясонть покш губра «Большущее, большое поле./ В большом-то поле большой бугор»;

6) к повторам рассмотренного типа, образованным путем удвоения основы имени прилагательного, примыкают не менее своеобразные конструкции, в которых высокая степень качества выражается употреблением двух разных прилагательных. Причем первый компонент таких образований выступает с форматом **-нь**, а основной компонент — определение — остается перед определяемым именем существительным без изменения, например: **Равужонъ паро** Андямо, / Чопудань чиняс од цёра «Из черных лучший Андямо, / Из темнорусых молодой парень».

Для передачи высокой степени качества как в жанре поэзии, так и прозы используются также повторы имен существительных с участием имен прилагательных. Повторы этого типа имеют следующее строение: имя существительное с формантами **-нь + им** прилагательное в абсолютной форме + то же (основное) имя существительное (без форманта **-нь**), например:

Ваны сон — тейтерь чама лангс **тейтеренъ мазы тейтерь** «Смотрит он — девица на лицо из девиц красивейшая девица»; **Гулькань паро гулька**, мазы гулька «Из голубей лучший голубь, красивый голубь»; Сась Юртаенъ тятязо базаров, ветаясь **айгоронъ паро айгор** «Пришел отец Юртая на базар и привел с собою из лучших лучшего жеребца»; **Паксянъ паро** Мочань **пакся**. / **Паксянъ мазы** Мочань **пакся** «Из полей лучшее Мочанско поле, / Красота полей Мочанско поле». Перед основным компонентом только-что рассмотренных повторов в «Образцах...» может употребляться также определение,

но уже не как дополнительное средство усиления семантики этимологической фигуры, а в качестве самостоятельного признака, характерного данному имени существительному, например:

Чувтонь паро умарина,/ Чувтонь доброй умаръ чувто! «Из деревьев лучше яблоня,/ Из деревьев добротнее дерево яблоня!»; Кандынь тензэ **вашонь паро** кемъгавтво **вашо** «Принесла я ему двенадцать жеребят из лучших жеребят»; Вальгеэз турванзо песэ лоткас: икелензэ ашти **цёрань паро од цёра** «Голос ее замер на концах губ: перед нею стоит из молодцов лучший молодец».

Высокая эмоциональная нагрузка в народных песнях падает на поэтический прием «подхвата», когда одно или несколько слов предыдущей строки повторяется в начале следующей. См., например:

Вай, моря, моря, **Равужо моря!**/ Равужо моря, Чопуда моря!/ Морянть лангсо **суднат караблят;**/ **Суднат караблят,** ка-зённой стройбат./ Суднатнень лангсо **салдат вий ашти,**/ **Салдат вий ашти,** некрут вий ашти... «Ой, море, море, Черное море!»/ Черное море, Темное море!/> На море-то судны, корабли;/ Судны, корабли, казенные стройбы./ На суднах-то стоит солдатская сила,/ Солдатская сила стоит, рекрутская сила стоит...».

Как видно, начало почти каждой следующей строки в этой песне является повторением (по принципу подхвата) конечных слов предыдущей строки. Экспрессивной функцией в народном стихе наделена и так называемая «цепная повторность», которая в известной мере является стилистическим вариантом поэтического приема подхвата. См., например, в другой песне из «Образцов...»:

Покшини покш пакся./ Покш паксясо покш губор./ Губор прясо **гуж кудо.**/ Гуж кудосне покш вальма./ **Вальмасть** ало тейтер эй;/ Ашо кенде алонзо,/ Сырнень мукорь пильге аланзо;/ Конёв кот кедсэнзэ:/ Сэнь парсейстэ сэниди,/ Мишарасо якстерди... «Из больших большое поле./ В большом поле большой бугор./ На вершине бугра елевая изба./ В елевой избе большое окно./ Под окном девица;/ Белый войлок под ней,/ Золотой стульчик под ее ногами;/ В руках у нее лист бумаги:/ Синим шелком синит она,/ Мишурою красит она...»; или: Покшинь, покшинь, покш пакся!/> Покш пакся-сонть **лужомнэ.**/ Лужомнэсэнть эрькине,/ Эрькинесэнть сильднейне./ Сильдай прясонть **пизыне.**/ Пизынесь пешксе алнэде./

**Алтнэ** пешкесь **левкскеде.**/ **Левкстнэ** пешкесь оймеде... «Из больших большое, большое поле!/> На большом-то поле ложбинка./ На ложбинке-то озерцо./ В озерце-то кочечка./ На кочечке-то гнездышко./ Гнездышко-то полно яичек./ Яйца-то полны детенушками./ Детенушки-то полны жизнью...».

Поэтический повтор одного или нескольких слов в двух и более стихах в устной поэзии связан с общими требованиями эпической изобразительности и обычным стремлением медлить на предмете. Палиология, как называл этот поэтический прием в поэзии славянских народов Фр. Миклошич, основывается на том, что «народный певец несколько раз высказывает мысль или целый ряд мыслей; он не может быстро освободиться от занимающего его представления и при помоши повторения не только облегчает слушателю запоминание, но также усиливает впечатление»<sup>1</sup>.

Кроме того, в произведениях мордовской поэзии весьма характерно употребление сочетаний синонимов и синонимических групп. В лирических песнях синонимичными могут быть синтагмы, предложения и целые стихотворные строчки. Однако в «Образцах...» дословно повторяющиеся парные поэтические строки отличаются друг от друга употреблением прежде всего одиночных синонимов типа:

Вай тейтересь **паро** Кемаль,/ Тейтересь **вадря** Кемаль «Ой, девица-то Кемаль добра,/ Девица-то Кемаль хороша»; **Кулан,** тетякай!/ **Ёман,** тетякай! «**Умру,** тятенька!/> **Погибу,** тятенька!» Ускик васень тон **тякат,**/ Ускик васень тон **какат** «Привези ты своего первенца дитя,/ Привези ты свое первое дитя»; Ламо сия **якицят,**/ Ламо сия **ютыцят** «Много тем местом ходящих,/ Много тем местом проходящих»; Покш патязо **неизе,**/ Покш патязо **редизе** «Увидела ее старшая золовка,/ Заметила ее старшая золовка».

Много синонимических строк в мордовской устной поэзии образуется путем широкого использования парных слов и удвоенных наречий-изобразительных слов. В обиходно-разговорной речи компоненты этих разрядов слов обычно находятся в тесном соединении, т. е. рядом друг с другом, например: **сельметь-чамат** «облик», **лицо**, **штереть-пакарь** «орудия для пряжи», **понкст-панарт** «белье», **карть-пракстат** «лапти и портняки», **лейть-латк** «неровное место», букв.

<sup>1</sup> Фр. М и к л о ш и ч. Изобразительные средства славянского эпоса. — Древности // Труды славянской комиссии МАО. — М., 1895. — Т. I. — С. 207.

«овраги-ямы», **якамс-пакамс** «похаживать», **шлямс-нардамс** «умываться», **читордомс-чатордомс** «трещать», **гулдордомс-галдордомс** «тереться (соприкасаясь, тереть друг друга при движении)» и т. д. В сказках, тексты которых в «Образцах...» полнее представляют разговорную (в том числе и диалогическую) речь, компоненты парных и наречийно-изобразительных слов также имеют контактное расположение в непосредственной близости друг от друга, например:

Тусь ялго марто мастер ланга **якамо-пакамо** «Пошел он пешком странствовать»; **Тейтернеть-щёринеть, патят-ялакст,** тусь вирев пештень кочкамо «Девочка с мальчиком, брат с сестрой, пошли в лес орехи брать»; Вана **эрясь-айшь** вейке ломань **атят-бабат** «Вот жил-был один старик со старухой»; Кармась сейреме: — Ривезь, а ривезь! Айдо миненек **симеме-ярсамо** «Стал кричать: — Лиса, а лиса! Пойдемте к нам пить, есть»; Ривезь мерсы: — Вана **шлятанок-нардатанок** «Лиса сказала: — Вот умоемся, вытремся», Весть... **атят-бабат** **пурнасть-сэрнясть** да васов госькс тусь «Однажды... муж с женой собрались, срядились и поехали далеко в гости»; Шабрас лиси, **штерензэ-пакарензэ** а кадны; **понкст-панарт** човси, чапакс ичи... — **штерезэнзэ-пакарезэнзэ** яла каполи «К соседям выйдет, гребень и веретено не оставляет; белье стирает, квашню месит... — за гребень и веретено постоянно хватается»; Сынь чокшне вейсэ **штердемстэст** и **пейдить-шутить**, и **киштить-морыть** «Они вечером во время прядения вместе и смеются-шутят, и пляшут-поют»; **Польдерь-польдерь!** мерсть лялянзо сельдедест «Градом покатились слезы у ее братьев»; Ривезь икелев валтызь валтымо кармась, пулоз' ансяк эрьва енов юв, юв! ювны «Лиса вперед улепетывая улепетывать стала, только хвост ее на все стороны так и раззвевается».

В текстах песен также имеет место слитное употребление указанных групп слов, например:

Суя ведсэнть **симить-ярцыть**,/ Равонь ведсэнть **мускить-чобить**... «Из реки Свияги они пьют, едят,/ В Волге реке полоскают, стирают...»; **Лиси-сови** одирьва ортава.../ Ки неизе **лиси-сови** ортава? «Выходит, входит молодушка взад вперед в ворота.../ Кто увидал ее входящею, выходящею из ворот?»; Пиже **дугам-сазором!**/ Косо монь дирень авкам? «Милая девушка моя, сестрица! Где моя родимая матушка?»; **Яки-паки** кардагза сазорозо «Ходит, похаживает сестра ее по двору. Косо, косо Иваш **эри-ашти?**/ **Эри-ашти** Сурай велесэ «Где, где живет, поживает Ивашка?/ Живет, поживает он в деревне Су-

рае»; Маштыть, маштыть, авкай, **трямом-ваномом**,/ Ансяк эзить машт **саймем-максом!** «Умела, умела ты меня, матушка, растить, беречь./ Только не сумела ты меня замуж выдать».

Вместе с тем в рамках поэтических строк компоненты парных и наречийно-изобразительных слов могут располагаться дистантично, например:

Чокшне позда сон алашат **анды**, алашат **симди**;/ Пелевешкане туи **саламо**, туи **коламо** «Поздно вечером он лошадей кормит, поит;/ Во полуночи уезжает воровать, уезжает губить»; Тонсь **лыткасат**, Комлянь ава, **латкасат** «Сама в лохмотьях, Хмелиная матушка, в обносках».

В «Образцах...» еще больше примеров, в которых компоненты парных и наречийно-изобразительных слов употребляются в разных строках стихотворных пар. Этот прием является важным художественным средством соединения двух поэтических строк в единое ритмическое целое. См., например:

Рав ланга **яки** Равонь од ѿёра,/ Покш ланга **паки** Равонь од аля «По Волге плавает молодой волгарь,/ По большой катается волгарь-молодец»; Мейс **авардят**, салдатка Матря?/ Мейс **сюмордят**, дова Матрюша? «Зачем плачешь, солдатка Матря?/ Зачем сокрушаешься, вдова Матренушка?»; Кода ней, полай, **сюдуган**,/ Кода вастай, **эрдикстнитян**? «Как теперь прокляну тебя, муженек,/ Как, супруг, прокляну тебя?»; Мезе тонеть эрьви?/ Эль эрьви **улесэ**,/ Эль эрьви **паросо**? «Что нужно тебе?/ Или нужно имуществом,/ Или нужно добром (платить)?».

В устной поэзии часто употребляются сочетания двух или полностью совпадающих, или очень близких по значению синонимов. Стилистическая функция таких синонимических групп прежде всего ритмико-мелодическая. С помощью дублетных синонимов в поэтической речи осуществляется объединение стихотворных строк в единое ритмическое и синтаксическое целое. Основанием для такого объединения является совпадение значения синонимов. Не менее важной стороной парных синонимических сочетаний в произведениях устной поэзии является и уточнение значения. Однако такое уточнение как элемент усиления, т. е. подчеркивания языкового выражения посредством введения дополнительной лексической единицы, — художественно-изобразительное, поскольку касается одновременно обоих слов-синонимов, взаимно ограничивающих друг друга и уточняющих, усиливающих, выделяющих только одно, общее им обоим значение. См., например:

Усик саень тон **полат**,/ Усик саень тон **вастат**! «Привези ты свою законную жену,/ Привези ты свою законную супругу!»; Васень **тякась синдсамам**,/ Васень **какась мендсамам** ... «Первое-то дитя сломит меня,/ Первое-то дитя согнет меня!..; **Кулома яки мельганзо**,/ **Ёмамо яки мельганзо** «За ним ходит смерть,/ За ним ездит гибель»; Покш патязо **неизе**,/ Покш патязо **редизе** «Увидала ее старшая золовка,/ Заметила ее старшая золовка».

В качестве художественно-изобразительного средства в устной поэзии, кроме одиночных синонимических пар, употребляются и перифрастические (описательные) сочетания типа: Максымак, тирень тетякай, **пастухнэнъ**,/ **Кувака локшо кантниненъ** «Отдай меня, родимый батюшка, за пастуха,/ Но-сителю длинного кнута».

Как художественный прием синонимия получает высокую экспрессивную нагрузку и в тех случаях, когда для уточнения и усиления слова, несущего на себе фразовое ударение и вследствие этого стоящего в центре поэтической строки или даже строфы, не находится искомого лексического средства. В поисках синонима-дублета певец или сказитель вынужден бывает прибегать к использованию заимствованных элементов мордовской лексики. Формы использования лексических синонимов, заимствованных, в частности, из русского языка, в «Образцах...» отличаются довольно большим разнообразием и богатством. При этом важно отметить, что употребление тех или иных заимствованных синонимических сегментов художественной речи часто бывает связано с ритмико-стиховой структурой поэтического произведения. В «Образцах...» имеют место следующие формы использования заимствованных из русского языка синонимических средств:

1) Русское заимствование включается в состав вновь со-зданного парного слова с тождественным значением обоих его компонентов, например:

Кода **ильтизы**, **провудизь** Виртявань,/ Тятязо прась коник ланкс «Когда проводили Виртяву,/ Отец ее упал на коник»; Равужо лёмзёрт сельмензэ,/ Лёмзёронь цицёйт **сельме очанза** «Глаза его черная черемуха,/ Ресницы (букв. глаза, глаза) его кисти черемухи»; Утю, балю, башкир лявкс!/ **Ище таго** мерян: ногай лявкс! «Утю, балю, башкиренок!/> Еще скажу: ногаенок!»; Шачмодо удалась Клема:/ Иште удалась **шачо лицядо** «Удался Клема рожденьем:/ Еще удался он лицом (букв. обликом-лицом)» и т. д.

В приведенных примерах синонимы-руссизмы имеют контактное соположение. Но в отдельных поэтических строках компоненты мордовско-русских или русско-мордовских синонимических дублетов имеют и дистантное расположение, например: Човат **калонзо**, мелкойть **рибанзо** «Тонкие рыбицы его, мелкие рыбицы его».

2) В «Образцах...» более характерны русские лексические дублеты в составе синонимических стихотворных пар. Путем употребления членов таких синонимических рядов в разных строках достигается звуковая экспрессия устно-поэтической речи, например:

Городось паро, Симбирь **городось**,/ **Ошось** вадря, Симбирь ошось! «Хорош город-то, Симбирск город-то, / Добр город-то, Симбирск город-то»; — Кильдик, полай, паро ракшат, / Кильдик, вастай, паро **конеть** «Впряги, муженек, своего хорошего коня, / Впряги, супруг, своего хорошего коня». Куломань ормасо **среди**, / **Ёмамонь ормасо а здоров** «Она смертельной болезнью хворает,/ Она гибельной болезнью не здорова»; Апарт кулят марявить, /Апарт **слават**, ох авакай, марявить! «Не добрые вести слышатся! /Ах, маменька, недобрые молвы слышатся!» и т. п.

3) Некоторым поэтическим строкам в «Образцах...» свойственна разнопредметная (идеографическая) синонимика, состоящая из одних лишь русских заимствований, например:

Пиже луганть лангсо **казённой** кудо, **приёмной** кудо «На зеленом-то лугу казенная изба, приемная изба»; Те мезень чудась, тамашась?/ Те мезень **чудась, причинась**? «Что это за чудо, за диковина, / Что это за чудо, за причина».

Употребление идеографических синонимов в «Образцах...» в целом более характерно двустишиям. См., например:

Старшой **салдат** неизе,/ Старшой **некрут** редизе «Старший солдат увидел его,/ Старший рекрут приметил его»; Поланзо марто **не совет**,/ Вастанзо марто **не соглас** «С мужем своим в несовете,/ С супругом своим в несогласье»; Вельть пек **скушна** од цёранть сайнизе,/ Вельть пек **тошна** од алянь мукшнызе «Молодого парня очень одолевала скука,/ На молодого парня очень грусть находила»; Кустима песэнзэ **часовать**,/ Вальма алонзо **каравулт**... «У его крыльца часовые,/ Под его окном караул...»; Истямо **чуда** эзинь ней,/ Истямо **прича** эзинь ней «Такого чуда не видывал,/ Такой притчи не видывал» и пр.

Таким образом, для передачи нюансов эмфатической речи в «Образцах...» были использованы богатые выразительные возможности и средства эрзянского языка.

Произведения эрзянского устно-поэтического творчества для включения в «Образцы...» собирал учитель начальной мордовской школы при Казанской учительской семинарии А.Ф. Юртов. Об этом мы узнаем из примечания в конце 2-го выпуска «Образцов...»: «III, IV, VI, VIII — XI сказки написаны учениками начальной мордовской школы при Казанской учительской семинарии, уроженцами Симбирской губернии Буинского уезда села Атяшкина; XXVIII сказка и следующая за ней под № XXIX мольба при начатии посева написаны окончившим курс воспитанником вышеозначенной семинарии, уроженцем того же села Атяшкина, а теперь учителем Федором Стрелковым. А все остальные сказки и загадки написаны учителем вышеозначенной школы при семинарии, уроженцем деревни Калейкиной Акташской волости Мензелинского уезда Уфимской губернии Авксентием Юртовым»<sup>1</sup>.

Графика и орфография эрзянских текстов в «Образцах...» не отличаются сколько-нибудь существенно от особенностей правописания других эрзянских текстов, изданных А.Ф. Юртовым (см. следующий раздел об учебных пособиях).

Из других дореволюционных изданий произведений устного творчества мордовского народа выделяется своей исключительной полнотой «Мордовский этнографический сборник» А.А. Шахматова<sup>2</sup>. В этот печатный источник вошли десятки произведений эрзянского устного творчества разных жанров — исторических песен, свадебных притчаний, сказок, загадок, пословиц, поговорок, бытовых рассказов и преданий и т. д., и т. п. Поэтому выразительные средства эрзянского языка в указанном сборнике воспроизведены в еще более полном виде, чем в «Образцах мордовской народной словесности». Сам факт неоднократного уже переиздания отдельных сюжетов и разделов из «Образцов...» и «Мордовского этнографического сборника» подчеркивает несомненное их значение для развития определенных жанров современной мордовской литературы и стилей мордовских литературных языков.

<sup>1</sup> «Образцы мордовской народной словесности». — Вып. 2. — С. 308.

<sup>2</sup> А. А. Шахматов. Мордовский этнографический сборник. В приложении: Описание села Оркина Саратовского уезда А.Н. Минха. — СПб., 1910.

## УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ НА ЭРЗЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Относительно нерусского населения России до XVIII в. известен единственный достоверный случай использования родного языка «в деле просвещения язычников христианской верой». Мы имеем в виду деятельность Стефана Пермского среди коми-зырян в XIV в. Как известно, Стефан создал зырянскую азбуку, чтобы на ее основе составлять коми-зырянские переводы богослужебных книг. После обращения части зырян в православие при ахиепископской кафедре Стефан устроил для них училище и «всем их новокрещенным мужем и юношам, и отроком младым, и малым детищем заповеда учили грамоту»<sup>1</sup>.

К 1707 — 1709 годам относится первое историческое свидетельство о школе собственно для детей нерусского населения Казанской епархии. В указанные годы в Казани обучалось более тридцати мальчиков, отобранных у родителей. В 1709 г. эта школа была закрыта «для того, что оные, новокрещенные дети, будучи в Казани без отцов и матерей своих, зачали помирать, а другие заболели»<sup>2</sup>.

В 1722 г. по настоянию митрополита Тихона в Казани вновь была открыта школа, куда собирали около пятнадцати мальчиков. В 1724 г. при архиерейском доме в Казани обучалось грамоте тринадцать детей татар и марийцев. Новокрещенскую школу в Зилантовом монастыре под Казанью в 1733 г. посетили путешественники И.Г. Гмелин и Г.Ф. Миллер. Кроме русских учеников, они увидели здесь представителей пяти местных народностей — татар, чувашей, калмыков, мари и мордвы. По словам Гмелина, «при хорошем руководстве из них могло бы выйти нечто превосходное... Из мальчиков надеялись сделать проповедников христианства среди их соплеменников. С этой целью... им велено было все время говорить на их родных наречиях»<sup>3</sup>.

По указу имп. Анны Ивановны от 11 сентября 1740 г. в Казанской епархии «для обучения иноверческих детей» были учреждены четыре школы, в которых требовалось «обучать оных новокрещенных детей русской грамоте по алфавиту и

<sup>1</sup> См.: К.В. Харлампович. Казанские новокрещенские школы (К истории христианизации инородцев Казанской епархии в XVII в.). — Изв. ОАИЭ. — Казань, 1905. — Т. 21. — Вып. 1. — С. 2.

<sup>2</sup> Там же. — С. 6.

<sup>3</sup> Там же. — С. 12.

слогам букваря с десятословием... однако ж при том за ними смотреть, чтобы и своих природных языков не позабыли»<sup>1</sup>.

В 1782 г. Екатерина II утвердила комиссию об учреждении народных училищ. В состав этой комиссии был вызван из Австрии директор Темешварских училищ Янкович де Мириево, который имел богатый опыт в организации учебной части у себя на родине. На Янковича была возложена обязанность устроить учебную часть народных училищ. Он же написал ряд учебников. Заново им были составлены сокращенные варианты катехизиса для школьного обучения. Переводы на эрзя-мордовский язык сокращенного катехизиса (изд. 1804 г.) и краткого катехизиса (изд. 1808 г.), по-видимому, были осуществлены по текстам Янковича де Мириево<sup>2</sup>.

В 1-й половине XIX в. царское правительство продолжало изыскивать те или иные меры по образованию нерусских народностей. Однако мероприятия, предпринимавшиеся отдельными административными ведомствами, не достигали цели «главным образом потому, что не были еще выработаны основы для русско-инородческой школы»<sup>3</sup>. Еще в конце 60-х годов XIX в. главнейшей целью такой школы считалось «усвоение детьми русского языка, как языка науки и православной церкви»<sup>4</sup>.

Противники обучения на родном языке боялись пробуждения таким способом «племенного самолюбия и уважения к собственному языку»<sup>5</sup> «Утвердите язык письменностью, — восклицали они, — дайте ему некоторую литературную обработку, изложите его грамматические правила, введите его в школу и в церковь, — и вы тем самым утвердите и разовьете соответственную народность, и доселе безразличную в отношении к языку массу... вы обратите в племя, которое будет дорожить своими особенностями и будет сознательно наставлять на своем обособлении»<sup>6</sup>. Поэтому, по мысли ревнителей

<sup>1</sup> См.: К. В. Х а р л а м п о в и ч. Казанские новокрещенские школы (К истории христианизации инородцев Казанской епархии в XVIII в.). — Изв. ОАИЭ. — Казань, 1905. — Т. 21. — Вып. 1. — С. 22.

<sup>2</sup> См.: Н. И. Ильминский. Опыты переведения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия. — Казань, 1883. — С. 350.

<sup>3</sup> См.: Труды особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. — Изд. МНП / Под ред. А.С. Будиловича. — СПб., 1905. — С. 1.

<sup>4</sup> См.: Сборник документов и статей по вопросам образования инородцев. СПб., 1869. — С. 20.

<sup>5</sup> Там же. — С. 16.

<sup>6</sup> Там же.

руссификаторской политики, «инородческие дети должны обучаться только русской грамоте..., а не какой-либо инородческой грамоте, которой обучаться не для чего, потому что она не существует, а должна быть только еще создана *ad hoc*, вместе с соответствующей литературой... Желательно ли, чтобы питомцы... инородческих училищ принялись потом за литературную обработку своих наречий и употребляли их не только в разговоре, но и в переписке между собою, или чтоб смотрели на свои наречия как на нечто равное русскому языку? Но это были бы весьма печальные результаты, и, конечно, не для их достижения правительство обратило в последнее время особенное внимание на образование подвластных ему инородцев»<sup>1</sup>.

Н.И. Ильминский все же «победил закоренелый предрасудок об опасности допущения в школы инородческих языков, добился признания необходимости иметь духовенство из инородцев, ввел книгу на инородческом языке в начальную школу»<sup>2</sup>. Родной язык в рамках системы Н.И. Ильминского считался основой воспитания и вместе с тем орудием для изучения языка русского. Официально система Ильминского была признана постановлением совета министра народного просвещения от 2 февраля 1870 г. В этом постановлении подчеркнуто, что орудием первоначального обучения «для каждого племени должно быть народное наречие его; учителя инородческих школ должны быть из среды соответствующего племени инородцев, и притом хорошо знающие русский язык, или же русские, владеющие соответственным инородческим наречием...»<sup>3</sup>.

В 1867 г. в Казани было открыто братство св. Гурия, которое должно было «сделать инородцев христианами не по имени только, но и по духу... очистить их ум от магометанства и язычества»<sup>4</sup>. Основы деятельности братства среди «инородцев» были изложены попечителем Казанского учебного округа П.Д. Шестаковым: «Первоначальное образование и духовное просвещение инородцев должно идти на их родном языке до тех пор, как они не усвоят русского языка на столько, чтобы

<sup>1</sup> См.: Сборник документов и статей по вопросам об образовании инородцев. — СПб., 1869. — С. 51.

<sup>2</sup> См.: Труды особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. Изд. МНП / Под ред. А.С. Будиловича. — СПб., 1905. — С. 12.

<sup>3</sup> М. М а ш а н о в. Обзор деятельности братства св. Гурия за 25 лет его существования. 1867 — 1892. — Казань, 1892. — С. 59.

<sup>4</sup> Там же. — С. 4.

с успехом учиться в русских школах... но и изучение ими русского языка может идти успешно все же только при помощи родного их языка»<sup>1</sup>. Братство приступило к изданию на местных языках вероучительных книг. По мнению П.Д. Шестакова, издание переводов на языки народов Поволжья должно осуществляться «не иначе, как русским алфавитом»<sup>2</sup>.

В ноябре 1876 г. при братстве св. Гурия была утверждена переводческая комиссия с постоянным составом членов. В основу деятельности этой комиссии легли положения, выдвинутые в записке ее председателя Н.И. Ильминского. Во-первых, в силу «поразительного» сходства языков «восточной половины России и Сибири» переводы «могут быть сведены к одной системе: с одного из этих языков можно почти буквально переводить на другие». Во-вторых, «в переводах священных и богослужебных книг самое трудное дело — уразумение славянских текстов и... воспроизведение их на инородческих языках. Первая часть работы требует основательного богословского образования и знакомства с языком греческим и еврейским; вторая часть, по причине большой разницы построения речи церковнославянской и инородческой, требует значительной переработки периодов и выражений так, чтобы и смысл подлинника былдержан и изложение было ясно и удобопонятно. Но если эта трудная работа для одного из каких-либо инородческих языков исполнена, то есть данная статья с церковнославянского языка переведена на один какой бы то ни было из инородческих языков, то при переводе на всякий другой инородческий язык можно ограничиться буквальным переложением. Такой ход дела, значительно сокращающий и облегчающий трудность переводов на разные... языки... даст единство в понимании и направлении переводов для инородцев, что особенно важно для инородцев между собою соседствующих». И, в третьих, «окончательная отделка переводов, так чтобы они были складны по языку, ясны и понятны... непременно должна производиться при помощи природных инородцев, потому что русскому человеку... невозможно узнать всех тонкостей и оттенков, всей психологической глубины чужого языка». Но «и инородцы должны пройти довольно продолжительный курс упражнений в

<sup>1</sup> М. Машанов. Обзор деятельности братства св. Гурия за 25 лет его существования. 1867—1892. — Казань, 1892. — С. 25.

<sup>2</sup> Там же. — С. 26.

переводах, чтобы не увлекаться на сторону русских или славянских оборотов»<sup>1</sup>.

В первые пятнадцать лет своей деятельности переводческая комиссия издала целую библиотеку книг на двадцати языках — татарском, чувашском, марийском, удмуртском, киргизском, башкирском, калмыцком, коми-пермяцком, алтайском, бурятском, хантыйском, чукотском, мордовских и некоторых других.

Таким образом, издание учебных пособий на перечисленных языках было непосредственно связано с деятельностью переводческой комиссии при братстве св. Гурия в Казани. А сами учебники представляли собой в абсолютном большинстве случаев перевод на тот или иной язык русских учебных пособий или же татарских изданий Н.И. Ильминского на другие «инородческие» языки.

Особое значение придавалось татарским переводам. Составлением книг на живом татарском языке еще в 60-е годы XIX в. много занимался Н.И. Ильминский, который всячески поощрял направленные к той же цели усилия чувашских деятелей и переводчиков Н.И. Золотницкого, И.Я. Яковleva и некоторых других. Хронология миссионерских изданий на языках нерусских народностей России началась в 1862 г., когда Н.И. Ильминский напечатал русскими буквами Букварь на татарском языке.

Вторым по важности считались чувашские издания. До 1877 г. чувашские книги печатались МНП и И.Я. Яковлевым. Первые чувашские переводы составлялись и печатались в Казани, но постепенно это перешло в Симбирск, где оно велось при чувашской учительской школе инспектором чувашских школ Казанского учебного округа И.Я. Яковлевым. На основе алфавита, созданного И.Я. Яковлевым на чувашском языке до 1917 г. было издано 678 книг, в том числе 448 книг религиозного содержания и 230 книг светского содержания<sup>2</sup>.

До образования переводческой комиссии на марийском языке было издано лишь несколько переводных текстов, в том числе сокращенный катехизис (1804 и 1808), новый завет

<sup>1</sup> См.: А. Никольский. Переводческая комиссия православного миссионерского общества при братстве св. Гурия в Казани. Очерк из истории православной миссии среди инородцев России во 2-й половине XIX столетия. — М., 1901. — С. 16.

<sup>2</sup> См.: 100 лет новой чувашской письменности: Сб. статей. — Чебоксары, 1972. — С. 6.

на горно-мариjsком языке (1821) и некоторые др. Издание мариjsких переводов несколько оживилось в 60-е годы XIX в. За 10 лет до учреждения переводческой комиссии было издано на горно-мариjsком языке три названия, на лугово-мариjsком — пять. С 1875 по 1892 год было издано переводческой комиссией 13 марийских книг. До Великой Октябрьской социалистической революции на марийском языке всего вышло более 250 названий книг<sup>1</sup>.

Работу переводческой комиссии по удмуртскому языку в первое время задерживало отсутствие в Казанской учительской семинарии учащихся из удмуртов. Еще до открытия комиссии Н.И. Ильминский напечатал на удмуртском языке три книги. Переводческими комиссиями при братстве св. Гурия и при управлении Казанского учебного округа в 1874 — 1912 годах на удмуртском языке было издано более ста книжек, причем 42,3% их — светского содержания<sup>2</sup>.

Переводы на хантыйский язык осуществлял Н.П. Григоровский. Из Нарымского края Н.П. Григоровский приехал в Казань и в учительской семинарии по заданию Н.И. Ильминского подготовил вместе с одним хантыйцем несколько переводов: «Азбука сиоссогой гулани», «Священная история ветхого и нового завета», «Объяснение праздников св. церкви» и др.

До образования переводческой комиссии на мордовских языках в XIX в. также было издано несколько названий книг, в том числе: «Сокр. кат. 1804 э», «Крат. кат. 1808 э» (3-е изд. — 1853 г.), «Ев. 1821 э», «Охотин 1820 э», «Тявть 1827 э», «Четвероев. 1821 э», «Крат. кат. 1861 м» и некоторые другие.

В 1879 г. переводческая комиссия взяла на себя издание книги «Тюменев 1879 м». Однако в первое время существования этой комиссии «на мордовские переводы сравнительно мало обращалось внимания... главнейше потому, что мордва, вследствие коренного различия языков мордовского и татарского, мало подвергалась магометанскому влиянию; кроме того, мордва считалась вообще обрусленою. Лишь в последнее время, когда обращено особенное внимание на религиозное

<sup>1</sup> См.: И. Г. Иванов. История марийского литературного языка. — Йошкар-Ола, 1975. — С. 248 — 254.

<sup>2</sup> См.: Н. В. Никольский. Статистические сведения о вотяках за 1911 год с указателем литературы о них и изданий на вотском языке. — Казань, 1912. — С. 77 — 80. В. М. Бахрушев. К вопросу о формировании и развитии удмуртского литературного языка // Вопросы удмуртского языкоznания. — Ижевск, 1975. — Вып. 3. — С. 42 — 55.

развитие народа, выяснилась необходимость, для скорейшего отвлечения мордвы от языческих суеверий, издания вероучительных книг на мордовском языке, так как оказалось, что весьма значительная часть мордвы совершенно не знает русского языка и вследствие этого вовсе не поступает в школы»<sup>1</sup>.

Большинство мордовского населения Казанского учебного округа принадлежало к эрзе, поэтому и переводы составлялись прежде всего на эрзя-мордовский язык. Переводческая комиссия издала на этом языке не менее двух десятков книг, в том числе: «Ев. 1882 э», «Ев. 1890 э», «Чин 1884 э», «История 1880 э» (2-е изд. — 1883), «Покш 1881 э», «Крещ. 1888 э», «Мол. 1890 э», «Букварь 1884 э», «Букварь 1892 э» (2-е изд. — 1894), «Учеб. рус. яз. 1892 э» (2-е изд. — 1897), «Ев. 1910 э», «Рассказ 1894 э», «Образцы 1882 — 1883» и др. Имеется указание, что на мордовских языках были также подготовлены к изданию следующие книги: «Наставление землемельцу», «Святые, бывшие врачами и ремесленниками», «Избранные жития святых с января по май», «Святой благоверный князь Александр Невский», «Преподобная Феодора», «Молитвенник», «Конспект уроков по закону божию в мордовской начальной школе», «Требник» (ч. I), «Последование во святую пасху», «Молитвослов», «Русско-эрзянский словарь» и пр.<sup>2</sup> Все эти названия, однако, не нашли какого-либо отражения в каталогах крупнейших библиотек (в том числе и ГБЛ и ГПБ), поэтому de visu нам еще не довелось посмотреть ни одну из этих книг.

Первое издание переводческой комиссии в Казани на мокша-мордовском языке появилось в 1879 г. Это был текст перевода А.И. Тюменевым евангелия от Матфея (см. прилож. III Б, 4). Следующие издания на мокшанском языке появились лишь в 1891 — 1892 гг. Поводом к изданию мокшанских книг послужило письмо попечителя Харьковского учебного округа к попечителю Казанского округа о неудовлетворительной постановке обучения мордвы-мокши в школах Харьковского учебного округа. Вместе с тем харьковский попечитель просил казанского, как имеющего в своем округе нерусские учебные заведения, указать способы улучшения учебной части в мокшанских школах. Письмо это было передано Н.И. Ильминскому,

<sup>1</sup> А. Никольский. Переводческая комиссия православного миссионерского общества при братстве св. Гурия в Казани... — М., 1901. — С. 36.

<sup>2</sup> См.: Г. Ульянов. Об условиях просвещения мордвы до Октябрьской революции // Просвещение национальностей. — М., 1933. — № 4. — С. 53 — 57.

который и составил проект соответствующих мероприятий, основанных на опыте школ Казанского учебного округа (см. прилож. II, 11). Для составления переводов на мокшанский язык в Пензенскую губернию был командирован учитель мордовской школы при Казанской учительской семинарии М.Е. Евсевьев. С помощью Н. Барсова (с. Старое Пшениево Инсарского уезда) и М. Беляева (с. Рыбкино Красносльбодского уезда) М.Е. Евсевьев издал на мокшанском языке: «Крещ. 1891 м», «Ев. 1891 м», «Мол. 1891 м», «Букварь 1892 м» (2-е изд. — 1897), «Учеб. рус. яз. 1892 м» (2-е изд. — 1898) и некоторые другие книги.

Итак, издание учебных пособий на мордовских, как и на других языках народов Поволжья и Сибири было сосредоточено в переводческой комиссии при братстве св. Гурия в Казани. А сами учебники в абсолютном большинстве случаев представляли собой перевод русских пособий или же татарских изданий Н.И. Ильминского на другие «инородческие» языки. Наряду с этой комиссией, преследовавшей миссионерские цели и поэтому публиковавшей книги преимущественно религиозно-нравственного и назидательного содержания, при управлении Казанского учебного округа в 1-м десятилетии XX в. функционировала под руководством известного тюрколога Н.Ф. Катанова другая переводческая комиссия, которая занималась изданием только светской литературы и учебных книг только светского содержания. Среди изданий этой комиссии выделяются книги для чтения после буквarya, арифметические задачники, методические сборники и особенно календари на многих из перечисленных выше языков. Однако у нас нет никаких данных для утверждения, что и на мордовских языках через комиссию учебного округа была издана хотя бы одна книжка.

«Букварь 1884 э»

Первый эрзянский букварь был подготовлен к изданию А.Ф. Юртовым при содействии Н.И. Ильминского<sup>1</sup>.

Основной текст этого учебного пособия открывается с заголовка «Букварь для обучения мордовских детей грамоте». В первых параграфах книжки приведены группы слов для графического изображения на основе русской азбуки эрзя-мордовских фонем, вариантов фонем и их типичных последовательностей. Эрзянский материал расположен под соответствующими буквами русского алфавита в следующем порядке:

<sup>1</sup> См.: Букварь для мордвы-эрзи с присоединением молитв и русской азбуки. Издание православного миссионерского общества. — Казань, 1884. — 103 с.

а, л, к, о, с, р, т, у, н, ы, п, ш, м, д, в, з, ч, г, б, ж, ф, Ѹ, э, ь, и, я, е, ё, ю, й, ц, ъ, і, х.

Как видно, среди приведенных графем нет щ, «ижицы» (v) и ъ. Причина понятная. Во-первых, [щ] русских заимствований в эрзянском языке обычно заменяется путем фонетической субSTITУции сочетанием [št'], например: **шепка** > št'epka, **щи** > št'i, еще > oš't'o, eš't'o и т. д. В некоторых эрзянских диалектах, как и в мокша-мордовском языке, имеется звукосочетание (šč): aščems «быть, находиться», pešče «орех» и т. п. Однако в говоре, положенном в основу букваря А.Ф. Юртова, в указанной позиции выступает лишь št' например: **киши** kišt'i «пляшет», **птицэ** pšt'iste «остро», **ашти** ašt'i «стоит» и пр. Во-вторых, «ижица» (v) — принадлежность церковнославянской и старорусской азбуки — заменена, как и в русском языке, буквой и. В-третьих, ъ употребляется на конце эрзянских слов после всех твердых согласных, например: **монъ** mon «я», **ракшать** rakšat «кони», **кулсономъ** kulsonoms «слушать», **масторъ** mastor «земля» и др.

Употребление ъ ограничено пределами лишь русских заимствований, например: тъланзо *t'elanzo* «его тело», надъйти *nad'eit'* «надеются».

Принципы употребления і десятеричного в эрзянских сло-вах не отличаются от его употребления в русском языке. Например **сія** s'ia «серебро», **ліять** l'ijat «другие», **міеме** mijeme «продать», **чійнеме** čijn'eme «бегать», **вій** vij «сила», **віеть** vijet' «твоя сила» и т. д.

«Фита» употребляется в заимствованных личных именах типа *Фома* и пр.

В связи с рассмотрением особенностей графики следует отметить важную попытку А.Ф. Юртова провести дифференцированное обозначение на письме парных палатализованных-непалатализованных согласных эрзянского языка путем использования Ь, а в конце слов также ь и ъ. См., например:

(n) — (n'): **монъ** ton «я» — **монъ** ton' «меня; мой», **тонъ** ton «ты» — **тонъ** ton' «тебя; твой»;

(I) — (I'): **каль** kal «рыба» — **каль** kal' «ива», **кальс** kals «за рыбой» — **кальсъ** kal's «за ивой»;

(г) — (г'): **карксы** karks «пояс» — **каръксы** kar'ks «обора», **парь** par «пар» — **паръ** par' «kadka»;

(s) — (s'): **кудось** kudos «в дом» — **кудось** kudos' «этот дом» и др. Обозначение либо твердого, либо мягкого согласного, в соответствии с слоговым принципом русской графики,

осуществляется в букваре также последующей гласной буквой. Например: **лялямъ** l'a1'am «мой дядя», се улезэ s'e ul'ezę «пусть будет тот», чамазо čamazo «его лицо», **лёмзёртъ** l'omz'ort «черемухи» и т. д.

В эрзянский букварь А.Ф. Юртов ввел небуквенное графическое средство — знак апострофа (') для обозначения элизии конечного гласного слова на стыке с начальным гласным следующего слова, а также деэтимологизации согласных двух морфем в указанной же позиции. Например: **вальм'ало** < val'ma alo «под окном», **панд'ало** < pando alo «под горой», **столангсъ** < stol(~ -l') laŋks «на стол», эл'арасъ < el'i aras 'или нет?», **мине'какъ** < min'ek-ak (~ -gak, -jak) «и нас», **оймене'какъ** оjmen'ek-ak (~ gak, jak) «и наши души» **тълано'какъ** < t'elanok-ak (~-gak, -jak) «и телеса наши» и т. д. Ср. **Яковонокъ** jakovonok «и наш Яков». Употребление апострофа в слове **та'кода** takoda «как-то, как-либо» представляется неуместным (ср. правильно написанное однокоренное **такосто** takosto «откуда-то»).

Апостроф с указанными звуковыми значениями А.Ф. Юртов начал вводить в эрзянские издания не ранее 1883 г. См.: например: **пилы'alonzo** pil'ge alonzo «под ним», **пецък'** удало pec'ka udalo «за печкой» («Образцы 1883 э»); **корзинкатн'эйсэ** kor'z'iŋkat'n'e ejse «в тех корзинах», **иетн'эистэ** ijet'n'e ejste «из годов», тос'эрица toso er'ic'a «там живущий» («История 1883 э»). Ср. написание только что приведенных словоформ в 1-м издании «Истории 1880 э»: **корзинкатне эйсэ, иетне эйсэ, тосо эрица**). И в других эрзянских книгах, изданных А.Ф. Юртовым ранее 1883 г. (например: «Покш 1881 э», «Ев. 1882 э», «Образцы 1882 э»), апостроф еще не служил графическим средством передачи тех или иных звуковых значений.

Важной особенностью орфографии «Букваря 1884 э» является унификация правописания целой группы слов и словоформ типа: **марто** «с...» (ср. в изданиях 1880 — 1883 гг.: **марто/марто** «тж»), **кудонть** «этот дом» (ср. в изданиях 1880 — 1883 гг. вариантное написание **кудонть/кудость** «тж») и т. д. Наличие в рассматриваемом источнике единых орфографических норм особенно убедительно подтверждают графические разночтения, которые имеют место в тексте двух песен, перепечатанных в букваре из «Образцов 1882 э» в качестве материала для чтения в послебукварный период. Ср.:

*В «Образцах 1882 э»*

(стр. 36 — 37 и 158 — 161)  
столбастнэ «в столб» колицясне «к кольцу» столбасть «этот столб» столбасте «к тому столбу» улсь «был»

*В «Букваре 1884 э»*

(стр. 40 — 45) столбантень «тж» колицянтень «тж» столбантъ «тж» столбантень «тж» ульсь «тж» и т. п.

Таким образом, сам факт изменения правописания текста, перенесенного в учебное пособие из другого источника на том же языке, доказывает существование нормы или во всяком случае тенденции к унификации принципов правописания в эрзянском письменно-литературном языке 80-х годов XIX в.

Нормированием эрзянской орфографии А.Ф. Юртов занимался и в других своих изданиях. Ср., например:

*В «Истории 1880 э»*

ащесь aščes' «находился»  
ищо iščo «еще»  
пещёрась peščoras «в пещеру»  
печкасо pečkasо «в печи»

*Во 2-м издании  
«Истории 1883 э»*

аштесь ašt'es' «тж»  
иштё išt'o «тж»  
пештёрась pešt'oras «тж»  
пецъкасо pec'kasо «тж» и т. д.

Ср. также: аньсякъ (1880) / аньсякъ (1883) an's'ak «лишь», кортыльтъ / кортыльтъ kortil't' «говорили», молсть/мольсть mol's't' «шли», вирсэ/вирьсэ vir'sę «в лесу», эрва/эрьва er'va «каждый», парсте/парьсте par's't'e «хорошо», коске/коське kos'ke «сухой», васенце vas'en'c'e, васеньсе/васенце vas'en's'e «первый», перканзо/перъканзо reg'kanzo «вокруг него», путневильть/путневильть put'n'evil't' «назначались», судильть/судильть sud'il't' «судили», човоргавтома/човургавтума čovorgavtoma/čovurgavtuma «смешение», кевийке/кевейке kevijkeje/kevejkeje «одиннадцать», седякъ пекъ/седеякъ пекъ s'ed'jak pek/s'ed'ejak pek «еще больше», кежиявтозъ/кежеявтозъ kežijavtoz'/kežejavtoz' «озлобленный», мазэй/мазы та-zej/mazj «красивый», тощать/тоштять toščat/toš't'at «тощие», кулсономо/кулсономо kulsonomo/kulsonomo «слушать», границаонзо/границяонзо gran'icasonzo/gran'ic'asonzo «на его границе» и т. п. Сюда же относится нормирование написания сложных и парных слов, например: а вадрять/авадрять a-vad'r'at «нехорошие», эрямо ащеме/эрямо-аштеме ег'amo-aščeme/er'amo-ašt'eme «жить-быть», ули паронокъ/ули-паронокъ ul'i-paronok

«добро наше», эйдензэ какшонзо/эйдензэ-какшонзо ejd'enzé kakšonzo «дети его» и пр. Как видно, А.Ф. Юртов стоял за дефисное написание парных слов, как это принято и в современной эрзянской орфографии. Вместе с тем варианты **думи/арси** «думает, размышляет», **басловления/баславка** «благословение» и т. п. также говорят в пользу предположения, что в период литературно-издательской деятельности А.Ф. Юртова были попытки упорядочения письменной формы эрзя-мордовского языка и на лексическом уровне.

«Букварь 1892 э» (2-е изд. — 1894)

Эрзянский букварь, изданный М.Е. Евсевьевым в 1892 г<sup>1</sup>, несомненно, отражает новую ступень развития эрзя-мордовского письменно-литературного языка. В этом учебном пособии М.Е. Евсевьев развил дальше те достижения в письменной форме эрзя-мордовского литературного языка, которые были закреплены А.Ф. Юртовым в «Букваре 1884 э».

Букварь М.Е. Евсевьева в обоих изданиях состоит из двух отделов — мордовского и русского. Более удачным в мордовском отделе нового учебника представляется расположение материала по принципу нарастающей трудности, а именно в следующей последовательности букв:

а, л, к, с, о, у, р, т, н, д, щ, п, в, м, з, ч, ж, г, ф, ь, я, и, і, е, ё, й, ю, ы, э, б, ц, щ, н<sup>г</sup>.

Как видно из перечня букв, М.Е. Евсевьев в эрзянский алфавит ввел новую графему н<sup>г</sup> с помощью которой стал обозначать назальное ң в позиции перед заднеязычными г и к, Например: **панг'го** paŋgo «гриб», **ланг'го** laŋgo «поверхность», **ленг'те** l'eŋge «лыко», **янг'кемс** jaŋks'ems «натирать; донимать», **панг'кс** paŋks «заплата», **ченг'ксъ** čeŋks' «сгорел, обуглился» и т. д. Следует при этом заметить, что графема н<sup>г</sup> употреблялась во всех дальнейших эрзянских изданиях дореволюционного периода, а также и в течение 1-го десятилетия развития эрзянского литературного языка после Великой Октябрьской социалистической революции. Она нашла отражение и во втором, исправленном издании «Основ мордовской грамматики» М.Е. Евсевьева (М., 1931).

Десятеричное і употребляется в «Букваре 1892 э» по тем же принципам, которые выработаны в «Букваре 1884 э».

<sup>1</sup> См.: Букварь для мордвы-эрзи. Издание православного миссионерского общества. — Казань, 1892. — 47 с.; 2-е изд. — 1894. — 56 с.

«Ять» можно встретить в написании лишь одного-двух слов, заимствованных из русского языка (типа тѣлазо «его тело»). В мордовском отделе 2-го издания букваря эта графема полностью изъята из употребления.

Большим достижением в эрзянской графике явилось изъятие на конце слов «твердого знака» (ъ). См. в обоих изданиях букваря М.Е. Евсевьева: **скал** skal «корова», **вакан** vakan «миска», **ваят** vayat «утонешь», **пин'кс** piŋks «обруч» и т. д. В книгах, вышедших после «Букваря 1892 э», на конце эрзянских, как и мокшанских слов ъ больше уже не восстанавливается. См., например, в «Учеб. рус. яз. 1892 э» (2-е изд. — 1897): **васъкамс** «нежиться, надеяться», **лужакадомс** «ошалеть, лишиться сознания», **вадов** «сова», **умбурав** «щавель», **нузякс** «ленивый» и многие другие.

Употребление мягкого знака (ъ), а также соответствующих гласных для обозначения палатализации согласных в общем не отличается чем-либо существенным от принципов орфографии А.Ф. Юртова. Нужно все же указать, что в новом букваре, по сравнению с «Букварем 1884 э», допускается обозначение буквой ь палатализации согласного и в позиции перед другими согласными, мягкость которых уже имеет достаточное графическое воплощение. См., например: **эйкакшонть** (у Юртова и в ЭКОС 1955: **эйкакшонть**) «ребенка», **стясьть** (у Юртова и в ЭКОС 1955: **стясть**) «встали», **веленьтень** (у Юртова и в ЭКОС 1955: **велентень**) «этому селу» и т. д.

Другая особенность графики нового букваря состоит в том, что для буквы щ М.Е. Евсевьев ввел двойное звуковое значение: (šč) и (št'). Поэтому, например, такие написания, как: **щеме** «копна», **щере** «веретено», **теще** «звезда», **пеще** «орех», **ащемс** «стоять», **кищемс** «плясать» и т. п. предлагалось произносить, в зависимости от диалектной принадлежности читателя, соответственно: ščeme/št'eme, ščer'e/št'er'e, tešče/t'eš't'e, rešče/reš't'e, aščems/ašt'ems, kiščems/kišt'ems и пр. Следует отметить, что в орфоэпии современного эрзянского литературного языка закрепился второй вариант произношения приведенных им подобных слов и словоформ.

Особенности графики и орфографии эрзянского букваря М.Е. Евсевьева были закреплены одновременно в другом — более обширном — учебном пособии для эрзянских школ «Учеб. рус. яз. 1892 э» (изд. 2. — 1897). Этот учебник примечателен еще тем, что в него вошли сотни новых терминов, относящихся к разным отраслям знания.

*Г л а в а IV*  
**МОКШАНСКИЙ  
ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК**

**ГРАММАТИКИ МОКША-МОРДОВСКОГО ЯЗЫКА**

Нормализующая роль грамматики для литературного языка не подлежит сомнению. По словам акад. И.И. Давыдова, «лишь только в словаре и грамматике гибкие формы живой речи крепнут и упрочиваются для потомков»<sup>1</sup>. Тесную связь всех видов словесного искусства с грамматикой подчеркивал еще Ломоносов.

«Мордовская грамматика, составленная на наречии мордвы мокши» П. Орнатова<sup>2</sup> представляет собою первую попытку систематического изложения основ мокша-мордовского языка. Как известно, «Опыт эрзя-мордовской грамматики» Г. Габеленца вышла в свет на немецком языке в 1839 г.<sup>3</sup>

Появление мокшанской грамматики было связано с тем, что Тамбовская епархия поручила П. Орнатову преподавать мордовский язык воспитанникам духовной семинарии. По словам П. Орнатова, мордовскую грамматику необходимо было составить на наречии той части мордвы, которая населяла Тамбовскую епархию, и в частности, Спасский и Темниковский уезды б. Тамбовской губернии, где проживали мокшане.

Мордовское население Тамбовской губернии, — по мнению П. Орнатова, — «едва понимает русский язык». Поэтому комиссия духовных училищ решила «ввести в классическое употребление в местной семинарии язык мордовский, для приготовления воспитанников к священническим должностям в мордовские селения...»<sup>4</sup>

<sup>1</sup> И. И. Да вы д о в. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. — Изд. АН; СПб., 1854. — С. 478.

<sup>2</sup> Мордовская грамматика, составленная на наречии мордвы мокши Тамбовской семинарии профессором, магистром Павлом Орнатовым. — М., 1838. — С. XIV + 106.

<sup>3</sup> H. C. G a b e l t z. Versuch einer mordwinischen Grammatik. «Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes». — Göttingen, 1839. — Bd 2.

<sup>4</sup> П. О р н а т о в. Мордовская грамматика, составленная на наречии мордвы мокши. — С. IX — X.

Преподавание мокша-мордовского языка «началось в Тамбовской семинарии с 1834 года»<sup>1</sup>.

П. Орнатов отметил, что при составлении грамматики, не имея под руками никаких пособий, он испытывал большие трудности. «Нужно было следить за каждым словом во всех его изменениях и сочетаниях его с другими в речи, чтобы получить ясное понятие о количестве видов слов, о количестве различных форм их изменения и разнообразного сочетания их в речи»<sup>2</sup>. Автор грамматики указал, что во всех случаях собственные наблюдения он «поверял грамматически со знающими мордовский язык как природный»<sup>3</sup>.

«Мордовская грамматика» П. Орнатова была составлена по типу и схеме грамматик русского языка. Поэтому графика и орфографические принципы передачи мокшанских слов и форм перенесены в нее из русского языка. Все это П. Орнатов мотивировал следующим образом: «Для выражения мордовских слов я употребил литеры языка русского с тем намерением, чтобы и самим мордвам дать возможность за один раз научиться и своему, и вместе языку русскому»<sup>4</sup>. Как видно, намерения у автора грамматики были чисто практические: научить мокшан русскому языку через родной язык. Но это делалось во имя «прочнейшего укоренения в сердце сего народа учения христианского»<sup>5</sup>.

Вопросы графики и орфографии рассмотрены в первой части грамматики в разделе под названием «О числе, начертании, произношении, и разделении букв» и в заключительной четвертой части «О правописании» с двумя подразделами «Об употреблении букв в письме» и «Об употреблении знаков в письме».

П. Орнатов писал: «Мордовский язык собственных литер не имеет. Недостаток сей удобно может быть восполнен литерами языка русского»<sup>6</sup>.

Из особенностей произношения звуков мокшанского языка, обозначаемых буквами русского алфавита, П. Орнатов обратил внимание на то, что «т, следя после н, произносится

<sup>1</sup> П. О р н а т о в. Мордовская грамматика, составленная на наречии мордвы мокши. — С. X.

Там же.

<sup>3</sup> Там же. — С. XI.

<sup>4</sup> Там же. — С. XI — XII.

<sup>5</sup> Там же. — С. IX.

<sup>6</sup> Там же. — С. I — II.

как д»<sup>1</sup>. А после литер **ш** и **щ** произносится почти как я»<sup>2</sup>. Но примеров, иллюстрирующих эти положения, автор не привел. В первом случае речь, по-видимому, идет о явлении прогрессивной ассимиляции, согласно которой начальный глухой согласный второго слова озвончается под влиянием конечного звонкового согласного первого слова в пределах одного словосочетания. Например, в словосочетании **мациень толга** «гусиное перо» начальное т. в слове **толга** под влиянием конечного сонорного нь первого слова действительно озвончается в д (в транскрипции: саразэн'долга), в **куд пря** «крыша дома» п также переходит в б под влиянием конечного д (в транскрипции мы имеем: куд бр'ä) и т. д. Во втором же случае дело, очевидно, идет об одном фонетическом явлении, свойственном современному западному диалекту мокшанского языка, а именно о появлении звука ä после ш в словах, в которых в других диалектах этому ä обычно соответствует a. Например, в современном западном мокшанском диалекте **шär'хkäd'mäc** «понимать», «соображать», в других диалектах — **шар'хkädämäc** и др.

Конкретный языковой материал на мокшанском языке в грамматике П. Орнатова встречается в небольших размерах лишь в виде иллюстраций к имеющимся в ней правилам.

Фонема /ä/ передается непоследовательно — то через я, то через е: **пря** «голова», **ляй** «река», **вайгяль** «голос», **пянь** «очень», **фя** «один» и др., но также **вайме** «душа», **омбоце** «второй», **калмае** «я похоронил его» и др.

Особенно большой разнобой имеется в обозначении редуцированного гласного э. Этот звук в разных примерах обозначается буквами о, ы, а, е и я. Например: **котаце** «шестой», **кемень** «десять», **якстерыгыдан** «краснею», **кемъкафтаце** «двенадцатый», **теланда** «зимой», **кемяста** «крепко», **колмангырда** «втрое», **кафташка** «с два», **ветяшка** «с пять», **лавчesta** «слабо», **комысышка** «с двадцать», **тарват** «губы» и др.

Принципы передачи палатализованных согласных в общем такие же, как и в русском языке. Если после палатализованного согласного следует другой палатализованный же согласный, то палатализация обозначается лишь у второго согласного. Например: **вятниан** «я вожу», **кармасть** «они начали»,

<sup>1</sup> П. Орнатов. Мордовская грамматика, составленная на наречии мордвы мокши. — С. X.

<sup>2</sup> Там же.

**мзяркст** «сколько раз», **якстере** «красно» и т. д. Однако из этого правила имеются исключения. В ряде случаев после каждого палатализованного согласного поставлен мягкий знак. Например: **моныц** «я сам», **тоныц** «ты сам», **соныц** «он сам», **миныц** «мы сами», **тиныц** «вы сами», **синыц** «они сами» и др.

Как можно судить по примерам, встречающимся в правилах грамматики, глухие согласные лх, лъх, рх, ръх чаще всего обозначаются простыми л и р. Например: **кармальть** «они стали бы», **ультам** «мы будем», **ультяд** «вы будете», **кортан** «говорю» и др.

**Лъх** иногда передается и через **льхъ**. Например: **вятыльхъть** «они вели бы», **вятивальхъть** «их можно бы вести», **уляльхъть** «они были бы» и др.

Глухая фонема /йх/ всегда передается буквосочетанием **йхъ**. Например: **кармайхъть** «они станут», **калмасийхъть** «они хоронят», **улийхъть** «имеются», **эрявийхъть** «нужны» и др.

В разделах, посвященных характеристике частей речи и описанию способов «употребления букв в письме», иллюстративный материал имеет черты, характерные западному диалекту мокша-мордовского языка. Это подтверждается, во-первых, словами, которые встречаются теперь лишь в современном западном диалекте. Например: **моркш** «стол» (ср. соврем. зап. диал. **моркш**; в других диалектах **шра**), **гож** «добрый, хороший» (ср. современ. зап. диал. **гож**; в других мокш. диал. **цебярь**), **ляш** «только, лишь» (ср. современ. зап. диал. **л'эш**, **л'эх**; в других диал. **ан'ц'эк**), ар «каждый» (ср. соврем. зап. диал. **арндж'ина** «ежедневно»; в других диал. **äр'** «каждый, любой») и др.

В парадигмах имени существительного и глагола в «Мордовской грамматике» также встречаются форманты, характерные западному диалекту мокшанского языка. Например, в притяжательном склонении имеются такие формы: **церанеск** «наш сын» (ср. соврем. зап. диал. ц'оран'äс'к, в других диал. ц'оран'кä, ц'оран'ëкä), **церантесь** «ваши сыны» (ср. соврем. зап. диал. ц'оран'д'ëс't', в других диал. ц'оран't'ä) и др. В формах глагола объектного спряжения: **вятсамезь** «они меня (нас) ведут» (ср. соврем. зап. диал. **вäцамäз**; в других диал. **вäцамаз'**), **вятие** «я его привел» (ср. соврем. зап. диал. **вät'ийä**, в других диал. **вät'ин'ä**) и др.

На характеристике «Мордовской грамматики...» П. Орнатова необходимо было остановиться более подробно ввиду того, что в истории мокша-мордовской письменности она

сыграла значительную роль. В других пособиях по мокшанскому языку, написанных значительно позже, можно обнаружить следы влияния грамматики мокша-мордовского языка П. Орнатова. В первое десятилетие своего существования уже в советские годы мокшанский литературный язык также базировался на западном диалекте, на основе которого была составлена грамматика П. Орнатова. В этом нельзя не усматривать большой исторической преемственности в письменных традициях мордвы-мокши.

Второй грамматикой мокша-мордовского языка середины XIX в. является рукописная работа известного автора ряда трудов по мордовской этнографии и фольклору нижегородского иеромонаха Макария. Рукопись грамматики Макария называется: «Краткая грамматика мордовско-мокшанского языка (Архив Института востоковедения АН СССР, разр. II, оп. 5, д. 6, стр. 162).

Этот труд не был напечатан, так как автор не смог переделать рукопись грамматики в духе тех требований, которые были предъявлены в рецензии академика А. Шегрена (см. приложение I, 8).

Следующей грамматикой мокша-мордовского языка дореволюционного периода является также рукописная работа Николая Барсова — автора ряда публикаций на мордовские темы, члена б. Пензенского губернского статистического комитета<sup>1</sup>.

О времени составления этой рукописи прямых данных не имеется. По мнению О.И. Чудаевой, свою грамматику Н. Барсов составил в 80 — 90 годы XIX в.<sup>2</sup> По-видимому, эта датировка соответствует действительности. Во всяком случае, рукопись грамматики могла быть написана за несколько лет до 1905 г. — года кончины Н. Барсова. По документам, извлеченным из ЦГА Тат. АССР, первый вариант Грамматики можно датировать 1883 годом (см. приложение II, 8).

<sup>1</sup> См.: Грамматика мордовского языка по наречию «мокша». Составлена священником Пензенской губернии, Инсарского уезда, села Пшеноно о. Николаем Барсовым. Рукопись второй половины XIX в. Хранится в рукописном отделе русской книги научной библиотеки Казанского гос. университета, лл. 64 (125 стр.).

<sup>2</sup> О. И. Чудаева. Рукописи по мокша-мордовскому языку конца 19 века // Труды Мордов. научно-иссл. ин-та языка, литер., ист. и экон. — № 20. — Саранск, 1960. — С. 54.

Цель написания грамматики мокша-мордовского языка определялась желанием автора дать «руководство неправильному употреблению мордовского языка устно и письменно»<sup>1</sup>. Н. Барсов нашел необходимым «подвести мордовские склонения под систему русских»<sup>2</sup>, чтобы содействовать своей работой изучению мордовским населением русского языка. По этой же причине таблицы склонения приведены «с русскими падежами».

В фонетической части грамматики автор детально рассмотрел явления ассимиляции согласных. Н. Барсов заметил, что в мокшанской речи начальные глухие согласные у слов, которые следуют за словами с конечными звонкими л, м, н, р — переходят в звонкие соответственно: «п — б, ф — в, к — г, т — д, ш — ж, щ — жь, с — з, ц — дз, ч — чьжь». Например: сал канды, орам пурэмсь, сан таргах, сор пяярьдьф произносятся: сал ганды, орам бурэмсь, сан даргах, сор бяярьдьф и пр.»<sup>3</sup>.

Н. Барсов констатировал также отсутствие в мокшанском языке перехода конечного в в ф, столь характерного для фонетической системы русского языка. В качестве примеров у Н. Барсова даны: ков «месяц», тов «ядро в орехе», тевь «дело», кевь «камень»<sup>4</sup>.

Следует отметить, что в грамматике Н. Барсова орфография мокшанских примеров очень точная и мало отличается от принципов современного мокшанского правописания.

Фонема [ä] в грамматике обозначается буквами я и е. Например: трянь «я воспитывал», куя «жирный», кортаньдярян «если я говорю», но также: котыще «шестой», фке «один», кулинне «я слышал» и др.

Редуцированный гласный э чаще всего обозначается через э. Например: сокэр «слепой», колмэце «третий», котэце «шестой», съкамэн «я один», максэма «дать», палэма «гортеть» и др. Иногда этот звук передается также через ы. Например: котыще «шестой», лопыдема «вымокнуть», эвыдян «пугаюсь» и др.

Если э следует за палатализованными согласными, то он всегда передается буквой е, которая в этом случае, как и в русской

<sup>1</sup> Грамматика мордовского языка по наречию «мокша». Составлена... Николаем Барсовым. — Л. 1.

<sup>2</sup> Там же. — Л. 23.

<sup>3</sup> Там же. — Л. 4 об.

<sup>4</sup> Там же. — Л. 2 об., Л. 3.

орфографии, передает также палатализацию предшествующего согласного. Например: **тейнекъ** «нам», **конатненъди** «которым», **колема** «портиться», **лопадема** «lopаться» и др.

Из глухих согласных **лх**, **льх**, **рх**, **ръх** и **йх** специально обозначается лишь **йх**, который последовательно передается сочетанием букв **йхъ**. Например: **колайхъть** «они портят», **коланьдяряхъть** «если они портят» и др.

Остальные незвонкие согласные **лх**, **льх**, **рх** и **ръх** в принятой Н. Барсовым системе письма специальных графем для своего обозначения не имеют. Они передаются теми же буквами, которые применяются обычно для обозначения звонких сонантов **л**, **ль**, **р** и **ръ**. Например: **колальть** «они портили бы», **коланьдяряльть** «если они портили», **колаксэльть** «они хотели было испортить», **валт** «слова», **шалкс** «до носу, в нос», **маргэн** «со мной», **ярцан** «ем» (ср. в соврем. орфографии соответственно: **колальхъть**, **коландяряльхъть**, **колаксольхъть**, **валхт**, **шалхкс**, **мархтон**, **ярхцан**) и др.

Для обозначения палатализации согласных в рукописи Н. Барсова, как и в грамматике П. Орнатова, использованы приемы русской орфографии. Имеются отступления, связанные с дополнительным употреблением мягкого знака. Например: **уйасас্তь** «вы переплынете», **уендярясас্তь** «если вы переплынете» (ср. в соврем. орфографии: **уйасТЬ**, **уендярясАСТЬ**) и др.

Иногда одно и тоже слово в разных местах рукописи употребляется то с мягким знаком, то без него. Например: **кельгэнъдярямасть-кельгэндярямАсть** «если вы нас полюбили» и т. д. Диалектной основой грамматики мокша-мордовского языка Н. Барсова выбран говор села Пшенева, сочетающий в себе особенности периферийных говоров центрального диалекта, положенного в основу современного мокшанского литературного языка, и юго-восточного диалекта.

Характерные особенности пшеневского говора, нашедшие отражение в грамматике Н. Барсова.

Синтетические отрицательные формы условного и условно-сослагательного наклонений: **кельгэ-ф-тярян** «если я не люблю», **кельге-ф-тярянь** «если я не любил», **кельгэ-ф-тяряленъ** «если бы я не любил» и др. Как видно из примеров, в образовании отрицательных форм условного и условно-сослагательного наклонений глагола участвует отрицательная частица **аф** «не», которая ставится между корнем глагола и суффиксом условного наклонения-**тяря**. В других мокшанских диалектах имеются лишь аналитические способы выражения

отрицания в глаголах указанных наклонений. Например: **Кда аф кельган** — аф кельгондярян «если я не люблю», **кда ашень кельга** «если я не любил» и т. п.

Формы послеложно-личных местоимений: **ланганэк** «по нас», **ланганэнт** «по вас» (ср. в других говорах и литературном языке соответственно: **ланганк**, **лангант**) и др.

Формы глагола объектного спряжения: **сокасайнекъ** «мы их вспашем» **сокасаеньть** «вы их вспашете» (ср. в других говорах и литературном языке: **сокасасък**, **сокасасть**) и т. д.

Ценность грамматики Н. Барсова состоит в том, что она является продолжением опыта сопоставительной грамматики мокшанского и русского языков, начатого предшественником Н. Барсова П. Орнатовым. «Грамматика мордовского языка»... Н. Барсова имеет ряд преимуществ перед грамматикой П. Орнатова и иер. Макария как по полноте, так и, в особенности, по точности объяснений грамматических категорий, свойственных мокшанскому языку. Важно отметить, что язык большинства письменных источников на мокшанском языке конца XIX и начала XX вв. имел ту же диалектную основу, которая охарактеризована в грамматике Н. Барсова.

Менее удачным опытом составления грамматики мокшан-мордовского языка является грамматическое приложение к «Русско-мордовскому словарю» Н. Гаврилова, приведенное под названием «Краткие сведения из этимологии»<sup>1</sup>.

В указанном приложении, являющемся, по-видимому, своеобразным кратким переложением «Мордовской грамматики» П. Орнатова, слова мокша-мордовского языка «разделяются на девять частей речи. Имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол — суть части речи изменяемые, а наречие, предлог (послелог. — А. Ф.), союз и междометие — неизменяемые»<sup>2</sup>.

К числу предлогов (=послелогов) автор относит также падежные окончания: **-кса** «для», **ста** «при, из, с», **-фтыма** «без»<sup>3</sup>.

Как можно судить по иллюстративным примерам, грамматический очерк Н. Гаврилова был составлен на материале западного диалекта мокша-мордовского языка. Это видно из форм глагола множественного числа настоящего времени изъявительного наклонения: **яжатам**, **яжатад** (вм. **яжатама**, **яжатада**

<sup>1</sup> Н. Гаврилов. Русско-мордовский словарь. — Пенза, 1899.

<sup>2</sup> Там же. — С. 49.

<sup>3</sup> Там же. — С. 51.

других диалектов), из формы глагола 1 л. ед. числа объектного спряжения ряда «его» в изъявительном наклонении: **яжае** «я сломал его» (вм. **яжайне** других говоров), из окончаний притяжательного склонения рядов «наш» и «ваши» **-несь** (вм. **-ньке**, **-неке** других диалектов), **-нтесь** (вм. **-нте** других говоров) и т. д.

Как и в грамматике П. Орнатова, в очерке Н. Гаврилова, по типу русской грамматики, дается шесть падежей; именительный, звательный, родительный, дательный, винительный, творительный.

В парадигму основного склонения единственного числа Н. Гаврилов перенес форманты указательного склонения. То же самое произошло и с формами множественного числа.

Об особенностях графики и правил орфографии, примененных в грамматическом очерке Н. Гаврилова, см. в разделе «Учебные пособия».

Перечисленными работами П. Орнатова, Н. Барсова и Н. Гаврилова исчерпываются источники в области изучения мокша-мордовской грамматики дореволюционного периода. Из обзора исключен «Опыт мокша-мордовской грамматики» Авг. Алквиста, так как эта работа, изданная в 1861 г. на немецком языке<sup>1</sup>, не была доступна мокшанскому читателю. Кроме того, в своей грамматике Авг. Алквист не преследовал практических (и, следовательно, нормативных) целей, что имело место, например, в грамматике П. Орнатова («чтобы... мордам дать, возможность... научиться и своему, и вместе языку русскому»<sup>2</sup>).

## СЛОВАРИ МОКША-МОРДОВСКОГО ЯЗЫКА

Словари, как известно, оказывают большое влияние на развитие речевой культуры. Поэтому в настоящий обзор включен раздел о мокшанских словарях дореволюционного периода.

Первые попытки ознакомления с особенностями мордовских языков начались с составления кратких словарей и списков слов. По не совсем полным данным, до 1917 г. было написано около 50 мордовских словариков разного объема.

<sup>1</sup> Aug. A h l q u i s t. Versuch einer mokscha-mordwinischen Grammatik nebst Texten und Wörterverzeichniss. — SPb., 1861.

<sup>2</sup> П. О р н а т о в. Мордовская грамматика, составленная на наречии мордвы мокши. — С. XI — XII.

Однако многие из имеющихся словарей и списков слов, оставшись в рукописном виде, до сих пор не издавались. Причем словарная работа в области эрзянского языка раза в тричетыре превышает объем работ в области мокшанской лексикографии.

Несколько списков мокшанских слов было составлено в последней четверти XVIII в.<sup>1</sup> в период созиания материалов для «Сравнительных словарей всех языков и наречий»<sup>2</sup>.

В обеих частях этого словаря содержится по 285 слов на 200 языках. Заглавными являются русские слова, стоящие на первом месте. К ним даны переводы на других языках, в том числе и мордовских. Эрзя-мордовские переводы в словаре занимают 61-е место, мокша-мордовские — 62-е. Эрзя-мордовские соответствия обозначаются словом «мордовски», мокша-мордовские — словом «мокшански». Ко второй части словаря дано приложение «Числа европейских и азиатских народов», где эрзя-мордовский язык занял уже 67-е, а мокша-мордовский — 68-е место. Это произошло благодаря увеличению общего количества языков до 212.

Второе издание словаря под несколько измененным названием<sup>3</sup> включает материалы 279 языков. В мордовской части этого издания целиком повторяется (вместе с опечатками) материал первого издания.

Графика и фонетика мокшанских слов в «Сравнительных словарях». Мокшанские слова, как и слова всех других языков, представленных в словаре, переданы средствами русской графики. Исходя из установки, что «для показания точного произношения... нет лучше и способнее всех европейских азбук, как российская» (из предисловия к словарям), составители и в мордовских частях стремились найти применение всем знакам русского алфавита. Здесь встречаются буквы: «ять», і десятиричное, ю со знаком каморы и др.

<sup>1</sup> См., например, около 300 мокшанских слов в «Российско-татарско-мордовском словарике», помещенном в рукописи «Словаря языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих», составленного в 1785 г. в Нижегородской семинарии под руководством Дамаскина, а также в «Переводе нижеобъявленных слов мордовским разговором, каков употребляется в Пензенском наместничестве» (ААН СССР, фонд № 94) и другие списки слов.

<sup>2</sup> Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Часть первая. — СПб., 1787. — С. 411; Часть вторая. — СПб., 1789. — С. 491.

<sup>3</sup> Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный, ч. 1 — 4. — СПб., 1790 — 1791.

Отсутствие опыта транскрибирования звуков мокшанского языка средствами русской графики неизбежно привело авторов к подражанию и механическому соблюдению орфографических приемов, установившихся к тому времени в системе русского правописания. Особенно наглядно это видно на примере употребления в мокшанских словах букв **ъ** и **ь**. Известно, что буквы **ъ** и **ь** в русском письме вначале употреблялись для обозначения редуцированных гласных. После падения этих звуков и появления в русском языке закрытых слогов у древних писцов осталось правило кончать строку на гласный, либо после согласных ставить буквы **ъ** и **ь** хотя последние уже не обозначали гласных звуков. Традиция ставить **ъ** после кочечных твердых согласных, **ь** — после палатализованных согласных в конце и в середине слова, как известно, существовала вплоть до реформы русской орфографии уже после 1917 г.

В мокшанской части словаря П.С. Палласа **ъ** и **ь** в целом также употребляются соответственно после твердых (**ъ**) и палатализованных (**ь**) согласных. Например: **сЕльмек-Ерть**<sup>1</sup> «ресницы», **сурть** «пальцы», **чипась** «солнце» и др. Примеры с **ь**: **«вирь** «лес», **пяль** «кол», **минь** «мы», **синь** «они» и др. В нескольких местах знак **ь** поставлен в середине слова для обозначения палатализованных согласных. Например: **сельма** «глаз», **вЕльканза** «над ним» и др.

В слове **съяд** «сто» палатализация согласного **с** получила двойное обозначение: через гласный **я** и мягкий знак **ь**. С точки зрения норм современной орфографии употребление **ь** перед буквой **я**, также как и перед буквами **е**, **ё**, **ю**, и считается излишним, поскольку через эти гласные графически передается и палатализация предшествующих согласных: **сяд** и т. д.

Но в мокшанских словах значительно больше случаев противоположного употребления **ъ** после палатализованных со-гласных, а **ь** — после согласных непалатализованных.

Например: **бакарь** «локоть», **кядь** «рука», **копарь** «спина» и др. (**ъ** вместо **ь**); мокш. **мастэрь** «земля», **шуваарь** «песок», **траксь** «корова» и др. (**ь** вместо **ъ**).

Знак **ъ** вместо **ь** употребляется во всех эрзянских глаголах в форме инфинитива на **-мс**, где **с** также является непалатализованным. Например: **ярцамсъ** «есть, кушать», **симемсъ** «пить», **морамсъ** «петь» и др.

<sup>1</sup> Заглавной буквой Е в данном очерке обозначается буква «ять», встречающаяся в мокшанских текстах дореволюционного периода.

Такие массовые случаи противоположного употребления **ъ** и **ь** говорят о том, что в мордовские части словаря они были введены без учета специфических особенностей мордовского консонантизма.

**Ї** десятиричное с двумя точками наверху встречается всего четыре раза: эрз., мокш. **сїя** «серебро», эрз. **азїо** «иди», **вялїесь** «вихрь?» и один раз с одной точкой: эрз. **їЕ** «год». Во всех других словах этимологическое **и** обозначается буквой **и**. Поэтому нет никаких оснований предполагать, что буквой **i** в мордовских словах обозначается особое **и**, отличное от **и** в тех словах, где оно передано буквой **и**. Лишь в слове эрз. и мокш. **іондолъ** «молния» знаком **i** без точек наверху, по-видимому, обозначен звук **й**, который вместе с **о** составляет звукосочетание **йо**. В современной мордовской орфографии этот звуковой комплекс в начале слова, как и в русском языке, передается одной буквой **ё**: **ёндол** и т. д.

Немногочисленные случаи употребления **ю** со знаком кромы не дают прямой возможности точно определить, какой звук этой сложной графемой обозначался. Из современных мокшанских соответствий (**сёвонь** «глина» и **пянёк** «пенёк») к словам **сювань пЕнюкъ** с тем же значением можно, однако, заключить, что через **ю** обозначено закрытое ударное **о** в позиции после палатализованного согласного. В словах эрз. **тиорима** «драка», мокш. **тиорихъ** «дерутся», мокш. **сюра** «рог» буквой **ю**, по-видимому, обозначен звук **у** под ударением после палатализованных согласных. В эрз. **сювнима**, **сюлномо** «брانь» и **сювонь** «глина» через **ю** со знаком ударения отмечено закрытое **о**. Ср. совр. эрз. **сёвнома**, **сёвонь** с тем же значением. В других словах буквой **ю** без диакритического знака передается звук **у** при предшествующем палатализованном согласном. Например, мокш. **щюда** «чудо», **оцигаль** «кит», эрз. **сюро** «жито» и др.

Случаи мены графических знаков наблюдаются и в передаче фонем /ä/ и /e/.

В мокшанской части «Сравнительных словарей» представлен диалект, характеризующийся наличием фонемы /ä/, противопоставляемой фонеме /e/. Как правило, **ä** передается буквой **я**, а фонема /e/ обозначается соответствующей буквой **е**: **кядь** «рука» — **кедь** «кожа».

В нескольких словах на месте буквы **я** в мокшанских словах употребляется буква **е**: в этом случае эрзянские слова даны также с **е**. Например: мокш. **лей** «река» — эрз. **лей**, **теш-тЕ** «звезда» — **теште**, **шайеръ** «волос» — **черъ** и др.

В современных мокшанских диалектах, не имеющих фонемы /ä/, приведенные слова также имеют звук **е**: л'ей, т'ешт'е, ш'ейэр'. Возможно, что выше приведенные слова были введены в словарь из готового источника, составленного по материалам без -ä-вового диалекта мокшанского языка.

И в эрзянских словах, правда, по сравнению с мокшанскими значительно реже, употребляется буква **е** вместо ожидаемой оукви **я**. Ср., например: **сяльме** «глаз» и **сельметурва** «рессница». Еще примеры: эрз. **кенкешь** «дверь», **ечке** «толстый» и др. По-видимому, эта группа слов в эрзянскую часть была введена из диалекта, в котором ä совпала с е в одном е. А в мокшанских примерах через букву **е** отражается этимологическое **е**, свойственное ä-вовым диалектам.

Еще больше встречается слов, в которых гласные мокшанского языка обозначены буквой «ять». Ср.:

эрз. **сядеи** «сердце», **лямь** «имя», **кялима** «ширина», **вярекъ** «сырой», **пячкемсь** «резать», **мязе** «что», **кямень** «десять»; мокш. соответственно: **сЕди**, **лЕМЬ**, **кЕли**, **пЕчкема**, **мЕзя**, **кЕмень** и др.

Как видно, во всех этих примерах мокшанскому Е («ять») в эрзянских словах соответствует **я**, которым обозначен звук ä. Какой же звук скрывается под буквой Е («ять») в мокшанских словах? Выше уже отмечалось, что в мокшанских словах звук ä преимущественно передается в словаре буквой **я**, а звук **е** — буквой **е**. Кроме того, указывалось, что эрзянскому ä в мокшанском соответствует **е**. Следовательно, логически можно допустить, что здесь буквой Е («ять») обозначается обычное **е**. Тогда почему же составители употребили букву **е** для этой цели? По-видимому, причина была в другом, а именно в отсутствии фонемы /ä/ в том мокшанском диалекте, из которого была введена эта группа слов в «Сравнительные словари». Современные мокшанские диалекты мокшанского языка дают нам следующую картину. Если в фонологической системе данного диалекта нет фонемы /ä/, то фонеме /ä/ других диалектов в данном диалекте закономерно соответствует **е**, а фонеме /e/ ä-вовых диалектов в без-ä-вовых диалектах будет соответствовать **и**:

в ä-вовых диалектах  
мокшанского языка

ä	
е	

в без-ä-вовых диалектах  
мокшанского языка

	е
	и

Если учесть, что в русском языке через букву «ять» исторически обозначался звук, который имел тенденцию переходить в **и**, то в мокшанской части «Сравнительных словарей» в приведенной группе слов через «ять», по-видимому, отмечается звук **и** (из этимологического **е**). Следовательно, приведенные выше примеры также могли быть взяты из без-ä-вового диалекта мокша-мордовского языка.

Анализ употребления в мокшанских словах букв **ъ**, **ь**, **ю**, **и** и особенно «ять» приводит к существенному выводу о неоднородном составе мокшанской части «Сравнительных словарей».

То, что при составлении мокшанской части словаря были использованы материалы разных диалектов, подтверждается также разноречивой транскрипцией одного и того же слова, стоящего в качестве мокшанского соответствия против нескольких заглавных слов: **цебарь** — цеберь — **чибарь** — авцЕберь; **очу** — отьчу — **очю** и т. д. Зарегистрировано одно мокшанское слово с глухим рх: **вархмедема** «утро». В других мокшанских словах, например, глухой лх передается через букву **ф**: **шафка** «нос», **шафкаварят** «ноздри». Глухой йх транскрибирован одним знаком х: **авардихть** «вопять», **тирихть** «дерутся». В остальных случаях глухие лх, льх, рх, рьх и их переданы одиночными буквами л, р и й. Например: **шалка** «нос», **сурт** «палцы», **вЕйкса** «девять» и т. д.

Словосочетания в мордовских частях во всех случаях имеют слитное написание. Например: мокш. **прявеломань** — муж, **аръсываста** — долина, эрз. **покшварма** — буря, **чувтоКядь** — кора (дерева) и др.

«Сравнительные словари всех языков и наречий» являются первым наиболее авторитетным печатным источником, в котором на основе русской графики и орфографии был запечатлен мокшанский словарный материал. Можно утверждать, что в истории мокшанской письменности графическая система мокшанской части словаря оказала определенное влияние на традиции буквенного обозначения мокшанских звуков и форм в более поздних рукописных и печатных памятниках, написанных на основе русской графики. То же самое правомерно констатировать и для эрзянского языка, словарный материал которого представлен в «Сравнительных словарях всех языков и наречий» Екатерины II — П.С. Палласа.

В больших размерах лексика мокша-мордовского языка представлена в рукописном «Русско-мокшанском словаре» П. Орнатова<sup>1</sup>.

Орфографические принципы в «Русско-мокшанском словаре» не отличаются от орфографической системы, примененной П. Орнатовым в его «Мордовской грамматике» (см. выше).

П. Орнатов одновременно составил и мокшанско-русский словарь. Оба словаря были подготовлены автором к изданию и присланы в канцелярию синода. Синод обратился к акад. А. Шегрену за рецензией. В отзыве А. Шегрена под названием «О рукописном словаре мордовско-русском и русско-мордовском наречии мордвы мокши, составленном профессором Тамбовской семинарии П. Орнатовым» (ААН СССР, ф. 94, оп. 1, д. 75, лл. 1 — 2) к словарям были предъявлены исключительно высокие требования. Акад. А. Шегрен писал в своем отзыве: «Это сочинение в настоящем виде не соответствует своей цели. Касательно объема оно довольно пространно, заключая в себе даже много отвлеченных понятий. За то, однако, ж и много самых обыкновенных, в... общежитии употребляемых и частию необходимых слов опущено и не видать их вовсе в словаре ни в 1-й, ни во 2-й части... Мордовско-русский словарь втрое меньше... русско-мордовской части»<sup>2</sup>. В рецензии указывается и на другие, с точки зрения А. Шегрена, недостатки словарей П. Орнатова. Отзыв акад. А. Шегрена, таким образом, решил судьбу этих словарей. Синод, получив отрицательную рецензию от авторитетного ученого, отказался от идеи создания словарей. Текст мордовско-русского словаря в настоящее время считается утерянным.

Как можно судить по копии, русско-мордовский словарь, несмотря на все те недостатки, которые отметил акад. А. Шегрен, содержит в себе много ценных сведений по лексике западного диалекта мокшанского языка, диалекта, на котором в течение всего 19 в. предпринимались неоднократные попытки издавать миссионерскую литературу и другую книжную продукцию (грамматики, словари и т. п.).

<sup>1</sup> Словарь русско-мордовский наречия мордвы мокши. Составлен профессором Тамбовской семинарии Павлом Орнатовым 1841 года. Списан с подлинника в 1844 г., лл. 1 — 153 . — РО БАН СССР (г. Ленинград).

<sup>2</sup> См. приложение I. 7.

В словаре П. Орнатова нашли отражение лексические единицы, характерные прежде всего для западного диалекта, например: **юргий, шаяй** «бродяга», **фасца** «вкупе», **моркш** «стол», **такья** (наряду с **вазь**) «шапка», **натёка** «позорный», **шумбаз** (наряду с **нумыл**) «заяц», **кунелян** «завидую», **кунелямь** «соревнование», **копалда** «задом», **гов** «мяч», **тынал** «сословие», **тыналинь-оцю** «родонаучальник», **туга** «младшая сестра», **кай** «устав», **мушказ** «халат», **архтама** «холощение», **урта** «стадо», **аргаза** «старший» и т. д.

К приведенной группе слов примыкают лексемы с характерным для западного диалекта фонетическим оформлением, например:

**сичав** «блоха», **сильге** «бородавка», **илям** «вечер», **кряньчь** «ворон», **шарькадян**, **шарькыдян** «догадываюсь», **тынарс** «до-селе», **сырнатан** «дрожу», **сузи** «дурак», **шякшан** «дятел», **ифке** «один», **ар-шиннъ** «ежедневный», **ар-кизанда** «ежегодно», **ябынция**, **ябынще** «епанча», **кшне** «железо», **цэрия** «жёлудь», **я-индаф** «замерзлый», **кеньчкс** «дверь», **крафтан** «изгоняю», **рудаз** «грязь», **рудазу** «грязный», **йальде** «кобыла», **свардым** «ковш большой» **йаши** «колодец», **мази**, **мазий** «красивый», **пази** «кудель», **кича** «кулик», **йазем** «лавка», **уря** «лакей», **йай** «лёд», **кармарав-нал** «лопушник», **дяя** «мамка, нянька», **натёка** «мерзкий», **налды** «может быть», **моннь** «мой», **аф-торама**, **сютяма** «молчание», **сюмбаре** «мутный» и т. д.

Некоторые из зафиксированных в словаре П. Орнатова лексем уже не употребляются в современных говорах западного (и других диалектов) мокшанского языка, например:

**шангадеза** «бог помочь», **варама** «клятва», «божба», **вэдьнь-тярьма** «волна», **лянгарь** «жаба», **тувкс** «западня», **ногама** (наряду с **кяжь**) «злость», **ногай** (наряду с **сялгий, кяжий**) «злой», «колкий», «лютый»), **ногаян** «злость», **каткс** «ива», **каткс-нал** (наряду с **исаннь**) «ивняк», **кальме** «клей», **кальменнь** «клейный», **кальме-тий** «клейщик», **узыфь** «копье», **катмакс** «крутизна», **кича** «кулик», **морш** «ласточка», **тишня-дяя-ава** «мачеха», **тусыф** «образ, икона», **отала** «обросший», **рузниь-шире** «Россия», **каньцф** «траур» и др.

Целый ряд слов в словаре П. Орнатова воспринимаются как удачно составленные неологизмы, созданные путем калькирования заглавных русских слов, а также иным путем, например:

**христознь кучф** «апостол» (букв. «посланник Христа»), **яшлямиа-куд** «баня» (букв. «дом для купания»), **пря-марта-салмакс**

«булавка» (букв. «игла с головкой»), вишке-варма «буря» (букв. «сильный ветер»), мазиста картан «витийстую» (букв. «красиво говорю»), одс-шачама «возрождение» (букв. «заново рождаешься»), содай-ломань «волхв» (букв. «знающий человек»), содафтый-ава «ворожея» (букв. «гадающая женщина»), яжама-куд «мельница» (букв. «дом, где мелят»), пара-мяльса «добровольно» (букв. «с хорошим желанием»), пара-вайме «добродушие; добродушный» (букв. «добрая, хорошая душа»), пара-седи «добросердечие» (букв. «доброе, хорошее сердце»), пазда пола «фортуна», пазда полав «счастливый», кудса-касф «доморошенный», пеньганнь-ускамат «дронни», ифке-вайме «единодушие» (букв. «одна душа»), ифке-вэр «единокровие» (букв. «одна кровь»), ифке-шама «единообразие» (букв. «одно лицо»), мастьирнинь-содай «естествоиспытатель» (букв. «знающий землю»), мастьирнинь-содама «физика» (букв. «знание земли»), мастьирнинь-сявий «завоеватель» (букв. «берущий страну»), путаманнинь содама «законоведение» (букв. «знание установления, закона»), сатнян-васта «замещаю» (букв. «достигаю (занимаю) место»), сельмя-фталнь «заочный», вирь-кильдэм «зверь» (букв. «лесной (дикий) зверь»), вайменинь штафтама «исповедь» (букв. «обнажение души»), сёрмас содай «книжник» (букв. «знающий грамоту»), удама-васта «кровать» (букв. «место, где спят»), пидяма-паняма куд «кухня» (букв. «дом, где варят-пекут»), вэньч-ваный «лоцман» (букв. «стерегущий судно»), ули-пинье «досуг», содай-ломань «маг» (букв. «знающий человек»), оцио-ляй, ляйнн-ляй «море» (букв. «большая река», «из река»), ковнь-арся-ма «месяцеслов», мастьирнинь-содама «физика» (букв. «знание земли»), тол-каннима «фонарь» (букв. «предмет для ношения огня»), ифке васца аций «стоячий» (букв. «стоящий на одном месте») и многие другие.

К приведенным неологизмам самым непосредственным образом примыкают лексические единицы с абстрактным значением, созданные с помощью мордовских словообразовательных суффиксов и суффиксоидов -ма, -алма, -ши, -кс, -ф, -нал, -васта, -шире, -тийма, например:

пара-ши «богатство», открыма «бойкость», пичя-нал, пич-нал «бор», эрязма «быстрота», оциумва «величество», таштама «вехность», оциулма «владычество», цебярыма «доброта», ладяма «договор», мяргама «завещание», пирыма «загораживание», нияма «знамение», варама «клятва», натёкама «мерзость», открыма «мудрость», ушес лифтяма «обнаружение»,

шкайс-путама «обожание», удама-васта «кровать», шачама-шире «отечество», явма-ширес «отлучение», вадяв-васта «равнина», ифке-верма, ифке-верныма «родство», рузнинь-шире «Россия», якстеркс «румянец», кяднинь сёрмадкс «рукопись», кядтийма «рукоделие», каньцф «траур» и т. п.

Приведем также некоторые характерные русские заимствования того периода:

ляяма, лайнама «bleahty» (< russk. «ляять»), боцканинъ-тий, боцкенинъ-тий «бочар», щоран «ворожу» (< russk. «чураться»), кода-нябудь «кое-как», ков-нябудь «куда-нибудь», даца, даце «оброк» (< russk. «дача»), гожне «опрятненький» (< russk. диал. «гожий») и др.

Таким образом, нет никакого сомнения в том, что опубликование словаря П. Орнатова было бы желательным и в наше время, поскольку в нем содержится достаточный материал для суждений о составе мокшанской лексики, семантике русских заимствований в мокшанском языке первой половины XIX в. и т. д.

История написания «Материалов для словаря мордовского»<sup>1</sup> и авторство не установлены. Подлинник написан на 160 полулистах, двумя почерками, так что он представляет собой коллективную работу. Основной текст отражает особенности центрального диалекта мокша-мордовского языка, а все написанное другим почерком относится к западному диалекту мокша-мордовского языка.

В графике и орфографии текста этого словаря имеются такие особенности, которых не было в письменных памятниках более раннего периода. Например, редуцированная гласная фонема /э/ после непалатализованных согласных в этом источнике регулярно передается графемой Ы с тильдой: мýрдафтýмс «заставить воротиться», мусыкýмс «мыть», «полоскать», пýльмýс «долбить» и др. После палатализованных согласных э обозначается буквой е. Например пелемс «бояться», «трусить», ресядемс «ударить», саньдемс «рубить сряду», сюцемс «бранить» и др.

Для обозначения позиционно обусловленного заднеязычного варианта н перед г и к также введен новый знак н̄. Например: пен̄ат «древа», рон̄га «стан» и др.

<sup>1</sup> Материалы для словаря мордовского. Рукопись 80 — 90 гг. XIX в. — Место хранения: Рукописный отдел русской книги научной библиотеки Казанского гос. ун-та. — Лл. 1 — 160.

Фонема [ä] передается через й с двумя точками наверху. Например: **тÿштÿ** «звезда», **тÿрдÿ** «пути», **тÿчи** «нынче», **обÿцÿ** «нрав» и др.

Есть определенное основание утверждать, что основной текст «Материалов для словаря мордовского» был использован при составлении «Первоначального учебника русского языка для мордвы мокши» (см. ниже)

До 10000 словарных статей содержится в «Словаре русско-мордовском мокшанского наречия».

Указанный словарь акад. А.А. Шахматов получил в начале XX в. от В.Н. Халаева, проживавшего в то время в г. Калуге. В одном из писем А.А. Шахматову В.Н. Халаев сообщил, что авторство словаря не установлено, но рукопись, по его мнению, относится к середине XIX в. Это предположение В.Н. Халаева следует признать близким к истине, в частности, на том основании, что в мокшанской части словаря еще употребляются «ять» и ъ. Как известно, в последней четверти XIX в. в мокшанских письменных памятниках эти графемы (особенно «ять») уже не употреблялись.

Поскольку в словаре представлен лишь лексический материал, трудно со всей определенностью говорить о диалектной основе мокшанской части. Однако судя по отдельным словарным единицам, можно заключить, что словарь составлен на говоре, близком к диалекту, лежащему в основе современного литературного мокшанского языка, и далеком от западного диалекта. См., например, такие слова, как: **тага** «еще», **нумыл** «заяц», **вазь** «шапка» и др., которым в западных говорах соответствуют **танга**, **шумбас**, **такъя** с теми же значениями.

Из всех мокшанских словарей дореволюционного периода рассматриваемый словарь самый большой. Поэтому целесообразность его издания и в настоящее время сохраняет свою силу.

### УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ НА МОКШАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Во второй половине XIX в. в отдельных мордовских селах открывались школы с русским языком обучения. В Казанской учительской семинарии стали готовить кадры и для мордовских школ. Так, в 1890/91 учебном году в Казанской учительской семинарии обучалось 19 человек мордовской национальности<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> См. список воспитанников Казанской учительской семинарии (из мордвы) за 1890/91 г. — ЦГА Тат. АССР, ф. 93.

Появилась потребность в издании учебных пособий на мокшанском и эрзянском языках. Эти пособия, предназначенные прежде всего для обучения русскому языку через родной язык, издавались преимущественно православным миссионерским обществом в Казани, которое, как известно, главное внимание уделяло переводу религиозной литературы на «инородческих» языках и ее распространению среди «инородцев».

Важным изданием этого общества является «Букварь для мордвы-мокши» (Казань, 1892, 53 стр.).

Букварь состоит из двух частей: Мордовского отдела и Русского отдела.

В графике этой книги имеются следующие особенности.

В мокшанских словах вовсе не встречаются буквы «ять» и ъ. Имеются дополнительные знаки с диакритикой для передачи специфических явлений в мокшанской фонетике: ä — для передачи а неполного образования, точнее — неударного а. Например: **алä** «внизу», **нурдä** «сани», **сурсä** «пальцем, пальцами, в пальце, в пальцах» (в современной орфографии соответственно: **ала**, **нурда**, **сурса**) и др.; ѫ — для передачи ä переднего ряда нижнего подъема. Например: **кядъ** «рука», **лÿпъ** «мягкий», **няйн** «вижу» (в современной орфографии соответственно: **кядь**, **ляпе**, **няян**) и др.; Ѽ — для передачи ненапряженного редуцированного гласного среднего ряда. Например: **мастýр** «земля, страна», **копýрь** «спина», **ашкýдýзя** «завернул он» (в современной орфографии соответственно: **мастор**, **копорь**, **ашкодозе**) и т. п.; н̄ — для обозначения позиционно обусловленного заднеязычного варианта н перед г и к . Например: **пангá** «гриб», **тинггá** «гумно», **ленггá** «лыко» (в современной орфографии соответственно: **панга**, **тинге**, **ленгя**) и др.

Глухие согласные фонемы [lh], [lyx], [ryx] и [yx], в отличие от звонких сонантов, не обозначаются специальными знаками. Например: **улка** «давеча, намедни», **налкан** «играю», **тортат** «помои», «гуща», **кортан** «говорю», **калт** «рыбы», **марть** «яблоки», **карть** «лапти», **пеельть** «ножи» (в современной орфографии соответственно: **улхка**, **налхкан**, **торхтат**, **корхтан**, **калхт**, **мархтъ**, **кархтъ**, **пеельхтъ** и т. п.

В 1897 г. вышло второе издание букваря с очень несущественными поправками в написании отдельных слов. Такой же букварь в двух изданиях вышел и для эрзянского читателя<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Букварь для мордвы-эрзи. С присоединением молитв и русской азбуки. — Казань, 1892; Изд. 2, 1894.

Графика и орфографическая система «Букваря для мордвы-мокши» имеют общность с графикой и орфографией «Первоначального учебника русского языка для мордвы-мокши»<sup>1</sup>.

Первоначальный учебник русского языка для мордвы-мокши представляет собою двуязычный русско-мокшанский словарь с кратким очерком русской грамматики на мокшанском языке.

В словаре приведено свыше 2000 русско-мокшанских лексических параллелей. В частности, в книге хорошо представлена специальная лексика и отраслевая терминология. Большое значение приобретает здесь опыт создания мокшанской терминологии, связанной с обозначением грамматических категорий русского языка. В грамматической части учебника имеются следующие грамматические термины на мокша-мордовском языке:

**сай пинкс** «будущее время», **тяниенъ пинкс** «настоящее время», **ётаф пинкс** «прошедшее время», **прилагательнайхъ** «прилагательные», **мужскай родбънь** «мужского рода», **существительнайсь** «существительное», **женскай родбънь** «женского рода», **средний родбънь** «среднего рода», **глаголт** «глаголы», **шама** «лицо», **лицада колма** «лиц три», **пингъ** (время) «время», **пинкта колма** «времен три» и др.

К этим терминам примыкают наименования предметов школьного обихода. Например:

**буквась** «буква», **книгань лувымста мон озада ашан стул ланска** «когда я читал книгу, сижу на стуле», **учениксь** «ученик», **тонафнемась валда — аф тонафнемась шобда** «ученье свет — неученье тьма», **лувымс** «читать», **познандайтъ** «ты опоздал в класс» и др.

К образцам склонения русских имен существительных в учебнике даны и мокшанские переводы. Русская форма именительного падежа единственного и множественного числа переводится мокшанским именем существительным основного склонения, а русские формы косвенных падежей — формами указательного склонения.

Форма творительного падежа единственного числа на мокшанский переводится разными способами: родительным

<sup>1</sup> «Первоначальный учебник русского языка для мордвы-мокши». — Издание православного миссионерского общества. — Казань, 1892. — 159 с.; Изд. 2. — Казань, 1897.

падежом указательного склонения с послелогом **марта** «с», одновременно местным падежом основного склонения и родительным падежом указательного склонения или же только формой местного падежа основного склонения. Например: **полем — паксъять марта**, **сараэм — латыса, латыть марта**, **камнем — кевса** и т. п.

Форма творительного падежа множественного числа переводится всегда формой родительного падежа множественного числа указательного склонения с послелогом **марта** «с». Например: **конями — лишмыйтнень марта**, **камнями — кефнень марта**, **ребрами — ирдеснень марта** и др.

Форма предложного падежа единственного и множественного числа на мокшанский язык переводится формой родительного падежа единственного и множественного числа указательного склонения с послелогом **кувалмыйва** «о». Например: **о сарае — латыть кувалмыйва**, **о сараях — латытьнень кувалмыйва**, **о голове — прять кувалмыйва**, **о головах — прятнень кувалмыйва** и т. д.

Перевод формы винительного падежа находится в зависимости от того, что обозначает существительное — одушевленный или неодушевленный предмет. Формой родительного падежа единственного и множественного числа указательного склонения переводятся имена существительные, обозначающие одушевленные предметы. Например: **кона — лишмыйть**, **коней — лишмыйтнень**, **старика — атять**, **стариков — атыйнень** и т. д. Именительным падежом единственного и множественного числа основного склонения переводится форма винительного падежа единственного и множественного числа существительных, выражающих неодушевленные предметы. Например: **карман — зепъя**, **карманы — зепйтъ**, **камень — кевъ**, **камни — кефт** и т. д.

В переводах форм склонения имен прилагательных нет отличий от переводов форм склонения имен существительных.

Следует, однако, отметить, что в ряде случаев падежные формы множественного числа у прилагательных на мокшанский язык переводятся формой **сказуемостного изменения**. Например:  **дальние — ичкызденнет**,  **дальних — ичкызденнетнень** и т. д.

В разделе «Глагол» даны формы спряжения глаголов изъявительного и повелительного наклонений, с мокшанскими переводами. В повелительном наклонении формы 3 л. единственного и множественного числа **пусть течет**, **пусть текут** и

т. д. на мокшанский язык переведены формами побудительного наклонения: **сон шудеза**, **синь шудест** и т. д.

Глаголы с модальными словами типа **хотеть читать**, **желать читать** в форме настоящего времени переведены в сослагательном наклонении. Например: Я хочу, желаю читать — мон лувбілень и т. п.

Во втором издании «Первоначального учебника для мордвы-мокши» (1897 г.) приведенные формы на мокшанский язык переведены точнее, с употреблением спрягаемого модального глагола **ёрамс** «хотеть», «желать», «собираться», «пытаться» перед основным глаголом, стоящим в инфинитиве. Но и во втором издании такие формы приведены лишь в единственном числе, а во множественном числе оставлены переводы, из первого издания.

Формы прошедшего времени глагольных сочетаний с модальными словами «хотеть, желать» переводятся на мокшанский язык формами желательного наклонения. Например: я хотел, желал читать — **мон лувбілексэлень** и т. д.

Между тем, приведенным русским формам в мокшанском языке больше соответствуют сочетания, строящиеся по модели: модальный глагол прошедшего времени в том или ином лице и числе плюс инфинитив на **-мс**. Например: **мон ёрань лувомс** «я хотел читать» и т. п.

Причастия настоящего времени на **-ущий**, **-ющий** переведены на мокшанский язык глаголом 3 л. единственного числа настояще-будущего времени изъявительного наклонения с присоединением указательных суффиксов единственного и множественного числа. Например: читающий — **лувись**, читающие — **лувихня**, текущий — **шудись**, текущие — **шудихня** и т. п.

Активные причастия прошедшего времени на **-вший** переведены на мокшанский язык сочетанием определительного местоимения **кона** «который» плюс глагол прошедшего времени 3 л. единственного или множественного числа изъявительного наклонения. Например: читавший — **кона лувсь** (букв. «который читал»); читавшие — **конат лувсьть** (букв. «которые читали»); текший — **кона шудесь** (букв. «который тек»); текшие — **конат шудесьть** (букв. «которые текли») и т. п.

Русские союзы **да**, **и**, **но** в учебнике во всех случаях переведены союзом **дай**. Например: Мальчик пишет и читает. — **Цё-ранясь сёрмады дай луви**; Собака лает и воет. — **Пинесь увай дай уркбиды**; Григорий умеет читать, но не учится. — **Григорийсь**

**машты лувбыма дай аф тонафни**; Егор умеет жать, но не жнет. — **Егор машты нума, дай аф нуй** и т. д.

Усилиительная частица **-ка** в мокшанских словах пишется через дефис. Например: **тон-га** «и ты», **офт-ка** «и медведи». Как исключение, в одном слове эта частица написана слитно: **пряцка** «и голова его».

Характерно то, что в большом количестве случаев в мокшанской части не приводятся соответствия к тем русским словам, которые прочно вошли в современный мокшанский, язык. Например: **лев, обезьяна, ласка, смелый, судак, щука, лещ** и многие другие.

Во многих словарных статьях приведены мокшанские дублетные слова, которые являются принадлежностью разных говоров. Например, отец — **аляр**, **тете**; мать — **тядя**, **тэрдя**, **ава**; дед — **атя**, **покше**; печник — **пянакуд** **марай**, **пяцкянь** **вачкай**; стол — **шыра**, **шердя**, **моркш**; ковщик — **эндя**, **кечбянь**; ложка — **кущю**, **пенч**; ножницы — **печкымат**, **васень** **пеельть**; крот — **максака**, **эрлең**; шиповник — **офтбянь** **покбяң**, **казянь** **сакал** и др.

Не исключена возможность, что в ряде случаев в словарных статьях в мордовской части приведены слова из эрзянского языка или же из таких мокшанских говоров, которые испытывали влияние эрзянского языка. См., например, такие словарные статьи: ворона — **варси**, **варака**; ласточка — **пзыгата**, **цинавнэ**; липа — **пяшшя**, **пекше**; гром — **атям**, **пурьгэнэ**; дуть — **уфамс**, **пувамс**; столетие — **сяда-киза**, **сяда-ие**; пчела — **мешь**, **мекшь**; муравей — **паньжам**, **котбидав** и др.

Сказанное относительно графики и орфографии «Букваря для мордвы-мокши» целиком относится и к системе графики и орфографии — «Учебника русского языка для мордвы-мокши». В обоих этих источниках применены одни и те же принципы правописания.

Следует подчеркнуть, что, в отличие от других дореволюционных изданий (особенно переводов евангелия, катехизиса и другой миссионерской литературы), «Первоначальный учебник русского языка для мордвы-мокши» имел определенное распространение среди мокшанского читателя. Можно утверждать, что часть дореволюционных русских заимствований в мокша-мордовском, как и в эрзя-мордовском языке имеет книжное происхождение, или во всяком случае такое, которое связано со школой. Через школу могли проникнуть в дореволюционный период наименования предметов школьного обихода. Например: **букварь**, **тетрадь**, **ручка**,

**карандаш, чернила** и т. д. Сюда же относятся названия действий и иных понятий из школьной практики. Например: **диктант, диктовка, рисование, черчение, изложение, сочинение** и т. п. В проникновении в мокшанский язык этих и других подобных слов из русского языка определенную роль могли сыграть и такие книги, как «Букварь для мордвы-мокши» и «Первоначальный учебник русского языка для мордвы-мокши».

Следующим учебным пособием является русско-мордовский словарь Н. Гаврилова<sup>1</sup>.

В первой (словарной) части этой книжки приведено свыше тысячи русско-мордовских словарных соответствий. В мордовской части фигурируют преимущественно мокшанские слова, эрзянские же слова приводятся под звездочкой. В начале словаря имеется сноска следующего содержания: «Где звездочки нет, то это слово одинаково в обоих наречиях». В ряде случаев это примечание, однако, не отражает истинного положения дел, особенно в таких словарных статьях, как: **каша — ям**, **картофель — модамарь**, **их — синь**, **пчела — меш**, **напротив — утарста** и др. В мордовской части приведены слова чисто мокшанские, так как в эрзянском в этом случае соответственно были бы: **каша, картука, сынь, мекш, каршо** и т. д.

В конце мокшанских слов употребляется еще твердый знак **ъ**, но, как и в других письменных источниках этого периода, уже вовсе не встречается **«ять»**.

В написании сложных слов и словосочетаний нет твердых принципов. В большом количестве встречаются слитные написания. Например: **суркуд** «наперсток», **шинькучка** «полдень», **сермалангак** «подпись», **сидестали** «часто ли» и т. д. В меньшем количестве случаев имеем дело с дефиксным написанием. Например: **содай-ломань** «мудрец», **стак-шиня** «будни», **сермаса-содай** «книжник», **оцио-ляй** «море» и т. п. Но преобладают случаи раздельного написания компонентов словосочетаний и сложных слов. Например: **сельмя марь** «зрачок», **сай кизоть** «будущий год», **лиенди шеер** «летучая мышь», **коса бади** «где-то» и т. д.

Большой интерес несомненно представляет написание русских заимствований. Например: **серебря** «серебро», **рака** «рак», **пуль** «пыль», **каяндама** «покаяться», **няужли** «неужели»,

<sup>1</sup> Н. Гаврилов. Русско-мордовский словарь. Мокшанско-эрзянское наречие. С приложением кратких сведений из этимологии. Допущен в качестве учебного пособия попечителем Харьковского учебного округа для учителей мордовских школ. — Пенза, 1899.

**кукшень** «кувшин», **кстиндавма** «креститься», **кресь** «крест», **ксяль** «кисель», **куась** «квас», **капста** «капуста», **крандажь** «карандаш», **завиднамс** «завидовать», **дышадынданма** «дышать», **думадынданмыс** «думать», **воехю** «вовсе», **вина** «вино», **вязде** «везде», **берягъ** «берег» и т. п.

Как видно из примеров, русские заимствования в мокшанской части записаны согласно их произношению в мокшанском языке. В этом большая ценность рассматриваемого словаря как письменного источника.

Фонема [ä] передается непоследовательно: то через **е**, то через **я**. — Например: **мелавня** «бабочка», **козя** «богатый», **пекя** «брюхо», **тельмя** «венник», **сельме** «глаз», **вайгель** «голос», **идьне** «дитяtko», **паксе** «поле», **пяше** «липа» и т. д.

Особенно неупорядочено написание редуцированного гласного **э**. Этот звук передается в разных словах через **ы** (**утым** «амбар»), **о** (**омбоце** «другой»), **а** (**гагат** «бумага»), **я** (**улямс** «быть»), **е** (**сявемс** «взять»), **и** (**ниямс** «глядеть»), или же никаким знаком не обозначен (**ктнама** «кудахтать», **рдас** «грязь»).

В точности графической передачи фонетических явлений мокшанского языка словарь Н. Гаврилова значительно уступает букварю и первоначальному учебнику русского языка для мордвы-мокшан.

Небольшая работа П. Масловского «Методический словарь»<sup>1</sup> представляет собой обычную тетрадку на 9 листках. (О П. Масловском см. приложение II. 7).

Словарь П. Масловского отражает особенности говора мордовского села Юрткуль б. Спасского уезда Казанской губ. Об этом свидетельствуют отдельные предложения, встречающиеся во второй части словаря. Например: — **Костыннат тон?** — **Велеста.** **Семинарсыян.** **Юркульсыян.** — Откуда ты? — Из села. Семинарский я. Юрткульский.

В словаре П. Масловского слова расположены в 3 столбца: «по-мокшански», «по-эрзянски», «по-русски». Но эрзянских слов всего дано лишь 6, дальше средний столбец, выделенный для эрзянских слов, остался незаполненным. Мокшанские слова расположены не по алфавиту, а по предметным группам. Но и такая группировка до конца не выдержанна.

<sup>1</sup> П. Масловский. Методический словарь. — 1866. Рукопись, хранящаяся в рукописном отделе русской книги научной библиотеки Казанского гос. ун-та. — Лл. 9.

Во второй части «Методического словаря» помещены образцы разговорной речи на бытовые темы. Всего дано свыше 100 предложений. Третья часть словаря представляет собой образец перевода с русского языка на мокшанский небольшого текста из евангелия от Матфея. В четвертой части имеются краткие замечания о буквах, употребляемых для выражения звуков мордовского языка. Перечисляются также диакритические знаки.

В целом «Методический словарь» П. Масловского и по охвату лексического материала, и по системе правописания мокшанских слов представляет собой ординарное явление в ряду других более значительных и оригинальных памятников такого рода.

### ПРОИЗВЕДЕНИЯ МОКШАНСКОГО УСТНО-ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

До 1917 г. устная поэзия у мордвы была основной формой словесного искусства. Устно-поэтические традиции сыграли большую роль при формировании мокшанской письменной литературы и литературно-письменного языка. Без учета устно-поэтических традиций невозможно понять и современного состояния мокшанской поэзии и литературного языка, находящих свое воплощение и выражение в произведениях современной мокшанской художественной литературы.

Изучение устной поэзии мордовского народа началось до Великой Октябрьской социалистической революции. В связи с исследованием духовной культуры народов России передовые учёные XIX в. проявляли большой интерес и к мордовскому фольклору. В периодической печати XIX в. публиковались в большом количестве произведения устно-поэтического творчества мордовского народа: песни, предания, пословицы, сказки и т. д., и т. п. Ценность таких публикаций с точки зрения культурно-исторической несомненна. Вместе с тем они представляют большой лингвистический интерес, поскольку эти тексты обычно составлялись на различных диалектах мордовских языков, а иногда давались и в фонетической транскрипции, что, как известно, особенно важно для их изучения с точки зрения исторической фонетики, грамматики и лексикологии мордовских языков.

Вначале произведения устного народного творчества мордвы печатались лишь в русском переложении. Но уже начиная с 30-х годов XIX в. в русской печати стали появляться отдельные произведения на мокшанском и эрзянском языках вместе с параллельными переводами их на русский язык.

Впервые оригиналы нескольких мокшанских песен опубликовал М. Попов в XVI томе журнала «Сын отечества и Северный архив» в 1830 г. Затем этот же автор выступил в газете «Санктпетербургские ведомости» с большой публикацией под названием «Селиксенская мордва» (1834, № 3 — 37). В этой статье приведен ряд отрывков из свадебных причитаний мордвы-мокши.

Газета «Русский инвалид» (СПб., 1846, № 15, стр. 57 — 58) опубликовала статью без указания автора под названием «Свадебные обряды мордовов в Саратовской губернии». В статью включено несколько отрывков из свадебных причитаний мордвы-мокши.

В середине XIX в. целый ряд мокшанских и эрзянских песен по поручению П.И. Мельникова (Печерского) записал сельский диакон Орлов. Материалы Орлова хранятся в РО ГПБ в фонде Титова под № 2339.

В «Заметке о мордвах» Т. Шишкина (ж. «Век». СПб, 1861, № 48, стр. 1355 — 1358) опубликован отрывок свадебной песни.

Во второй половине XIX в. большое количество фольклорных текстов на мордовских языках печаталось в периодической прессе, особенно в губернских и епархиальных ведомостях (Нижегородских, Пензенских, Саратовских, Симбирских, Тамбовских) и некоторых других серийных изданиях.

К концу XIX в. записи произведений мордовского устно-поэтического творчества все чаще и чаще осуществлялись в фонетической транскрипции. Это значительно повысило точность графического воплощения звуковых особенностей и мелодической структуры образцов мордовской народной поэзии. К публикациям такого рода относятся, в частности, «Образцы мордовской народной словесности. Вып. 1. Мокшанские песни», изданные М.Е. Евсевьевым в 1896 — 1897 гг. (см. «Изв. ОАИЭ», т. XIII, вып. 6 и т. XIV, вып. 1).

В указанном сборнике М.Е. Евсевьева опубликовано 24 мокшанские песни (всего около 1000 строк). Песни снабжены русскими переводами.

### Об особенностях транскрипции М.Е. Евсевьева

Транскрипция М.Е. Евсевьева основана на русской графической системе. В ней нет следующих букв: «ять», ъ, ѿ, ѿ, я, которые встречаются в русском переводе мокшанских песен.

Палatalизация согласных обозначена специальным диакритическим знаком сверху над соответствующими буквами

(например: **м**, **н**, **с** и т. д.). Палатализация отмечается у всех групп согласных — парных и непарных. Но у последних, как известно, мягкость имеет только позиционный характер и поэтому нефонематична. Примеры из текстов М.Е. Евсевьева.

1) **судуф** «несчастный», **парсий** «шелковый», **ту́с** «поехал (он)», **о́цу** «большой», **тамак шав** «не убивай меня» и т. д.;

2) **пиравама** «пировать», **мäс** «зачем», **ша́чеза** «пусть уродится», **шчафке** «одета она», **текбизт** «в твой живот», **фкä** «один», **пäшä** «липа» и др.

Фонема [й] передается латинским ј, например: **јуртызéн** «двор мой», **јоткса** «средний», **пајар** «боярин», **вај** «ах», **кајасак** «бросить», **аф јарца** «не ест», **јувда** «мякину», **јакун** «Якова» и т. п.

Фонема [ä] обозначается знаком ä, например **ҫäвымс аф ҫäфтä** «взять-то я не возьму тебя», **вáрдä** «сверху», **татäвыдä** «не пугайся», **äр базарнä** «в каждый базарный (день)» и др.

Редуцированный гласный э передается буквой Ы с тильдой, например: **пачкый** «приехал он», **брадбýн** «братья», **мокбýрнä** «подставочка», **урмайафтбымс** «хворым сделать», **тýрвава** «по краю» и т. д. Иногда с помощью знака ы, по-видимому, обозначается не редуцированное, а Ы — вариант фонемы [и], например: **ванбýниб** «осматривает его», **маштбýкскас** «лихорадка» (с уменьш. суфф.), **аф саты** «не досстанет», **удбý** «спит», **тавадбý** «укроется» и пр.

Фонема [э] обозначается также буквами е и э (часто после ј), например: **пáјэлт** «этот нож», **аф ńајэви** «не видно», **ружејнек** «ружейник», **стиртнéн** «девушек», **вешенди** «ишет», **мушенды** «находит», **шáјэт** «шлялся ты», **кулцэнкшны** «подслушивает», **вёлеста** «из села», **мäргэлёт** «сказала бы ты», **сејэндэзéн** «расчесала она их», **кулэс** «умер он», **палэлт** «горели они» и т. д.

Фонема [е] в начале слова всегда передается буквой э, например: **э́стинза** «себе», **эста** «тогда», **энáлдема** «просить» и др. Не в начале слова фонема /e/ обозначается графемой е, например: **мезéн** «какой», «что за», **тердедäз** «пригласили тебя», **келунäти** «березке», **пеñама** «пенять», **сéдиниац** «сердце ее», **вёлеста** «из села», **тевнац** «его дело», **вëд** «вода» и т. п.

Позиционный вариант фонемы [н] — н перед г и к передается через нг например: **кенкшиныц** «дверь его», **ронгбýнаc** «стан», **пивангска** «за пивом» и др.

Глухие согласные фонемы [lx], [льх], [px], [рх] и [йх] обозначаются у М.Е. Евсевьева простыми буквами: л, ль, р, рь, ј,

например: **кортак** «говори», **кулцбýнды** «послушивает», **сыркак** «иди», **мартина** «с ним», **култä-марäтä** «слушаю тебя», **сырк-сат** «собираешься», **сајт** «идут», **моjтама** «пойдем», **марта** «с» и т. п. Имеется лишь один случай обозначения фонемы [йх] с помощью диграфа ѡх: **ńајхтанза** «увидит тебя».

Следует отметить, что система транскрипции, примененная М.Е. Евсевьевым в «Мокшанских песнях» была использована (кроме латинского ј) в графике мокшанского литературного языка конца XIX и начала XX вв.

В 1905 г. интересную публикацию мокшанских загадок осуществил Н. Барсов — известный исследователь мокшамордовского языка и переводчик на мокшанский язык. В «Образцах мордовских загадок» Н. Барсова, опубликованных в 6-м выпуске «Сборника Пензенского губернского статистического комитета» (Пенза, 1905, стр. 98—100), применена следующая система графического обозначения мокшанских фонем и их вариантов.

Фонема [ä] обозначается диграфом яе, например: **тяепень-тяепене** «тихонько», **атяезе** «дед мой», **сяземсь** «сердцевина», **учаняезе** «моя овечка», **яерь** «каждый» и т. д.

Фонема [э] передается твердым знаком ъ, например: **яфъ-дян** «взмахну», **ъръвац** «его жена», **омъбъеста** «с другого», **пильгънзын** «его ноги», **ламънцы** «многому», **пъка** «бык», **пърдась** «собирал» и т. д.

Палатализация согласных в позиции перед другими консонантами обозначается в большинстве случаев мягким знаком ъ, например: **аныцяк** «только», **каньтъфысь** «конопля», **шачсьть** «родились они», **соңыц** «он сам», **аваръян** «плачу» и др.

В передаче других особенностей мокшанского вокализма и консонантизма в графической системе Н. Барсова нет существенных отличий от других публикаций на мокшанском языке рассматриваемого периода.

Для читателя дореволюционного периода, несомненно, большое значение имели двухтомные «Образцы мордовской народной словесности» (Казань, 1882 — 1883). Этот обширный сборник произведений мордовского фольклора имел действительно широкое распространение среди грамотной части мордвы-эрзи и мокши. Поэтому естественно, что отдельные фольклорные сюжеты могли впервые получить известность среди мордовского населения в результате чтения и пересказа печатных «Образцов мордовской народной словесности» (см. гл. II).

## ПЕРЕВОДЫ НА МОКША-МОРДОВСКИЙ ЯЗЫК

Первые переводы связных текстов с русского или церковнославянского языка были пословными, в них мало учитывались особенности строя мордовского предложения. Поэтому смысл таких переводных текстов без русского оригинала часто даже понять невозможно<sup>1</sup>.

Качество переводов на мокшанский язык улучшилось в последней четверти XIX в. Особенно отличается в этом отношении брошюра «Крещение Руси», вышедшая на мокшанском языке в серии изданий Казанского православного миссионерского общества<sup>2</sup>.

Данная брошюра представляет собой не простой мокшанский перевод русского текста слово в слово, а художественное повествование об истории крещения Руси на основании, по-видимому, того источника, который нужно было перевести с русского языка на языки народов Поволжья. Причем документально подтвержден тот факт, что мокшанский текст брошюры в свою очередь является переводом с эрзя-мордовского языка (см. прилож. II. 11). Есть основание предполагать, что перевод на эрзянский язык был сделан с авторскими «вольностями» и другими отступлениями.

В брошюре излагаются полумифические сказания о крещении князя Владимира. Но рядом с этим в одном и том же контексте уже со второй страницы появляются интерполяции на мордовские темы, например, о том, что мокшане раньше, как и русские, были язычниками и что благодаря русским стали крещеными. А во второй половине брошюры дан краткий очерк языческих верований мокшан и истории их крещения, начиная с эпохи Ивана IV.

Брошюра написана, как и другие издания миссионерского общества в Казани, на основе русской графической системы.

Из особенностей орфографии обращает на себя внимание употребление буквосочетания **ью** в середине и конце мокшанских слов для обозначения палатализации предшествующего согласного и гласной фонемы [u]. Например: **оцуу** «большой» (вм. **оцю**), **ёньюста** «умно» (вм. **ёнюста**) и др.

<sup>1</sup> См. например: Сочинения в прозе и стихах, на случай открытия Казанского наместничества, в публичном собрании на разных языках говоренные в тамошней семинарии декабря 26 дня, 1781 года. — М., 1782.

<sup>2</sup> См. полное название этой брошюры: Крещение Руси при святом князе Владимире. На мокшанском наречии мордовского языка. Издание православного миссионерского общества. — Казань, 1891.

Звукосочетание **йу** в начале слова обозначается, как и в русском языке, буквой **ю**. Например: **юкстазъ** «забыли они» и т. д.

Употребление буквы **ё** связано с обозначением:

а) звукосочетания **йо** в начале слова, например: **ёлма** «маленький», **ёткста** «из середины», **ёрасазъ** «пытаются» и др.;

б) гласной фонемы [o] и палатализации предшествующего согласного в середине слова, например, **цёразенъ** «моего сына», **сёра** «зерно», **крёсти** «к кресту», **сёрматфэль** «было написано» и др.

Фонема [ä] последовательно обозначается буквой **я**. Например, **тядя** «в этом году», **меля** «в прошлом году», **сембя** «все», **станя** «так», **явызя** «разделил он», **марязя** «услышал он», **мяргсъ** «сказал он» и т. д.

Этой же буквой **я** обозначается:

а) фонема [a] и палатализация предшествующего согласного в середине слова перед другими непалатализованными согласными. Например: **илякс** «иначе», **атят** «старики», **эряма** «жить», «жизнь» и т. п.;

б) звукосочетание **яа** в начале слова перед последующим непалатализованным согласным. Например: **ярцамс** «кушать», **ярмакт** «деньги» и др.

В слове **ярь** «каждый», «любой» буквой **я**, по-видимому, передается звукосочетание **йä**, иначе говоря, **й**-отированное **ä** перед палатализованными согласными. Это же **йä** должно скрываться в словах **яведи** «испугается», **яськедезъ** «распяли, пригвоздили они», **яшиня ланкс** «на колодец» и др.

Фонема [э] передается буквой **э**. Например: **кепэцазъ** «поднимут его (их)», **киээнъ** «летний», **мастэрсэнэк** «в нашей стране», **лемэц** «его имя», **ошээнза** «в его город» и т. д.

После палатализованных согласных **э** обозначается буквой **е**, например: **кармэсесть** «начинали они», **шавындзыенъ** «убивал он их», **сывызень** «взял он их» и др.

В ряде случаев после непалатализованных согласных **э** передается и буквой **ы**, например: **сыркась** «собирался он», **кырвястизъ** «поджег он», **кулщэндызень** «послушал он их» и др.

Если редуцированное **э** стоит между смычным и сонантом, то оно, как и в современной мокшанской орфографии, часто обозначается нулевой графикой, например: **прдасъ** «собрал он», **мрдасъ** «вернулся он» и др.

Если в середине слова буква **э** во всех случаях употребляется для обозначения редуцированной гласной фонемы [э], то в начале слова этой буквой, как правило, передается:

1) фонема [e], например: **эсь** «свой», **эрямс** «жить», **эста** «тогда» и т. д.;

2) фонема [ä], например: **эриклась** «ожил он», **эриклафнесь** «оживлял он»;

3) фонема [æ], например: **эръвакс** «замуж».

В основе обозначения позиционно обусловленных глухих вариантов звонких согласных фонем лежит фонетический принцип, т. е. глухие варианты звонких фонем передаются глухими согласными буквами.

Но нередко встречаются написания, которые осуществлены на основе фонематического принципа орфографии. Например: **нельгсемя** «отнимать» (в произношении: **нельксэмä**, но ср. **нельгомс** «отнять»), **мярьгс** «он сказал» (в произношении **мяркç**, однако ср. **мярьгомс** «сказать») и т. д.

Судя по колебаниям, которые допущены при графическом обозначении глухих фонем [lx], [льх], [px], [рх] и [йх], последние еще не осознавались как самостоятельные наименьшие смыслоразличительные единицы речи, отличающиеся от фонем [p], [p'], [l], [л'] и [й], из которых исторически первые развились как фонемы.

Фонема [lx] повсюду обозначается одинарным л, например: **кулцэндызынь** «он выслушал их», **кармась плтамэст** «он начал жечь их» и др. Одно исключение: **валхня** «слова-те».

Фонема [льх] обозначается, как и в современной мокшанской графике, буквосочетанием **льх**, например: **печксельхть** «резали они», **сельхть** «сажени» и т. д. Но нередко указанная фонема графически передается, как и сонант **ль**, буквосочетанием **л+ь**. Например: **пеельть** «ножи», **афальть са** «не пришли бы они», **салть** «пришли бы они» и др.

Фонема [px] так же, как и вибрант [p], часто передается одиночной буквой **p**, например: **кортазя** «он уговорил его», **мартаэст** «с ними», **сыркась** «собрался он» и т. д. Но наряду с таким обозначением в довольно большом количестве слов встречаем обозначение через буквосочетание **px**, например: **болгархня** «болгары», **оцзазэрхне-вэк** «и цари», **мастэрхнень** «стран» и т. д. Мягкая фонема [рх] так же, как и фонема [p'], выражается через **p** с мягким знаком **ь**, например: **аф цебярьть** «некороющие».

Глухая фонема [йх], как и в современной мокшанской графике, после гласного и передается одиночным **х** (**молихть** «идут», **озэнкшихть** «молятся» и т. д.), после других гласных — буквосочетанием **йх**, например: **вейхкса** «девять», **кяжийхть** «рассердятся», **беднайхть** «бедные» и т. д.

Фонетический принцип орфографии лежит и в основе обозначения палатализации согласных.

Из других особенностей правописания следует отметить написание через дефис частиц, примыкающих к именам существительным, местоимениям, глаголам и т. д. Например: **мокшотненъди-гя** «и мокшанам», **сон-га** «и он», **мокшотне-вэк** «и мокшане», **конанцты-гя** «кому-нибудь», **эста-кигя** «сразу же, тут же», **мириндаль-бэ** «помирился бы он», **кивэк** «кто-нибудь» и т. п.

По этому же принципу написаны парные сочетания типа **фкя-фкянь** «друг друга», **ламэнь-ламэнь** «помногу» и др.

Диалект, на котором написан рассматриваемый текст брошюры, близок к мокшанским говорам Рыбинско-Мамолаевского куста. Это подтверждается, в частности, наличием большого количества слов с глухими согласными в анлауте, которым в других говорах обычно соответствуют звонкие. Например: **паярт** «бояре», **шив** «живой», **патянза** «дяди, братья ее» и т. д.

То, что брошюра написана не на инсарском (юго-восточном) диалекте, подтверждается отсутствием перехода **й > ѿ** в позиции перед **т** в глаголах 3 л. мн. ч. наст.-буд. вр. изъявительного накл. безобъектного спряжения, например: **лихтихть** «выносят» (в инс. диал. мы имели бы: **лиштихть**), **эряихть** «живут» (в инс. диал. было бы **эряшть**) и др.

В тексте рассматриваемого памятника не встречаются притяжательные формы для выражения предмета обладания ед. ч. при 1 и 2 л. обладателей мн. ч. Это является достаточным аргументом, чтобы не приписывать языку памятника западного (зубово-полянского) типа.

Ср.:

<i>В брошюре</i>	<i>В западном диалекте</i>	<i>Русское значение</i>
<b>сявиня ошэнтыень</b>	<b>с'ёвийä ошэн'д'эс'т'эн'</b>	«я взял город-ваш»
<b>ули сестрантыя</b>	<b>у́л'и с'естран'д'эс'т'</b>	«есть у вас сестра»
<b>идик мастиэрнекень</b>	<b>ид'эк мастиэрн'эс'кэн'</b>	«спаси нашу страну»
<b>минь аф кирьцаськ</b>	<b>мин' аф кир'цас'к</b>	«мы не держим сестру свою» и т. д.
<b>сестранекень</b>	<b>с'естран'эс'кэн'</b>	

В рассматриваемом письменном источнике широко представлена заимствованная лексика. В сравнительно небольшом тексте брошюры насчитывается до сотни лексических единиц, заимствованных из русского языка или же через русский язык из греческого и старославянского.

Кроме «Крещения Руси», во 2-й половине XIX в. на мокшанский язык были осуществлены и другие переводы высокого качества, как, например: Ев. от Луки 1891 м, История 1897 м, Барсов 1901 м и т. п.

Как можно судить по составу заимствований, в мокшанских и эрзянских дореволюционных письменных памятниках нашла отражение вся основная лексика церковно-богослужебного характера. Например: **ад, апостол, архиерей, братия, венчаться, вера, грешный, закон, крест, креститься, молитва, монах, молебен, обедня, образ, паникадило, поп, пророк, рай, распять, риза, святой, служба, собор, судить, церковь, чудо** и др.

Переводческая практика не только письменно закрепила многочисленные заимствования из русского языка, но и породила большое количество калек, обогативших лексико-фразеологический состав мокшанского и эрзянского языков.

## ВЫВОДЫ

В первой главе зарегистрировано 30 рукописных источников XVIII в., в которых фигурируют лексические и текстовые записи на мордовских языках. Из этих источников 26 составлены средствами русской графики и лишь 4 — на основе латинской графики.

Большинство текстовых и лексических записей в XVIII в. осуществлено на эрзя-мордовском языке (23 источника). Мокшанский же материал представлен лишь в 7 источниках.

Памятники письменности, содержащие материалы на мокша-мордовском языке, распределяются следующим образом: 5 рукописей написаны на основе русской графической системы, 2 рукописи составлены на основе латинской графики.

Материалы на эрзя-мордовском языке распределяются так: 21 рукопись имеет русскую графическую основу и лишь 2 — латинскую.

Таким образом, мордовские рукописи на основе графической системы русского языка по объему несколько раз превышают все написанное средствами латинской графики.

По содержанию мордовские рукописи распределяются на словарные и текстовые. Словарные источники как правило представляют собой параллельные списки слов на русском или же латинском, немецком и некоторых других языках с соответствующим переводом их на тот или иной мордовский язык.

Объем указанных списков слов в одних случаях ограничивается всего лишь несколькими десятками лексических единиц, но другие памятники мордовской лексикографии XVIII в. включают по несколько тысяч словарных статей. Так, например, в «Словаре языка мордовского» (см. № 12) дано свыше 2500 слов, а в «Словаре языков разных народов...» Дамаскина (см. № 13 — 14) имеется более 11 000 словарных статей. Однако мордовская лексикография обозреваемого периода располагает лишь двумя такими большими памятниками. Остальные рукописные лексикографические источники гораздо меньшего объема.

В перечисленных выше списках слов и словарях XVIII в. записано большое количество лексических единиц, которые уже не встречаются в современных мордовских языках или же

употребляются с иной семантической нагрузкой. Кроме того, в этих словарях (и, конечно, в переводах) встречаются неологизмы, регистрация которых приобретает особенно большое значение для лексикологических исследований по мордовским письменно-литературным языкам.

Текстовые записи, имеющие по сравнению со словарными несомненно большую ценность для истории языка, также являются переводными. В XVIII в. на мордовские языки был переведен ряд произведений церковной литературы (катехизис, священная история и т. п.). Качество переводов в целом было невысоким. Чаще всего осуществлялись буквальные переводы. Вместе с тем такая практика переводов не могла не породить лексических и синтаксических калек, некоторая часть которых впоследствии закрепилась и в устной мордовской речи.

К наиболее значительным рукописным памятникам письменности на эрзя-мордовском языке относятся переводы священной истории и катехизиса. На мокша-мордовском языке в обозреваемый период, по нашим сведениям, не было создано ни одного крупного текстового памятника.

Нельзя не отметить, что качество рукописных текстовых и словарных материалов с точки зрения их графической передачи в целом выше того, что дошло до нас в печатном виде. В печатных источниках XVIII в. большая часть ошибок в мордовских текстах падает на опечатки и другие всевозможные типографские недосмотры. Однако и в рукописных и печатных источниках преобладал фонетический принцип письма. Отклонения от этого принципа связаны с влиянием принципов русской орфографии и особенно орфографии тех русских слов, которые были заимствованы мордовскими языками. Можно констатировать, что в XVIII в. русские заимствования в мордовских языках в фонетическом отношении ближе стояли к оригиналу. Состав и фонетическое освоение русских заимствований по показаниям мордовских памятников письменности составляют интересную тему исследования. Результаты такого исследования могли бы дать много важных сведений и решений в области лексикологии и исторической фонетики мордовских языков.

Сбор лексических материалов и составление текстовых памятников мордовской письменности связаны с деятельностью И.Х. Аделунга, Л.И. Бакмейстера, Г.Ф. Миллера, П.С. Палласа, Д. Семенова-Руднева (Дамаскина), В.Н. Татищева, И.Э. Фи-

шера и некоторых других ученых XVIII в., принимавших участие в широких мероприятиях Академии наук по изучению экономико-географических и этнографических особенностей многочисленных народов и племенных групп русского государства. Наиболее значительные письменные памятники на мордовском языке были созданы в Нижегородской семинарии в период миссионерской деятельности в Нижегородском крае епископа Дамаскина.

Необходимо подчеркнуть, что рукописных памятников мордовской письменности XVIII в., по-видимому, было значительно больше, чем установлено в настоящей работе. Для поисков и изучения письменных памятников на мордовских языках специалисты пока что не предпринимали необходимых мер. Между тем вовсе не исключено, что в отдельных фондах и рукописных коллекциях, которыми так богаты архивы и библиотеки нашей страны, исследователя ждут новые важные источники, полнее характеризующие особенности первоначального этапа развития мордовской письменности.

1. Проведенное исследование показывает ошибочность точки зрения о том, что «до победы Великой Октябрьской социалистической революции мордовский народ не имел своей письменности»<sup>1</sup>. Мордовская письменность по своему происхождению неотделима от письменности русской. Мордовское письмо создавалось на русской графической основе в связи с усилением распространения христианства (XVIII в.).

2. До 1917 г. на мокшанском и эрзянском языках было издано, по нашим подсчетам, не менее полсотни отдельных названий мордовских книг (XIX в. — первая четверть XX в.). Кроме того, мордовские языковые материалы разного объема и содержания были опубликованы также в десятках книг, изданных на русском или западноевропейских языках (последняя четверть XVII в. — XIX в.). На протяжении более двух столетий накопился большой рукописный фонд на мокша- и эрзя-мордовских языках.

3. Изданная и рукописная мордовская литература дореволюционного периода по содержанию представляет собой словари, грамматики, переводы, тексты произведений устно-поэтического творчества, учебные пособия и т. д.

<sup>1</sup> Б. П. К и р д а н. Особенности формирования литератур угро-финских народов (на примере мордовской литературы) // Congressus Quartus Internationalis Fennio-Ugristarum. Tézisek. — Budapest, 1975. — С. 99.

4. На последнем этапе развития мордовских письменно-литературных языков до Великого Октября (80-е годы XIX в. — первая четверть XX в.) мордовское правописание достигло сравнительно высокого уровня нормированности. Вариативность в орфографии возникала прежде всего из-за непоследовательного применения морфологического принципа наряду с фонетическим, который оставался господствующим на протяжении всей дореволюционной истории мордовской письменности.

5. Включение лексики разных мокшанских или эрзянских говоров в ткань того или иного письменного текста, создававшегося на определенной диалектной основе, носило, как правило, сознательный характер и, следовательно, было обусловлено социальной задачей сделать печатаемые произведения удобопонятными для наибольшего числа носителей мокшанской или эрзянской речи. Вместе с тем памятники мордовской письменности содержат мало материала, который бы свидетельствовал о стилистической маркированности тех или иных пластов мордовской лексики (язык мордовского фольклора — исключение).

6. Переводы под пером М.Е. Евсевьева, Н.П. Барсова и некоторых других отличаются исключительной точностью; мордовский текст таких переводов, как, например, «Крещ. Руси при Владимире 1888 э», «Крещ. Руси при Владимире 1891 м», «Барсов 1901 м», «Ев. 1910 э», «Рассказ 1894 э» и некоторых др. открывает серию образцовых памятников мокшанского и эрзянского литературных языков.

7. Функции мордовских письменно-литературных языков до Великой Октябрьской социалистической революции были предельно ограниченными. Известно, что письменность на языках малых народностей в условиях царского режима официально предназначалась исключительно для миссионерских целей, а в школах использовалась «только как временное орудие», чтобы не было «вследствие этого, нужды в усилиях для литературной обработки инородческих наречий<sup>1</sup>. Отсутствие благоприятной социально-исторической почвы никак не могло способствовать функционально-стилистической дифференциации мордовских письменно-литературных языков или развитию жанров в мордовской литературе. Тем не менее и в ту эпоху были созданы замечательные памятники мордовской письменности, и это случилось не благодаря господствовавшему порядку в обществе, а

<sup>1</sup> Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. — С. 20.

вопреки этому порядку (см., например, «Сл. Учаева-Шахматова 1908 э», «Образцы 1882 — 1883» и др.).

8. Важнейшие свойства мордовских литературных языков рассмотренного периода:

а) отсутствие устной разновидности как мокшанского, так и эрзянского литературного языка;

б) развитие лишь одной — письменной — формы указанных языков с весьма широкой нагрузкой в ней локализмов (иначе говоря — устно-разговорной стихии);

в) весьма слабая по силе проявления тенденция к формированию над диалектных элементов в мордовских письменно-литературных языках, остававшихся в классово расчлененном обществе достоянием лишь чрезвычайно узких слоев мокшанского и эрзянского населения;

г) отсутствие поливалентности, а также общеобязательности установленной в письменно-литературных языках системы для всех членов мокшанского или эрзянского языкового коллектива;

д) на фоне достаточно богатых изобразительных возможностей живой (диалектной) речи и при жанровой ограниченности литературной продукции — незначительная степень стилистической дифференциации письменной формы мордовских литературных языков;

е) черты обработанности и нормативности в мордовских письменно-литературных языках также относились к категории тенденций, но не к явлениям стабильного характера.

9. Средства латинской графики в XVII — XIX вв. использовались только при записи внелитературных документов. Это были фрагменты ненормированной (диалектной и иной необработанной) мордовской речи, предназначенные для целей научного исследования (списки слов, названия отдельных реалий — предметов материальной культуры мордовского народа и т. д.). Такие же цели преследовали, например, И.Х. Аделунг — И.С. Фатер, Ф.И. Видеман и Й. Буденц, создавшие в латинской транскрипции эрзянские и мокшанские переводы некоторых канонических текстов<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> См. J. Ch. A d e l u n g. Mitridates oder allgemeine Sprachenkunde mit dem Vater Unser als Sprachprobe in bei nahe fünf hundert Sprachen und Mundarten. — Berlin, 1806. — Bd. 1. — C. 549 — 551; Bd. 4 (1817). — C. 235 — 238; Matveiste svätoj jevangel'a. Das Evangelium des Matphäus ersa-mordwinisch, revidirt von F. J. W i e d e m a n n . — London, 1865; J. B u d e n z. Moksa-mordvin Máté evangélioma // Nyelvtudományi Közlemények. — Budapest, 1881. — Köt. 16. — C. 325 — 408.

10. Все сказанное выше позволяет заключить, что мордовские письменно-литературные языки до 1917 г. достигли уровня лишь ранних степеней развития донациональных литературных языков, которые, как известно, также еще «не составляли единой системы с устной речью, не обладали всеобъемлющей поливалентностью, более свободно допускали сосуществование на равных правах всякого рода регионализмов<sup>1</sup>.

## ПРИЛОЖЕНИЯ

### I. ИСТОРИЯ КНИГОПЕЧАТАНИЯ НА МОРДОВСКИХ И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ЯЗЫКАХ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ

(в извлечениях из документов)

1. Сокр. кат. 1804 э. (ЦГИА СССР, ф. 796, оп 84, д. 4).

а) Лл. 39 — 40: Указ синода о необходимости перевода догматов православия на татарский, мордовский, чувашский, марийский, удмуртский и карельский языки.

22 января 1803 г.

... Государь... на прошение Нижегородской губернии татарских деревень крестьян, давно уже обращенных в христианскую веру и крещенных в оной, обольщаемых внушениями поверенного их и обнаруживавших желание возвратиться в магометанство, ... повелеть соизволил тамошнему губернатору сносясь с ... епископом нижегородским принять меры к утверждению их в вере православной, а при том утвердить и те способы, кои от местного духовного начальства были представлены, состоящие в следующем: 1) чтобы переведены были на татарский язык символ веры, деятословие и некоторые молитвы; 2) чтобы в тамошней семинарии обучаемы были татарскому языку те, кои назначены могут быть в священники к перекрещенным татарам; 3) чтобы вообще духовные ... коренных русских ... увершевали ... не презирать новокрещенных татар ... и входить с ними в родственные и брачные связи. ... Приказали: об оном ... повелении помянутому епископу нижегородскому дать знать указом, а дабы жительствующие новокрещены, обращенные в веру греческого исповедания из разных религий и в других губерниях, как-то: Новгородской, Казанской, Астраханской, Тобольской, Тверской, Рязанской, Вятской, Тамбовской, Иркутской, Пермской и Оренбургской, могли воспользоваться вразумлением и понятием о богопочтании и истинном познании святости христианской веры, то епархиальным архиереям тех епархий предписать, чтобы упоминаемые церковные молитвы, символ веры и деятословие, а при том и катехизис на татарский, мордовский, чувашский, черемисский, вотяцкий и карельский языки переведены были по обитанию сих народов во вверенных им епархиях, чрез кого возможно будет, а потом оные, или где уже окажутся переведенными, прислали в синод неукоснительно.

<sup>1</sup> Ф. П. Филин. О свойствах и границах литературного языка. — С. 8.

б) Лл. 82 — 83: Из рапорта Серапиона, архиепископа казанского и симбирского о мерах по исполнению указа синода о необходимости перевода догматов православия на мордовский язык.

19 мая 1803 г.

На мордовский язык ... церковные молитвы, символ веры, десятословие и катехизис хотя в Академии же и переведены, но как Академия за верность перевода сего не ручается, поелику перевод сей чином был учениками нижних классов, кои чаятельно и сами порядочно мордовского разговора не знают, почему для проверки сего на мордовский язык перевода и вызываются в Казань довольно знающие сей язык священники и диаконы. А как мордовские селения Казанской епархии большою частию находятся в Симбирской губернии, и от Казани отстоят: весьма не в близком расстоянии, то из тех священников, особливо за настоящим реки Волги разлитием, никто еще не мог явиться.

в) Л. 140: Рапорт Амвросия, епископа оренбургского и уфимского об исполнении указа синода о необходимости перевода догматов православия на татарский, мордовский, чувашский и удмуртский языки.

17 июня 1803 г.

Во исполнение последовавшего из синода сего года января от 22 числа под № 145 ко мне указа, вследствие посланных по определению моему из Оренбургской консистории в духовныеправления и к благочинным указов, переводы церковным молитвам, десятословию и катехизису на татарский, мордовский, чувашский и вотяцкий языки через кого возможно было учинены, и каковые ко мне доставлены, оные подлинные при сем синоду благопочтеннейше представляю с донесением таковым: что прочих языков черемисского и корельского переводчиков в Оренбургской епархии не нашлось.

г) Л. 223: Рапорт Серапиона, архиепископа казанского и симбирского синоду о переводе догматов православия на мордовский язык.

14 ноября 1803 г.

Во исполнение присланного из синода от 22 января сего 1803 года под № 135 указа переведенные в Казанской академии с российского на мордовский язык церковные молитвы: символ веры, десятословие и катехизис явившимися Казанской епархии некоторых сел священнослужителями по знанию ими совершенно того языка поверены, и некоторое несходство с тем мордовским языком найденное приведено ими в сходственность того языка, которые, к отосланным сего года минувшего мая от 19 дня в синод от меня при рапорте таковым же переведенным молитвам с российского на татарский, чувашский и черемисский языки, благопочтенно препровождаю при сем.

д) Лл. 229 — 230: Заключение синода о поступивших переводах докторов православия на татарский, карельский, чувашский, марийский, удмуртский и мордовский языки.

декабрь 1803 г.

1803 года ноября 27 и декабря 2 числа ... синод, слушав рапорты синодального члена Амвросия, митрополита новгородского и санктпетербургского, архиепископов: Серапиона казанского, Павла тверского, епископов: Амвросия вятского и Амвросия оренбургского да Тобольской консистории, при которых приложены ... переведенные церковные молитвы, символ веры, десятословие и катехизис с российского языка по обитанию в оных епархиях разных народов обращенных в веру греческого исповедания ... на языки: корельский и олонецкий, татарский, чувашский, черемисский, вотяцкий и мордовский ... Причем слушан рапорт, вступивший в синод того ноября 28 дня, при котором в дополнение вышеозначенных представленных переведенных молитв приложен перевод с российского на мордовский язык, поверенный некоторых сел священноцерковнослужителями по знанию ими совершенно того языка ... Приказали: ... присланые ... переводы от преосвященного Казанского тех молитв на татарский, чувашский, черемисский и мордовский языки отослать в Московскую типографскую контору при указе для напечатания в тамошней типографии церковными ... литерами, на татарском и черемисском по одному заводу, а на чувашском и мордовском по два завода, присовокупив ко всем тем переводам и азбучные склады ...

е) Л. 233: Указ синода об отсылке в Московскую типографскую контору переводов докторов православия на татарский, марийский, чувашский и мордовский языки.

17 декабря 1803 г.

... Приказали: присланые при рапортах от бывшего архиепископа казанского Серапиона ... переведенные церковные молитвы, символ веры, десятословие и катехизис с российского языка ... на языки: татарский, черемисский, чувашский и мордовский отослать в оную контору при указе для напечатания в тамошней типографии церковными литерами ..., присовокупя ко всем тем переводам и азбучные склады.

ж) Л. 249: Рапорт Московской типографской конторы о вы ходе в свет переводов докторов православия на татарский, чувашский, марийский и мордовский языки.

19 декабря 1804 г.

Указом из синода прошлого 1803 года декабря от 17 числа, с приложением при нем присланых при рапортах от бывшего архиепископа Казанского ... переведенных церковных молитв,

символа веры, десятословия и катехизиса с российского языка, по обитанию в Казанской епархии разных народов ... на языки: татарский, черемисский, чувашский и мордовский, типографской конторе предписано: с них в здешней синодальной типографии напечатать церковными литерами, на татарском и черемисском по одному, а на чувашском и мордовском по два завода, присовокупив ко всем тем переводам и азбучные склады ... Во исполнение которого указа из оных азбук на черемисском один, а на чувашском и мордовском по два завода в полдеть осиповскою и воскресенскою азбуками на гербовой прежних клейм бумаге напечатано, о чем синоду типографская контора рапортует.

3) л. 287: Рапорт Московской типографской конторы синоду о втором издании «Сокр. кат. 1804 э».

13 декабря 1806 г.

Сего 1806 г. октября от 18 числа присланым ... из синода в типографскую контору указом, последовавшим по рапорту — Амвросия, епископа оренбургского, что привезенные из сей конторы для разных языков той епархии книги, заключающие в себе догматы веры, 2294 экземпляра, там сгорели, велено: вместо упоминаемых отправленных в Оренбургскую епархию книг ... отослать вновь толикое же число, а по справке в сей конторе оказалось: по указу из синода от 17 декабря 1803 г., с присланных при нем письменных оригиналами, переведенных церковных молитв, символа веры, десятословия и катехизиса с российского языка на татарский, черемисский, чувашский и мордовский, в здешней синодальной типографии напечатано было церковными литерами на татарском и черемисском по одному, а на чувашском и мордовском языках по два завода, и оные ... по силе указа из синода от 13 февраля 1805 г. из сей конторы ... разосланы в ... 10 епархий: Казанскую, Оренбургскую, Тамбовскую, Вятскую, Астраханскую, Тобольскую, Рязанскую, Нижегородскую, Иркутскую и Пермскую ... В Оренбургскую епархию отпущено было 2446, а не 2294 экземпляра, как рапортом синоду от помянутого преосвященного донесено. За тем ныне на лице: на татарском 1, чувашском и мордовском по 2, итого 5 экземпляров. Почему в типографской конторе определено: ... означенных книг ... в Оренбургскую епархию отпущено было на мордовском 778 экземпляров, в Казанскую епархию 778, в Тамбовскую 777 экз., почему из оных книг за неимением их в казне для той Оренбургской епархии и напечатать ныне еще на мордовском ползавода, во всем согласно бывшему их изданию, на ординарной 3 № бумаге в 8 долю листа, каковым форматом обыкновенно печатаются азбуки с кратким и кратчайшим катехизисами ... не делая от них подноса, яко бывшего от тех прежних изданий.

2. Крат. кат. 1808 э (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 84, д. 4).

а) Л. 293: Рапорт Вениамина, архиепископа нижегородского и арзамасского о препровождении в синод переводов краткого катехизиса на мордовский и другие языки.

5 ноября 1807 г.

Присланым из синода ... 1803 года января от 22 числа под № 136 указом ... велено: церковные молитвы, символ веры, десятословие и катехизис перевести через кого возможно будет на татарский, мордовский, чувашский, черемисский, вотяцкий и карельский языки ... и потом таковые переводы прислать в синод.

И во исполнение оного указа нашел я в семинарской библиотеке два экземпляра краткого катехизиса, 1-й на чувашском языке при синоде в 1800 году напечатанный, 2-й на мордовском письменный, так как в епархии моей новокрецены имеются только из мордовы, татар и черемис, через знающих таковые языки священно- и церковнослужителей: 1) тот мордовский катехизис выправил, присовокупя к оному две молитвы и исповедь на сем же мордовском языке; 2) перевел те же катехизис, молитвы и исповедь на черемисский язык и 3) исповедь на чувашский и татарский языки, ибо оной при вышеозначенных чувашском и при татарском, в 1805 году по указу синода из Московской типографской конторы ко мне присланных, печатных катехизисах не имеется. Каковые переводы, под шестью номерами состоящие, в синод ... сем и препровождаю.

б) Л. 302: Рапорт Московской синодальной типографской конторы о пересылке в Нижегородскую епархию изданных переводов догматов православия на татарский, чувашский, марийский и мордовский языки.

20 января 1809 г.

Прошлого 1808 года февраля от 7 числа при указе ... из синода в типографскую контору присланы представленные от Вениамина, архиепископа нижегородского ... переводы церковных молитв, символа веры, десятословия, катехизиса и исповеди на мордовском, черемисском, чувашском и татарском языках, для напечатания их в здешней синодальной типографии на казенный кошт ...

Вследствие чего всех тех переводов каждого по 600 экз. в восьмую долю листа церковными буквами на учрежденных из задельных денег станах напечатано, кои по переплете в бумажку в нижегородскую консисторию и отпущены быть имеют ... От всех оных книжиц, яко изданных только по полузванду, при том на языках не употребительных, и листами все оные ... малочислены, для подноса и библиотек ничего отчисляемо не было, но все они полным числом предназначены к отпуску в ту нижегородскую консисторию.

в) Лл. 305 — 306: Заключение синода по рапорту Московской типографской конторы о расходах на издание перевода догматов православия на татарский, чувашский, марийский и мордовский языки.

29 апреля 1809 г.

1809 года февраля 25 дня слушали рапорт Московской сиодальной типографской конторы, коим вследствие указа синода 1808 года февраля от 7 числа о напечатании в оной представленных от преосвященного Нижегородского переводов церковных молитв, символа веры, десятословия, катехизиса и исповеди на мордовском, черемисском, чувашском и татарском языках ... А из приложенной табели видно, что все оные экземпляры обошлись в 144 рубля 24 копейки.

Приказали: означенные экземпляры записать в безденежный расход.

3. Документы о попытке перевести библию на мокша-мордовский язык (ЦГИА СССР, ф. 808, оп. 1, д. 111).

а) Л. 49: Из письма уездного предводителя дворянства Темниковской округи А.И. Никифорова президенту РБО А.Н. Голицыну о необходимости перевода библии на мордовский язык.

13 января 1816 г.

... На мордовском языке письма не существует, почему и нет иной возможности дать им уразуметь слово божие, как переводом библей на мордовский язык российскими словами; через приходских священников, долговременно живущих в мордовских селениях и знающих язык их ...

б) Л. 51: Письмо президента РБО А.Н. Голицына предводителю дворянства Темниковской округи А.И. Никифорову о выяснении возможностей для обучения мордвы русскому языку.

8 октября 1816 г.

... Комитет РБО ... просит Вас о доставлении обстоятельных сведений — как о числе жителей Темниковской округи, говорящих мордовским языком, так и о том, не изыщутся ли удобные средства к изучению (так! — А. Ф.) их русскому языку, дабы они яко исповедающие греко-российскую веру, могли читать на оном слово божие.

4. Документы о попытке составления мордовской грамматики в Пензенской семинарии в 1823 г. (ГАПО, ф. 21, оп. 1, д. 41).

а) Л. 1: Ответ нижнеломовского протоиерея Григория Симильского на предложение ректора Пензенской семинарии составить мордовскую грамматику.

16 ноября 1823 г.

Рад бы душевно выполнить волю моего архипастыря, но сорок уже два года как я по-мордовски не говорю, а потому и забыл много и не могу составить грамматики. Да для составления оной не один, а трое или по крайней мере два члена потребны, а к ним нужен и умный мордвин, который бы знал хорошо по-русски. Не возьмется ли за сие дело Петровский protopоп Яков Рождественский. Он так же знает по-мордовски и недавно кончил курс. Составить грамматику — дело немаловажное, а языки мордовский очень скучен. Самые мордва ныне говорят больше по-русски. Он же разделяется на три языка, как-то: на мордовский, мокшанский и мурзинский.

Итак, извините меня, что не могу взяться и исправить такое дело. Я полагаю, что у Вас и в семинарии много учеников, знающих по-мордовски, особенно по Саранской и Инсарской округам ...

б) Л. 2: Ответ смотрителя Петровских духовных училищ протоиерея Якова Рождественского на предложение ректора Пензенской семинарии составить мордовскую грамматику.

4 ноября 1823 г.

Имея счастье получить почтеннейшее письмо Ваше, имею во исполнение оного благопочтеннейше Вашему высокопреподобию донести, что принять на себя труд составить мордовского языка грамматику я готов с весьма немалым удовольствием, но к сожалению моему оказаться надлежащего в сем деле успеха не имею довольною возможности. Поелику мордовский язык состоит из трех очень немало между себя различающихся диалектов: первого — арзянского, второго — мокшанского и третьего — мурзинского; а потому я, имея сведение в мордовском языке только на первом из оных, относительных к двум последним грамматических правил и примерных объяснений изложить не могу; впрочем постараюсь в непродолжительное время дознать: не находятся ли в здешнем уезде мокшанские и мурзинские жительства и не изыщется ли в оных священноцерковно-служителей, которые бы могли сообщить мне достаточное понятие о различающихся с арзянским диалектом речениях и изменениях оных на мокшанском и мурзинском диалектах. По изыскании какового способа я не отрекусь принять на себя вышеописанной обязанности; о последствиях же объясненного предположения не преминую донести Вашему высокопреподобию без малейшей медленности.

А на одном арзянском диалекте составить мордовского языка грамматику ни мало не обинаясь не отказываюсь, благоговея на всегда к воле начальства моего.

в) Л. 3: Предписание Пензенской семинарии смотрителю Петровских училищ протоиерою Я. Рождественскому о составлении мордовской грамматики на известном для него наречии мордовского языка.

23 декабря 1823 г.

Семинарское правление, получив письмо на имя его высокопреизвестия преподобия ректора семинарии от нижнеломовского протоиерея Григория Симилейского, коим он уведомляет, что по причине долговременного неупотребления в обращении мордовского языка, не может сочинить и грамматики на оном наречии, сим Вам рекомендует, так как Вы изъявили на сие согласие, принять на себя общеполезный труд — составить такую, по крайней мере на известном наречии, — с удостоверением, что желание Ваше — потрудиться для пользы ближних, приемлемое с благодарностью, и что по совершении Вами дела сего семинарское правление не преминет донести обо всем до сведения высшего начальства.

г) Л. 4: Письмо Я. Рождественского ректору Пензенской семинарии о согласии составить мордовскую грамматику «на мурзинско-арзянском диалекте».

10 декабря 1823 г.

Согласно прежде прописанному мной, имею Вашему высокопреизвестию донести, что знающих мордовский язык на мокшанском диалекте в здешних местах я отыскать не мог; мурзинский же и арзянский диалекты мордовского языка между собой никак не разнятся, как я дознал от самих мордовов, называющихся мурзами. Почему грамматику мордовского языка на мурзинско-арзянском диалекте составить я не отрешаюсь токмо без объяснения наименований и правил мокшанского диалекта, пред которым, полагать можно, первый преимуществует. Поелику мурзы вроде мордовов предпочитаются прочим двум родам. А посему и прошу всенижайше Ваше высокопреизвестие: благоволите меня известить, угодно ли будет его преосвященству, чтоб я составил по объясненному грамматику мордовского языка на одном мурзинско-арзянском диалекте; а я в угодность архиепископской воле таковой труд на себя охотно приемлю, впрочем дело сие не прежде может иметь начало, чем уже по окончании годичных следующих отчетов, на что и имею ожидать от Вашего высокопреизвестия разрешения ...

д) Л. 5: Рапорт Я. Рождественского Пензенской семинарии о готовности составить мордовскую грамматику «на арзянском наречии».

1 января 1824 г.

Семинарского правления от 23 истекшего декабря за № 522 предписание, коим рекомендуется мне составить грамматику

мордовского языка, на известном мне наречии того же декабря 27-го мною получено и в исполнении оного общеполлежный труд в составлении оной грамматики сколько достанет моего знания на арзянском наречии благоволея к воле начальства моего охотно, на себя приемлю.

5. «Охотин 1820 э», «Четв. 1821 э», «Ев. 1821 э», «Тявть 1827 э»

а) Доношение Амвросия, архиепископа казанского и симбирского о переводе священной истории на мордовский язык (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 100, д. 19, л. 2).

20 декабря 1818 г.

Сего декабря 10 числа алатырское духовноеправление при рапорте ко мне представило переведенную Алатырского уезда села Напольного священником Иваном Андреевым Охотиным священную историю на мордовский язык.

Каковую священную историю представляя при сем синоду на благо-рассмотрение, испрашиваю в разрешение указанного предписания: не благоугодно ли будет напечатать оную историю для употребления в мордовских приходах?

б) Решение синода о переводе священной истории на мордовский язык (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 100, д. 19, л. 3).

20 января 1819 г.

По доношению Амвросия, архиепископа казанского, при коем представляя переведенную Алатырского уезда села Напольного священником Иваном Охотиным священную историю на мордовский язык, испрашивает разрешения, не благоугодно ли будет напечатать оную для употребления в мордовских приходах, приказали: означенную историю препроводить в Комитет духовных училищ для надлежащего рассмотрения.

в) Из письма Амвросия, архиепископа казанского президента РБО А.Н. Голицыну о переводе четвероевангелия на чувашский, марийский и мордовский языки (ЦГИА СССР, ф. 808, оп. 1, д. 111, л. 34).

14 июля 1819 г.

... Все четыре евангелия ... на чувашский ... и на черемисский язык переводом... кончены и... как с славянским текстом, так и с греческим подлинником сверены и исправлены... . Сверх того переводятся деяния апостольские и как соборные послания, так и послания апостола Павла, на оба языка...; да и на мордовский язык евангелие переводится по приглашению моему священнослужителями Казанской епархии... .

г) Из письма протоиерея Поликарпова (казанская консистория) Д.И. Маркелову (РБО) о ходе перевода четвероевангелия на мордовский язык (ЦГИА СССР, ф. 808, оп. 1, д. 111, л. 55).

1 декабря 1819 г.

Честь имею известить Вас..., что переложение евангелий на мордовский язык приняли на себя священнослужители искусные в сем, по местопребыванию своему в мордовских селениях, и уже от Матфея десять глав, от Луки 10 же глав, от Марка 8 глав и от Иоанна 10 глав переведены на оный язык, каковые переводы читаны были природным новокрещенным из мордовов, очищены от недостатков и отданы для переписки на бело...

д) Из письма Амвросия, архиепископа казанского, президенту РБО А.Н. Голицыну о завершении перевода четвероевангелия на мордовский язык (ЦГИА СССР, ф. 808, оп. 1, д. 111, л. 64).

26 января 1820 г.

... На мордовский язык переведено все четвероевангелие и исправлено...

е) Предложение Амвросия, архиепископа казанского, издать четвероевангелие на чувашском, марийском и мордовском языках в Московской синодальной типографии (ЦГИА СССР, ф. 808, оп. 1, д. 111, л. 70).

25 февраля 1820 г.

Поелику печатание евангелия на чувашском языке в типографии... казанского университета производится, весьма медленно, а напечатание евангелия на чувашском, черемисском и мордовском языках едва может окончиться в два года, то комитет Казанского отделения полагает нужным напечатание евангелия на двух последних языках, для поспешения издания их, произвести в Московской синодальной типографии, и для сего отправить в Москву двух священнослужителей, знающих те языки для корректуры...

ж) Из запроса Амвросия, архиепископа казанского, о возможности перевода ветхого завета на чувашский, марийский и мордовский языки (ЦГИА СССР, ф. 808, оп. 1, д. 111, л. 60).

12 мая 1820 г.

... Новый завет... переводом на чувашский, черемисский и мордовский языки кончены, и некоторые священнослужители Казанской епархии изъявили мне желание продолжать перевод и ветхого завета божия на сии языки, к чему надеюсь убедить и других знающих сии языки.

... Нужно ли приступить к переводу и ветхого завета на прописанные языки?..

з) Письмо президента РБО А.Н.Голицына Амвросию, архиепископу казанскому, о решении синода издать четвероевангелие на марийском и мордовском языках в Петербурге (ЦГИА СССР, ф. 808, оп. 1, д. 111, л. 71).

17 мая 1820 г.

... Признано, что издания сии и в Москве не могут скоро приведены к окончанию, как по причине многих занятий Московской синодальной типографии, так и по неимению там потребных для таких изданий литер, кои придется еще изготавливать. Посему Комитет санктпетербургский положил для скорейшего издания сих двух переводов, произвести печатание оных здесь в Петербурге ... Здесь имеются уже в готовности литеры, к коим может быть нужно будет токмо приделать некоторые надстрочные знаки...

Вследствие всего того Комитет санктпетербургский предлагает Комитету казанскому доставить сюда переводы евангелий на обоих тех языках, и уведомить, кто именно будет назначен в корректоры для обоих тех изданий...

и) Решение комитета РБО о назначении цен четвероевангелию, подготовленному к выходу в свет на мордовском, марийском и карельском языках (ЦГИА СССР, ф. 808, оп. 1, д. 111, л. 114).

1 июня 1821 г.

Комитет РБО в заседании... 5 числа... назначил недавно окончательным изданиям на мордовском, черемисском и корельском языках ... цены: мордовскому и черемисскому четвероевангелиям в переплете 2 руб. 50 коп., а евангелию от Луки особо, в корешке 1 руб., евангелию от Матфея на карельском языке, в корешке 1 руб. Переплетом изготовить назначено на первый случай каждого из означенных изданий по 200 экземпляров, из которых мордовские и черемисские отправить в Казанский, а карельские в Тверской комитеты ...

к) Решение синода по рапорту Амвросия, архиепископа казанского, об А. Альбинском и А. Охотине (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 100, д. 19, лл. 48 – 53).

5 октября 1821 г.

Слушали: рапорт Амвросия, архиепископа казанского, на указ из синода от 20 мая сего года о доставлении сведения о делах, касавшихся до священников Козмодемьянского уезда села Шапкилей Андрея Альбинского и Алатырского уезда села Напольного, Андрея Охотина, рекомендованных к награждению от комитета РБО за успешное исполнение возложенного на них поручения по изданию перевода четырех евангелистов на черемисский и мордовский языки... В поведении рекомендованы: Альбинский всегда хорошим, а Охотин с 1817 года постоянным,

а за 1815 и 1816 годы никак не рекомендован... Охотин 39 лет, обучался в бывшей в городе Алатыре гимназии, до класса риторики. По произведении в 1815 году декабря 19 числа из диаконов, села Напольного, Николаевской церкви во священника, в 1819 году преосвященным Казанским, за перевод некоторой части святого евангелия на мордовский язык, награжден...

Приказали: ... показанные... состоят в звании священническом, Альбинский с 1812, а Охотин с 1815 года, рекомендуются поведения хорошего и постоянного... уважая успешное исполнение ими возложенного на них поручения по изданию перевода четырех евангелистов на черемисский и мордовский языки, синод находит их достойными к награждению...

л) Письмо комитета Казанского отделения РБО о представлении в РБО переводов на мордовский и марийский языки оставшихся частей нового завета (ЦГИА СССР, ф. 808, оп. 1, д. 111, л. 155).

Комитет Казанского отделения РБО имеет честь оному представить при сем переводы на мордовском и черемисском языках деяний св. апостолов, всех посланий и апокалипсиса, исправленные священниками Охотиным и Альбинским, и между тем... просит известить, нужно ли самим корректорам явиться в Комитет РБО для напечатания сих остальных частей нового завета на упомянутых языках.

м) Из письма РБО в Комитет казанского отделения РБО о напечатании в Петербурге оставшихся частей нового завета на мордовском и марийском языках под наблюдением корректоров А. Охотина и А. Альбинского (ЦГИА СССР, ф. 808, оп. 1, д. 111, л. 156).

12 июля 1822 г.

... Сообщить, что означенные переводы предположено напечатать в С.-Петербурге и под надзором за корректурою тех же священников, кои занимались оною при печатании евангелий, токмо ныне признано удобнейшим, не отвлекать сих священников от должностей и домов их, а поручить им исправление корректур на месте пребывания их; для чего корректурные листы сих изданий, по предварительном просмотрении их здесь, сколько можно, и будут пересыпаться к ним всякий раз через почту. По исправлении ими тех листов надлежащим образом и по засвидетельствовании их подписью к печатанию, возвращать им оные сюда...

н) Письмо Казанского отделения РБО о препровождении корректурного листа мордовского перевода, исправленного А. Охотиным (ЦГИА СССР, ф. 808, оп. 1, д. 111, л. 167).

11 декабря 1822 г.

Исправленный корректором мордовского языка священником Андреем Охотиным третий печатный лист вместе с ману-

скриптом, Комитет казанского отделения имеет честь при сем препроводить, равно как и остававшиеся у него первых двух листов рукописные подлинники.

о) Из письма секретаря РБО В. Попова Казанскому отделению РБО о доставлении А. Охотину для корректуры 30-го листа нового завета на мордовском языке (ЦГИА СССР, ф. 808, оп. 1, д. 111, л. 153).

13 октября 1823 г.

По изготовлении набором и по просмотрении здесь 30 листа нового завета на мордовском языке Комитет РБО честь имеет препроводить у сего оный, вместе с рукописью, в Комитет казанского отделения, покорнейше прося лист сей доставить священнику Охотину для окончательного просмотра...

п) Запись в делах РБО о напечатании в 1824 г. нового завета на мордовском языке (ЦГИА СССР, ф. 808, оп. 1, д. 10, л. 400).

1823 г.

Следующие издания предполагаются к напечатанию в 1824 г.: будет печатано, но не окончено новый завет на мордовском языке 2000 экз.

р) Письмо Комитета казанского отделения РБО о препровождении в РБО последних корректурных листов мордовского перевода нового завета (ЦГИА СССР, ф. 808, оп. 1, д. 111, л. 224).

15 декабря 1824 г.

Комитет казанского отделения честь имеет при сем... препроводить в комитет РБО оконченные последней корректурою отпечатанные 36, 37 и 38 листы перевода нового завета на мордовском языке, и вместе с письменными подлинниками оных.

6. «Орнатов. Морд. гр. 1838» (ГАТО, ф. 186, оп. 43, д. 17):

а) Л. 4: Комиссия духовных училищ синода — Тамбовской семинарии

25 сентября 1834 г.

По встретившейся надобности, канцелярия комиссии духовных училищ покорно просит семинарскоеправление о доставлении в оную сведения о числе учеников, обучающихся в Тамбовской семинарии мордовскому языку.

б) Лл. 2 — 3: Обер-прокурор синода А.Н. Протасов — тамбовскому епископу Арсению

1 февраля 1837 г.

... Ваше преосвященство от 8 ноября прошлого 1836 года представили на рассмотрение комиссии духовных училищ —

сочиненную профессором Тамбовской семинарии Павлом Орнатовым Грамматику мордовского языка, преподаваемого им в сказанной семинарии с 1834 года.

Комиссия, имев рассуждение о сей Грамматике предварительно окончательному о ней заключению, признала нужным сообщить Вашему преосвященству, дабы Вы поручили двум или трем лицам из училищного или епархиального ведомства управляемой Вами епархии, знающим совершенно мордовский язык, рассмотреть ее и сравнить с прежнею принятою в руководство и об отзыве, какой будет сделан лицами, ее рассматривавшими, донести комиссии.

По поручению комиссии сообщая о сем положении ее Вашему преосвященству и препровождая обратно присланную Вами Мордовскую грамматику, я покорнейше прошу Вас, дабы Вы, в случае признания ее достойною для введения в классическое употребление, благоволили возвратить ее в комиссию с донесением о том, во скольких экземплярах нужно будет ее напечатать и не представится ли возможности расходы по сему предмету отнести на счет остаточных сумм местной семинарии...

Текст резолюции тамбовской консистории по этому документу: 10 февраля 1837 г. консистория имеет истребовать от темниковского духовного правления сведения, нет ли в его ведомстве священников, совершенно знающих мордовский язык, которые бы могли судить о совершенстве или несовершенстве вновь составленной Грамматики сего языка, и кто они именно; равно как не имеется ли каких-либо письменных документов на сем языке, или грамматических опытов? И ко мне представить, а между тем в семинарское правление сообщить с требованием уведомления, была ли или есть ли какая-либо Грамматика, которая могла бы служить или служила руководством сочинителю при составлении означенной Грамматики, и также представить.

в) Л. 1: Тамбовская консистория — Тамбовской семинарии

2 февраля 1837 г.

В резолюции его преосвященства, последовавшей на отношение ... синодального обер-прокурора... Н.А. Протасова, при коем возвращена сочиненная профессором Тамбовской семинарии Павлом Орнатовым Грамматика мордовского языка с тем, чтобы его преосвященству поручили двум или трем лицам из училищного или епархиального ведомства управляемой им епархии, знающим совершенно мордовский язык, рассмотреть ее и сравнить с прежнею принятою в руководство, — между прочим изображено: «В семинарское правление сообщить с требованием уведомления, была ли, или есть ли какая-либо Грамматика, которая могла бы служить, или служила руководством сочинителю, при составлении означенной грамматики, и также представить».

По выслушании чего сия консистория определила: в Тамбовское семинарское правление сообщить с требованием о последующем уведомления. Вследствие чего в оное правление сим и сообщается.

г) Л. 12: Профессор Тамбовской семинарии Павел Орнатов — канцелярии тамбовского семинарского правления

6 апреля 1837 г.

### Сведение

На запрос канцелярии: была ли если какая грамматика, которая могла бы служить или служила мне руководством при составлении грамматики мордовского языка, сим честь имею ответствовать канцелярии семинарского правления, что при составлении представленной мною его преосвященству ... Арсению грамматики мордовского языка мокшанского наречия, кроме собственного внимательного изучения мордовского языка и наблюдения над всеми видоизменениями и различными сочетаниями его в составе речи, при участии в моем труде студента и учителя Евстафия Нечаева не только какой-либо мордовской грамматики, как должно быть известно и семинарскому правлению, но и никаких и других пособий решительно не имел.

д) Л. 6: Тамбовская семинария — Тамбовской консистории

6 апреля 1837 г.

Тамбовское семинарское правление вследствие отношения тамбовской духовной консистории от 2 февраля сего года за № 1245 сим оную извещает, что профессор семинарии Павел Орнатов при составлении представленной им его преосвященству Грамматики мордовского языка мокшанского наречия, кроме собственного внимательного изучения мордовского языка и наблюдения над всеми видоизменениями и различными сочетаниями его в составе речи, при участии в его труде студента и учителя Евстафия Нечаева, не только какой-либо мордовской грамматики, как известно и семинарскому правлению, но и никаких и других пособий решительно не имел.

е) Л. 7: Рапорт темниковского духовного правления в Тамбовскую консисторию

12 апреля 1837 г.

Сие правление, слушав указ оной консистории от 3 апреля с. г. за № 2277 о учинении исполнения по прежде присланному из оной в сие правление указу, о том не имеется ли в ведомстве сего правления священников, знающих мордовский язык, которые могли бы судить о совершенстве и несовершенстве оного вновь составленной мордовской грамматики профессором Тамбовской

семинарии Павлом Орнатовым. Определило: Как благочинными ведомства сего правления требуемые сведения по заключению правления доставлены в определенное время кроме села Анаева иерея Василия Воинова, то ему предписать (и предписано) паки указом и подтвердить строжайше, что если он и за сим не представит в скорости требуемого сведения, то правление имеет с жалобою на него представить высшему начальству; о каковом препятствии отрапортовать и тамбовской духовной консистории. О чем оной консистории темниковское духовноеправление всепочтеннейше и рапортует.

ж) Л. 8: Рапорт темниковского духовного правления — тамбовской консистории

26 апреля 1837 г.

Во исполнение указа оной консистории от 5-го, а в сем правлении полученного 11-го числа минувшего марта за № 1237, составленный в оном из благочиннических сведений, 6 совершенно и несовершенно знающих мордовский язык учеными, а также и неучеными священниками, именной реестр, при сем в оную консисторию благопочтеннейше и посылается, с таковыми при том объяснением, что письменных на сем языке документов, равно и грамматических каких-либо опытов, как ведомственные благочинные рапортами сему правлению донесли, нигде по изысканию их в ведомствах не оказалось.

з) Л.13: Рапорт И. Петрова, присутствующего соборного священника темниковского духовного правления — тамбовскому и шацкому епископу Арсению

Июнь 1837 г.

Указом ..., насланным ко мне из темниковского духовного правления, по следовавшим по резолюции Вашего преосвященства, с такового же из тамбовской духовной консистории, велено составить особый комитет из священников сел: Матчи Кедрова, Кушек Салазгарского и Салазгари Анаевского для рассмотрения вновь составленной на мордовском языке профессором Тамбовской семинарии Павлом Орнатовым грамматики, и, по рассмотрении своим отзывом и подробными замечаниями, представить к Вашему преосвященству.

Во исполнение коего оная грамматика мордовского языка с вышепоименованными священниками рассмотрена и найдена правильною, кроме некоторых слов, несходственных с употреблением разговорного произношения поселян мордвы, обитающих по Темниковской и Спасской округах, вероятно более происшедших от ошибки писца; каковые не сходственные слова замечены и на особенном листе за подписью Комитета при сем к Вашему преосвященству на благорассмотрение, вместе с грамматикою мордовского языка всепочтеннейше и представляю.

и) Л. 14 и 17: Замечания, учиненные на слова новосоставленной Мордовской грамматики по несходству их с употреблением в разговорном произношении поселян мордвы, обитающих в Темниковской и Спасской округах, из коих большая часть, вероятно, последовала от ошибки писца, а какие именно, значатся в нижеследующих параграфах с их подразделениями.

§ 22. Бессмертный не **афкулафтъма**, а **кулафтъма**; **афкулафтъма** значит «небессмертный».

§ 34. **вайме** означает душу, а чтобы и прут назывался словом **вайме**, сего невидно; но прут называется **или**; девица **стерь**, а не **стирь**.

§ 35, раздел 3. **урта** значит «гурт», а не «стадо»; а «стадо»: говорится **стада**.

§ 38. Вообще в склонениях для отличия творительного падежа множественного числа, от такового же единственного числа прибавляется во множественном числе литер **и**, или **т**, например, в единственном числе **ваймеса** «душою», во множественном числе **вайменса**, или **вайметса** «душами»; **акшаса** «белым», **акшанса** «белыми».

§ 54, раздел 1. Второй **омбоце**, а не **ошибце**, что, вероятно, последовало от ошибки писца.

В примечании один **фкя**, а не **ивке**. Вероятно, от ошибки писца.

§ 58, раздел 5. Он один **сонскамиза**, а не **сонскамсть**, что выйдет уже «он одни» (см. Орнатов, Морд. гр. 1838 — § 59, стр. 21. — А. Ф.).

§ 67, раздел 2 (в Орнатов, Морд. гр. 1838 — § 69, стр. 25. — А.Ф.) **шавсамезь** «меня бьют», а не **шавсамань**, каковое слово не употребляется.

§ 69, раздел 4 (в Орнатов, Морд. гр. 1838 — § 71, стр. 26) **вантъ** «смотри», а не **ватъ**. Вероятно, по ошибке писца.

§ 105 (в Орнатов, Морд. гр. 1838 — § 108, стр. 75) **валганъ** «слезаю» в повелительном имеет **валгантъ**, а не **валгандакъ**; какового слова в употреблении не находится.

§ 114, раздел 1: **васенда** «сначала», Вероятно, следовали от а не **вясинда** ошибки писца  
**неньге** «еще», а не **нинге**

§ 114, раздел 2: **косабади** «где-то», а не **косабада**  
**тофъ** «туда», а не **толь**  
**ковбыди** «куда-то», а не **ковбада**  
**колдынга** «ни откуда», а не **ашкостанга**, что означает «нет нигде»;  
**листъ** значит «выди», а не «вон»;  
а «вон» говорится **листъ ушу**.

§ 114, раздел 3: **пяшксе** «полно», а не **тяшксе**. От ошибки писца.

§ 114, раздел 4: **натюкаста** хотя и выражает худое состояние, а более выражает блудодеяние.

§ 114, раздел 6: **тоса** «там», а не «потом», а «потом» **сидамеля**.

§ 114, раздел 7: **мзяркстъ** «сколько раз», а не **мзярстъ**, что означает «сколько их».

§ 114, раздел 9: **фастса** «вместе», а не **вастса**; употребительнее же **марса**; **вастса** же означает «на месте».

§ 117: **перфь** «около», а не **перфка**, **перфка** означает «кругом».

§ 120, так же: **стане же**, а не **гакъ**, **а гакъ** значит «и».

§ 125, раздел 6: **апакъ** значит «не», а не «прочь», а «прочь» говорится **шири**.

§ 134: **вовъ стерпеканцъ еса сявы** «вот дева во чреве своем примет», а не **вовъ стирпекияй**, то есть «вот дева обрюхатила», что к божией матери не приличествует.

§ 137 (в Орнатов, Морд. гр. 1838 — § 140, стр. 85 — А.Ф.): **Еръктъ шудемацъ** значит «течение озера», а не реки. А «течение реки» **ляйтъ шудемацъ**.

§ 142: После пленения вавилонского, выразительнее **вавилонть сяымында меля**, а не **вавилонть вятямада меля**, что будет значить «после ведения вавилонского».

§ 158: **Монъ молялнъ сюкуньяма тейнза** «чтоб я пошел поклониться ему», а не **сонъ молялнъ сюкдняма**, что, вероятно, последовало от ошибки писца.

§ 203: «Не хороните» **дямясть калма**, а не **дямакъ калма**, что значит «не хорони».

§ 217, раздел 3: **иомлатъ** «меньши», а не **иомблать**, что последовало от ошибки писца.

Города Темникова соборный священник Иоанн Петров Темниковской округи села Матчи священник Симеон Кедров Той же округи села Кушек священник Василий Салазгорский Спасской округи села Салазгари священник Иоанн А[наевский].

7. Документы о попытке издания Мордовско-русского и русско-мордовского словаря П.П. Орнатова.

а) Поручение тамбовского епископа Арсения тамбовскому семинарскому правлению о рассмотрении Мордовско-русского и русско-мордовского словаря П.П. Орнатова (ГАТО, ф. 186, оп. 48, д. 36, л. 3).

17 мая 1840 г.

Представленный ко мне профессором Орнатовым Мордовско-русский и русско-мордовский словарь поручаю рассмотреть хорошо знающим мордовский язык учителю семинарии Алексею Пономареву и священникам города Тамбова Знаменской церкви Иоанну Алмазову и Моршанской округи села Сосновки Петру Русаковскому и о последующем донести мне ...

Семинарское правление не оставит учинить по сему надлежащее распоряжение.

б) Письмо из Казанской духовной академии в тамбовскую семинарию об отпечатании словаря П.П. Орнатова в Тамбовской губернской типографии (ГАТО, ф. 186, оп. 48, д. 36, л. 7).

2 декабря 1842 г.

Тамбовское семинарское правление в представлении от 6 минувшего августа за № 397, между прочим, донесло Московскому академическому правлению, что отпечатание Мордовско-русского и русско-мордовского словаря, составленного покойным профессором семинарии Павлом Орнатовым, может быть произведено в Тамбовской губернской типографии по одному рублю ассигнациями за каждый отдельный лист ...

в) Сведения о Мордовско-русском словаре, составленном профессором тамбовской семинарии Павлом Орнатовым (ГАТО, ф. 186, оп. 48, д. 36, л. 1 — 2).

[Не ранее августа 1842 г.]

1. Профессор Павел Орнатов 8 мая 1840 г. представил сочиненный им Мордовско-русский (лексикон) словарь бывшему епископу тамбовскому Арсению.

2. ... епископ Арсений тамбовский 17 мая того же года поручил названный словарь рассмотреть хорошо знающим мордовский язык: учителю семинарии Алексею Пономареву и священникам, города Тамбова Знаменской церкви Иоанну Алмазову и Моршанской округи села Сосновки Петру Русаковскому с тем, чтобы о последующем было донесено ему.

3. Учитель Пономарев и священник Алмазов рассматривали словарь профессора Орнатова с мая 1840 года по май 1842 года...

4. Учитель Пономарев и священник Алмазов представили рассмотренный словарь в семинарское правление в апреле 1842 г. с таковым отзывом: Словарь г. Орнатова по полноте собрания мордовских слов и по верному объяснению их значений очень достаточен для достижения предназначеннной цели.

5. Почему словарь Орнатова с подлинным отзывом рассматривавших оный лиц и препровожден в Московское академическое правление при представлении от 13 мая 1842 г. за № 216.

6. Московское академическое правление предписанием от 9 июня того же года за № 185 требовало от тамбовского семинарского сведений: может ли Мордовско-русский словарь Орнатова быть напечатан в тамбовской типографии; какое количество экземпляров сего словаря семинарское правление полагает примерно нужным для употребления в подведомственных училищах.

7. Семинарское правление в представлении своем от 6 августа 1842 г. за № 397 объяснило академическому правлению, что отпечатание словаря Орнатова может быть произведено в тамбовской губернской типографии по одному рублю ассигнациями за каждый отдельный лист ... и что для тамбовской семинарии и училищ требуется 50 экземпляров помянутого словаря ...

г) Предложение обер-прокурора синода Н.А. Протасова об издании Мордовско-русского и русско-мордовского словаря, составленного П.П. Орнатовым (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 124, д. 578, лл. 1 — 3).

10 апреля 1843 г.

Обозревавший в 1841 году, по определению синода от 11/18 июля, тамбовскую семинарию, бывший ректор Московской духовной академии, ныне викарий Псковской епархии преосвященный Филарет в отзыве своем о состоянии семинарии, между прочим, изъяснил, что так как покойным профессором означенной семинарии Орнатовым составлен Мордовско-русский и русско-мордовский словарь, рассмотрение которого, по распоряжению семинарского правления, поручено некоторым лицам, то желательно было бы, чтобы сей труд не оставлен был без употребления, поелику в нем есть нужда, и чтобы ревность трудиншихся не осталась без внимания, тем более, что долговременная болезнь профессора усердного, по свидетельству членов правления, оставила вдову в бедном положении.

Вследствие сего поручено было от меня окружному академическому правлению: а) предписать тамбовскому семинарскому правлению о скорейшем рассмотрении означенного словаря и б) по получении отзыва о достоинствах сего лексикона войти в рассуждение о том, может ли он быть напечатан, где, в каком количестве экземпляров и о последующем представить установленным порядком.

В исполнение сего казанское академическое правление, по доносению тамбовского семинарского правления, представило, что 1) Мордовско-русский и русско-мордовский словарь Орнатова учителем тамбовской семинарии Алексеем Пономаревым и священником тамбовской знаменской церкви Иваном Алмазовым, которыми он был рассмотрен, признан, по полноте собрания мордовских слов и по верному объяснению их значения, очень достаточным для предназначаемой ему цели, 2) для учеников тамбовской семинарии потребно не более 50 экземпляров этого словаря и 3) отпечатание его, по мнению семинарского правления, может быть произведено в тамбовской губернской типографии, которая назначает по рублю ассигн. за напечатание каждого листа в каждом экземпляре, так что если экземпляр будет состоять из 35 листов, то за напечатание каждого такого экземпляра надобно будет заплатить по 35 руб. ассигн., а поэтому отпечатание 50 экземпляров будет стоить тысячу семьсот пятьдесят руб. ассигн.

Академическое же правление с своей стороны положило: 1) Мордовско-русский и русско-мордовский словарь Орнатова, признанный рассматривавшими его лицами полезным и нужным при изучении мордовского языка, напечатать; 2) напечатать его не в числе 50 экз., а в числе 600 экземпляров, или по типографскому образу выражения, ползвавши, по тому уважению, что отпечатание 600 экз. обойдется не многим дороже напечатания 50 экз., — разность будет заключаться в количестве бумаги, и что преподавание мордов. языка, может быть, нужно будет ввести, кроме тамбовской семинарии, и в семинарии нижегородской, поколику в Нижегородской губернии так же, как и в тамбовской, есть мордва, и 3) напечатание произвесть в какой-либо из типографий с.-петербургских, где и типографское искусство в большем совершенстве, чем в провинциях русских и цены за напечатание едва ли не ниже.

Академическое правление представляя такое мнение на рассмотрение начальства приложило и подлинный словарь Орнатова в рукописи.

По сношению духовно-учебного управления с хозяйственным относительно напечатания упомянутого словаря, получено от последнего уведомление, что словарь может быть напечатан в Московской синодальной типографии, и что издание оного в числе 1200 экз. на белой бумаге среднего формата по представленному образцу, как видно из приложенного при том расчета конторы типографии, поверенного в хозяйственном управлении, обойдется в 389 руб. 72 коп. серебром.

Справка: Преподавание морд. языка в тамбовской семинарии поручено ныне учителю 1-го класса словесности кандидату Пономареву.

Имею честь предложить о вышеизложенном на рассмотрение и заключение синода, прилагая при сем: а) подлинный словарь Орнатова, б) расчет конторы Московской синодальной типографии и в) образец бумаги.

Расчет, во что обойдется печатание книги Мордовско-русский и русско-мордовский словарь, в 8 долю листа в числе 1200 экземпляров, из коих в каждом будет не более 22 листов.

Всего 389 руб. 72 1/14 коп. серебр. Из сей суммы каждый экземпляр обойдется по 32 1/2 коп. серебр.

д) Приказ синода о напечатании Мордовско-русского и русско-мордовского словаря П.П. Орнатова (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 124, д. 578, л. 4).

4/31 августа 1843 г.

Слушали: Вторично предложение обер-прокурора синода Н.А. Протасова, полученное 16 минувшего апреля, о напечатании Мордовско-русского и русско-мордовского словаря, составленного покойным профессором тамбовской семинарии Орнатовым.

Приказали: Предоставить обер-прокурору синода Н.А. Протасову отнестись к министру народного просвещения и просить, дабы от него поручено было рассмотреть означенный словарь кому-либо из знающих мордовский язык; для чего и передать словарь сей в духовно-учебное управление при выписке из сей статьи журнала.

е) Сообщение обер-прокурора синода о рассмотрении академиком Шегреном Мордовско-русского и русско-мордовского словаря П.П. Орнатова (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 124, д. 578, л. 7)

2 июля 1855 г.

В начале 1843 г. правление Казанской духовной академии, по требованию бывшего синодального обер-прокурора, представило составленный бывшим учителем тамбовской семинарии Павлом Орнатовым Мордовско-русский и русско-мордовский словарь, с целью напечатать оный для употребления в духовно-учебных заведениях.

По состоявшемуся 4/31 августа 1843 г. определению синода означенный словарь в том же году препровожден был к министру народного просвещения с просьбою поручить рассмотрение оного кому-либо из знающих мордовский язык и о последующем уведомить.

Ныне министр народного просвещения, уведомив меня, что рассмотрение словаря учителя Орнатова поручено было имп. Академии наук, препроводил ко мне одобренное историко-филологическим отделением сей Академии донесение академика Шегрена об упомянутом словаре.

Донесение сие, равно как и самую рукопись Орнатова, имею честь предложить синоду.

ж) А. Шегрен. О рукописном Словаре мордовско-русском и Русско-мордовском наречия мордвы-мокши, составленном проф. тамб. сем-ии П. Орнатовым (ААН СССР, ф. 94, оп. 1, д. 75, л. 1 — 2 с об.).

Из языков и наречий инородцев чудского племени, около Волги и ее притоков обитающих, именно мордовский доле и больше всех прочих оставался необработанным и в неизвестности. Между тем по крайней мере на наречии мордвы-эрзы уже в начале нашего столетия был издан катехизис, ныне составляющий крайнюю редкость. На том же наречии существовавшее РБО в 1821 г. напечатало перевод всех четырех евангелий, по которому известный германский ученый Фон дер Габеленц, давно уже занимающийся между прочим и чудскими языками, составил Опыт мордовской грамматики, отпечатанный в «Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes» (Göttingen, 1839. Bd II. Hf. II. S. 235 — 284 und Hf. III. S. 383 — 419). Годом раньше (1838) Ор-

натов издал Мордовскую грамматику на наречии мордвы-мокши, и потом в 1841 г. он же составил ныне мною рассмотренный словарь, составляющий вместе с упомянутой грамматикой того же автора единственное пособие к ознакомлению с мокшанским наречием. Естественным следствием этого обстоятельства было для меня самое большое и долговременное затруднение в разборе этого словаря. Чтобы быть в состоянии представить совестный и по возможности справедливый отзыв о сочинении, я был принужден перечитывать оное несколько раз и тщательно рассматривать все по одиночке, сличая все отдельные слова в обеих частях между собою и соображаясь с одной стороны с грамматикою самого автора, а с другой — с другим (эрзянским) наречием и с прочими сродными языками, сколько они до сих пор известны. Чем более я таким образом продолжал критический разбор, тем более я убедился, что это сочинение в настоящем его виде не соответствует своей цели. Касательно объема оно довольно пространно, заключая в себе даже много отвлеченных понятий. Зато однако же и много самых обыкновенных, в общежитии употребляемых и частию необходимых слов опущено и не видать их вовсе в словаре, ни в 1-й, ни во 2-й части, как будто бы им соответствующих совсем нет в языке. Таковы, например: **бок, щека, колено, чулок, воротник, карман, трубка, рюмка, стакан, порог, потолок, борозда, зерно, корень, пень, дубина, смола, сметана, житница, кладовая, товар, бык, козел, коза, белка, берег, долина, облако, туман, роса, пыль, пламя, полдень, поздно, вставаю, прогуливаюсь, богородица, священник, дьявол, вотчим или отчим, пасынок, племянник, -ица и даже мать.** Несмотря на то, что 1-я часть или мордовско-русский словарь втрое меньше 2-й русско-мордовской части, она содержит в себе много самых нужных слов, которых напрасно ищем во 2-й части, ежели хотим знать их по-мордовски. Так, напр., **дитя, ребенок, гусь, молоко, двор, деревня, житель, семейство, обед, обедаю, запираю, вес, желтый, далеко, десять, над, под** и уже на первом столбце первой страницы: **напрасно и башмак.** Это доказывает, что сочинителю, составившему каждую часть отдельно, уже наскутила работа, и что он считал дело сделанным, не принимая на себя труда сличать все, что было им написано. Если бы он это сделал, то он бы заметил недостатки в обеих частях и мог бы взаимно дополнять одну из другой. И что еще гораздо важнее, при таковом сличении он: уже и сам непременно бы заметил, что в собранных им записках весьма много и многоразличных ошибок, как в точном написании мордовских слов, так и в переводах. Одно и то же слово нередко писано в 1-й части так, а в другой — иначе, с одною буквою больше или меньше, или с другими гласными, как ему показалось при небрежливом подслушивании. Некоторые варианты могут, впрочем, существовать в самом деле и в языке; но в таких случаях следовало бы их изложить в виде настоящих вариантов вместе, как автор и сам иногда делал.

Столько же ошибок, если не более, в переводах, происходящих от небрежности и неизбежных в таких случаях недоразумений. Без дальнейших тщательных справок автор переводил, как ему говорили. От того частые несогласия и противоречия между обеими частями словаря. Так, напр.: «гоню» по 2-й ч. **паянь** и **паньцянъ**, а по 1-й еще **айдянъ** то же, «ива» по 2-й ч. только **катксь**, а по 1-й то же **иса**; «лaskaю» по 2-й ч. только **оладан**, а по 1-й **анилян** то же и «потакаю». Перед словом **анилян** там же читается, вероятно, опискою, **аниляф** с таким же совершенно переведом! **Аниляф** есть не 1 лицо глагола, но причастие. Во 2-й ч. «становлюсь» переведено **стяян**; в 1-й ч. такого слова вовсе нет, а вместо того: **аран**. По 1-й ч. **аф-мяргф** значит «непозволительный», а по 2-й «непозволенный». Слово «неотмщенный» в обеих частях переведено: **аф-пандф**, а во 2-й ч. 2 строки выше это же слово также «неотделенный», совсем напрасно и в противоречии с 1-й ч., где **аф-явф** правильно: «неотделенный» от **яван** «делю».

**Аф-пандф** происходит от **пандан** «плачу» и, следовательно, может означать в отвлеченном смысле «неотмщенный», но никогда «неотделенный». По 2-й ч. «никто» **киге**, а по 1-й на одном месте **кигак** (как уже и в самой грамматике стр. 21), на другом же: **аш-киге**. Что последнее одно только правильно, о том автор мог и должен был увериться по многим другим там же приведенным словам, образованным с тою же отрицательной частицею **аш**.

По 2-й ч. и «лью» и «льюсь» — **валан**, напротив того, по 1-й ч. «льюсь» правильнее **валандан**.

«Смотрю» переводится во 2-й ч. **няян** и **ванан**, равно как в 1-й ч., еще **варжан**; но **няян** означает, как и в финском языке, именно только «вижу или зрю», что и подтверждается приведенными самим автором словами **няяи** «видящий», **няйма** «видение», «зрение», **няйф** «виденный», «видный».

По 2-й ч. нападаю **пэдян**, но по 1-й **вырыгтян** и **турыдан**; напротив **пэдян** там «цежу», «процеживаю».

В 1-й ч. **киза** переводится трояко: «лето, весна, год»; напрасно, как будто не умеет мордва-мокша различать весны от лета. Для весны есть ведь у самого автора собственное слово **тунда**, встречающееся на своем месте в обеих частях (см. также Грамматику, стр. 88, § 153). Равным образом «горло» во 2-й ч. правильно **kyрга**, но в 1-й ч. это слово переводится просто «шея» **сялдаз**.

В 1-й ч. **ков** «куда». Этого простого наречия в русской части словаря вовсе нет. Нет же в той части глагола «имею», что и совершенно справедливо потому, что в самом деле вовсе нет слова, соответствующего этому русскому глаголу в мордовском языке, а выражается это понятие, как и в прочих чудских языках, перифразически по аналогии латинского речения *est mihi* и русского «есть у меня», посредством 3 л. ед. ч. самостоятельного мокшанского глагола **улян**. И вот почему автору вздумалось в 1-й ч. при этом глаголе единственному его значению «есть» прибавить от себя еще другое никогда не бывалое «имею».

В предлогах здесь заметна большая запутанность, как это можно было ожидать после ложного и сбивчивого их изложения в Грамматике. Как мы уже выше видели, некоторых предлогов вовсе нет в русской части словаря. Вместо **в** странно описано **из** между словами **вшивый** и **вывожу**, а слово **эса** в 1 ч. подтверждает, что это должно по тогдашнему мнению автора соответствовать русскому предлогу **в**. Это отчасти и (справедливо, хотя не в таком смысле, как это принимает Орнатов. Впрочем он там же в 1-й ч.) с одной стороны должно считать одно и то же **эса** вместе и наречием со значением «там» (ср. сие слово во 2-й ч., а, напротив, Грамматику, стр. 78 и слово **тоса** в 1-й ч. словаря), а с другой стороны, в разных местах отчасти столь же должно выдавать, кроме **эса** еще и **ва**, **с**, **пяль**, **пяли** и **пэса** (под **пэ**) также соответствующими русскому предлогу **в**.

Но довольно, чтобы доказать все выше сказанное о достоинстве этого словаря. Заметим еще, что автор при своей торопливости во 2-й ч. оставил слова **батюшка** и **вглядывание** без всякого перевода, и что он вообще не всегда соблюдал строгий алфавитный порядок в расположении слов в своем словаре, отчего иногда произошли излишние повторения, как: **окончание**, **окончаю**, **окопание** и **окопанный** сперва после **окарачиваюсь**, где никто этих слов еще не ищет, а потом на следующей странице на своем месте снова, с прибавлением слов: **оконченный** и **окончатель**, за то однако же с опущением глагола **окончено**.

Ко всему здесь изложенному долгом считаю прибавить, что в сочинении Орнатова, несмотря на все недостатки, погрешности и более или менее грубые ошибки, есть также много правильно-го и хорошего. *Sunt bona mixta malis*, как попало при поверхностном и неосновательном еще знании языка самим автором и при беглой и небрежливой его отделке. И вот почему в его сочинении так много неудовлетворительного, что и хорошее становится сомнительным особенно для того, кто не имеет других средств к наведению надлежащих справок о всех частностях. Впрочем много ошибок, которые представляет этот словарь, падают на того, которого автор употребил для переписывания своей рукописи, ибо нельзя думать, чтобы он как русский и как профессор так ошибочно писал по-русски. В таком случае однако же он должен был бы тщательно поверить список до представления его начальству.

3) Приказ синода об исправлении рукописи Мордовско-русского и русско-мордовского словаря П.П. Орнатова по рецензии А.М. Шегрена (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 124, д. 578, л. 8).

13 июля/12 августа 1855 г.

Слушали предложение и.о. обер-прокурора синода А.И. Карасевского, полученное 4 июля, о составлении бывшим учителем тамбовской семинарии Орнатовым Мордовско-русского и русско-мордовского словаря.

Приказали: о выше изложенном отзыве академика Шегрена о составленном бывшим учителем тамбовской семинарии Павлом Орнатовым Мордовско-русском и русско-мордовском словаре, поручить Казанскому академическому управлению объявить Орнатову, с тем чтобы он по замечаниям тем исправил, если возможно, свой словарь и представил его на дальнейшее рассмотрение по установленному порядку. Для исполнения по сему определению передать из оного выписку в духовно-учебное управление.

и) Ходатайство I отделения духовно-учебного управления о доставлении из канцелярии — синода мордовско-русского и русско-мордовского словаря П.П. Орнатова (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 124, д. 578, л. 9).

26 ноября 1855 г.

В дополнение к выписке из определения синода от 13 июля / 12 августа с.г., сообщенной духовно-учебному управлению за № 8300, I отделение духовно-учебного управления покорнейше просит I отделение синодальной канцелярии о доставлении составленного бывшим учителем тамбовской семинарии Павлом Орнатовым Мордовско-русского и русско-мордовского словаря.

к) Ответ канцелярии синода на ходатайство I отделения духовно-учебного управления о доставлении мордовско-русского и русско-мордовского словаря П.П. Орнатова (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 124, д. 578, лл. 13 — 14).

31 декабря 1855 г.

На отношение I отделения духовно-учебного управления от 26 минувшего ноября за № 11540 I отделение синодальной канцелярии имеет честь уведомить, что, хотя в предложении от 2 июля сего года за № 5395 о составленном бывшим учителем тамбовской семинарии Орнатовым Мордовско-русском и русско-мордовском словаре сказано, что донесение академика Шегрена об упомянутом словаре, равно и самая рукопись предлагается (прилагает? — А. Ф.) синоду, — но таковой рукописи при сем предложении совсем не было приложено. Это видно из того, что, во-первых, предложение сие на дежурстве, в книге вступивших 2 июля в синод бумаг, записано только с означением одного №, и не сказано, что при нем прилагается словарь; во-вторых, регистратором синодальной канцелярии в книге входящих бумаг записано так: «4 июля — № 5956/5396 предложение с приложением копии о рукописном Словаре мордовско-русском и русско-мордовском наречия мордвы-мокши, составленном профессором тамбовской семинарии П. Орнатовым»; и, в-третьих, в таком виде, т. е. с приложением только одной копии с донесения академика Шегрена означенное предложение и сдано регистратором по принадлежности, в I стол 3 экспедиции I отделения канцелярии синода, помощнику секретаря той экспедиции...

И так как при докладе синоду предложение 2 о мордовско-русском словаре не представлялось надобности в докладе самого словаря, то по сему словарь сей и не требовался из духовно-учебного управления, как это было и с некоторыми другими приложениями, о которых в предложениях говорилось, что они прилагаются, тогда как они оставались в духовно-учебном управлении и получаемы были только по действительной в них надобности и без всякой переписки.

л) Предложение духовно-учебного управления о прекращении дела по изданию Русско-мордовского и мордовско-русского словаря П.П. Орнатова (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 124, д. 578, л. 15).

22 января 1859 г.

I отделение духовно-учебного управления имеет честь уведомить I отделение синодальной канцелярии для зачисления конченным производившегося в канцелярии дела о мордовском словаре профессора тамбовской семинарии Орнатова, что по определению синода от 13 июля / 12 августа 1855 года не могло быть сделано распоряжений, потому что профессор Орнатов скончался в 1840 году.

8. Рецензия академика А. Шегрена о мордовской грамматике и других рукописях иер. Макария:

- 1) Краткая грамматика еврейского языка;
- 2) Записка о религии мордвы-мокшан;
- 3) Замечания на мордовско-мокшанскую грамматику, составленную тамбовской семинарии профессором П. Орнатовым и напечатанную в 1838 году в Московской синодальной типографии;
- 4) Краткая грамматика мордовско-мокшанского языка;
- 5) Записка о словоизводстве в мокшанском наречии и об отношениях его к наречию эрзянскому;
- 6) Краткий мордовско-мокшанский словарь;
- 7) Христианский катехизис, переведенный на мордовский язык эрзянского наречия (ААН СССР, ф. 94, оп. I, № 96, лл. 1 — 8).

1851

Бот семь рукописей большего и меньшего объема, присланых сочинителем, нижегородским иеромонахом Макарием, в АН и ею порученных мне на рассмотрение! На всякий случай такое количество уже само собою свидетельствует о редком трудолюбии и достохвальной деятельности сочинителя и принуждает нас встретить его с почтением и уважением.

Из этих рукописей шесть занимаются народом, известным под именем мордвы, и его языком...

Как известно, сей последний вместе с самим народом разделяется на два главных наречия, называемые по письменам мокша и эрзя. Из них наш автор преимущественно занимается

первым, но, кроме языка, он еще обращает внимание на религию мокшанского племени, о которой мы из рукописи под № 2 получаем ... подробные сведения, приведенные — в систематический порядок и с приложением самых форм молитв к почитаемым у мокшан богам и богиням на мокшанском наречии. Они сопровождаются русским переводом, по смыслу всегда верным, если и не всегда буквальным. Некоторые, впрочем редкие, разности в формах мокшанских слов в этих записках против употребляемых в словаре автора суть, может быть, ошибки, вкравшиеся здесь или там от недосмотра.

Об упомянутых записках, равно как и о своей Грамматике и словаре автор сам говорит в отношении в Академию, что эти три сочинения составлены им без всякого печатного пособия. И так должно заключить, что напечатанная в Москве уже в 1838 г. Мордовско-мокшанская грамматика тамбовской семинарии профессора П. Орнатова осталась для нашего автора неизвестною до самого последнего времени, как и в самом деле означенная нами под № 3 рукопись, содержащая замечания на эту Грамматику Орнатова, поступила в Академию позже, нежели выше упомянутые три сочинения иеромонаха Макария. Если б он, впрочем, знал и прежде сочинение тамбовского профессора, некогда в свое время также рассмотренное мною, то эта прежалкая Грамматика такому знатоку языка, каковым оказывается иер. Макарий, не могла служить никаким пособием, как явствует и из собственных его замечаний на сочинение предшественника. Они вообще дельны, хотя далеки от того, чтобы исчерпать предмет. Да это было совершенно и невозможно, если он не хотел написать статью той же величины, как и самая книга Орнатова: до того она наполнена ошибками и недостатками разного рода. Впрочем, критик или сам ошибается в самом деле или по крайней мере неволовко выражается в том, что приписывает означенные дурные качества в труде своего предшественника принятым им плану и методе русской грамматики, разделяя слова на части речи. Они существуют, и весьма естественно, также в мокшанском языке и все те же, как и в русском, с тою только разницею, что нет предлогов, а вместо них послеположения. Поэтому очень можно излагать также мокшанский язык по обыкновенным частям речи и даже в обыкновенном порядке; надобно только вполне знать, каковы свойство и употребление каждой отдельной части речи в мокшанском против русского, в чем они сходствуют и в чем различают между собою. Всего этого-то Орнатов и не знал вовсе, или знал только отчасти и крайне поверхностно; а поэтому он почти везде блуждает во тьме и делает важные промахи, так что Грамматика его вместо того, чтобы быть полезною, становится даже вредною. Но перейдем к новой Грамматике самого Макария, в нашей росписи его рукописей означенной № 4.

Несмотря на заглавие: «Краткая грамматика мордовско-мокшанского языка» она самая обширнейшая из всех его рукописей, заключающая в себе, кроме одной страницы оглавления, 161 страницу *in folio*. Этим сочинением он истинно венчал все прочие свои сочинения; оно слава и краса всех его рукописей, особенно как первый русский опыт в своем роде — один из самых отличных. По крайней мере я не знаю ни одного подобного первого опыта, в котором я видел бы с самого начала столько проницательности в исследовании особенного духа и свойств языка, столько оригинальности и самостоятельности в методе изложения. Конечно, нельзя сказать еще, что автор во всем уже попал в цель; но в сравнении с другими составителями он и не сделал многих промахов и во всяком случае обнаруживает необыкновенное стремление, заслуживающее всякое уважение и поощрение. Чем радушнее я готов провозгласить это, тем более я, с другой стороны, долгом считаю указать на важнейшие недостатки и несовершенства в Грамматике почтенного автора, сколько это возможно при сочинении, которое как первый опыт в своем роде, по отсутствию других пособий, не может быть проверено иначе, как самим собою.

Первый важный недостаток сего сочинения состоит в том, что автор при философических размышлениях и рассуждениях о свойствах слов по их значению, об основанных на этих свойствах разделениях слов на разные разряды и об изменяемости слов по спряжениям и склонениям, мало заботится о первом основном, т.е. звучном, элементе языка. Ревностно занимаясь содержанием и углубившись в это, он упустил из виду форму, или по крайней мере не обратил на нее должного внимания. Форма заключает в себе две потребности: 1) верное и точное перенятие настоящего звука посредством верного и точного наблюдения и 2) верное и точное выражение настоящего звука надлежащими знаками или буквами. Ни та, ни другая потребность не удовлетворена автором вполне. Одно и то же слово пишется им на разных местах различно, хотя конечно это, к счастью, не часто встречается. Статься может, что и в самом языке существуют варианты и что следственно одно слово гласит то так, то иначе; но такие случаи бывают редки и должны бы по настоящему быть именно примечены. Пока этого нет, ни в Грамматике, ни в словаре, мы вправе подозревать, что подобные разности происходят от небрежения или неточности наблюдения. В отношении к верному выражению звуков надлежащими буквами автор должен был прежде всего хорошенько обдумать, какой и как надо составить алфавит для мордовы. По своему уму автор действительно даже сам предчувствовал этакую надобность и пишет (в § 3): «Звуков по различию свойств языков в одном народе может быть более, а в другом менее. Вероятно поэтому и мокшанский язык должен бы иметь некоторое различие с русским языком в числе букв». Читая это, я сперва обрадовался, надеясь встретить

в авторе русского, умевающем привести выраженное им самим справедливое и естественное теоретическое замечание в дело; но в ту же минуту был выведен из моего очарования, когда продолжал читать: «Но как мордва обоих поколений, т. е. ни мокшане, ни эрзяне, собственно письменного диалекта не имеют: по сей причине и слова мордовского языка могут изображаться на письме буквами русскими, которых считается 35. А, б, в ...». Вот и азбука, точно такая же, какова была составлена уже и Орнатовым. Она, конечно, для автора самая легкая и преудобная; взяв ее, автор не имел никакой нужды ломать себе голову и даже что-нибудь мыслить; стоило только выписать русские буквы, одну за другую, как они приняты, потом бросить их мордвe и сказать: вот вам азбука; учитесь по этой по-мордовски! Вместе вы учитесь и по-русски, прибавил еще Орнатов, хотя он: при первом определении даже прочитал 31 букву достаточными для мордовского языка. Именно потому-то, что мордва никаких письмен не имеет, и надобно было бы составить для нее азбуку, но так, чтобы она была навсегда прочна и совершенна и притом легка и удобна, т. е. чтобы ей, с одной стороны, не недоставало знаков для каких-нибудь звуков, существующих в языке, а с другой — не было бы введено в нее напрасно излишних букв, словом, чтобы в ней считалось именно столько же букв, сколько в самом языке по его свойству есть собственных звуков, не более и не менее. Впрочем, буквы могут и даже должны быть р у с с к и е, по мере того как они достаточные; надобно только знать, какие именно из них принять и какие выключить, непременно соображая выбор и назначение их с истинною общею теориою букв и с свойствами того языка (мордовского), для которого они принимаются. При всех совершенствах русский алфавит имеет также много недостатков и несовершенств, особенно много излишних букв и даже букв небукв. Такие напрасные излишества во всяком случае должны быть просто выключены при составлении нового мордовского алфавита, чтобы напрасно не затруднить учащегося, но, напротив, по возможности облегчить изучение оного алфавита при чтении и письме. К сожалению, автор смотрит на азбуку с превратной точки зрения, что явствует еще и из его разделения букв на гласные, согласные и полугласные с их определениями. Полугласные у автора: ъ, ь, ѹ; следственно к прежде исчисленным 35 прибавилась еще одна новая (36-я) буква ѹ. На следующей странице являются неожиданно еще две новые буквы, так что число всех будет 38. На означенной странице мы читаем в § 12:1) что г во всех мордовских словах без исключения должно быть произносимо не как русское г, но как латинское g (и с таким именно замечанием действительно можно будет оставить г в новой азбуке), а потом 2) что «кроме сего» (т. е. г) «в мокшанских, против русской азбуки, буквах непременно должны бы существовать две лишние (?) буквы, из коих первая со-гласная, имеющая выговор, помягче несколько буквы ц и погру-

бее з. Таковую букву, — продолжает автор, — может заменить русская буква з с следующим над нею знаком ^, напр. лánксанза «на нем». Далее: «Вторая лишняя (!) должна бы существовать в словах мокшанского языка гласная ѹ, каковую букву могут заменить русские буквы ѹ с следующим над ними знаком ^, напр., ѹтама »переходить«. Первая из этих так называемых автором лишних букв, кажется, точно предполагает собственный звук, хотя и трудно образовать себе понятие об оном по одному лишь темному описанию автора; но в таком случае она не л и ш н я я, но, напротив, н у ж н а я и даже н е о б х о д и м а я. Только можно и должно бы, предположив, что этот темный звук близок или ближе к з, означить оный и в письме как-нибудь п р о щ е. Что же касается до другой «л и ш н е й» и притом еще будто г л а с н о й (?) буквы ѹ, то она истинно лишняя, потому что выражает не звук, но целый слог. Почитая подобные слоги с, ѹ и я с другими русскими за настоящие буквы и притом еще называв упомянутые с, ѹ и я просто гласными, автор, конечно, не мог не назвать и лишнюю свою букву ѹ также г л а с н о ю, сколь ни нелегко такое утверждение в самом деле. Но если наш грамматик знал бы еще и другие чудесные языки и тут встретил бы множество других совершенно подобных слов, только с разными другими гласными, он бы испугался вдруг и через чур умножающегося числа этих лишних гласных, которые он по-своему также должен был бы писать д в у м я буквами с бесконечными крючками и черточками, и все это на деле — напрасно...

Почти все... краткое введение к грамматике никуда не годится и требует новой основательной переделки, по которой потом и надобно будет исправить мордовское правописание во всех его рукописях вообще. При этой новой переделке автору также будет случай дополнить свое введение подробнейшими показаниями о взаимных отношениях мордовских звуков и букв между собою и о переходе последних, в известных случаях и положениях; одной в другую, каковых показаний теперь еще вовсе нет в его введении, за исключением двух только существенных замечаний: 1) о произношении буквы г везде как латинское g, о чем упомянуто уже выше и 2) о том, что после н и м согласные к, п, т, с, ц и ш всегда гласят как г, б, д, з, ѹ и ж. Ныне же еще нет ни слова о правилах ударения в мордовских словах. Автор, вероятно, потому не счел нужным говорить об этом предмете, что он почти везде ставил черту в знак ударения над гласными в словах, если эта черточка не означает д о л г о т у гласных. По крайней мере упомянутый знак может знаменовать и это качество гласных, а потому следовало бы объяснить значение всех употребленных автором знаков для отвращения всех недоразумений со стороны читателей. Подробнейшие объяснения необходимы тем более, что автор ныне сам еще колеблется в употреблении означенной двусмысленной черточки, ставя ее в одном месте на одну, а в другом

на другую гласную одного и того же слова. Не излишне будет здесь заметить, что автор еще имеет привычку снабжать начальные гласные в словах, кроме часто упомянутой черточки, означающей, как сказано выше, у д а р е н и е или д о л г о т у, вместе другим знаком, похожим на греческий '(Spiritus lenis), напр., **άλιй** «отец», **Эриклама** «оживать». Впоследствии является у него вместо упомянутого знака '(Spiritus lenis) и противоположный '(Spiritus asper)...

9. Документы об истории создания «Крат. кат. 1861 м» и «Мол. 1862 м» (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 138, д. 1955).

а) Л. 7: Из доношения тамбовского и шацкого епископа Феофана о вторично рассмотренном специальным комитетом переводе на мордовский язык евангелия от Матфея.

*31 марта 1860 г.*

... При чем присовокупляю, что я, признав не менее полезным иметь в переводе на мордовском же языке начатки христианского учения, поручил переложить оные тому же комитету.

б) Л. 10: Доношение тамбовского и шацкого епископа Феофана о завершении перевода «Начатков христианского учения» на мордовский язык.

*27 августа 1860 г.*

В дополнение доношения моего синоду от 31 марта сего года за № 3975, при котором представлен исправленный и пересмотренный перевод евангелия от Матфея на мордовский язык, переложенный бывшим профессором тамбовской семинарии Александром Тюменевым, имею честь донести синоду, что порученный мною тому же комитету подобный перевод «Начатков христианского учения» окончен трудами священника Егора Вадовского и также пересмотрен и поверен в оном комитете; каковой перевод, представляя при сем в подлиннике синоду, долгом поставляю благопокорнейше просить сделать распоряжение об отпечатании и этих необходимых начатков христианского учения для мордовцев вверенной мне епархии, средствами, какие будут благоусмотрены синодом.

(В конце доношения запись сотрудника канцелярии синода: «С препровождением перевода «Начатков христианского учения» на мордовский язык, составленного священником Егором Вадовским и пересмотренного в особо учрежденном комитете. Слушали 31 октября 1860»).

в) Л. 11: Решение синода о напечатании перевода на мордовский язык «Начатков христианского учения».

*31 октября / 15 ноября 1860 г.*

Слушали: донесение преосвященного Феофана епископа тамбовского, от 27 августа сего года о напечатании перевода на мордовский язык «Начатков христианского учения».

Приказали: представленный преосвященным тамбовским перевод на мордовский язык «Начатков христианского учения», составленный священником Вадовским и пересмотренный и поверенный особо составленным для того комитетом, поручить хозяйственному управлению при синоде отпечатать в количестве 1200 экземпляров и отослать за тем в ведение преосвященного Феофана для употребления по назначению; расход же на отпечатание сей книжки отнести на счет типографских сумм, и о последующем довести до сведения синода. О чём в хозяйственное управление передать выписку из сего определения, а преосвящ. тамбовскому дать знать указом.

г) Л.1: Представление тамбовского и шацкого епископа Феофана о напечатании книги, переведенной на мордовский язык.

*30 июля 1861 г.*

Кроме перевода на мордовский язык начатков христианского учения уже отпечатанного, вследствие моего ходатайства, как видно из указа синода от 23 ноября 1860 г. за № 5958, я счел нужным поручить тому же комитету озабочиться переводом также на мордовский язык книжицы, содержащей самые необходимые всякому христианину молитвы: каковой перевод оконченный трудами священника села Кишал Темниковского уезда Егором Вадовским, пересмотренный и поверенный в оном комитете, представляя при сем в подлиннике в синод, долгом поставляю благопокорнейше просить учинить распоряжение об отпечатании и этого перевода, также необходимого для мордовцев вверенной мне епархии, средствами, какие будут благоусмотрены синодом.

(На представлении епископа Феофана имеется следующая запись сотрудника канцелярии синода: «№ 9176 с препровождением перевода на мордовский язык книжицы, содержащей самые необходимые всякому христианину молитвы, составленного священником Вадовским и пересмотренного особоучрежденным комитетом»).

д) Л. 2: Определение синода по рапорту тамбовского и шацкого епископа Феофана о напечатании книги на мордовском языке (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 142, д. 1367, л. 2).

*13/26 сентября 1861 г.*

Слушали рапорт преосвящ. епископа тамбовского Феофана, от 30 июля сего года за № 9176, о напечатании на мордовском языке необходимых для христианина молитв. И по справке, приказали: представленный преосвященным епископом тамбовским Феофаном перевод на мордовский язык необходимых всякому христианину молитв, составленный священником Вадовским и поверенный особо составленным

комитетом, поручить хозяйственному управлению при синоде отпечатать, на счет типографских сумм, в количестве 1200 экземпляров...

е) Л. 3: Предложение хозяйственного управления при синоде о книге, изданной на мордовском языке в Московской синодальной типографии (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 142, д. 1367, л. 3).

6 июля 1862 г.

На основании определения синода 13/26 сентября 1861 г., в Московской синодальной типографии напечатано для Тамбовской епархии 1200 экземпляров книги «Молитвы и церковное чтение на мордовском и русском языках» в 12 долю листа, гражданской печати; издание это обошлось типографии в 25 руб. 45 3/4 коп. серебр.

Означенные экземпляры, за исключением 6 экземпляров для библиотек, отосланы к Феофану епископу тамбовскому 16 прошедшего мая.

ж) Л. 4: Решение синода по предложению С.Н. Урусова о вышедшей в свет книге на мордовском языке.

25 июля/4 августа 1862 г.

Слушали: предложение князя С.Н. Урусова, от 6 июля за № 5126, коим доводят до сведения синода, что на основании определения синода 13/26 сентября 1861 г. в Московской синодальной типографии напечатано для Тамбовской епархии 1200 экземпляров книги: «Молитвы и церковное чтение на мордовском и русском языках», в 12 долю листа, гражданской печати (каковое издание обошлось типографии в 25 руб. 45 3/4 коп. сер.) и, что означенные экземпляры, за исключением 6 для библиотек, отосланы к Феофану, епископу тамбовскому, 16 прошедшего мая. По справке в синодальной канцелярии оказалось: определением синода 13/26 сентября 1861 г. положено: представленный епископом тамбовским Феофаном перевод на мордовский язык необходимых, всякому христианину молитв, составленный священником Вадовским и поверенный особо составленным комитетом, поручить хозяйственному управлению при синоде отпечатать на счет типографских сумм, в количестве 1200 экземпляров и отослать затем в ведение преосв. тамбовского, доведя о последующем до сведения синода. О чем в хозяйственное управление и передана выписка из сего определения 6 октября 1861 г. за № 3888, а преосв. Феофану тогда же дано знать о сем указом за № 3887.

Приказали: Означенное предложение С.Н. Урусова принять к делу для сведения и затем самое дело зачислив решенным сдать своевременно в синодальный архив.

10. Тюменев 1879 м.

а) Предложение обер-прокурора синода об издании евангелия от Матфея, переведенного А.И. Тюменевым на мордовский язык (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 138, д. 1955, лл. 1 – 2).

26 октября 1857 г.

Преосвященный Макарий, епископ тамбовский сообщает, что во вверенной ему епархии есть народ мордва, с давних времен обращенный в христианство, и усердно преданный православной церкви, но мало понимающий русский язык, а еще менее славянский, на котором совершаются для него богослужение. Для распространения в этом народе истин веры и для приготовления в мордовские селения священников, знающих местный язык, в Тамбовской семинарии с 1834 года открыт класс мордовского языка, который с самого начала нашел в воспитанниках семинарии большое к себе сочувствие. К сожалению, средства, при которых был изучаем и изучается этот язык, далеко не соответствуют цели. Движимый соответственным преподавателю желанием увеличить средства и усердие воспитанников семинарии к изучению мордовского языка, преподаватель этого языка в Тамбовской семинарии профессор Александр Тюменев решил перевести и перевел с греческого языка на мордовский евангелие от Матфея, которое и представил на усмотрение преосвященного.

Находя со своей стороны, что составленный профессором Тюменевым перевод евангелия от Матфея может не только служить весьма полезным руководством или пособием для желающих изучить мордовский язык воспитанников семинарии, но и облегчать труды знающих мордовский язык священников, при исполнении лежащего на них долга преподавать истины веры народу-мордве и наконец может сделаться первою, даже единственную книгою для чтения на родном языке для тех из самых мордовцев, которые получают ныне образование в сельских училищах, открытых с 1843 года во всех округах и волостях Тамбовской губернии, преосвященный Макарий просит о напечатании этого перевода в потребном количестве экземпляров для Тамбовской семинарии и епархии, если только он, по надлежащем рассмотрении, окажется того достойным. Долгом поставляю предложить о сем на усмотрение синода, прилагая и вышеизначенный перевод профессора Тюменева.

б) Приказ синода о проверке в Тамбовской епархии мордовского перевода евангелия от Матфея (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 138, д. 1955, л. 3).

1/14 декабря 1857 г.

Слушали предложение исправлявшего должность обер-прокурора синода К.С. Сербиновича, полученное 28 минувшего октября, относительно напечатания сделанного профессором

Тамбовской семинарии Тюменевым перевода на мордовский язык евангелия от Матфея.

Приказали: Составленный профессором Тамбовской семинарии Тюменевым перевод на мордовский язык евангелия от Матфея возвратить ... епископу тамбовскому Макарию с тем, чтобы он поручил кому-либо из духовных лиц вверенной ему епархии, основательно знающих мордовский язык, поверить подстрочно перевод с подлинником, и за тем дознать на опыте, достаточно ли понятен он для природных мордовцев, и о последующем донести синоду своим заключением.

в) Доношение Макария, епископа тамбовского и шацкого, о результатах проверки мордовского перевода евангелия от Матфея (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 138, д. 1955, лл. 4 — 5).

11 июля 1858 г.

Присланный при указе синода от 21 декабря 1857 г. перевод евангелия от Матфея на мордовский язык, составленный бывшим профессором Тамбовской семинарии Тюменевым, был препровожден для рассмотрения в особо составленный для того в г. Темникове комитет из священников, знающих мордовский язык, под председательством местного протоиерея Петрова.

Каковой комитет по поверке этого перевода подстрочно и на опыте относительно понятности оного для природных мордовцев, возвратив оный через темниковское духовноеправление с своими замечаниями на некоторые слова и выражения, употребленные в этом переводе и с отзывами природных мордовцев, относительно понятности для них перевода, в двух рапортах своих объяснил: а) замечания относительно несходства некоторых слов с произношением мордов здешнего края и даже несоответствия их с контекстом евангелия на славянском языке, не все выставлены им на вид, а только первоначально встретившиеся с тем, чтобы в последующих главах и стихах, если этот перевод будет переписываться, оные были заменены сообразно выставленным замечаниям; б) как мордовский язык до сего времени не имел и не имеет никакой образованности и письменности и употребляется только в простонародном разговоре между лишь мордовами, относительно жизненных потребностей, следовательно весьма скучен терминами и не имеет многих на собственном наречии слов против русского языка так, что некоторые слова они и сами в последующее время позаимствовали из русского языка; а потому и в представленном переводе многие слова, не имеющие собственно на мордовском языке названия, взяты из русского языка, а некоторые для объяснения значения русского слова переведены приблизительно фразами, объясняющими одно русское слово двумя, тремя и четырьмя мордовскими для того, чтобы не разрушать смысл евангельских слов; в) мордва говорят двумя наречиями — мокшанским около г. Темникова и эрзянским около г. Спасска и Кадома, так что в этих двух наречиях есть слова тождественные по

произношению, но смысл означают совершенно противный друг другу. Перевод же этот составлен г. Тюменевым приблизительно к наречию эрзянскому; г) причем комитет выставляет на вид и то, что обыватели мордовских селений и деревень мужского пола, в особенности же живущие при больших дорогах, знают уже все русский язык и объясняются на оном весьма удовлетворительно; а эрзяне и давно уже свыклись с русским языком, так что из эрзян есть селения, уже бросившие свой язык и одеяние и ныне живут и говорят по-русски, а потому надобно предположить, что не пройдет и одного столетия, как мордовский язык с лица русской земли исчезнет.

По выслушании сих рапортов комитета, тамбовская духовная консистория мнением своим положила: так как перевод евангелия от Матфея на мордовский язык, составленный бывшим профессором Тамбовской семинарии Тюменевым, во исполнение указа из синода от 21 декабря 1857 г. рассмотрен и проверен подстрочно особо составленным для того комитетом из священников, знающих мордовский язык, и оказался на опыте, по отзыву природных мордовцев, мокшанского наречия, довольно понятным для них, но более приблизительным к эрзянскому наречию, употребляемому в здешней же епархии в уезде Спасском и около Кадома, то этот перевод с подлинными рапортами комитета, его замечаниями на перевод и с отзывами природных мордовцев мокшанского наречия, препроводить в синод, с таковым присовокуплением, что, по мнению епархиального начальства, издание в печати этого перевода, по предварительном исправлении оного, согласно замечаниям комитета, будет небесполезно для природных мордовцев, тем более, что язык мордовский очень мало имеет памятников письменности.

Согласовав мнение консистории, я имею честь благопочтеннейше донести о сем синоду, во исполнение указанного предписания оного от 21 декабря 1857 г. и препроводить как самый перевод, так и документы комитета, рассматривавшего этот перевод.

г) Решение синода по рапорту епископа Тамбовского о проверке мордовского перевода евангелия от Матфея (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 138, д. 1965, л. 6).

23 октября 1858 г.

Слушали рапорт Макария, епископа тамбовского, полученный 24 июля, при котором возвращая перевод на мордовский язык евангелия от Матфея, сделанный бывшим профессором Тамбовской семинарии Тюменевым, представляет подлинные рапорты учрежденного им, преосвященным, по указу синода, комитета для рассмотрения сего перевода вместе с замечаниями его на перевод и с отзывами о нем природных мордовцев мокшанского наречия. И по справке, приказали: предписать епископу тамбовскому, Макарию, сделанный бывшим профессором Тюменевым перевод на мордовский язык евангелия от Матфея

возвратить переводчику, для исправления по замечаниям рассматривавшего перевод комитета, и по исправлении и вторичном рассмотрении оного лицами, знающими мордовский язык, представить перевод в синод с своим мнением.

О чём и послать ему, преосвященному, указ, препроводив при оном как самую рукопись перевода с замечаниями, так и все представленные им бумаги.

д) Доношение Феофана, епископа тамбовского и шацкого о вторично рассмотренном специальным комитетом переводе на мордовский язык евангелия от Матфея (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 138, д. 1955, л. 7).

31 марта 1860 г.

Во исполнение указа синода от 23 октября 1858 г. за № 10.506, имею честь благопочтеннейше представить при сем на благорасмотрение перевод евангелия от Матфея на мордовский язык, по исправлении оного переводчиком, бывшим профессором Тамбовской семинарии Тюменевым, вторично рассмотренный и поверенный особо составленным для того комитетом, с таковым мнением: так как перевод этот, по отзыву комитета, хотя составлен более приблизительно к эрзянскому наречию, употребляемому в уезде Спасском и около бывшего города Кадома, но на опыте оказалось понятным и для мордовцев мокшанского наречия, находящихся в Темниковском уезде, то признавая полезным для природных мордовцев иметь оный в печати, а между тем затрудняясь приведением этого в исполнение, по неимению в виду никаких средств, считаю долгом представить о сем на благорасмотрение синода. При чём присовокупляю, что я, признав не менее полезным иметь в переводе на мордовском же языке начатки христианского учения, поручил переложить оные тому же комитету.

(В конце доношения запись сотрудника канцелярии синода: «С препровождением исправленного и вторично рассмотренного перевода евангелия от Матфея на мордовский язык, составленного бывшим профессором Тамбовской семинарии Тюменевым. Слушали 9 августа 1860 г.»).

е) Дело синода о непечатании перевода на мордовский язык евангелия от Матфея (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 138, д. 1955, лл. 8 — 9).

9 августа/12 сентября 1860 г.

Слушали: дело о напечатании сделанного профессором Тамбовской семинарии Тюменевым перевода на мордовский язык евангелия от Матфея.

Приказали: усматривая из вышеизложенного, что составленный бывшим профессором Тамбовской семинарии Тюменевым перевод евангелия от Матфея на мордовский язык, по исправлении оного переводчиком, вторично рассмотрен особо учрежденным для сего комитетом из лиц, знающих мордовский язык, и

имея в виду, что по отзыву того же комитета признается полезным для природных мордовцев иметь перевод сей в печати, оный не только может служить пособием или руководством для желающих изучить мордовский язык, но и облегчить труды знающих мордовский язык священников при исполнении лежащего на них долга преподавания истин веры народу-мордве синод определяет: поручить духовно-учебному управлению при синоде сделать распоряжение о напечатании означенного перевода в количестве 1200 экземпляров и об отсылке оных в ведение преосвященного тамбовского для употребления по назначению с тем, чтобы потребный по сему предмету расход отнесен был на счет духовно-учебных комитетов; о последующем же представить синоду. Для исполнения по сему определению передана (от 12 сентября сего года) выписка в духовно-учебное управление, а для сведения о том преосвященному тамбовскому послан указ.

ж) Предложение обер-прокурора синода задержать издание мордовского перевода евангелия от Матфея (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 138, д. 1955, лл. 12 — 13).

30 января 1861 г.

Синод, по выслушании дела о напечатании сделанного профессором Тамбовской семинарии Тюменевым перевода на мордовский язык евангелия от Матфея, имея в виду, что, по мнению рассматривавшего сей перевод комитета, признается полезным для природных мордовцев иметь оный в печати, и что, по мнению бывшего преосвященного тамбовского епископа Макария, перевод сей не только может служить пособием для желающих изучить мордовский язык, но и облегчить труды знающих мордовский язык священников, при исполнении лежащих на них дела преподавания истин веры народу-мордве — определением от 9 августа/5 сентября 1860 года положил: напечатать означенный перевод евангелия от Матфея на мордовский язык за счет духовно-учебных комитетов, в количестве 1200 экземпляров, которые и отослать в ведение преосвященного тамбовского, для употребления по назначению.

Вследствие сего духовно-учебное управление просило хозяйственное управление при синоде о доставлении приблизительной сметы расходам на напечатание в синодальной типографии упомянутого перевода в количестве 1200 экземпляров, с переплетом оных в учебный корешок. Хозяйственное управление, препроводив сделанный Московскою синодальною типографией расчет издержкам, потребным на напечатание сего перевода, уведомило, что в синодальных книжных запасах имеется четвероевангелие на мордовском наречии, в 12 долю листа без переплета, в числе 1651 экземпляра, ценою по 40 копеек за экземпляр.

Из упомянутого расчета видно, что на издание 1200 экземпляров евангелия от Матфея на мордовском языке потребуется с переплетом всего 457 рублей 95 копеек серебром.

Заключение: имея в виду, что в синодальных книжных запасах имеется 1651 экземпляр четвероевангелия на мордовском наречии, духовно-учебное управление полагало бы уведомить преосвященного тамбовского, что евангелие на мордовском языке, в случае надобности, может быть отпускаемо из синодальных книжных запасов и что продажная цена оному 40 копеек за экземпляр, между тем печатанием перевода на мордовский язык евангелия от Матфея приостановиться вперед до израсходования упомянутых экземпляров четвероевангелия на том же языке.

3) Решение синода о приостановке издания мордовского перевода евангелия от Матфея (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 138, д. 1955, л. 14).

13 марта/б мая 1861 г.

Слушали: предложение обер-прокурора Толстого А.П. от 30 января 1861 года касательно перевода профессором Тамбовской семинарии Тюменевым на мордовский язык евангелия от Матфея по справке приказали: имея в виду, что в синодальных книжных запасах имеется 1651 экземпляр четвероевангелия на мордовском наречии, синод определяет приостановить печатание представленного преосвященным тамбовским евангелия от Матфея на мордовском языке, препроводить один экземпляр выше означенного четвероевангелия к преосвященному Феофану с тем, чтобы по рассмотрении оного лицами, знающими мордовский язык, представил он, преосвященный, сведения: тем ли самым наречием написано четвероевангелие это, каким говорят мордовцы Тамбовской епархии, и предстоит ли за сим надобность вперед до распродажи означенных экземпляров, в печатании евангелия от Матфея на мордовском языке. О чем преосвященному тамбовскому и послать указ.

и) Записка директора хозяйственного управления синода, препровождающая экземпляр четвероевангелия, изданного на мордовском языке (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 138, д. 1955, л. 15).

5 мая 1861 г.

Вследствие отношения от 15 прошедшего апреля за № 1599, хозяйственное управление имеет честь препроводить при сем в канцелярию синода один экземпляр четвероевангелия на мордовском языке.

к) Донесение Феофана, епископа тамбовского и шацкого о присланном экземпляре четвероевангелия на мордовском языке и необходимости издания мордовского перевода евангелия от Матфея (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 138, д. 1955, лл. 16 – 17).

Получено 14 ноября 1861 г.

При указе синода от 6 мая текущего года за № 1784 препровожден был ко мне один экземпляр четвероевангелия на мор-

довском языке из числа 1631, хранящихся в синодальных книжных лавках с тем, чтобы по рассмотрении оного лицами, знающими мордовский язык, представлено было синоду сведение: тем ли самым наречием написано четвероевангелие это, каким говорят мордовцы Тамбовской епархии, и предстоит ли за сим надобность, впредь до распродажи означенных экземпляров, в печатании евангелия от Матфея, переведенного на мордовский язык бывшим профессором Тамбовской семинарии Александром Тюменевым.

Во исполнение этого указа синода я поручил особо учрежденному на сей предмет комитету заняться пересмотром препровожденного экземпляра четвероевангелия на мордовском языке и проверить на опыте, понятно ли это четвероевангелие для мордовцев, живущих в Тамбовской епархии, с представлением для примера из каждого евангелиста (четвероевангелия) текстов по 5, какие считает комитет непонятными народу, — с прописанием против их перевода понятнейшего. Комитет прежде предварительного рассмотрения этого экземпляра четвероевангелия с своей стороны отсылал оный священникам тех сел, где находятся прихожане из мордовцев и притом знающих хорошо мордовский язык, для прочтения им. Вследствие чего священноцерковнослужители, по прочтении нескольких глав из описанного четвероевангелия, представили в комитет свои отзывы и по 5 стихов из каждого евангелиста на наречиях, которыми говорят мордовцы Тамбовской епархии; из этих отзывов и замечаний видно, что некоторые слова действительно сходственны с наречием их прихожан, а большая часть из них совершенно непонятны как для самих священноцерковнослужителей, так и для прихожан потому, что из означенных 20 стихов нет ни одного, в котором не было бы различия в словах. Что самое подтверждено и комитетом, с объяснением, что это четвероевангелие непонятно для здешних мордовцев. А поэтому, с прописанием таких отзывов об описанном четвероевангелии на мордовском языке и с возвращением самого четвероевангелия имеют долг благопочтеннейше донести синоду, с таким присовокуплением, что издание в печати евангелия от Матфея на мордовском языке, переведенного Тюменевым, по моему мнению, будет небесполезно для мордовцев, находящихся в вверенной мне епархии.

л) Определение синода о напечатании мордовского перевода евангелия от Матфея (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 138, д. 1955, лл. 18 – 19).

29 ноября 1861 г.

Слушали: дело о напечатании евангелия от Матфея на мордовском языке.

Приказали: усматривая из донесения преосвященного тамбовского, что находящиеся в синодальных книжных запасах

экземпляры четвероевангелия на мордовском языке не могут быть в употреблении между мордовцами Тамбовской епархии, по разлинию наречия этого четвероевангелия от того наречия, которое употребляют мордовцы означенной епархии, и что по сему представляется надобность в напечатании одобренного особым комитетом и разрешенного синодом к изданию евангелия от Матфея, переведенного на мордовский язык профессором Тамбовской семинарии Тюменевым, — синод определяет: поручить духовно-учебному управлению сделать распоряжение о напечатании, согласно с постановлением синода 5 сентября 1860 года, составленного Тюменевым перевода на мордовский язык евангелия от Матфея; для чего в то управление и передать выписку из сего определения, сообщив таковую же в хозяйственное управление, с возвращением экземпляра четвероевангелия, а преосвященному тамбовскому о настоящем распоряжении дать знать указом.

м) Предложение обер-прокурора синода Д.А. Толстого о напечатании А.И. Тюменевым перевода на мордовский язык евангелия от Матфея на свой счет (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 146, д. 1162, лл. 1 — 2).

15 июля 1865 г.

Определением синода от 9 августа/5 сентября 1860 г. положено напечатать составленный бывшим профессором Тамбовской семинарии Тюменевым перевод евангелия от Матфея на мордовский язык, в количестве 1200 экземпляров, на счет духовно-учебного капитала, и отослать их в ведение преосвященного тамбовского, для употребления по назначению.

Имея в виду, что рукопись евангелия от Матфея на мордовском языке написана русскими буквами и что мордовцы, знающие русскую грамоту, если они притом понимают русское наречие, могли бы читать евангелие на русском языке, бывший обер-прокурор синода просил преосвященного тамбовского о доставлении мнения его, признает ли он с своей стороны печатание упомянутой рукописи необходимым и не будет ли полезнее распространить между мордовцами чтение евангелия на русском языке, которое притом может быть приобретаемо ныне по ценам, доступным каждому.

На это преосвященный тамбовский уведомил, что из отобранных от священно — и церковнослужителей мордовских приходов Тамбовской епархии сведений оказывается, что печатание рукописи перевода евангелия от Матфея на мордовский язык не представляется необходимым, так как на приобретение такового евангелия заявили согласие не более 30 лиц, а между тем почти все священноцерковнослужители мордовских приходов объяснили, что прихожане их понимают русский язык очень хорошо, равно понимают и богослужение, отправляемое на славянском языке.

Заключение: принимая во внимание, что, по отзыву преосвященного тамбовского, в напечатании рукописи перевода евангелия от Матфея на мордовский язык необходимости не представляется, так как большая часть мордовцев Тамбовской епархии понимают русский язык и богослужение на славянском языке, духовно-учебное управление полагало бы: возвратив Тюменеву рукопись составленного им перевода евангелия от Матфея на мордовский язык, с разрешением ему напечатать онью, если пожелает, — на свой счет, просить преосвященного тамбовского принять меры к распространению между мордовцами Тамбовской епархии чтения евангелия на русском языке и поставить священникам мордовских приходов в непременную обязанность объяснять своим прихожанам общепонятным для них языком славянский текст как евангелия, так и других богослужебных книг.

Имею честь предложить о сем на заключение синода, с приложением упомянутой рукописи.

н) Решение синода о возвращении А.И. Тюменеву рукописи мордовского перевода евангелия от Матфея с последующим разрешением издания на свой счет (ЦГИА СССР, ф.796, оп.146, д.1162, лл. 3 — 4).

28 июля 1865 г.

Слушали предложение синодального обер-прокурора, от 15 минувшего июля за № 3781, относительно предположенного к отпечатанию перевода евангелия от Матфея на мордовский язык, для употребления в Тамбовской епархии, — с приложением рукописи и с изъяснением заключения по сему предмету духовно-учебного управления.

Приказали: имея в виду изъяснение в настоящем предложении отзыв преосвященного тамбовского, что в напечатании составленного бывшим профессором Тамбовской семинарии Тюменевым перевода евангелия от Матфея на мордовский язык не представляется необходимости, так как большая часть мордовцев Тамбовской епархии понимает русский язык и богослужение на славянском языке, — синод согласно заключению духовно-учебного управления определяет: 1) рукописный перевод евангелия от Матфея на мордовский язык возвратить составителю оного Тюменеву, с разрешением ему напечатать сию рукопись, если пожелает на свой счет; 2) поручить преосвященному тамбовскому принять меры к распространению между мордовцами Тамбовской епархии чтения евангелия на русском наречии, поставив священникам мордовских приходов в непременную обязанность своим прихожанам, общепонятным для них языком славянский текст как евангелия, так и других богослужебных книг; для исполнения же в чем следует, по сему определению выписку Феодосию послать указ, а в духовно-учебное управление передать выписку из настоящего определения, с приложением вышеупомянутой рукописи, для возвращения оной по принадлежности.

о) Прошение А.И. Тюменева выдать ему формальное разрешение на издание рукописи мордовского перевода евангелия от Матфея (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 146, д. 1162, л. 5).

3 февраля 1867 г.

1. Духовно-учебное управление при синоде от 20 августа 1865 г. за № 4648 уведомило меня, что в синоде состоялось определение о разрешении к напечатанию составленного мною перевода евангелия от Матфея на мордовский язык, если я пожелаю, на мой счет.

2. В настоящее время я желаю напечатать означенный перевод на свой счет, почему вместе с сим представляя подлинную рукопись означенного перевода, всеподданнейше прошу, дабы повелено было выдать мне формальное на напечатание упомянутой рукописи разрешение.

п) Приказ синода о препровождении рукописи мордовского перевода евангелия от Матфея в духовно-цензурный комитет (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 146, д. 1162, лл. 6 – 7).

21 марта/26 апреля 1867 г.

Слушали: прошение коллежского советника Александра Тюменева (поступившее 6 минувшего февраля), в коем изъясняет, что по полученному им в августе 1865 года уведомлению духовно-учебного управления, в синоде состоялось определение о разрешении к напечатанию составленного им, просителем, перевода евангелия от Матфея на мордовский язык, если он пожелает произвести печатание на свой счет, и что в настоящее время он желает отпечатать означенный перевод. По сему, представляя подлинную рукопись означенного перевода, Тюменев просит выдать ему формальное разрешение на напечатание помянутой рукописи. И, по справке, приказали: представленную коллежским советником Тюменевым рукопись перевода евангелия от Матфея на мордовский язык как уже разрешенную к напечатанию определением Синода от 28 июля 1865 года, препроводить при указе в с.-петербургский духовно-цензурный комитет, для наложения на сей рукописи разрешительной надписи к печати, поручив комитету, по исполнении сего, выдать означенную рукопись Тюменеву. Для объявления же о сем распоряжении синода просителю, по месту жительства его в С.-Петербурге, по Литовскому каналу, в доме Фридриксс, с.-петербургской управе благочиния послать указ.

р) Рапорт с.-петербургской управы благочиния об исполнении указа синода от 21 марта/26 апреля 1865 (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 146, д. 1162, л. 8).

15 июня 1867 г.

С.-Петербургская управа благочиния имеет честь донести синоду, что указ оного от 26 апреля сего года за № 1983, коллежскому советнику Тюменеву объявлен 17 минувшего мая.

с) Отношение обер-прокурора синода в синодальную канцелярию по поводу ходатайства А.И. Тюменева о выдаче ему копии с отзыва тамбовского епископа о переводе евангелия от Матфея на мордовско-мокшанское наречие (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 164, д. 67, л. 1).

4 июня 1883 г.

Статский советник Тюменев обратился к обер-прокурору синода с прошением о выдаче ему копии с отзыва преосвященного тамбовского на имя обер-прокурора синода от 12 октября 1864 г., о переводе евангелия от Матфея на мордовско-мокшанское наречие, составленном профессором Тамбовской семинарии Тюменевым, присовокупляя, что отзыв сей находится в числе дел бывшего духовно-учебного управления при синоде (отделение 1, стол 1, начато в июле 1857 г.).

Имея в виду, что дела означенного управления находятся ныне в архиве синода, канцелярия обер-прокурора имеет честь означенное прошение Тюменева препроводить в канцелярию синода по принадлежности.

т) Справка архива синода о переводе А.И. Тюменевым евангелия от Матфея на мордовско-мокшанское наречие (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 164, д. 76, л. 2).

15 июня 1883 г.

Значающееся в отношении канцелярии обер-прокурора синода от 4 июня сего года, за № 2436, дело бывшего духовно-учебного управления, 1 отделения, 1 стола, начатое в июне 1857 г., «О переводе евангелия от Матфея на мордовско-мокшанское наречие, составленном профессором Тамбовской семинарии Тюменевым», в синодальный архив не сдано, что видно из описи дел означенного управления, в которой против этого дела имеется отметка «нет», а также не показано, когда оно решено и на скольких листах.

у) Отписка канцелярии синода по поводу ходатайства А.И. Тюменева в получении копии с отзыва Тамбовского епископа о переводе евангелия от Матфея на мордовско-мокшанское наречие (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 164, д. 67, л. 3).

19 июня 1883 г.

Синодальная канцелярия, с возвращением доставленного при отношении канцелярии обер-прокурора синода, от 4 июня 1883 г. за № 2436, прошения статского советника Александра Тюменева на имя синодального обер-прокурора о выдаче ему копии с отзыва преосвященного тамбовского от 12 октября 1864 г. по делу о переводе евангелия от Матфея на мордовско-мокшанское наречие имеет честь уведомить, что означенное дело по отзыву начальника синодального архива, из бывшего духовно-учебного управления в синодальный архив сдано не было.

11. Документы о мордовских рукописях Н. Барсова: Азбука для мордовских школ Пензенской губернии; Указание учителю, как учить азбуке; Первоначальные уроки русского языка для мордвы (ГАПО, ф. 136, оп. 1, д. 55).

а) Л. 1: Препроводительное письмо ректора Пензенской семинарии учителю Пичелейского училища Николаю Барсову

11 января 1879 г.

Препровождая Вам «Указания учителю», «Приготовительные упражнения», прошу:

1) Переписать их на такой же бумаге, как и «Азбука», подальше от краев;

2) прибавить к напевам ноты;

3) об особенных звуках, свойственных мордовскому языку, сказать в «Указаниях учителю».

При этом сообщите, какое имеет значение помещенное в печатной азбуке ё. Переписанный экземпляр и черновой возвратите по почте, для скорости на мой счет.

б) Лл. 2 — 3: Письмо ректора Пензенской учительской семинарии в департамент народного просвещения о составленных Барсовым и Кечинным учебных пособиях для мордовских школ Пензенской губернии

20 октября 1879 г.

Вследствие личного распоряжения мне министра народного просвещения, я ознакомился в Казанской учительской инородческой семинарии и в Симбирском центральном училище для чуваш с обучением татар и чуваш, собрал сведения о стоимости иметь при вверенной мне семинарии учителя, знающего мордовский язык, а также о стоимости устройства при семинарии начальной школы для мордвы. С испрошением расходов на учителя и школу я вошел с представлением к попечителю харьковского учебного округа.

Ознакомившись с обучением инородцев и приготовляя воспитанников из мордвы к обучению в школе, составлены под моим руководством бывшим учителем в мордовской школе Барсовым и воспитанником вверенной мне семинарии Кечинным руководства — учебные пособия: Азбука для мордовских школ Пензенской губернии, указание учителю, как учить по азбуке и первоначальные уроки русского языка для мордвы, которые, по неимению учебников для обучения мордвы, и осмеливаюсь предоставить на милостивое благоусмотрение министра народного просвещения к выполнению данного мне распоряжения.

Преподавание по предложенной системе оказывается на практике очень приохочивающим к учению. Азбука как первый опыт такого учебника для мордвы имеет, полагаю, недостатки, которые выясняются при дальнейшей практике и устраняются впоследствии.

Первоначальные уроки разделены на два отдела. Русский язык заимствован из первого отдела такой же книги для татар, а татарский заменяет мордовский текст; второй раздел есть мордовский перевод некоторых статей Родного слова. Оба отдела имеют целью содействовать сознательности чтения Родного слова, а второй отдел, кроме того, может служить материалом для рассказов учителя ученикам младшего отделения школы.

При этом имею честь доложить, что азбуку переписывал воспитанник вверенной мне семинарии Орлов.

в) Л. 4: Письмо ректора Пензенской учительской семинарии попечителю харьковского учебного округа об учебниках для мордовских школ

20 апреля 1879 г.

Вследствие личного распоряжения мне министра народного просвещения мною собраны сведения о стоимости иметь при «Пензенской учительской семинарии учителя, знающего мордовский язык, с целью помочь учебным занятиям воспитанников из мордвы. Полагая, что такой учитель принесет большую пользу практическим занятиям воспитанников, если при семинарии будет устроена начальная школа для мордвы, мною собраны сведения о стоимости таковой школы и составлены учебники: Азбука для мордовских школ Пензенской губернии, Указание учителю, как учить по азбуке и Первоначальные уроки русского языка для мордвы.

Сведения об устройстве школы имею честь представить Вашему превосходительству и имею честь покорнейше просить ходатайства Вашего превосходительства об устройстве при вверенной мне семинарии начальной школы для мордвы.

г) Лл. 15 — 17: Письмо попечителя харьковского учебного округа директору Пензенской учительской семинарии, препровождающее 1) рукописи мордовских учебников Барсова и Кечина и 2) рецензию о них академика Ф.И. Видемана

31 октября 1879 г.

1. Министр народного просвещения в предложении от 13 текущего октября за № 11036 изъяснил, что Ваше высокородие представили в министерство народного просвещения составленные под Вашим руководством бывшим учителем в мордовской школе Барсовым и воспитанником вверенной Вам семинарии Кечинным учебные пособия, а именно:

- а) Азбука для мордовских школ Пензенской губернии,
- б) Указание учителю, как учить по азбуке,
- в) Первоначальные уроки русского языка для мордвы.

Означенные учебные пособия переданы были в имп. Академию наук для просмотра и заключения, которая ныне и представила в копии донесение академика Видемана по сему предмету.

Означенные пособия, а равно и мнение академика Видемана в копии, я, согласно распоряжению Толстого, при сем к Вашему высокородию препровождаю.

2. Вследствие определения от 21 минувшего августа, имею честь донести нижеследующее о рассмотренных мною трех руководствах Барсова и Кечина.

Вообще я полагаю, что эти сочинения, по-видимому, удовлетворяют своей цели служить для первоначального обучения мордовских детей, хотя и считаю своим долгом заявить, что не признаю себя компетентным судьею в этом деле, так как не обладаю собственной опытностью в элементарном преподавании. В частности же, представляю следующие замечания.

1) Способ, принятый для письма мордовских слов, не передает с правильностью их произношения. Руководства, без сомнения, назначены не для того, чтобы по ним учиться мордовскому языку, но для обучения таких детей, которые уже говорят на этом языке, как на своем родном. Но авторы поступили бы лучше, если последовали бы примеру тех, которые довольно точно передавали слова языков финской семьи алфавитом, имеющим в основании кириллицу и дополненным прибавочными к ней знаками. Сами авторы, в конце второго руководства, замечают: «В мордовском языке есть звуки, для которых нет подходящих знаков в русском алфавите», и для таких звуков они употребляют несколько особых знаков; но они частично недостаточны, часто ставятся лишь кое-где, в виде исключения.

2) Способ писания слов принятым в руководствах алфавитом непоследователен и не однообразен, так что одни и те же слова и корни слов пишутся то так, то иначе, например: **мезе** и **мезя**; **пятьнець** и **пятьница**; **кандтанса** и **кантанса**; **орада** и **аряд**; **же** и **жа**; **зярдо** и **зярда**; **няйса**, **няйса** и **неинекъ**; **ласьксъ**, **ласкезъ** и **ласькизъ** и т. п. Указать здесь на места, где встречаются такие непоследовательности, невозможно за отсутствием в книжках пагинации. Разумеется, третья книжка, содержащая в себе почти исключительно мордовские тексты, с русским переводом или без оного, особенно изобилует этими непоследовательностями.

3) В книжке № 2 помещено несколько песенок, назначенных для того, чтобы ученики их пели, сопровождая это пение ритмическими движениями тела. Эти песенки приведены не в одной только мелодии, но многоголосно. Если, судя по высказанным авторами намерению, они действительно назначены для многоголосного, а не унисонного пения только в верхнем голосе, то гармонизация их должна быть переделана, потому что в том виде, в каком представлена теперь, она иногда невозможна.

## II. ОБ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЯХ И ПРЕПОДАВАНИИ МОРДОВСКИХ И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ В XIX – 1-й четверти XX в.

(*в извлечениях из документов*)

1. Документы о введении преподавания мордовского языка в Тамбовской семинарии (ГАТО, ф. 186, оп. 40, д. 3).

а) Л. 1: Предложение тамбовского и шацкого епископа тамбовскому семинарскому правлению открыть с 1834 г. класс мордовского языка и представить сведения о пособиях для его преподавания.

28 декабря 1833 г.

Член синода и комиссии духовных училищ Серафим, митрополит Новгородский отношением от 30-го ноября за № 3132 уведомил меня, что комитет духовных училищ вследствие представления моего положил:

1) По уважению значительного числа душ мордовского племени, проживающих в Тамбовской епархии и исповедывающих христианскую веру, открыть при здешней семинарии, для приготовления к ним священников, класс мордовского языка с предоставлением мне приискать способного для преподавания оного наставника, которому и назначить жалованье по 400 рублей в год из экономических семинарских сумм;

2) Для распространения познаний в еврейском языке учредить другой класс...

Почему предлагаю оному правлению:

1) означенные классы языков мордовского для учеников высшего и еврейского для учеников среднего отделений открыть в семинарии с наступающего 1834 года;

2) для того и другого языков отделить по два класса в неделю, назначив для них время смотря по удобству и взаимному согласию учащих;

3) приискать и представить ко мне способных кандидатов на должность наставника мордовского языка;

4) донести мне, кто из наличных наставников, преподающих один предмет, примет на себя преподавание еврейского языка ученикам среднего отделения, и наконец,

5) представить мнение, какие могут быть принятые пособия для преподавания мордовского языка.

б) Л. 2: Заявление профессора Тамбовской семинарии П.П. Орнатова с изложением плана преподавания мордовского языка.

январь 1834 г.

Зная несколько мордовский язык, желаю обучать оному воспитанников семинарии таким образом: 1) в течение учебного курса выдам им краткую мордовскую грамматику на русском

языке и составлю краткий мордовско-русский словарь; 2) грамматически разберу с ними катехизис, изданный на языке мордовском, заставив их выучить онный на память; 3) с русского на мордовский переведу «чин церковного исповедания» и из нового завета евангелие от Матфея и 4) приучу их мордовскому разговорному языку, чтобы они могли объясняться с мордвинами.

в) Лл. 3 — 4: Представление Тамбовской семинарии Арсению, епископу тамбовскому и шацкому об открытии, класса мордовского языка и учебного плана по этому предмету.

13 января 1834 г.

Предложением Вашего преосвященства от 28-го минувшего декабря за № 135 семинарскому правлению дано знать, что комиссия духовных училищ... положила вновь открыть в здешней семинарии класс мордовского языка...

Во исполнение чего семинарское правление... положило учinitь следующее:

а) класс мордовского языка ныне же открыть в высшем отделении семинарии в одни и те же часы, в которые бывают два класса татарского языка, так чтобы ученики, которые в сем случае имеют быть разделены на две половины, обучались по своему произволу или татарскому или мордовскому языкам;

б) два класса еврейского языка учредить...;

в) на класс мордовского языка определить наставником семинарии профессора церковно-исторических наук и греческого языка Павла Орнатова, как знающего мордовский язык...;

г) наставнику мордовского языка Орнатову поставить в обязанность (который и обязался), чтобы он употребил для обучения учеников оному языку следующие пособия: преподал для них мордовскую грамматику, составил хотя краткий мордовско-российский словарь, грамматически разобрал с ними катехизис, изданный на мордовском языке, и заставил их выучить онный наизусть; перевел «Чин церковного исповедания» и из нового завета евангелие от Матфея с славянского на мордовский язык и, наконец, приучил их мордовскому разговорному языку, так чтобы они могли объясняться на оном с мордвинами без затруднения.

Каковое мнение правление семинарии... представляет Вашему преосвященству на ... благорассмотрение.

г) Лл. 6 — 7: Доношение епископа тамбовского и шацкого в синод об открытии класса мордовского языка и назначении П.П. Орнатова преподавателем.

22 января 1834 г.

Член синода и комиссии духовных училищ митрополит новгородский отношением своим от 30 ноября прошедшего 1833 года за № 3132, известив меня о положении комиссии духовных училищ вновь открыть в Тамбовской семинарии класс мордовского языка и учредить другой класс еврейского языка...

Вследствие чего честь имею уведомить комиссию духовных училищ, что: 1) класс мордовского языка открыт в высшем отделении семинарии сего 1834 года и наставником по оному определен семинарии профессор церковно-исторических наук Павел Орнатов, как знающий сей язык и добровольно согласившийся на преподавание оного, принял для сего на первый раз в пособие напечатанную в... году мордовскую грамматику и краткий мордовско-российский катехизис, напечатанный в 1804 году; сверх сего он, профессор, обязался составить хоть краткий мордовско-российский словарь, перевести на мордовский язык евангелие от Матфея и «Чин исповедания», а учеников приучить особенно к разговорному языку так, чтобы они могли свободно объясняться на оном с мордвинами; 2) на преподавание еврейского языка... изъявил свое согласие учитель философии Александр Новосельский.

д) Справка канцелярии правления Тамбовской семинарии, отправленная тамбовскому и шацкому епископу в связи с утверждением П.П. Орнатова на должность субинспектора (ГАТО, ф. 186, оп. 41, д. 61, л. 2).

21 июня 1835 г.

Профессор Тамбовской семинарии Павел Орнатов есть сын Тамбовской епархии Елатомской округи села Катрава умершего пономаря Петра; от роду имеет 27 лет; обучался в Тамбовской семинарии наукам и языкам, какие в оной преподавались, кроме немецкого языка; с 1827 года в Санкт-Петербургской духовной академии наукам: богословским, философским, церковно-му красноречию, церковной истории, общей словесности и гражданской истории; языкам: греческому, еврейскому и французскому; по окончании высшего учебного курса в Санкт-Петербургской духовной академии 1831 года сентября 30 дня академическою конференциею, с утверждения Комиссии духовных училищ возведен из первого разряда академических воспитанников на степень магистра и определен профессором в Тамбовскую семинарию на класс церковной истории и греческого языка; 1834 года января 15 дня поручен ему же класс мордовского языка; в каковых должностях и ныне находится; в послужном о нем списке за 1834 год отмечен: поведения честного, в должности исправен и надежен.

2. Документы о преподавании мордовского языка в Тамбовской и Пензенской семинариях в 1834 — 1901 гг. (ГАТО, ф. 186; ГАПО, ф. 136).

1) оп. 40, д. 4: Из дела с обзором учителей мордовского языка по высшему отделению Тамбовской семинарии. 1834 — 1864 гг.

а) Л. 1: По классу мордовского языка ученики семинарии высшего отделения в течение первой половины 1834/35 учебного года из Грамматики слушали: 1) о числе, начертании, произношении и

разделении букв; 2) о разных видах слов, служащих к выражению понятий и о разных переменах, слушающихся в их окончаниях.

Переводили с мордовского языка на русский: обряд исповедания кающихся; а с русского языка на мордовский: первую главу из евангелия Матфея.

Профессор Павел Орнатов

12 декабря 1834 г.

б) Л. 2: По классу мордовского языка ученики высшего отделения в течение 1834/35 учебного года слушали Грамматику и перевели с русского на мордовский и с мордовского на русский язык из евангелия св. Матфея четыре главы.

Профессор Павел Орнатов

в) Л. 3: По классу мордовского языка в первую половину 1835/36 учебного года ученики семинарии высшего отделения занимаемы были переводом с мордовского языка на русский 4-й, 5-й и 6-й глав евангелиста Матфея и составлением Русско-мордовского словаря от литеры А до З.

Профессор Павел Орнатов

г) Л. 4: По классу мордовского языка ученики высших отделений в продолжение первой половины 1836/37 учебного года слушали Грамматику до спряжений глаголов и перевели с мордовского на русский язык три главы из евангелия Матфея с grammatischen обзором.

Семинарии профессор Павел Орнатов

д) Л. 5: По классу мордовского языка в течение сентябрьской трети 1864 года учениками старшего курса переведены две главы евангелиста Матфея и некоторые молитвы с русского языка на мордовский, а учениками младшего курса преподана первая часть мордовской грамматики, при чем ознакомлялись с мордовскими словами.

Учитель иерей Алексей Песков

2) Оп. 48: Представления правления тамбовской семинарии — Николаю, епископу тамбовскому и шацкому от 23 января 1842 г.

а) Д. 84, л. 1, № 36: Семинарское правление, имея рассуждение о том, что: 1) класс мордовского языка, по слухаю смерти профессора Орнатова, остается и доселе незамещен действительным наставником, а с разрешения Вашего... только поручен на время учителю татарского языка Алексею Пономареву, и что 2) никто из наставников семинарии, кроме Пономарева, не знает ни мордовского, ни татарского языков, мнением своим положило: определить на класс мордовского языка учителя Пономарева как основательно знающего сей язык с оставлением за ним и класса татарского языка и с положением ему жалованья только за один мордовский язык, назначенного именно 400 р. ассигнациями ...

б) Д. 85, л. 1, № 37: Семинарское правление, имея рассуждение о том, что учитель семинарии Алексей Пономарев по слухаю смерти профессора Павла Орнатова занимал порученный ему... класс мордовского языка с 4-го сентября 1841 года по 23 число января 1842 года, и занимался преподаванием оного языка с усердием и с пользою для учеников, — мнением положило: на основании предписания академического правления от 13 июня 1837 г. ... ходатайствовать у академического правления о вознаграждении его, Пономарева, полным жалованьем, какое причитается в 4 месяца за класс мордовского языка.

3) Оп. 56, д. 40: Формулярный список профессора Тамбовской духовной семинарии магистра Александра Тюменева, 1850 г.

Магистр Александр Иванов Тюменев. Профессор 3-го класса словесности Тамбовской духовной семинарии. От 33 лет.

Обучался: в Тамбовской духовной семинарии. С 1830 по 1836 год наукам богословским, философским, словесным, историческим и математическим; языкам: латинскому, греческому, еврейскому, немецкому и мордовскому.

Поступил на должность учителя по Липецкому духовному уездному училищу (1836). Из учителей Липецкого духовного уездного училища поступил (1838) в Московскую духовную академию, в кой обучался... языкам: еврейскому, греческому и немецкому.

По окончании в Академии курса с причислением к I разряду определен в Киевскую семинарию учителем по классам гражданской истории, катехизического чтения и греческого языка (1842, октября 21/28). По прошении переведен на класс логики и психологии (18 ноября 1843). Возведен на степень магистра (22 ноября/27 декабря 1843). По распоряжению высшего духовного училищного начальства перемещен на должность ректора в тамбовские духовные училища (4 мая 1846). Определен в высшее отделение тамбовского духовного училища учителем греческого языка (5 июля 1848). По прошению перемещен на должность профессора в Тамбовскую семинарию на 3-й класс словесности (29 декабря 1848). Определен помощником инспектора семинарии (1 февраля 1850).

4) Оп. 56, д. 9: Из Ведомости о преподавании местных языков в Тамбовской духовной семинарии за 1850/51 учебный год.

Мордовский язык.

Наставник: профессор семинарии Александр Тюменев.

Число обучавшихся языкам воспитанников: в нижнем отделении — 16, в среднем — 8, в высшем — 6.

Какие употребляемы были при преподавании учебные руководства:

1) Мордовская грамматика..., составленная покойным профессором тамбовской семинарии Павлом Орнатовым; 2) Мордовско-русский словарь тем же профессором составленный, еще не отпечатанный.

Какие и как часто были практические упражнения в языках: по изучении Мордовской грамматики обычными практическими упражнениями в классе и в квартирах были переводы евангелий нового завета с русского на мордовский язык и обратно переводы тех же евангелий с мордовского на русский.

До какой степени познания в языках доведены воспитанники: лучшие из воспитанников знают мордовский язык отлично — хорошо. Могут переводить с мордовского языка на русский сочинения всякого рода. То же можно сказать и о переводах с русского языка на мордовский с тем только ограничением, что отсутствие необходимых слов в мордовском языке для выражения отвлеченных понятий служит в переводах сего рода значительным затруднением. Легко также могут составить и сочинять на мордовском языке вроде пастырских поучений; могут изъясняться на мордовском языке изустно без затруднений и без погрешностей в самом выговоре.

Какие оказаны учениками успехи на годичном испытании: на испытании оказали успехи вообще очень удовлетворительные, а те из учеников, которые по месту рождения сближены с мордвою, оказали успехи отлично — хорошие.

5) Оп. 59, д. 67, л. 26: тамбовский епископ — обер-прокурору синода

Август 1852

Ваше сиятельство, милостивый государь!

Правление Тамбовской семинарии вошло ко мне с представлением, в котором прописало: В Тамбовской семинарии... преподаются два местных языка — мордовский и татарский, за обучение которых одному наставнику, соединявшему в себе знание и того и другого языка, назначено было прежде 114 руб. серебром; но как за смертью сего наставника не нашлось никого знающего оба языка, да и невозможно одному обучать без затруднения обоим языкам, для которых назначены одни и те же часы, то по необходимости надобно было возложить обучение сим языкам на два лица, и разделить на обоих оклад жалования назначенный для одного. Поелику ж за обучение языкам французскому, немецкому и еврейскому назначено каждому преподавателю по 85 руб. 80 коп. серебром, то справедливость требует, чтобы и за преподавание местных языков было назначено одинаковое вознаграждение тем более, что гораздо труднее найти знающих мордовский и татарский языки, чем французский и немецкий, а потому просило меня ходатайствовать... об увеличении оклада жалованья наставникам мордовского и татарского языков.

6) Оп. 60, д. 16: Журнал по классу мордовского языка. За сентябрьскую треть первого учебного 1854 года.

С автографами А. Тюменева.

7) Оп. 63, д. 15, лл. 1 — 2: Ведомость о преподавании местных языков в Тамбовской духовной семинарии за 1857/58 учебный год. Мордовский язык.

Наставник, по случаю перемещения профессора Александра Тюменева должность его по сему языку исправлял учитель 2-го тамбовского училища Алексей Песков.

Число обучающихся языкам воспитанников: в нижнем отделении — 44, в среднем — 36, в высшем — 11.

Число ежедневных уроков. Во всех отделениях по два класса в неделю.

Какие употребляемы были при преподавании учебные руководства: мордовская грамматика, составленная покойным профессором тамбовской семинарии П. Орнатовым, и мордовско-русский лексикон, составленный тем же профессором, но еще не отпечатанный.

Какие и как часто были упражнения в языках: ученики занимались переводом евангелия и некоторых молитв с русского языка на мордовский и упражняемы были в разговорах.

До какой степени познания в языках доведены воспитанники: лучшие из воспитанников, особенно те, которые родились и воспитывались в мордовских селениях, могут свободно объясняться на мордовском языке.

Какие оказаны учениками успехи на годичном испытании: на испытании оказаны успехи удовлетворительные.

8) Ведомость об успехах и поведении учащихся по мордовскому языку за 1900/1901 учебный год (ГАПО, ф. 136, оп. 1, д. 306, лл. 1 — 7).

За 1-ю четверть:

3-й класс — 13 учащихся.

С 22 августа по 23 октября дано 9 уроков.

Пройдено нового и повторено: 1) упражнения в переводе разговорных фраз с русского языка на мордовский и обратно; 2) разложение предложений на слова; разложение и слитие звуков на мордовском языке; 3) методика преподавания русской грамоты в мордовских школах.

2-й класс — 27 учащихся.

С 18 августа по 20 октября дано 8 уроков.

Пройдено нового и повторено: перевод статей из «Родного слова» Ушинского: «Козлятки и волк», «Старик и волк», «Теремок мышки», «Тоню тяну», «Золотое яичко», «Петушок».

1-й класс — 28 учащихся.

С 21 августа по 23 октября дано 8 уроков.

Пройдено нового и повторено: перевод слов и предложений с буквами **а, л, к, с, о, у, р, н, д, ш, т, н, м, в** из букваря для мордовлянокши, изд. миссионерского общества.

За 2-ю четверть:

3-й класс — 13 учащихся.

С 23 октября по 18 декабря дано 8 уроков.

Пройдено: перевод истории княжения князя Владимира святого; перевод евангелия от Луки, главы 1, 2, 3, 4 с мордовского языка на русский.

2-й класс — 27 учащихся.

С 24 октября по 13 декабря дано 7 уроков.

Пройдено: продолжение перевода статьи «Козлятки и волк». Перевод статьи «Медвежья лапа». По грамматике — спряжение глагола **калмань**.

1-й класс — 26 учащихся.

С 27 октября по 11 декабря дано 8 уроков.

Пройдено: перевод слов и предложений с буквами: з, ч, г, ъ из букваря для мордвы-мокши. По грамматике — склонение имен существительных, прилагательных и числительных.

3. Из письма попечителя Казанского учебного округа Н.И. Ильминскому о составлении мордовских учебников по образцу учебников на татарском языке (ЦГА ТАССР, ф. 968, оп. 1, д. 2).

16 ноября 1870 г.

Инспектор народных училищ Пензенской губернии Хохряков просит доставить несколько учебников на народном татарском языке, употребляемых в казанской крещенотатарской школе, чтобы «изготовить по образцу этих книг учебники для мордовских школ Пензенской губернии».

4. Из отчета о состоянии Казанской учительской семинарии за 1876 год (ЦГА ТАССР, ф. 93, оп. 1, д. 17, лл. 90 — 96).

... Кроме черемисской школы, желательно было бы открыть еще мордовскую школу. Собственно в ней не представлялось крайней необходимости для семинарии, потому что в 1876/77 учебном году в числе воспитанников семинарии находится только один мордвин во 2-м классе и, следовательно, некому было бы практиковаться в обучении мордовских детей. Но так как в 1876 г. окончивший курс учения в семинарии мордвин Авксентий Юртов, несмотря на переписку мою с уездными земскими управами, в ведении которых имеются мордовские училища, не получил учительского места, то я и решился ускорить открытием при семинарии мордовской школы, тем более, что и в будущем не предвиделось из мордовского племени столь способного и по характеру основательного кандидата для мордовской при семинарии школы, как Авксентий Юртов. Поэтому я просил попечителя Казанского учебного округа о разрешении открыть при семинарии начальную мордовскую школу и определить учителем оной Юртова, на что и получил разрешение ... от 8 ноября за № 5134. Юртов писал на родину в Мензелинский уезд Уфимской губернии о присылке мальчиков к нему в открывшуюся школу, но получил отказ даже от своих родственников. Также безуспешна была переписка с мордовским насле-

нием Тетюшского уезда. Таким образом, мордовская школа в отчетном году не осуществилась, и Юртов был занят в приготовительном отделении 1-го класса семинарии.

... Из мордовов доселе в семинарии были только двое, да и то один Авксентий Юртов... обучался в одной из отраслей крещенотатарской школы, а другой — Петр Афанасьев воспитывался в симбирской чувашской школе...

(В отчете семинарии за 1872 г. среди учащихся не было ни одного мордвина. В отчете за 1873 и за 1874 г. указан 1 учащийся мордовской национальности).

5. Из записки инспектора народных училищ Николаевского и Новоузенского уездов Самарской губернии П.П.Масловского в николаевское земское собрание об учебниках русского языка для мордовы-мокши и эрзи (ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, д. 11833).

1878 г.

...Убедившись из ревизий земских училищ в мордовских селах в том, что даже в таких школах, как в Каменном борде дети вступают в школу крайне мало знающими и многие вовсе не знающими русского языка и, следовательно, не могут учиться успешно по русским учебникам прежде чем не выучатся по-русски: я на мокшанско-мордовском языке написал учебник отечественного языка для мокши. Но в нашем уезде есть и мордва-эрза и прежде всего в вышеупомянутом селе. Требовалось писать учебник русского языка и на этом наречии; но я его до 1877 г. не знал. Привелось учить — и я выучил от мальчика Павла Тяптина, ученика каменнобродской школы, которого пригласил к себе пожить. Таким образом, учебник русского языка и на эрзянском наречии мною написан. Теперь оба эти учебника я сдал в цензуру.

6. Документы о введении в Пензенской учительской семинарии мордовского языка (ГАПО, ф. 136, оп. 1, д. 55, год 1879).

а) Лл. 6 — 7: Из письма попечителя Харьковского: учебного округа директору Пензенской учительской семинарии

28 августа 1879 г.

Министр народного просвещения предложением от 22 минувшего июня за № 6846 уведомил меня, что он, разрешая ввести в Пензенской учительской семинарии обучение мордовскому языку для тех из воспитанников этой семинарии из мордовы, которые будут назначены учителями народных училищ в местности среди мордовского населения, назначил из кредита по ст. 2 II финансовой сметы МНП 1879 года, из предполагаемого на сей предмет расхода по 400 руб. в год, единовременно 166 руб. 67 коп. на покрытие расходов по преподаванию в сем году, начиная с 1 августа, описанного языка и поручил ДНП сделать

надлежащее распоряжение о переводе этих денег из главного казначейства на пензенскую казенную палату, с отпуском оных из тамошнего губернского казначейства, в ведение Вашего высокородия. Причем его сиятельство присовокупил, что... повеление на обучение мордовскому языку в Пензенской учительской семинарии последовало по примеру других учительских семинарий МНП, в коих введено преподавание местных языков для инородцев, и что за сим он не усматривает особенной надобности в открытии начальной школы для мордвы, проектируемой в представлении.

Вместе с тем просит об отпуске денег на расходы по преподаванию мордовского языка в вверенной Вам учительской семинарии в будущем году и в последующие затем годы, в количестве по 400 руб. в год впредь до изыскания на сие источника, входить каждый раз с представлением.

Уведомляя о сем Ваше высокородие для надлежащего представления Вашего от 20 апреля сего года за № 138, присовокупляю, что согласно распоряжению министра, Вы имеете ежегодно входить в управление округа с представлением об отпуске денег на означенный предмет не позже последних чисел ноября месяца каждого истекающего года, для того чтобы и управление округа со своей стороны могло бы своевременно войти о том с представлением в министерство.

б) Л. 8: Директор Пензенской учительской семинарии — учителю Чембарского женского двухклассного училища Николаю Барсову

4 августа 1879 г.

Распоряжением министра народного просвещения разрешено ввести в Пензенской учительской семинарии обучение мордовскому языку для тех из воспитанников этой семинарии из мордвы, которые будут назначены учителями народных училищ в местности среди мордовского населения, с назначением вознаграждения за то 400 руб. в год, считая с 1 августа, а потому покорнейше прошу Вас уведомить меня, согласны ли Вы на взятие на себя оного труда, или прибыть в семинарию в скором времени и представить свои документы.

7. Программы П.П. Масловского по языкам народов Поволжья; мордовские рукописи Масловского и Д. Курочкина (Изв. ОАИЭ, XXIII, 1907).

В Казани называли П.П. Масловского (1843 — 1889) «большим языковедом». Обращает на себя внимание разнообразие должностей, которые отправлял Масловский: казанский семинарист, преподаватель симбирской гимназии, инспектор народных школ Самарской губернии, преподаватель французского языка Елабужского реального училища, мензелинский и казан-

ский священник, духовник Каменец-Подольской семинарии. Интерес к Масловскому поднимают также его писательская деятельность, знание им языков древних, многих европейских, славянских, кавказских, поволжских. Языковедение было любимым предметом самостоятельных занятий Масловского. В то время еще с духовных училищ желающим представлялась возможность изучать языки местных народов. Из них Масловский еще в училище изучал марийский и татарский языки. Но училищная и семинарская программы этих языков были узки. В казанском духовном училище изучали татарские слова и выражения и элементарные правила грамматики, склонения, спряжения. Пользовались долгое время грамматикой татарского языка А. Троянского (изд. 2, 1824). При переводах с татарского на русский язык производился грамматический разбор. В течение семинарского курса занятия татарским языком состояли в переводах на русский язык. Идеал изучения татарского языка в отчетах семинарии из года в год характеризовался так: «Большая часть учеников с довольною верностью переводят с татарского языка на русский, переводы их с русского на татарский удовлетворительны. Выговор очень близок к выговору природных татар и несколько учеников свободно может объясняться на татарском языке». Число недельных уроков по местным языкам было в среднем и старшем отделениях духовного училища по 2, в младшем отделении семинарии 3, в среднем 5, в старшем 4.

Готовя себя к миссионерской деятельности, Масловский познакомился с переводами Н.И. Ильминского, который с начала 60-х годов XIX в. орудием распространения христианства среди татар сделал народный их язык вместо прежнего книжного, сильно сдобренного арабизмами. В этом же духе повелось школьное дело. Началось и богослужение для крещеных татар на татарском языке.

Об изучении Масловским поволжских языков свидетельствуют его бумаги, среди которых находится «Методический словарь мордовского языка по эрзянскому наречию» с замечаниями об азбуке, которую он применял для изображения звуков эрзя-мордовского языка.

По языкоznанию Масловский напечатал «Подробное решение вопроса о том, как бы следовало... преподавать классические языки в среднеучебных заведениях вообще и семинариях в особенности» (М., 1871). В брошюре Масловский выступил защитником классицизма, подчеркнул важность изучения новогреческого языка. Само изучение древних языков он рекомендует вести по наречиям и эпохам.

В начале 70-х годов Масловский выступил и с другими проектами, из которых наиболее значительной была «Программа преподавания татарского языка и наука по татарству». Программа Масловского никакого практического результата не имела. Синод был против ломки только что созданного строя духовных семинарий в пользу миссионерских интересов.

Масловский представлял казанскому архиепископу и обер-прокурору синода другую программу — повременного миссионерского издания на татарском языке. Мысль о таком издании он мотивировал тем, что в Казанской епархии в то время училось в так называемых инородческих школах до тысячи детей, между тем им на родных их языках почти что нечего было читать. Чтобы дать чтение народам Поволжья, Масловский проектировал издавать в Казани первый «инородческий христианский журнал». В приложениях к журналу он предлагал отпечатать словари и переводы на языки народов Поволжья — татарский, чувашский, марийский, мордовский, удмуртский. В программе подчеркивается, что при переводах «русский текст нужен для того, чтобы: а) инородцев более и более знакомить с русским языком, б) миссионерам-ученикам дать в руки переводники и в) поддерживать число русских подписчиков».

В 1876 г. Масловский получил место инспектора народных училищ Самарской губернии, сначала по Николаевскому уезду, а потом и по Новоузенскому. В течение почти пятилетнего пребывания на этом посту Масловский открыл несколько школ, написал Учебник русского языка для мордвы, Учебник русского языка для немцев, ввел в преподавание славянскую грамматику и составил пять книжных каталогов — для учительской библиотеки, для школ русских, отдельно для чтения и для учебников, то же для немецких школ.

Масловский познакомился с мордовским крестьянином села Подъем Даниилом Курочкиным. Снабженный Масловским книгами, нужными для подготовки к экзамену на сельского учителя, Д. Курочкин через год явился к нему с свидетельством на звание учителя, — свидетельством,енным «по достоинству», и Букварем мордовским. Тогда Масловский просил училищный совет предоставить ему место учителя в Подъеме, а самого Курочкина просил заняться переводами на мордовский язык. Переводить рекомендовал «своими словами», а не буквально. Дал и другие советы, руководствуясь рецензией архим. Груича на сербский перевод нового завета, сделанный Караджичем, и статьей Н.И. Ильминского «Практические замечания о переводах и сочинениях на инородческих языках». Мордовский букварь Курочкина из Елабуги Масловский переслал Н.И. Ильминскому. В письме от 9 января 1882 г. Масловский писал Ильминскому: «С сею же почтой я препровождаю Вам букварь на мокша-мордовском языке, который я просил бы Вас... рассмотреть, исправить и дополнить. Затем издать бы надо ... Прошу Вас заинтересоваться Курочкиным и его букварем. Кстати: я мог бы букварь переписать для Вас получше, но не позволил этого; он, как уже видели выше, сработан не под моим руководством. Еще: я даже — к стыду сознаюсь — не списал с него другого экземпляра... Держать же под спудом побоялся... Еще: не напишете ли что прямо Курочкину в поддержку его моральной?»

В ответном письме 17 января 1882 г. Н.И. Ильминский подтвердил получение мордовского букваря Курочкина: «Букварь я

передал мордвину Юртову, который нашел язык эрзянским, а не мокшанским, а букварь и перевод молитв не совсем удачным. Мы прямо пошлем составителю и книг и советов».

8. Мордовские рукописи Н. Барсова, не принятые к изданию казанским комитетом цензуры (ЦГА ТАССР, ф. 10, оп. 3, д. 86).

1) Л. 1: Письмо Н. Барсова в казанский комитет цензуры духовных книг

16 января 1883 г.

Московский комитет для цензуры духовных книг своим предписанием от 3 января предложил мне обратиться в казанскую духовную академию с просьбою о дозволении отпечатать в нескольких экземплярах в виде опыта следующих рукописей:

а) несколько поучений Бандакова на мокшанском наречии мордовского языка, произнесенных Пензенской губернии Городищенского уезда села Катмиса Николаевской церкви младшим священником Николаем Барсовым; б) евангелие от Иоанна на мордовском и русском языках совместно; на мордовский язык наречия мокша перевел священник Николай Барсов и в) формы склонений и спряжений мордовского языка наречия мокша, записанные священником Николаем Барсовым в помощь пастырям мордовских приходов при изучении ими языка своих пасомых.

В исполнение вышеупомянутого распоряжения московского комитета для цензуры духовных книг я и осмеливаюсь утруждать казанский комитет всепокорнейшею просьбою о дозволении отпечатать в нескольких экземплярах для опыта помянутые рукописи.

При сем честь имею присовокупить, что рукописей при сем я не представил в комитет потому, что чтение оных при моем неразборчивом почерке крайне затруднительно, а местами и невозможно. В избежание этого я обязуюсь представить в Академию потребное количество печатных экземпляров своих рукописей до выхода оных из типографии. Если Казанский комитет для цензуры духовных книг найдет полезным мое желание помочь таким образом пастырям мордовских приходов в деле проповедания слова божия, то да благоволит выслать дозволение напечатать рукописи по следующему адресу:

В село Городище (Пензенской губернии) села Катмиса священнику Николаю Барсову.

2) Л. 2: Ответ казанского комитета цензуры Н. Барсову

27 января 1883 г.

Казанский духовно-цензурный комитет имеет честь уведомить Ваше высокоблагословление, что с просьбою о разрешении напечатать переводы на мордовский язык Вам следует обратиться по следующему адресу:

В Казань, в переводческую комиссию при бр. св. Гурия.

К сему комитет необходимым считает присовокупить, что ни одно цензурное учреждение не может дать разрешения к напечатанию каких бы то ни было литературных произведений без предварительного рассмотрения их и что с просьбою к напечатанию Вы должны будете представить в переводческую комиссию при бр. св. Гурия и самые переводы Ваши в рукописи четкой и разборчивой.

9. Из письма А. Юртова И.И. Ильминскому о мордовском переводе букваря и пояснениях к нему (ЦГА ТАССР, ф. 968, оп. 1, д. 166)

2 ноября 1884 г.

С. Старо-Бесовка Ставропольского уезда  
Самарской губернии

... Обещался я прислать Вам перевод «букваря» и пояснения к нему через полмесяца, а вот посылаю их только через полтора месяца.

... Прорецензируйте, пожалуйста, весь перевод и пояснения к нему потщательнее и исправьте, что сами найдете нужным. Вы мне велели было, чтобы я написал предисловие к букварю, но я до сего времени не мог написать его и, вероятно, никогда не напишу, сил не хватает у меня на это. Быть может, Вы сами не уделите ли немножечко времени на написание оного; да и поименованного «вступления» начало (особенно обращение к читателю) очень слабо, которое следовало бы поразгладить, а примеры можно оставить в мою написанном виде. Что поместить прежде, — перевод ли букваря или пояснения к нему, — зависит от Вашего благоусмотрения, по моему мнению, и то и другое может стоять отдельно, где угодно.

Не знаю, получено ли Вами... мною 18 сентября посланное письмо, в котором я просил Вас прислать мне экземпляров 15 или 30 «Букваря для мордвы-эрзи с присоединением молитв и русской азбуки». (Казань, 1884). Просьбу свою возобновляю: пришлите, пожалуйста, мне следующие книги: 1) мордовского букваря, не дожидаясь напечатания перевода и пояснений, 15 экземпляров; 2) Евангелия от Матфея. На эрзянском наречии мордовского языка (Казань, 1882), 60 экземпляров; 3) Священной истории ветхого и нового завета. На эрзянском наречии мордовского языка (Казань, 1880; 2-е изд. 1883 г.), 70 экземпляров; 4) Покшь празднинь. Главные церковные праздники, господни и богоодичны, на эрзянском наречии мордовского языка (Казань, 1881), 70 экземпляров; 5) Чин исповедания и како причащати больного. На эрзянском наречии мордовского языка (Казань, 1884); 6) Образцы мордовской народной словесности. Выпуск II. Сказки и загадки на эрзянском наречии мордовского языка с русским переводом (Казань, 1883), 30 экземпляров (пока); 7) Образцы мордовской народной словесности. Выпуск I. Песни на эрзянском и некоторые на мокшанском наречии (Казань, 1882), 5 экземпляров. Здесь у меня в окрестностях

не мало мордовских селений, в которых я начинаю пропагандировать чтение мордовских книг. Экземпляров 10 буквarya для крещеных татар и, если по стольку же экземпляров других татарских книг нерелигиозного содержания, в противном случае татары детей своих в школу отдавать не станут. Положим, что у меня в школе и теперь ни одного татарченка нет, но некоторые татары обещались прислать детей своих.

Не пришлете ли мне книг по 1 экземпляру Ваших собственных трудов...

Я писал также к В.Ф. Елину (от 25 сентября) и М.Е. Кобаеву (от 12 октября)...

В библиотеке здешней школы (село Старо-Бесовка Ставропольского уезда б. Самарской губернии. — А.Ф.) было по 10 экземпляров Евангелия от Матфея, Священной истории, и Покшь празднинь, которые были без всякого употребления; но теперь благодаря моим стараниям книги распечатали все: бываю я в частных домах и беседую по-мордовски и спрашиваю, слышали ли они чтение мордовских книг. — Слышать-то слышали, да не по нашему написаны они.

Я доказывал им противное: сейчас же читал им по-мордовски и они убеждаются и просят еще и еще приходить читать, а грамотные просят самим почитать...

10. Из письма А. Юртова Н.И. Ильминскому о получении мордовских книг и о мордовских песнях (ЦГА ТАССР, ф. 968, оп. 1. д. 166).

18 декабря 1884 г.

... Книги в двух посылках на 40 рублей мною получены 30 ноября ... Число книг, полученных мною, показано на отдельном листке:

1) Евангелие от Матфея на мордовском языке эрзянского наречия (51 экз.); 2) Священная история ветхого и нового завета на том же наречии (70 экз.); 3) Покшь празднинь на том же наречии (70 . экз.); 4) Букварь для мордвы-эрзи (48 экз.); 5) Чин исповедания и како причащати больного на том же наречии (10 экз.); 6) Образцы мордовской народной словесности. Выпуск I. Песни (4 экз.); 7) Выпуск II. Сказки и загадки (25 экз.); 8) О церковном богослужении на инородческих языках (1 экз.); 9) Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческим языкам (1 экз.); 10) К истории инородческих переводов (1 экз.).

Итого: 281 экз.

... Внеклассное время занимаюсь переписыванием и приведением в некоторый порядок мордовских песен, которые добываю через учеников.

... Нельзя ли будет мне оставить у себя до весны «Поэтические воззрения славян на природу» Афанасьева?..

Что сталося с моим переводом букваря и с примечаниями к нему?..

11. Документы о командировании М.Е. Евсевьева в Пензенскую и Тамбовскую губернии для изучения местных говоров мокша-мордовского языка и перевода на мокшанский язык учебных пособий (ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 172, № 75, 1891 — 1894 гг.).

а) Лл. 1 — 6: Попечитель Харьковского учебного округа министру НП

1 апреля 1891 г.

Во вверенном мне учебном округе существует значительное количество школ для мордвы, обитающей в Пензенской и Тамбовской губерниях, а именно в Пензенской губернии 38 одноклассных училищ, из коих 6 подведомствены непосредственно МНП и 32 — училищным советам, а в Тамбовской губернии — 13 одноклассных училищ, подведомственных училищным советам. Учебное дело в большинстве этих школ находится в состоянии неудовлетворительном, как о том не раз заявляли директора народных училищ этих губерний в своих отчетах и отзывах. Причина этой неудовлетворительности заключается с одной стороны в том, что поступающие в школы дети мордвы совсем не знают русского языка, на котором ведется преподавание и составлены употребляемые в этих школах учебники, с другой — с тем, что значительная часть учителей этих школ или совершенно не знает мордовского языка и по этому при ведении классных занятий прибегает к посредничеству одного из старших учеников в качестве переводчика, или знает его плохо. Но и те учителя, которые считаются знающими мордовский язык, получили незначительную лишь к тому подготовку в Пензенской учительской семинарии и ознакомились с языком практически, уже состоя на службе в мордовских училищах.

Из доставленных директорами народных училищ двух выше-названных губерний сведений оказывается, что из 40 учителей и учительниц мордовских школ Пензенской губернии только 9 лиц происходят из мордвы и потому вполне владеют мордовским языком, 6 лиц при объяснении с учениками первого года обучения прибегают к помощи старших учеников, а остальные ведут занятия сами, как успевшие сравнительно достаточно ознакомиться практически с мордовским языком, из учителей Тамбовской губернии лишь один происходит из мордвы и трое хорошо знают мордовский язык, а все остальные не понимают этого языка и в классных занятиях прибегают к помощи старших учеников.

Озабочиваясь возможным улучшением учебного дела в мордовских училищах Пензенской и Тамбовской губерний, я входил в сношение с бывшим попечителем Казанского учебного округа т.с. Масленниковым об организации в том крае инородческих школ и получил по сему предмету отзыв и заключение известного деятеля по образованию инородцев, директора Казанской учительской семинарии д.с.с. Ильминского.

Из отзыва д.с.с. Ильминского усматривается, что: 1) благодаря мерам, принятым для образования инородцев на основании утвержденных для сего «Правил» 26 марта 1870 года, имеются ныне почти во всех христианских инородческих школах Казанского учебного округа учителя из природных инородцев и частью только из русских, основательно однако же знающие инородческий язык. «Учитель в инородческой школе, не знающий язык своих учеников, в Казанском учебном округе, — по словам Ильминского, — составляет редкое исключение, но и таковые усиленно стараются познакомиться с местным наречием и во всяком случае пользуются напечатанными в Казани книгами на данном наречии»; 2) способ прибегать к помощи одного из старших учеников в качестве переводчика при ведении классных занятий учителями, не знающими инородческого языка, неблагонадежен, ибо при этом даже самые лучшие ученики-инородцы делают грубые ошибки как против значения отдельных слов, так и еще более против зависимости слов и связи мыслей и 3) согласно с п. а) ст. 3 «Правил 26 марта 1870 г.» для мордовских школ Казанского учебного округа в Казани напечатаны (на эрзянском наречии мордвы, обитающей в губерниях Симбирской, Самарской и Уфимской) букварь, необходимые молитвы, краткая священная история, двунадесятые праздники, евангелие от Матфея и Луки и о крещении Руси св. князем Владимиром. В заключение д.с.с. Ильминский рекомендует как надежнейшее средство к улучшению учебного дела в инородческих школах Пензенской и Тамбовской губерний ввести в этих школах преподавание в течение первого года обучения на природном наречии учеников и по учебникам и вообще книжкам на том же наречии, указывая для этой цели на напечатанные в Казани вышеупомянутые мордовские книги религиозного и духовного содержания, причем считает необходимым перевод этих книг, сделанный, как выше замечено, на эрзянском наречии губерний: Симбирской, Самарской и Уфимской, испытать относительно удобопонятности его среди эрзянского населения Пензенской губернии и, кроме того, переложить эти книги на мокшанское наречие, как более распространенное в Пензенской и Тамбовской губерниях, исследовавши предварительно на месте, где ли мокша говорит одним или несколько различающимися одно от другого наречиями. Для выполнения этой задачи д.с.с. Ильминский предлагает воспользоваться услугами учителя начального мордовского училища учительской семинарии Макара Евсевьева, который, по отзыву Ильминского, «немало упражнялся и приобрел достаточную опытность в переводах на мордовский язык». (По отзыву директора Пензенской учительской семинарии, учитель мордовского языка при этой семинарии по недостаточности своих познаний в этом языке не может принять на себя такого труда).

Препровождая ко мне отзыв Ильминского и две книги его, касающиеся инородческого образования в Казанском учебном

округе, т.с. Масленников присовокупил, что он вполне разделяет сущность мнений Ильминского и вместе с сим заявляет, с своей стороны, согласие на приведение в исполнение предложений д.с.с. Ильминского, поскольку они подлежат ведению Казанского учебного округа.

Виду такого отзыва я просил впоследствии д.с.с. Ильминского сообщить мне его соображения относительно размера расходов, необходимых на приведение в исполнение предложений, высказанных им по вопросу об улучшении постановки учебного дела в мордовских начальных училищах Харьковского учебного округа. Ныне Ильминский уведомил меня, что ввиду неудобств расчета прогонов и суточных по закону, так как Евсееву придется ездить большую частью проселочными дорогами двух губерний, следовало бы назначить на разъезды Евсееву особую сумму. О способе выполнения Евсеевым своей задачи Ильминский говорит следующее: «Так как в Пензенской и Тамбовской губерниях преобладает население мокши, которое находится почти исключительно в Тамбовской губернии, а в Пензенской преимущественно, то Евсеев должен посетить мокшу в обеих губерниях. Нет надобности побывать во всех мокшанских селениях, но желательно, по крайней мере, чтобы он лично познакомился с возможными особенностями — мордовских говоров. Так как сам Евсеев эрзянин и о мокшанском наречии имеет еще не совсем твердое понятие, то ему посему нужно некоторое время, чтобы основательно ознакомиться с формами наречия мокши и затем сделать свои переложения непременно среди мокшанского населения и при постоянном содействии природных мокшей». Чтобы переложить поименованные 7 книг, всего в сложности около 30 печатных листов, при соблюдении указанных условий, Ильминский полагает на командировку Евсеева 5 месяцев (с 1 мая по 1 октября) или 153 дня, протяжение же разъездов определяет круглым числом в 1000 верст соразмерно с расстоянием от Казани до дальней границы Тамбовской губернии и соответственно сему размеру расхода определяет так: а) на проезд (прогоны) 1000 верст, полагая на пару лошадей по 6 коп. с версты — 60 руб.; б) на квартиру и содержание (суточные) по 1 руб. в день — 153 руб.; в) на наем людей для содействия при изготовлении переводов по 1 руб. за рабочий день, в три месяца 90 руб.; г) за переписку переводов около 50 руб.; д) за набор приблизительно 30 печатных листов, которые составят вышеупомянутые 7 книг, считая по 8 руб. с листа — 240 руб.; е) за печатание их в количестве 3000 экз. (учащихся в мордовских школах более 2300) по 9 руб. с листа — 270 руб.; ж) на бумагу, полагая 200 стоп, 500 руб.; з) за печатание обложек для 7 книг по 9 руб. с книги — 63 руб.; и) за брошюровку 21 000 книжек (7x3000) по 1 коп. — 210 руб. Таким образом, предварительные расходы по приготовлению переводов потребуют 353 руб.; расходы же по изданию их составят сумму 1283 руб., а общая

сумма расхода будет 1636 руб. К ней необходимо присоединить вознаграждение Евсееву за труды его по приготовлению переводов, корректуре их во время печатания и вообще наблюдению за печатанием, каковые труды, по отзыву Ильминского, Евсеев с полной готовностью принимает на себя и может исполнить между своими служебными делами в учебную часть года. Вознаграждение это, если принять во внимание время, предложенное на выполнение всей работы (более 5 месяцев) и специальный — характер труда, следует определить по крайней мере в 500 руб. серебром.

Осуществление высказанных Ильминским предположений представляется вполне целесообразным и желательным, особенно в виду отзыва б. попечителя Казанского учебного округа т. с. Масленникова, по словам которого, соображения Ильминского, ценные уже сами по себе, как исходящие от вполне компетентного лица, имеют сверх того и практическую цену, как оправдываемые опытом в приложении основных мыслей Н.И. Ильминского к инородческим школам Казанского учебного округа, причем нельзя не принять во внимание и того, что как МНИ, так и ведомство синода постоянно одобряло мысли и предположения Н.И. Ильминского касательно устройства инородческих школ.

Имея намерение в видах улучшения учебного дела в мордовских училищах Пензенской и Тамбовской губерний и согласно с утвержденными 26 марта 1870 г. правилами ввести в этих училищах первоначальное преподавание (в течение первого года обучения) на мордовском наречии и по учебникам и книжкам религиозно-нравственного содержания на том же наречии, и не имея в своем распоряжении средств ни на вознаграждение учителя мордовского начального училища при Казанской учительской семинарии М. Евсеева за труды его по исследованию мордовских говоров Пензенской и Тамбовской губерний, изготовлению переводов на мокшанское наречие мордвы вышеупомянутых 7 книг, по корректуре их и наблюдению за печатанием (500 руб.), ни на предварительные расходы по изготовлению этих переводов (353 руб.), я честь имею почтительнейше просить Ваше сиятельство, не признаете ли возможным для вышеуказанной цели отпустить в мое распоряжение 853 руб. из средств, находящихся в распоряжении МНП.

При этом долгом считаю доложить..., что 1) расход, необходимый собственно на издание вышеупомянутых книг в размере, по исчислению Ильминского, до 1300 руб., я имею в виду отнести на суммы, отпускаемые ежегодно по ст. 2 § 11 сметы МНП на нужды народного образования в Пензенской и Тамбовской губерниях в размере по 4250 руб. на губернию, а именно на сумму, отпускаемую по п. д) ст. II... утвержденного 26 мая 1869 г. манифеста Гос. совета «на учебные пособия», а также на остатки от других статей, причем весь расход (до 1300 руб.) предполагается

покрыть в течение не менее двух сметных периодов (1891 и 1892) и притом в размере 2/3 всей суммы на Пензенскую губернию, имеющую 38 мордовских училищ, и 1/3 — на Тамбовскую, в коей 13 мордовских училищ; что 2) как можно судить по расходованию этих сумм за несколько предыдущих годов, состояние их вполне позволяет отнести на них этот расход, что 3) вышеупомянутые книги на мокшанском мордовском наречии будут введены в употребление в училищах на основании циркулярного предложения МНП от 5 февраля 1880 г. как издания, разрешенные к печати переводческою комиссию при бр. св. Гурия в Казани, в которую переводы будут представлены для цензуры; что 4) книги эти по напечатании в Казани будут переданы в распоряжение директоров народных училищ Пензенской и Тамбовской губерний для снабжения ими учащихся по мере надобности, что 5) на книги будут назначены недорогие цены, соответственно стоимости их издания, по коим они и будут продаваться тем учреждениям, на обязанности которых, по установленному порядку, лежит снабжение училищ учебными книгами (земства, сельские общества, образцовые училища и пр.), а в случае надобности, книги эти могут быть раздаваемы и бесплатно, что 6) сумма, вырученная от продажи этих книг, должна служить фондом для повторения изданий, причем недостающая сумма по-прежнему будет пополняться, когда потребуется из сумм, ассигнуемых на нужды народного образования в двух названных губерниях по ст. 2 § 11 сметы МНП («на учебные пособия»); что 7) по времени введения первоначального обучения в мордовских училищах на природном наречии учеников (с начала 1892/93 учебного года) мною будут приняты меры к тому, чтобы а) во всех мордовских училищах учителями были лица, хорошо знающие мордовский язык (или из природных мордов, или из русских), чemu, между прочим, должно содействовать предложенное улучшение постановки преподавания мордовского языка в Пензенской учительской семинарии, чтобы б) учителя эти были предварительно ознакомлены с методом обучения в инородческих училищах по учебникам на природном наречии учеников и чтобы в) на будущее время училища эти всегда имели учителей, знающих природное наречие учеников и могущих вести на нем первоначальное обучение, что 8) оставление до настоящего времени инородческих училищ вверенного мне округа в одинаковых условиях со школами для русского населения было делом случайности: вскоре после издания правил 26 марта 1870 года о мерах к образованию инородцев Пензенская губерния, имеющая значительное инородческое население, из Казанского учебного округа, где система инородческого образования получила широкое применение, перечислена была в Харьковский учебный округ, в коем система эта доселе не получила применения ...

б) Лл.7 — 10: Министр МНП — попечителю Харьковского учебного округа

10 мая 1891 г.

... Рассмотрев изложенное ходатайство, я нахожу, что, судя по сообщаемым Вами данным, «местные» мордовские говоры Пензенской и Тамбовской губерний еще настолько не исследованы, что является неизвестным даже, удобопонятно ли эрзянское наречие губерний Казанского учебного округа эрзянскому же населению Пензенской губернии, а также на одном или на нескольких наречиях говорит мокша названных двух губерний. Посему до ближайшего исследования вопроса о числе и разнообразии вышеупомянутых наречий остается... невыясненным, потребуется ли переложение существующих ныне на эрзянском наречии книг на одно или на несколько наречий. Но произведение такого исследования и самая литературная обработка этих наречий представляет собою весьма обширный филологический труд, едва ли исполнимый в 5 месяцев и притом лицом, не имеющим высшего научного образования и долженствующим еще учиться мокшанскому наречию. По мнению моему... такой труд лучше поручить кому-либо из местных уроженцев, знающих это наречие. Но и самой необходимости в таковом переложении я затрудняюсь судить на основании данных, сообщаемых в Вашем представлении, так как из него не видно, под какой именно пункт правил 1870 г. должны быть подведены мордовские школы в означенных губерниях, и не применим ли к ним п. б) по коему в местностях с населением, смешанным из русских и инородцев, учреждаются общие для тех и других начальные училища с обучением на русском языке учителем, владеющим как русским языком, так и местным инородческим наречием, которое, однако же, допускается лишь для устных объяснений. Из того обстоятельства, что в настоящее время Вами впервые возбужден вопрос об обучении мордовского юношества Пензенской и Тамбовской губерний первоначально на их родном наречии, явствует, что до настоящего времени было признаваемо возможным относить устроимые «для него школы именно к сей последней категории, что в видах обрушения инородцев, конечно, предпочтительнее, чем вводить в них обучение на инородческом наречии. При этом, ввиду того, что согласно вышеприведенному п. б) правил 1870 г., для таковых школ требуется знание учителями местного наречия, в Пензенской семинарии введено преподавание мордовского языка.

... По приведенным основаниям я... не признаю возможным удовлетворить изъясненное ходатайство, о чём имею честь уведомить Вас...

в) Лл.11 — 23: Н.И. Ильминский — Министру НП

20 ноября 1891 г.

... В 1860 гг., когда впервые серьезно было обращено внимание на начальное образование, явился вопрос и об образовании

инородцев. Покойный граф Дмитрий Андреевич сразу наметил главнейшие с государственной точки зрения стороны в этом деле и ... утвержденными 26 марта 1870 г. правилами установил систему инородческого образования. В ряду мер, которые имелись в виду в то время, между прочим намечалась необходимость издания некоторых вероучительных книг на мордовском языке. Так, в 1868 г. ... Дмитрий Андреевич лично озабочивался рассмотрением мордовского перевода евангелия от Матфея, составленного Тюменевым, в видах его напечатания; в Собраниях о системе инородческого образования... П.Д. Шестакова в представлении от 3 декабря 1869 г. за № 379 (стр. 22 и 23, пункт 2-й) прямо указывалась польза и даже необходимость издания перевода евангелия, на мокшанское наречие для мордвы Пензенской губернии, входившей тогда в состав Казанского учебного округа — для мордвы, из которой многие... «положительно не знакомы с русским языком».

Отступническое в магометанство движение, начавшееся первоначально среди крещеных татар и распространившееся на чуваш, черемис и вотяков, привлекло к себе все внимание и средства министерства и духовного ведомства. Мордва же, не затронутая этим движением, осталась вне ближайших забот учебного начальства. Этому в значительной степени способствовала также передача Пензенской губернии из Казанского учебного округа, в «котором вопрос инородческого образования всегда занимал видное место, в Харьковский, для которого эти вопросы или вовсе не существовали или представляли чисто местное пензенско-тамбовское явление. Однако для тамошних местных деятелей необходимость мероприятий для образования мордвы отчетливо сознавалась и после перехода Пензенской губернии в Харьковский учебный округ. Так, например, в 1882 г. директор народных училищ Пензенской губернии возбуждал вопрос об издании особых книг для начального обучения мордвы — и мордовских переводов священного писания. По неимению тогда людей, практически подготовленных к составлению переводов на мордовском языке, дело это не могло тогда осуществиться. В 1889 г. по новому докладу директора народных училищ о необходимости издания мордовских учебников, попечитель Харьковского учебного округа, убедившись, что мордовские школы округа, по неимению надлежащих книг, идут недовлетворительно, обратился к ... попечителю Казанского учебного округа П.Н. Масленикову с просьбой указать потребные для сего способы и лиц опытных в инородческих и частности мордовских переводах. П.Н. Маслеников передал это дело мне.

В течение семи лет — с 1882 г. по 1889 г. дело мордовских переводов в Казани значительно подвинулось. В 1883 г. в Казанской учительской семинарии окончил курс воспитанник, природный мордвин эрзя Симбирской губернии М.Е. Евсевьев

и оставлен учителем начальной мордовской при семинарии школы. С самого начала своей службы он обнаружил бескорыстное усердие и способность к переводческому делу. Почва была отчасти подготовлена собранием некоторых образцов эрзянского наречия мордовского языка и переводом на названное наречие евангелия от Матфея, двух-трех вероучительных книг прежним учителем оной школы, ныне священником Юртовым. Ко времени получения помянутого запроса попечителю Харьковского учебного округа имелись уже в Казани напечатанные на эрзянском наречии: Священная история ветхого и нового завета, Евангелие от Матфея, История двунадесятых праздников и Букварь (Юртова), Евангелие от Луки, Крещение Руси, Молитвы и пасхальные ирмосы — перевод Евсевьева. Работы последнего оказались для мордов гораздо яснее и понятнее и вообще складнее и правильнее, по языку. Мне было также известно, что Евсевьев с успехом занимается и научными работами по этнографии мордвы.

... В недавнее время доцентом С.-Петербургского университета О.Д. Батюшковым доложена была и заслужила одобрения Неофилологического общества работа М. Евсевьева о мордовской свадьбе. В 1889 г. способности и опытность М. Евсевьева к переводческой работе были мне совершенно известны, поэтому я смело мог рекомендовать его попечителю Харьковского учебного округа...

... Вопрос о командировке Евсевьева представлялся до такой степени ясным, что, по моему настоятельному совету, Евсевьев в начале мая, чтобы выиграть время, отправился в Пензенскую губернию, не дожидаясь ассигнования денег на командировку, на свои скучные средства. 20 мая я получил телеграмму из Харькова, что командировка Евсевьева не разрешена.

Так как содержание бумаги, в которой последовало это неразрешение, мне было еще неизвестно, а переводы, для составления которых отправился Евсевьев, нужны и для целей духовных, миссионерских, то я решился удержать Евсевьева в Пензенской губернии ради переводческой работы, поручив его ближайшему попечению некоторых священников лично мне известных. Евсевьев знакомился с мокшанским наречием преимущественно в Инсарском и Краснослободском уездах Пензенской губернии, где он занимался в селах Адашеве две недели и Старом Пшеневе месяц (оба Инсарского уезда) и в селе Рыбкине Краснослободского уезда два месяца. В этих весьма многолюдных селах, составляющих с окружающими деревнями густое и сплошное, почти исключительно мордовское население, Евсевьев сделал все свои переложения, — сделал их не прямо с русского, а с своих прежних эрзянских переводов, производившихся в Казани исподволь, при возможных пособиях и советах в отношении содержания и смысла подлинных текстов и напечатанных переводческою комиссию. В названных селениях оставалось ему

только перевести свое эрзянское изложение на мокшанское наречие, во внутреннем устройстве и логике языка с эрзянским, природным наречием Евсевьева, совершенно родственное. Евсевьев воротился в семинарию в начале сентября и привез с собою вполне обработанные переводы на мокшанском наречии: молитвенника, евангелия от Луки, священной истории ветхого и нового завета и рассказа о крещении Руси. На случай всяких справок и припомнаний он привез из Рыбинского прихода двоих четырнадцатилетних мокшей, которые поступили в начальное при семинарии мордовское училище. Оловом, принятые все меры и все употреблено старание, чтобы его книги сколь можно соответствовали местному наречию. Переводческая комиссия, состоящая при братстве св. Гурия в Казани, признала эти переводы полезными и решила напечатать на свой счет; в настоящее время половина их уже напечатана. Теперь меня заботит судьба этих изданий...

(В своем письме в синод от 13 декабря 1891 г. министр НП отметил, что «распространением таковых переводов посредством школ... учебное ведомство как бы кладет начало литературной обработке мокшанского наречия». — ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 172, д. 75, л. 24).

### III. ОБРАЗЦЫ ТЕКСТОВ НА МОРДОВСКИХ ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

#### A. Эрзянский письменно-литературный язык

##### 1. «Церемония 1769 э»

Вя́сé ми́нь Эрдчíсте кшнасынекъ вя́се Оймынъ, соńь сýнзе Пáость, итынкъ инýзорость: соńь, миндяnekъ вánkексъ ныńь тынъ, инýзороавáсь пекъ партáдо. Тынъ лажáтадо вя́се мень-ми-некъ прявéйтстяй ме: вя́се миńь бу пазъ икеле, вад्रáсто ерý-волнекъ и яла уцýскавсто улéвелнекъ.

##### 2. «Предуведомление 1785 э»

Инéшке пась, ванýмись. Инéшке пась, илямакъ кадъ. Тука монянь ламó цюратъ и тяйтéрть. Инишке пась, тука монянь ламó пáндоть сюрода и пéшекъ сюро утóмить, ивере утóмонь, инéшке пась, тука монянь сюроТЬ, мянь, симьдéма, ярцáмо пель, шумбрáчи, сатмé эрýмо; инешке пась, пéшекъ кардáзомъ лишмéде, ревéде, сейдо. Инéшке пась, баслáвъкъ монь кудóмъ чтобы монянь можнá сякшныцять нолдáмсь пурнáмсь андóмсь

<sup>1</sup>Тексты приводятся в хронологическом порядке и с сохранением, за исключением палеографической стороны, всех особенностей графики и орфографии (вплоть до возможных опечаток и описок, допущенных в первоисточниках).

и іажнémсъ. Инéшке пась, ванýкъ кирдицянь модáнь инýзоро авáнь.

Эрва маштомстá озно́монь мернеть вясе ломáть амиń. (ДГ).

Инéшке пась! ванýмизъ! Инéшке пась! илямань кадъ. Тука монянь ламó цюратъ и тяйтéрть.

Инéшке пась! тука монянь ламó пáндоть сюрода и пéшекъ сюро утóмить. Инéшке пась! тука монянь сюроТЬ, мянь, симьдéма, яцáмо пель, шумбрáчи сатмé эрýмо. Инéшке пась! пéшекъ кардáзомъ лишмéде, ревéде, сейдо. Инéшке пась! бáсловекъ монь кудóмъ, что бú монянь можнá сакшныцять, нолдáмсь, пурнáмсь, андóмсь и іажнémсъ. Инéшке пась! ванýкъ кирдицянь модáнь (инязоро авань).

Эрвиа маштомста озно́монь мернеть вясе ломать: амиń. (ДЛ).

##### 3. «Торжество 1787 э»

Вяльте покшъ тятай! Паро Промксь! Мязéнь вечкéвъ таркáсо, мязéнь пароńь уцýскасо іарцítъ нѣ лóматъ, конáненъ паро инешке Пась максне вяльте прявень сюормась кóлень и эрва тя-вень содыцянь инязоронь! Кóста улнá ламо пárтъ тейнемать, сюормáть тонавтлимать тядо сыкемать турэмсто лія мода марто; сясто апелькста ки якъ, мяксъ вяльте паро іарямсъ прявéнь инязоро марто тоса солдáтсь апяли мязде якъ турэмсто. Микшициа яки товаранзо марто апакъ пялть. Сокициа аробя зядры якъ со-камсто, тонавтыцять зядры эрва таркассо промóвкшнетъ. И вег-ке якъ ломань айри уцýскавтомо. Минекъ рузъ модань вясеме нѣ парть ульнить. Соńь іарямсто комсъ вýтейшкa ить инязоро ава марто вяльте лязовсь. Тенъ пинькста вяльте супалгацъ и тонавт-ли масо, и турэмсто лія мода марто зядры сыкемать сазни.

Ознутанокъ эна пазнень, максыса инязоро авáненъ паро куака чи, ванозо парця эсь славазонзо церкувань, уцýскасъ тонав-тыцять и тонавтлициать, и ванмозонзо пáронь вясеменъ минекъ рузъ модань.

##### 4. «Приветствие 1798 э»

Вельте покшъ минъкъ инязоро! Нѣй ей молтянокъ тонть стрециямо, тонть минъ чамать нишкъ Пазынъ, кода карматъ мѣсть тыйнѣмъ, и кортамо, сio сýскѣ ащи вадоймсте, вельте покшъ Соңзе превýзие. Кода ансякъ тондеть Веренишкъ Пазъ максы минъкъ судямо тарка, конантъ есне миндѣнъкъ вѣльте ку-роксто панжовстъ сio тоньдeditъ ансякъ тыйнѣмсте превýкакъ оймѣть тонть въшемства ервýкѣ ломань нѣй сякой чисте сетьмѣть: тонть теветь миндѣнъкъ ювли тона каваняньтъ, ко-нантъ тонъ тоньсь максыть тонантъ есне, конаньте есне кой максъ-моксъ есктъ ломатненъ тонть вельте покшъ уцýскать. Минъ нѣй тонть нѣямсто вѣльте радувалтанокъ минъкъ Покшъ Инязоро! тонъ есить ланксь велявлять, кой, минъ тонть ланксь

ванынъкъ вельте радувая-мсто. Вѣть минъкъ ошь ощо тонътъ гинзѣтъ нѣе. Кодякакъ ней минъ Веренишкъ Пазнень ервѣчистъ чекатанокъ, конась тонътъ, шачтынъ-зѣть, тонътъ инязоро тар-кать карми ашемъ кода валдо.

#### 5. «Жертва 1801 э»

Покшъ инязарй! Сечкасъ тень олять тонъ, теча тутонакъ валь максынъ: стятанакъ матянаакъ ломатиминекъ витетарядъ сядеи кульсы бабамъ муреня Екатерина, уже сядеи тиминекъ сюмезя тонъ вясядей монъ сяденѣмъ вечхтамъ, тейзевяся тейзе кяценъ куда заря кеден вачка день. Теча пасъда Покшъ макъ сазя венецъ путь; монъ вяленикъ ксаценикъ, ирась мязекъ авяшанъ аярявя, тече анчасъ здороулизанъ ознанъ ламыникъ витенъ ате-енъ и роботаинъ.

#### 6. «Сокр. кат. 1804 э» (по списку: ЦГАДА, ф. 381, ед. хр. 1678, л. 28 об. — 29)

Стымодо ўдымста. Покшъ Пазъ! пасибать тонътъ максанъ вяся монъ сядеиса, несакъ тонъ шумбрәкштэ стявтыметъ ўдым-сто, панинъ вямбэртъ, тайтъ-гакъ валда чинъ. Ознанъ тонътъ вясе сядеиса, панштъ монянь се, мязе монъ а соданъ, панинъ-гакъ, мязе монъ вети пяжетненъ, тяемакъ монъ прявейста тонътъ виса. Тяикъ, чтобы монъ работникъ тонътъ покшъ охота мастро тяивлія вяся тяйтнъ, коната тонъ монянь максы, вишни-гакъ, мязе а соданъ тонътъ законстэ, пелямодо яла тярдя тонътъ ламедъ: Тятай минекъ.

#### 7. «Крат. кат. 1808 э» (по списку: ЦГАДА, ф. 381, ед. хр. 1314, л. 1).

Кявстлима. Кодамо тонъ шамомъ?

Отвѣтъямо. Эръзя шамомъ.

Мяйсь ино тонъ христіанской лямъ эесь тять путлять?

Путлянь лямдемъде миile кирдиманенъ вѣрнъ минекъ Инейшке Пазнокъ Иисусонъ Христостъ Пазонъ ціоранзо, и сонза святой законъ.

Мязесъ тонавтили минекъ рузъ моданъ законъ вѣрайкъ?

Тонавты эрвѣ видѣ тяймененъ и эрвѣ паро тявсъ, кода кялѣиста Пророконъ и Апостолонъ книгасо сіормадозъ. Нирь кинѣиста путозъ эрвѣ чинъ ознума вѣлко конанъ монъ мѣльченъ кирдэзъ эстя ловнанъ: Кирдянь прявсанъ вя Пазонъ, тятанъ вясе кирдесианъ, тонанъ, кона тайсь мянель мода мастро вясе кона нѣяви и анѣяви.

#### 8. «Охотин 1820 э» (стр. 1 — 2)

Икельцѣ пря. Кодѣ тёесь вясе мастроно.

Кевстима. Ки тейзе вясе мастроно?

Кортлѣмо. Пазъ.

Мязесе? Мязевтеме.

Кодѣ сонъ тейзе сонзэ? Сонзэ валонзо.

Мязенъ гисъ? Славанъ гисъ сонзэ леметь, и штбы невтэмксъ тейманенъ сонзэ парость.

Зя росто читъ? Котосто читъ.

Мязе тейзе сонъ йкелѣ чисто?

Менель, мода юкъ а мэиле чи.

Мязе обмоще чисто? Пелинциязъ.

Мязе колмоще чисто? Явизе ведь модадо, и кэрмавтызе моданъ макемоксъ шамомъ вясемененъ.

Мязе нильце чисто? Чипазъ, комъ, тещеть гакъ.

#### 9. «Ев. 1821 э» (стр. 178)

Таки народсто ювтасъ тянзе: тонафтыца! мерть монъ брат-стенъ, сонъ явшаволь монъ мэронъ парочи. Сонъ же ювтасъ се ломанненъ: ки путымемь монъ судамъ, и явшамъ юткованъ. Сяске ювтасъ тянсть: ванодо, пяледе сюпавъ чи вѣчкемъ; не-сакъ ломанъ эръмось, вясеме ускулонзо пинксте сонзэ, а јши пародонзъ сонзэ. И ювтасъ сынянсть ювкъ: такодамо сюпавъ ломанъ кёце, паро ульнесъ паксясо шамомо. И сонъ арцесь эсъ мэронзо кортлезъ: мязе монянь тѣймекъ, монянь а козо пур-намъ расштамотъ монъ. И ювтасъ: вана мязе тѣянъ: калаванъ утомуотъ монъ, и строяса седе покшъ; и пурнаса сязенъ вясе сю-ромъ монъ, и вясе паромъ монъ; И мерянь эсъ оймененъ: ойме! ламо кёцетъ аши паро, ламоненъ іестъ; оймсэзъ эръкъ, ярцакъ, симтъ, кёцякъ.

#### 10. «Четв. 1821 э» (стр. 45, 90, 252 — 253)

Се шкасто састь маламъ тонафлициать Иисусенъ, и ювтасъ: ки седе покшъ инязорокирдимасо мянеленъ. И тэрдизъ Иисусъ эйкакшонъ, стявтынзе сонзэ сынсть юткость. И ювтасъ: вйтсте кортльнъ тынанъкъ, буде амурдатадо, и а ульядо кода эй-какшъ; а сыватадо инязорокирдимасо мянеленъ. Истя конась вишкинъгады, кода те эйкакшъ, те и седе покшъ инязорокирдимасо мянеленъ. И конась прымы вяжкенъ истямонъ эйкакшонъ монъ лемсь, те монъ прымы. А ки вѣдясазо пежестенъ веҳкенъ нетъ вишкинетстенъ, кемницятненъ монзенъ, тененъ седе паро улевель, сюлмаволинъдерий сонензе киргасъ ветгевинъ кевъ, и каямксъ сонзэ иневеденъ потмакъ. Горя народненъ мутямсто; секъсъ ерви самксъ мутямнененъ: но горя те ломанненъ, кона-сто мутяммо сакшны.

И таго кэрмасъ тонафтомо моря ваксне: и промсъ сонянзо ламо народъ, истя мяксъ сонъ, суднась сөвазъ, ашесъ моря ланк-со; народъ же вясесть ульнесъ мастро со моря ваксне. И тонафтынзе сынсть ламо ювкстъ; и тонафтомасо кортлесь сынянсть: Куллонадо: вана лись видица вида. И видемста ульнесъ: мяксъ лія прасъ Ки ваксне; и ливтасъ нармотъ, и кочксызы

сонзé. Омбóце прась кáвень тарка́сь, кóсо а лáмо ульнéсь модáнь; и сень чásсту лись, сексь, мексъ авóль томбáка ульнéсь модáсо. Чý пáеңь писиңа палцъ, несáкъ корíонзо арасель, косыкъ. Лíй прась, а пárо тýкше юткъ, и кайзъ тýкше, и лéпиявтызе сонзé, и тþ вицъ езъ кандъ ращáмонь. Лíй прась пárо мода ланкъ; и максъ ращáмонь, конáта лись и кáсызе, и кáндзызе, лíй кóлынъ кáмень, лíй котокáмень, а лíй сáдо и юткызе: кинь пíлензо úлить мáрямсъ: мáрязо.

Алкакъ, алкакъ кортáнъ тиняńкъ: кóна авóль кéнькшá сóвси ревéнь кардáйсъ, но кúзи лíй тарка́ва, се úли сáлыця и нéлгициа. А кónата сóвси кáнькшá, úли вáныця ревéтненень. Со-нýнзе кáнькшéнен вáныця пáнжи, рéвëтнене якъ кúлционть вáй-гилен сонзé; и сонь сéери эсъ ревéнзо лáмсéсть, и лíвли синстъ. И зáрдо лíвцынзе эсъ ревéнза; мóли ѹкилестъ: а ревéтнъ мельгáнзо молить, тень гисъ, мяксъ вайгиленzo сонзé содáсисъ. А лíй мéльга амóлить, но бóгодить эсътыденzo; сексь, мяксъ а сó-дить ломáнь вайгilenza.

### 11. «Тявть 1827 э» (стр. 369 — 371)

И юткызъ кáрмавтозъ, ульцъ úемсъ тýнекъ Италáасъ, мáксызъ Пáвланъ илýтненъ такбóнатненъ колóдникненъ сótникненъ, лáмсензе Іúланенъ, рóтанъ Севастíскоенъ. Совáзъ же корáб-лясь Адрамítскойсъ, мýль сáезъ úиме Асíскойтъ тárкатненъ, минь тýнекъ úезъ, и мáртонокъ Аристáрхъ Македонианинъ Со-лúнсто. А омбóце чисто пýдиненъ минь Сидóнсо. Іúлай же тýн-незъ Пáвланенъ мíлость, кáрмавтозъ, чтобы сонь молезъ ялгáт-нененъ, мóевель синстъ пéльдестъ пособамо. И тóсто тúезъ минь синекъ úезъ Кипръ, сéкъ, мяксъ вáрматне ульнестъ кáр-чонъ. А пячкéзъ тóмна тárкантъ, конáта Киликíянь кáрчо и Памфíланъ, синенъ úезъ минь Мýрась Лíкíйскоенъ. И тóso сót-никъ мóезъ корáблянь Александрийской, конáта уйсъ Италáасъ, бázавтымизъ минéкъ сонзé поцъ. Снярдо же минь лáмоть чить úисинекъ авóль кúроксто, и кóда áнýцянь вайкитинекъ Кнýданъ кáрчо, и вáрма эзýмизъ кáднокъ минéкъ, минь úезъ синекъ Критъ ваксъ Салмóна вáксне. И кóда минь кáпшинекъ бéріокъ ваксъ, ўинекъ такбóдамо тárка ланкъ, лáмсъ путозенъ пárо пýдя-мо тárка, конáта вáкснэ мáласо ульнестъ ошь Ласéй. И кóда лáмодо ютасъ шка, и укшнóма ульнестъ сáмай пýлевксең сýзенъже постъ гакъ ужъ ютасъ, совéтовасъ Пáвель, Кóртазъ тянстъ: лóматъ, нýянь, што досáдамо мáрто авóль áнýцякъ grúзямсъ и корáб-лясь, но эрýмонъ минь кáрм atanokъ úкшномо. А сótникъ лáмодо кúлционось правýтелең корáблянь, и сонциñзэ азóрость, нé-жели Пáвланъ. Но кóда пристанъ у́лиль тéль áщеменънъ а пárо, сáстэ лáмоть совéтакшность тóсто тúемкъ, и улиң деря мужна úли, пáчкодезъ Финикиа ваксъ, тéль áщемкъ Крýтской пристаныцъ, Лíвонъ и Хóронъ пéлевъ. Снярдо пýвасъ обéль пéльденъ вáрма, арцезъ, што синстъ бóлясть кувáлма тýизи, кá-педезъ пáрусненъ тусть úезъ Критъ малавъ. Курóксто же кáпетең

кáрчо вáрма бóря мáрто, лáмзэ ЕвроКлидонъ. Снярдо же кáнтли-зе корáблясть, и вíйстъ эзъ сáтокшнокъ áщеме вáрмасть кáрчо, сáсте, кáнтлезъ úльнинекъ вóлнатнесо. Островъ же такбóдамо лáмзэ Клавдíй, ютазъ, цють минýнекъ кíрдевсъ вяньчъ. Конá-танъ тárгазъ, эрва кóда пóсобинень, штобы лíядоволь цýла ко-раблясь, пялезъ, штобы а тóкатемкъ авóль тóмка тárка ланкъ, нóлдазъ пáросненъ стýко úкшнынекъ Омбóце же чистэ, снярдо вíевъ бóря изнякшнось мýнекъ, минь кайсинекъ grúзость. И кóлмоце чистэ мýнекъ кéценекъ кайсинекъ минь вясе снáстненъ корáблянь. А кóда ни чýпай ни тéштне эстъ нýявкшновтъ лáмо чисъ, и почтъ Вармапокъ сáкшнось, мýйле минь юмавтынъкъ вяся кáмýмань вáмоксъ прýнокъ. Кода же кувáтъ ки якъ мяze-áкъ эсъ ярцакъ, сáсте Пáвель стýзъ синстъ кúнчказость, юфтасъ: и юткызъ эрýволь бы, о ломáтъ! кúлционозъ монь а тóкши-номкъ Крýтсто, и вáномокъ прýнокъ тедб досáдамодо и берáнь таркадо. И вáна нýй ёнýланъ тýнкъ а ризномкъ: нýсáкъ вя-бóиме якъ, тýнкъ юткстонкъ а юми, корáблядо башка.

### 12. «История 1880 э» (стр. 64)

Ве таркасо Веøиль ваксо Елисей пророконъ каршо ламо озор-никъ цéринетъ лисезъ насмéхъ тейнестъ. Елисей пророкъ мерсъ тенстъ: «Истя сýре ломань лангсо пейдеманкъ кись Пазъ нака-зыдизъ!» Сескэ вирстэ кавто овтъ лисезъ ниленъкеменъ цéрине сезнестъ.

Ве дова баба Елисейненъ сасъ да корты тензэ: «Монь миредмъ кулось, сонь долгъ пандомо кадсъ. Сеть заемъ максызятне долгтнэ кись монь цéратненъ робутникесъ саеме хотять. А долгонтъ пандомсъ темъ амейсэ ней». Елисей кевстизе сонзо: «Арась-ли мезеть какъ тоң мíеме?» Сонь ёвтасъ: «Монь ве вишкa кукшин-нэ оемъ ули. Се оидентъ лíя меземъ гакъ арась». Елисей мерсъ тензэ: «Шабратненъ кедстэ эрва кодамо посуда пурнакъ. Сеть посудатненъ эстъ кукшинстэнтъ ойсэ пешти». Дова бабасъ се кукшинстэнтъ эсэнзэ весе чаво посудатненъ, шабрасто саезъ посудатненъ какъ оиде пешкse пештинзе. Се оентъ мишкинизе. Сеть ярмактнэ эйсэ миреднэ долгонзо пандынзе да эстензэ якъ эйкакштнэ марто эрýмо сатышка ярмактъ кадовстъ тензэ.

### 13. «Покш 1881 э» (стр. 56 — 57)

Римсэ инязорокъ Максентíй лемсэ ломань улнесь. Сонь пекъ авадря ломань улнесь. Сонзо эснэ Рименъ народосъ а веч-килисе. Се шкане же Британíя лемсэ мастерсо инязорокъ Кон-стантиń лемсэ ломань улнесь. Сонзо народъ пекъ вечкилисе: сонь пекъ авадря улнесь. Рименъ народосъ эсъ инязородостъ са-лава Константиń эстестъ инязорокъ тердеме кучнестъ. Кон-стантиń синстъ эзинзе кулсоно: Римсъ эзъ молть. Сонь Максентíйненъ сёрма кучсъ. Тонъ, мери, народотъ пекъ стакасто кирдятъ. Шождиньгавтыкъ аламнеде народотъ эрýмонзо.

Максентій Константиń лангсо те сёрманть кувалть пеедьме кармась. Вана, мери, моненъ прявть муевсь. Мейле сонъ Константиń лангсъ пекъ кежіавъ да ламо салдатъ вій пурназъ, войнасо сыргасъ, а Константиń сонзо каршо. Монъ тонавттанъ, мери, тоń эйсеть, кода монъ лангсомъ покшакъ прять путнеме! Константинэнъ віезэ авуль покшъ улнесъ.

14. «Ев. 1882 э» (стр. 47 — 48)

Се шкане Іисусонъ тонавницианзо, малавъ сазъ, кевстизъ; менелень царствасонть ки покшъ? Іисусъ, ве эйкакшке тердсь, да сынсть юткозость аравтозъ, ёвтасъ: віедестэ кортань тенкъ, коли Пазнэнъ велявтозъ, вишка эйкакшокъ а теевтядо, тынъ менелень царствасъ а совавдадо. Истя ки те вишка эйкакшонть кондямокъ велявты, севате покшъ ули менелень царствасо. Ки ве истямо вишка эйкакшъ Монъ лемесъ прими, севате Монъ Монсемъ примасамамъ. Ки нетъ вишкунетнеде, Моненъ кемицятнень эйтэ, вейкень манясазо, севатененъ седе шождине улевель, коли бу сонзо киргасъ ведькевъ кевъ поводевель да сонзо морянь томбака таркасъ ваявтовлизъ. Маншематнеде масторонтенъ эри горя, машнематнененъ самсь эряви: седіакъ пекъ горя се ломанентенъ, конатанъ трокъ маншемасъ сы.

15. «Букварь 1884 э» (стр. 46 — 48)

Эйдемъ! валске удомстотъ стязъ, пильгетъ седе курокъ карси; кедеть, чаматъ парынестэ шлязъ наряды. Прять срavтыкъ, карксотъ карксыкъ, панаротъ понксотъ вити... Одюжать ланготъ ванъкстэ кирдтъ, эйдемъ: или сезне, или варявитнэ эснэнзэ; кодаякъ сезевинъдяряй тонсъ сустыкъ, варяинъдяряй, тонсъ пандыкъ; ули мезеть, тонсъ ванокъ. Пееленъ эл'узеренъ кирдеме віеть сатамо карминъдяряй, эрьва эрявикъ мезе тееме тонсъ тонавнекъ, щёрамы! Васеньсе теезъ мезеть беряньстэ а ма-зыстэ лисинъдяряй — мелявкъ лисезэ, или мелявть, церамъ: омбоце мезесь седе ёнсто лиси, коломцесь седеякъ ёнсто лиси, нилецесь парсте лиси парякъ; истя теезъ эрьва мезень тееме парсте тонадать. Улицясо налксематъ кадозъ, кодамоякъ тевъ теезъ кардайсъ налксеме тонавлекъ, щёрамы! Аломанъкъ синтревезъ, кичкергалезъ или якакъ; якакъ видьстэ. Косо промозъ ломать, вакскастъ парынестэ ютакъ. Тятять аватъ арасъ таркасо или синтревть-ва, эйдемъ! Ковъ гакъ тевенъ кисъ молинъдярять, курокъ сакъ... Кода превей ломанень валонзо кулсономъ тантейтъ марявить, истя тантейтъ вадря киниганъ гакъ валонзо. Превей ломанъ ваксо авуль яла эрять, кинигантъ кирдемсъ ваксotъ яла можна. Вадря кинигасо валтнэ медьде якъ седе тантейтъ, мерильтъ кезэрень (икелень) атятне. Мезесь тонавнить, мелезэтъ седе сеедстэ савтнеме карминъдярять, а истувсакъ сень.

16. «Чин 1884 э» (стр. 12 — 29)

Эзить позорякшнокъ ли эснэсть сельм'удалга? (тятять авать). Эзить маштъ ли киньгакъ: эле чавозъ, эле мейсэ якъ андъзъ-симдэзъ? Сельм'икелензэ шназъ, сельм'удалонзо эзикъ сядокшнокъ ли киньгакъ? А эсь прянъ шныца ломанять ли? Тевытеме аштематъ путать ли пежетексъ? Сёрмасъ тонавтнеме, эле кодамоякъ лія паро тевсь тонавнеме стараяти ли? Кодамоякъ налксемасъ прять пекъ эзикъ кайсекъ ли?

17. «Крещ. Руси при Владимире 1888 э» (стр. 24 — 27)

Эрзять рузонъ лемдемадо мейле куватъ оштё апакъ лемдть эрять. Истяко ве Пазонъ таркасъ озность та зняро Пазнэнъ: ульнесъ сынсть менельсъ чи Пазость, мастеръ лангсо — мастеръ пазость, ульнесъ пургине Пазость, варма пазость; кардаzonъ кирди Пазость — кардо сяркость. Эрьва менъ Пазость ульнестъ. Весе не пастнэненъ озныльть: пурнавильть веленекъ ве таркасъ — вирсьчувто аловъ, эли паксясь — лей чиресъ. Печкильть реветь, галать, атякшть; веленъ кувалть пурныльть алть, ямкстъ, медъ; пидильть ямъ, каша, панильть алъ пачалгсеть, тильтъ пуре. Кода весе анокставильть, кармильтъ озномо: арлыльть весе рядсь чинъ стямо ёновъ, вейке пурназъ озныться атя, эли баба карми озномо — сюкунякшнomo да миненъ тсюнонь моткодьме; эрьва ярсамосто печки энгъ паро таркасто печтень печть, каясынзе чувтонть юрсь — пастнэненъ ярсамъ. Мейле сынсь-какъ кармильтъ ярсамо симме.

Эсь кудосость-какъ истяко озныльть: пидильть-панильть эрьва менъ ярсамотъ, аравтилизъ кенкшъ поровть лангсъ, кенкшъ прясь — курвастильть шта толь (свъча) да кармильтъ кенкшъ кочкарясь озномо. Тердилизъ се кенкшъ кочкарястенъ весе пастнэнъ, кулозтыненъ, каильть тенстъ пеньчень-пеньчъ эрьва ярсамосто, валильть пія, пуре симмекъ тенстъ.

Кулозъ ломаненъ поминамсто истя жо пидильть пія, тейильть пуре, рамильтъ вина, печкильть скаль, реветь, веленъ келесь пурныльть ломать, сезевмезэстъ симильть, ярсылъть, молильтъ калмо лангсонъ киштеме-морамо кармильтъ. Ара те ознума, ара истя поминазъ кулозестенъ щождыне теви тона чисэнтъ? Ара истямо ознулась моли Пазнэнъ? Истя ансякъ амазыненъ озношнить! Пасиба Вере Пазнэнъ, эссе кадъ эрзяньгакъ куватъсъ истя озномо. Максызе Рузъ Инязоронъ кедъ аловъ. Рузъ инязоротне кармасъ эрзянь эснэ тонавтомо да аlamонъ-alamонъ лемдеме.

Васнятъ эрзянь лемдеме кармасъ Иванъ Васильевичъ Грозной. Сонзэ пингстэ ульнестъ ужъ лемдэзъ эрзять. Грознойде мейле ліять Инязоротне-якъ аlamонъ-alamонъ яла лемдстъ эрзянь эснэ.

Весемеде ламо эрзять лемдстъ Петра Первой Инязоронъ пингстэ. Сонъ кармавтлесь архерейтнененъ велева попонъ

кучномо, апакъ лемдть ломатненъ тонавтомо. Кона ломантсь лемдиль прянзо, сенень Петръ Первый максовтыль ашо панарь, понгстъ, крѣсть, пазъ ава, ярмакъ, покшъ ломанненъ омботсе пель тселковой, вишкнененъ — полтинникъ; каявксъ колмо іеть пельдензэ а саиль. Кона велестень а сыльтъ тонавтътся попнэ — весе веленекъ лемдильть прясть. Ламо велеть сынсъ тердильть попть да лемдевтильть прясть.

Ульность истия же кезэрень вѣрьанъ кемест кирдитсять-какъ эрзять, сельненъ кодамо-якъ казне лангсъ сельместъ а сїдыльть. Кода сыльтъ велезэстъ тонавтътся попть, сынъ кудость чистъ-какъ кадылизъ да козыя вирсъ оргодильть. Ульность истия-какъ ламо эрзять, конатъ тонавтътся попнэнъ веле малазость-какъ а нолдышиз. Тамбовской губерняко эрзять маштесь natoy вейке архерей (1655 iest). Нижегородской губерняко-якъ тсють оргодевсь эрзядо ве архерей.

Ней ужъ омботсе пель сядо іешка топоди, кода эрзять весе лемдевствъ; Истутызы кезэрень озну масть, кадызъ кезэрень обутсясть. Ней косо, косо ансякъ кезэръ ладсо покшть поминкать тейнить, да калмо лангсъ лиснить кулозъ ломанненъ инялдомо.

#### 18. «Ев. 1889 э» (стр. 56 — 57)

Народъ ютксто ве ломанъ мерясь Тензэ: Тонавтътся, мерТЬ монь леляненъ ули паронокъ монь маро явмо. Сонь мерясь тензэ: ломанъ, ки монь путымемъ тынкъ лангсъ судіякъ, эли тынкъ явшитсякъ. Сестэ мерясь тенстъ, ванодо ванстодо прясонкъ сюпавъ чись правтомодо, — ломаненъ эрямозо а ваны ули паро лангсъ. Ёвтасъ тенстъ ёвкъ: ве сюпавъ ломаненъ парсто шачь паксяко сюрозо. Сонь арси эсь пачканзо: мезе ней тень теймексъ, арасъ монь сюронъ пурнамо таркамъ; арsezъ-арsezъ мерясь: вана мезе теянь: яжасынъ утомонъ да седе покшть теянь: сезэ пурнасынъ весе сюронъ да ули паромъ. Мейле мерянъ ойменъ туртовъ: оймемъ, ламо тонть ули паротъ ашти, ламо іесь саты: эрякъ, симть, ярсакъ, да весёлгалекъ.

#### 19. «Мол. 1890 э» (стр. 30 — 31)

Вай Феофиль, васенъсе кинигасость монь сёрмадыя тентъ весе, мезе тейсь Иисусъ, мезесь тонавсь менельсь кептамо чизэнзэ. Менельсь кептамо чистэнзэ эсь кочксовть тонавтнитсян-стэн Святой Духонъ учомо мерясь. Сонь мутсямодонзо мейле вельмезъ ниленъкемень читъ неявкшнозъ тенстъ кортасъ ма-ростъ менеленъ Инязорокъ чиде. Сестэ сонь ламо тевсэ тонавтнитсянзо эсь вельмимазонзо кемтиньзе. Мейле сынствъ весе пурнызы ве таркась да мерясь тенстъ: илядо тукшно тынъ Іерусалимстэ, учодо Тетянь пельде алтазентъ, конадо тынъ мариде монь пельде. Иоаннъ лемсь ведсэ, тынъ теде мейле лемдезъ ульядо Св. Духсо.

#### 20. «Букварь 1892 э» (2-е изд. — 1894)

Каль пулос нумоло совась. Кавонст вальмыпутан. Мон пак-сяв ялго молян. Парт кулят састь. Топонъ пряка панян. Ям каян, ярсак. Авам шуж нуи. Монь кискам ули. Яки, паки од аля. Ламо иля корта. Чече недля чи. Исяк вирев якинь, покш тумо керинь. Каленъ ёлосо лишме иля керя. Ломанъ марто иля сёвно. Шачи сюро шачозо, ажияшка олгозо, ал тюжашка зёрназо. Кийяк кунчкасо ашо кумбрине. Щерьдеме тонафлян. Адя, алгай, пещень кочкамо. Тещеде скал гак а ярсы. Чуфто керить, щепкат лифтить. Пси кашлан'ко практат ченгить.

#### 21. «Учеб. рус. яз. 1892 э» (2-е изд. — 1897)

Цёрынесь ловны да сёрмады. Сюронъ видиця соки да изы. Кискасс он'ги да урны. Мекш ливтни да бизны. Григорій машты ловномо, да а тонавтни. Егор машты нуйме, да а нуи. Василій, Петр да Алексій якастъ ошов. Яксярк, галат — кудо нармуть. Атасъ сокась, а бабасъ нуйсь. Цёков цёкорды, а куку кукорды. Тедиде минекъ сюронок рамазель, а мелят миньсинек ульнесъ. Улиньдеряй ванды пиземе, минь нуйме а мольянок. Улиньдеряй шкась маней, мон калонъ кундамо молян. Улевельть-как пи-земеть, сюро шачоволь. Минь-гак зняронек, зняроненк тынъ. Тон-гак истияко сюпават, кода сон. Знярдо мон ловнан книга, аштян озадо стул лан'ко. Книганъ ловномсто мон аштян озадо стул лан'ко. Сон пек томбавсь, natoy прязо-як порксавсь. Виръсэ эрить аволь аньсяк верьгист, офтт-как. Сон котъ вишките, тоньдеть віев. Минь ледьме а мольянок: чече валске пиземе пизесь. Тон сэрдят: секс кармат кудосо ащеме. Тон секс чумондозят, мейс класос поздыть. Тон ков молят? Мон молян тов, ко-солеть тон исяк. Мон молян тов, ков тон ванды молят. Тон косто сат? Мон тосто сан, косто тон исяк съть. Мон сан тосто, косо ламо панк. Мейс съть тон? Мон сынъ кевстеме, знярдо тонафлеме карматанок. Мезе тенть эряви? Моненъ эряви рамамс кинига (книга), конанъ кувалт можна-ль-бу тонадомс ловномо, да рускс кортамо.

Мельсэть кирьдик, ванды празник (чи). Иляк истофт, ванды эряви ранаик стямс. Ученик книгань ловнозъ ащесь озадо вальмало. Ученик книгань ловнозъ прядозъ ащесь озадо вальмало. Атасъ, кона сась ошто, удось эзэмсэ. Атасъ, кона ловносъ к(и)-нига, мадезъ ащесь эзэмсэ. Атасъ, кона ловнызе кинигант, мадезъ аши эзэмсэ.

#### 22. «Рассказ 1894 э»

Аваръгадсь весе народось. Да аволь аньсяк минек мастерсо авардить сонзэ кисэ, — авардить кисэнзэ лія мастерга-як... Инязорось ормалгашь Петербургсо. Васня сонзэ кармась таргоземе пильгензэ, мейле кармась сон аксорямо верть. Доктортнэ мерсть тензэ Петербургсто лембе мастеров туймеде. Инязорось

21-го сентября семіянзо марто тусь Ливадіяс. Тесэ сон оймсесь аламодо, ды теевсь тензэ седе шождынне... Аньсяк шумбра чизэ Инязоронть чистэ яла аламонь-аламонь солы... Мейле инязорось пурнызе весе семіянзо эсэ ваксозонзо, ды весеме маро простишь.

### 23. «История 1894 э» (стр.64 — 65)

Пророк Елисей мастер лан'ко эрямстанзо тейсь ламо чудат ды парт төвтв. Весть сась Елисейнень ве бъдной дова авине ды мери тензэ: монь мирьдем кулось долгонь кадозь; монень ней должнэ пандомс а мейсэ, а долкс максыцтыне арсить сайме должнэ кисэ монь цёран. Елисей кевстизе авант: арась-ли сонзэ мезээ-як міемс. Авинесь мерясь, монь мезем-гак арась, ули аньсяк вишка шакшкес аламошка оем. Елисей мерясь тензэ: пурнак шабрава седе ламине кедькть ды кайсик эзгаст ойст. Дова авинесь, се аламошка ойсэнт, пештинзе весе кедькнень, кодат ульность эсинзэ кудосо ды конатнень шабрава пурнызые ды мишизиे оенть. Ярмакнэсэ пандызые весе мирьдензэ долгонть ды оштё кадовсть тензэ ярмакт эйкакшонзо марто эрямс.

### 24. «Бажанов — Чехов 1906 э»

Эчье и човине.

Вакзалцо Миколаёвской кшнинь кисэ валксьти кафто однасумт (ялгат): вейке эчье, омбоце човине. Эчье аньцяк што обидась (ярлась) вакзалцо, и турванзо сонзэ, таргазь ойсэ, цильдёрьст, как (кода) кенерень вишият. Чине мольць (марявьсь) эйстэнзэ херессэ и флёр-дораженсэ. Човинесь жо аньцяк-што лись вагонсто и ульнесь сэрц понгафтнезь чамаданцо, сюлмцо и конёвонь коропкинесэ. Чине мольць эйстэнзэ тувонь сывелень и кофей-бутрань. Сонзэ кутмеренеть-экштэ ваныль берешке авине кувака уло-марто — сонзэ хозайказо, и сэрэй имназист коненъ сельме марто — сонзэ цёразо.

— Парфей! — ранктась эчье, неизе човиненть. — Тон ли те? Гулькине монь! Зяро телеть, зяро кизэйт!

— Тетинем! — дивавсь човинесь. — Миша! Эйкакш ялга! Ко-сто тон появить? Однасумтне (ялгатыне) колмо-раз паласть и вейке-вейке-ланкс аравтызь, пешксе сельведьде сельмест. Кафтонеске (кафнеске) ульность парьсьте токазь.

— Вечькима монь! — кармась човинесь паламодо мейле. — Вана уж эзинь учыне! Вана так сюприз!.. Ну, эно вант жо монь ланкс парынестэ! Теке жо мазы, кодамо и ульнесь. Теке жо дух поцо и ванькстэ якица! Ах, тон осподи! Ну, мезе-жо тон? Сюпав? Урьвакстозь? Мон уш урьвакстозян, кода несамак... Те вана монь хозайкам, Луиза, чачмозо Ванценбахинькань... лютеранка (...). А те цёрам монь, Нафанаил, тонафниция колмоце классо. Те, Нафания, айкакшпиньгень ялгам! Имназиясо вейсэ тонафниек.

Нафанаил аламодо думась и саизе шапканзо.

— Имназиясо вейсэ тонафниек! — корты човинесь. — Поняясак, кода тонь дразниль? Тоно дразниль Горестратсо, сень кис, мекс тон казнань кинижка попироскасо пултырь, а монь Эфиальсо секс, што мон ябунчать вечкилинь. Ха-ха... Эйкакшокс ульнинек! Иля пеле, Нафания! Мольт (сак) сонензэ седе-малав... А те монь хозайкам, чачмозо Ванценбахинькань... лютеранка (...).

Нафанаил аламодо думась и кекшь тетянзо кутъмеренть экшс.

— Ну, кода эрят, ялгай? — кевкстизе эчье, радувазь ваны сельмс ялганьтень. Служат косо? Служавить (пачкудить чинц)?

— Служан, вечькима монь! Коллежеской ассесоркс уж омбонце ие и Станиславом ули. Жалованьтесь берёнь... ну, ды паз мартонзо! Хозайкам урок музыкань максни, мон полсигарт абереть чувсто тейнян. Пекь парт полсигартнэ! Валксоңы-валкс штукаштить миян. Ежли кие саи кемень штукат и больче, сенень, чарыкудят, каян. Эрятам (озятам) кой-кода. Эринь, содат, департаментцэ, а ней тей ветимийз столначальникец секе ведомстваньт. Тесэ карман служамо. Ну а тон кода? Иля-пель, уш стацкоят? Ай?

— Авыль, вечькима монь, кепеть седе верей, — мерарь эчье, — мон уш тайнойкс служавинь... Кафто тёшь монь улить.

Човинесь друк ашолгаць, кевкстэмс, аньцяк курок чамась сонзэ чирьгаць эрьва-бокав келей пейдимасо; неявьсь, што чаманть и сельтнень эйстэ пеерьстъ искирят. Сон-соньць теевсь сеелькс, мёньдявьсь, тёйньяць. Сонзэ чамадантнэ, сюлмтне и конёвонь коропкинетьне сеелькстэвь и сборявстъ... Кувака улось хозайканьт теевсь седеяк кувака; Нафанаил таргавь витстэ (фрунц) и чёчиньзэ весе повтнень соньцинэ мундирэнтъ.

— Мон, ваша превосходительства... Пек паро!.. Ялга, можна меремес, эйкакшонь, друк лисить истямо чирязокс! Хи-х-и-с!

— Ну, лоткак! — Сборизе чаманзо эчье, — Мезень кис те валь-геесь? Монь тонь марто ялгат эйкакш пиньгень — и мезекс тесэ те чинэнъ-почитаемо!

— Жалямак... Мекс тынъ... — пелезь пейдезевь човинесь, ошо седеяк сеелькстэвь. — Жалиция ванумась ваша превосходительства... сё-ровно кода живой ведь... Те вана, ваша превосходительство, цёрам монь, Нафанаил... Хозайкам Луиза, лютеранка (...) такоданя...

Эчье думсесь таго мезе мереме карчонзо, ну човиненть чамась ульнесь сёрмадозь зяяро паро думт, тантьейт и сюкунякшнимат, инде тайноенть седеенъ човорима саизе. Сон велявь човиненть эйстэ и максызе сонензэ простямс кедензэ.

Човинесь сювурдашь колмо сурт, сюкунень весе сэрцензэ и пейдезевь, истя, кода пейдить китай «хи-хи-хи». Хозайказо музульгаць. Нафанаил шаркуць пильксэ и прафтызе шапканзо. Весе колмонеск ульность парьсьте токазь.

Се шкане тонавтницательне мольсть Іисус вакс да кевстизъ: менелень инязорокс чисэнт ки покшось? Іисус тердс эйкакш, аравтызे кунчказост, да мерсь: видестэ мерян тен'к: а лякстомдадодеря да а ульядодеря вишкэ эйкакшонь кондят, менелень инязорокс чистень а соватадо. Ки эсь прянзо те эйкакшонь кондямокс вишкнекс пустазо, се менелень инязорокс чисэнт покш ули. Ки прими Монь лемс истямо эйкакш, се Монь прими, а ки неть Монень кемицательнень, вишкнетьнень ютксто, вейкешка пежетс совавты, сенень седе паро улевель, по-водевельть-как киргазонзо ведьгев кев, да ваявтовлезь-гак морянь сэрэй таркас. Апаро мастеростень маньчиматынеде, а сыненст улемс эрэви, апаро ансяк се ломаньстень, конань кувалт маньчимась сы...

Таго кармась тонавтомо моря чиресэ. Ваксозонзо промст ламо ломать. Сон, венчес совазь, моряньт лан'гсо аштесь, а весе ломатне моряньт, чиресэ мастер лан'гсо аштесь. Сон эснэст то-навтсь ламо притчасо. Тонавтомсто сон кортась тенст: кулционде: вана лись видиця видьме. Сонзэ видьместэ кона (видьстесь) прась ки чирес. Линтась нармуть да кочксизь сонзэ. Лиятась прась кев пулос, косо модась аламоль. Модантъ аволь сэреень коряс, сон курок лись. Чинзэ лисезь, сон пуйшь, да коренэнъ анолдамонь кувалт коськсь. Лиятась прась кормалав пулос, кода кайстъ кормалавтнэ, сонзэ ёмавтызь, секс видьстъ сон эзъ тө-евтъ. Лиятась прась паро модас, се, лисезь, кайстъ да максь видьстъ: кона колоньгемень кырда, кона сядонь кырда. Теде мейле мерсь: кинь улить марямыс пилензэ — марязо...

Народ ютксто вейке мерсь Тензэ: Тонавтыца, мерть братон туртов, явовлессе-бу марон тенекъ кадовоуз ули-паронть. Сон мерсь ломаньстень: ки Монь путымст тын'к лан'гс суд якс, или явшицикс? Се пинггть мерсь тенст: ванодо, ванстодо прян'к сюпав чис правтомодо — ведь ломанень эрэмось а ваны сюпав чи лан'гс. Ёвтась тенст притча: ве сюпав ломанень парьсте шашь паксяко сюрозо. Сон эсь пачканзо арьсесе: мезть тяян? Монь арась сюронь пурнамо таркам; мейле мерсь: вана мезе тяян: яжасынъ утомон да седе покшт тяян, да тозо пурнасынъ весе сюрон да ули-паром, да мерян оймень туртов: оймем, ламо тонть ули парот ашти, ламо іес саты, — васъкак ней, симть, ярсак, да весёлгагек...

Видестэ, видестэ кортан тен'к: ки ревень кардайс аволь кен'кшкса сови, а лява кузи — се салыця да разбойник. А кен'кшкса со-вицясь реветьнень ваныцяст. Сонензэ кен'кшень ванысь-как панжи, да реветьн-як сонзэ вальгейсэнзэ кулсоньт; сон эсь ревензэ лемсэст терьдынызэ да ливтысынъзэ сынст. А кода ливтысынъзэ эсь ревензэ, икелест моли, а реветьн мельганзо молить — секс, ведь сынъ содасызь Сонзэ вальгейнзэ. Лія мельга а молить, оргодить эстэдензэ; секс, ведь сынъ а содасызь ліяньт вальгейнзэ.

## Б. Мокшанский письменно-литературный язык

### 1. «Сочинения 1782 м»

Кода афрадывамсь минденикъ тавану: въ танахъ пякъ Оцю кудазирынъ Ава чебярста ванизыминъ, Лажнай сембийнді тіймчъ шыть шумуракъ Анцякъ. Сяксь келгиша путымс Казанстыякъ кудь бы динъ Тянь парать минь няизъ вештама, амыксыза атама. Оцю кудазирь минь авати эрялись шумураста парсталама.

Примечание: В рукописи, воспроизведенной Д.А. Корсаковым в «Изв. ОАИЭ» (1908, xxiv, стр. 154 — 155), вм. тавану стоит талану, вм. чебярста — чебюрста, вм. ванизыминъ — ванысь минь, вм. тіймчышыть — тінчкыссть, вм. шумуракъ — шумурать. вм. сяксь — сяись, вм. путымс — путьинсъ, вм. Казанстыякъ — казанстыякъ, вм. быдинъ — видинъ, вм. тянь — тюнь, вм. амыксыза — максыза, вм. эрялись — эрямсъ, вм. шумураста — шумурасты.

### 2. «Торжество 1795 м»

Пекъ вадре минь якай и атаяй  
Сяши сняра монь токазя радувай  
Мезе иссярять монь Мордамъ афтуанъ  
Дято иксить шкайнды взныма тяниксъ  
Мезе мақецъ шкай минь атаяй тинь-денкъ  
Кувать и талани инясь ерямá кувать.

### 3. «Крат.кат. 1861 м» (стр. 17 — 20)

Кода моравтави колмоце анамась Шкабасть озынданманцъ? Ули-за воляще Тойнъ, кода менельть, лангса ста и маstryрт лангса. Мезе минь тянь вельде анатама? Тъ анаматъ вельде минь максисасъ эсъ воленякинъ казнись Шкабасти и анатама, мезе Сонъ тіиль марта-накъ, мезе Тыйнза эрэви и Соннъ оцю Іонанцти, стане, мезя и ліе ломатне мяль марта тіильхъ Соннъ волянцъ колга маstryрт ланг-са, кода цеберста тінцазъ Соннъ волянцъ Ангельхтне менель ланг-ска. Кода моравтави нилице анамась? Пякъ эрявій кшыникенъ минь макстъ тейникъ тячи. Мезе анатама тянь вельде? Анатама мезе Шкабазъ эсъ пара мялинцъ колга максисиль тейникъ тянь, мезе энъ пякъ эрэви, мезе тейникъ шаса ульмась, или эрямсъ, кода ярцама пяль, вельхтама пяль, эряма пяль, анатама аньцякъ тячинь шить лангсъ, авь ичкизе ризвъ марта, мезе ингиле улій, тянгса мезе стамо ризфсы улиль пяльксты надъямати Шкабазъ лангсъ. Кода моравтави ветеце анамась Шкабазъ озандаманцъ? Кадыйтъ тыйникъ шуманескны минь, кода минь кадынцайникъ, конатъ шумувтъ минь тыйникъ. Мезе минь тянь вельде анатама? Анатама, мезе Шкабазъ кадыльцинъ минь тыйникъ минь гръханиканъ, кода и минь каданцайникъ тонатненди конатъ полаясть гръхсъ тыйникъ, или обижамазь минь. Кода моравтави Шкабазъ шнама

славанцъ? Вадь тойнь улій Царстваце, и війце, и славаце, вѣкста вѣксь. Аминь. Мезенъгса тять валхтне лефтфть озынданати? Тянгса, мезе озынды ломансъ, авь анцякъ аналь истейнза парьть сембень содайти и сембень кирдітить Шкабазть эздада, а максиль тейнза ушарды и виде шнама.

#### 4. «Тюменев 1879 м» (стр. 63)

Ся пингста састь Іисуссъ малась тонадыйхтне, и азстъ: кие сяда оци менельнны царстваса? И тарьдязь Іисуссъ идь, путазе соннъ синнъ кучкассть. И азстъ: видеста кортань тейнть, кыда афь шаркстадъ и афь ультядъ, кода идьтне, афь суватадъ менельнны царствась. Сянка кіе сяяфтай, кода тите идьсь, тона и сяда оци ули менельнны царстваса. И кіе примасый фке тяфтама идьть Моннъ лемъстъ, сице Моннъ примасамань. А кіе прафтый мяльса фкенъ нять юмблатненъ езда, конатъ верандайхть Тейнъ; сяннъти сяда цебяръ уляль, кыда бы яжамакевъ нюрграфтама тейнза сялдазнъ лантсъ и юрдамъ соннъ оциуляннъ томбасъ. Пи-чадъфкъ мастырти мяльнны пракшняматненъ езда: вадь еряви саямъ и мяльнны пракшняматненъ: но пичадъфкъ сице ломанти, конанцъ кувалга мяльнны пракшняма сашанды.

#### 5. «Ев. 1891 м» (стр. 72)

Народть ёткста фкя ломань пшкяцъ: Тонафты, мярьгъ монъ брадэзыти явэмда монъ мартэнъ паршіенекенъ. Соңъ мярьгъсъ тенза: ломань, кіе Монъ путэманъ судіякъсъ тинъ лангээнэнъ, али тинъ явэфтыкъсъ? Эста мярьгъсъ Соңъ теестъ; варжада ванэда прянтьенъ коза шинъ кельгемда; веть ломанть эряфэцъ афь ваны коза ши лантсъ. Азъ теестъ ёфкъсъ: фкя коза ломанень цебярьста шачсь паксяса сёрэцъ. Соңъ арси эсъ пачканза, — мезть теенъ тіенъдема? ашъ коза прдамъсъ монъ сёрэзя. Сальдя мярькъсъ: вага мезе тіянъ: калафчайня утэмненъ монъ, да пуганъ сяда оцуфть; прдаса тоза сембя сёрэзенъ монъ да сембя паршиезенъ. Эста мярьганъ эсъ ваймезыти: ваймезя, тоң лама паршидэть, лама кизэйтъ, — ваймесекъ, сипть, ярцакъ, да кенярькшнекъ.

#### 6. «Крещ. Руси при Владимире 1891 м» (стр. 28 — 31)

Мокшэтыя руснэнъ кстиндамда меля кватъцъ эрясть апакъ кстиндакъ. Фкя виде Шкайть васцъ озэнкшнесть лама шкайеньди. Синъ ульсъ менельса ши шкайсна, мастиртъ лантсъ — мастирэнъ шкайхть (мастиръ атя, мастиръ ава); уленьцъ синъ шкайсна: нору пакся, юрта атя, юрта ава; иля шкайдэстъ-ка ламэль. Сембя ся шкайхненди синъ озэнкшнесть. Пурэмкшнель сембя велесь фкя вастцъ — вири шуфта алу, али паксявъ яшиня лантсъ. Печксельть пэкатъ, учать, мацихътъ. Сембя велева кочксельть алть, ямкстъ, медь; пицельть ямъ, лямъ, тielть алъ пачать, пуре. Ко-дакъ сембень анэклалезъ, кармальть озэндэма; арсельть сембя ряцъ шинъ стяма пяли. Фкя кочкафъ атя кармаль озэндэма,

комсемя да мезть ашъ kortама. Ярь кормаста кериль афь оцу сускэмня, да ёральценъ шуфть алу — шкайхненди ярцамъ. Ся-мельде кармальть синъцъя ярцама да симмъ.

Эсь кудсэстъ-ка станякъ озэндэльть, — пидельть-панельть севакай кормать, путнэлезъ кенкшъ пороктъ лантсъ, кенкшъ прясъ керьястельть штатоль да кармальть озэндэма кенкшъ лантки. Терънелезъ тоза сембя шкайхнень, кулэфнень, ёральть теестъ ярь кормаста сускэмнять, путнельть пива, пуре симемсь теестъ.

Кулэфъ ломатненъ поминандамстэстъ станя же тіенъцъ: пи-цельть пивать, пуреть, печксельть тракстъ; сембя велеста предалезъ ломатненъ, нильгедемэстъ ярцальть, симельть, молилътъ мэля калма лантсъ, тоса тага ярцальть да симельть — иредельть, кал-мэтынъ лантса кармальть кштимя, морама. Мезенъ ся озэндэ-ма? нешта станя поминандазъ кулэфненди тона шиста тіви тёждяня? Нешта стама озэндэмасъ моли Шкайти? Станя озэнкш-нихътъ анцякъ шайтанти. Пасиба Шкайти, Соңъ мокшэтынъ-гя ашэзенъ кадъ ламэсъ станя озэнкшнемя. Максэзенъ синъ рузънъ оцазэртъ кядъ алу. Рузънъ оцазэртня кармасъ мокшэтынъ то-нафтэмэстъ, саворя кармасъ синъ кстиндамэстъ.

Васенда кармасъ мокшэтынъ кстиндама оцазэрсь Иванъ Васильевич Грознай. Сонъдедэнза меля илиа оцазэрхн-вэкъ кстиндастъ мокшэтынъ эса.

Сембеде лама мокшэты кстиндастъ Петръ Первай оцазэрэнъ пинкста. Соңъ кошардэзенъ архирейхненъ кучсемсь велева попть, апакъ кстиндакъ ломатненъ тонафтэма. Кона ломаньцъ кстиндалъ, сянъди Петръ Первай оцазэрсь массефтель акша панаrъ, понгстъ, крёсъ, шкайенъ образъ, ярмактъ максысеф-тель — оцу ломаненди целковайхть пялеть, ёлмати — палтин-никъ. Тацъя колма кизэйтъ синъстэстъ ашэзъ каяфня. Кодама велесь попниа афэльть са, мокшэтыя сембя кстиндалъ. Лама велеть синъцъ терънелезъ попненъ да кстиндалъ.

Ульстъ лама стаптка, конатъ кеместа кирьцъ сире вѣратъ эса, синъ кодама казнесэнъ-гя ашэстъ шарфту Христостъ вѣразэнза. Ко-дакъ сальтъ синъ велезэстъ тонафты попть, синъ кадэндэлезъ эсъ куцнэнъ да ворьгедьльть вири. Уленъцътъ стама мокшэть, конатъ то-нафты попненъ велеснэнъ малась-ка афэлезъ новля. Тамбовской губернияса мокшэтыя шавсътъ нэлнатай фкя архирей (1655 кизэста).

Тяни-ни кафта сядошка киза, кода сембя мокшэтыя кстин-дастъ. Юкстазъ ташта пиньгенъ озэндэмаснэнъ, кадэзъ ётмелянъ эрямаснэнъ. Тяни коса, коса мокшэтыя ётмеля лаца кулэфнень понимандакшнесазъ.

#### 7. «Букварь 1892 м» (2-е изд. — 1897)

Вага коса сон. Марть кочкан. Модамарть тарган. Алашась стадаста куду сась. Чуж нуюн. Яксярга ал муюн. Мон улкә ошу якань. Кальдяв ломань мартъ тят яка. Синъ инъжикс якасътъ. Киркъсундан. Кемень пеельть раман. Ветй тялямаса тёждяня

тилямс. Содасьт тя мезяма: ёлма ямнё (пяштё). Пёнакутса ши-чавт (сурә). Пёнакутса куз корётт (кшиг). Менельсә тяштё — виреса пяштё. Тон мәс стак нюрьксят. Тят шав кулю. Мон юрга кяран пою. Куйт аш пильгенза. Виреса лама лаймардяй. Шаймарсь шачи шайса. Монь кыргазй сярди. Пурым шачи кизбіндә. Нумылс тялбіндә акшалгыбы. Вири шачшы, виреса кассы, меки вири аф тяльги (инзама). Имафыц аш — вешеньды (тува). Пряц ули — уенза аш; пекыц ули — сюлбіндә аш (карь). Тингтә арбістан. Почфт ун'кстан. Паръ лан'кес пингтә шаван. Сёксенъ ветънъ шобдат. Шакай ко якат. Ёфкст: пиленза улихт — аф кулихт; атёкшбіндә улихт — аф кукбіржайт (карь). Кудбішка кавшка — цильфыц аш (похарям). Молян — молихт, лоткан — лоткайхт, каян тишет — аф ярцайхт (сокст). Эрясть аят бабат кафынест; синь кафтә тряй цёрасна, кафтә сяйфы эрвянясна.

#### 8. «Учеб. рус. яз. 1892 м» (2-е изд. — 1898)

Цёранйс сёрмады да луви. Сербінъ видись сокай да нуй. Пинесь увай да уркыбы. Мешсы ліп да тыйзней. Григорей (Григорий) машты лувбіма да аф тонафни. Егор машты нума да аф нуй. Василий, Петр да Алексей якасьт ошу. Яксаркней да мацихней — кудбінъ нарамбіт. Атась сокась, а пабась нусь. Чофксь чофи, кукусь кукаи. Тонафнемась валда — аф-тонафнемась шобда. Тяддя минь кшинекней рамаф, а мелія миньценнел. Туньдяржай ванды пиземъ, минь нумә аф мольтима. Уленьдяржай (улендяржай) шись цебярь, мон молян калбінъ ульмбідем (улмедем). Улен(б)дяржайт пизепт(ъ), сёрбіс шачель. Минь сенярынектима, мыйзярбінентьяда тинъ. Тонгтә (тонгта) станя козят, кода сон. Книгань лувымста мон озада ашан стул лан'кса. Сон станя токавсь, нылнатай пряцка лазувсь. Виреса аф аныцяк (анцик) вўрьгаст эржайхт, офт-ка (офттка). Кйт сон ёлма — тон(б)дедбіт таза. Минь аф мольтима лядем, тячи шобдава мольсь пиземъ. Тон сярдьфынен кувалмбіва кармат ащемя куцә. Тон мубыргыфтфат сян'кса, мәс познандайт класс. Сон тонафни христіанский вѣрять содаманц ин'кса. Ко тон молят? Мон молян тоза косылеть тон исяк. Мон молян тоза, коза тон молят ванды. Коста тон саят? Мон саян тоста, коста тон исяк сать. Мон саян тоста, коза тон молят тячи. Мон саян тоста, коса лама пан'кта. Местемя тон сать? Мон сань кизефтемя, мыйзярда минь ушбіттама тонафнемя. Мезь теть эряви. Мондеенъ эряви рамамс книга, конанъ коряс можна тонафдымс лувбіма да рузкс картама. Мяляфтк — ванды празынек. Тяк юкста — ванды эряви сяда рана стямс. Учениксъ книгань лувымста озада ащи вальмайт ваксса. Учениксъ книгать лувбімда мелі озада ащесь вальмайт ваксса. Оштә саф атась удбісъ язэмь лан'кса. Атась, кона лувсъ книга, озадбіль язэмь лан'кса. Атась, кона лувбізъ книгать, кармай мадбізъ ащемя язэмь лан'кса.

#### 9. «Рассказ 1894 м»

Кодама оцю несчастієсь тіевсь минь мастьрсінбік! 20-го октября Ливадіяса кулбісъ минь кельгемі оцязбірнекї император Александр III. Кія арсыекшнес, штә Шкайс станё одста сәвсі минь кельгемі оцязбірнекенъ. Соң аныцяк нилягемінъ вейхкса пялля марта кизбіцель, а оцязбіркес ульсъ аныцяк кемоголмува киза. Аварыгатсь тәни сембій народс. Да аф аныцяк минь мастьрсінбік аварыдихт соң ин'кесбінза, — аварыдихт соң ин'кесбінза илі мастьрхненъ эсбінгта. Соң оцязбіркес пин'кстбінза минь мастьрсінбік ашель аф кодамбівік стака пингтә, аф фкя-вік война. Илә оцязбірдбінгта сон лама кирдьсъ войнанъ тіемада. А кода соң кельгілезж да ўжайльделезж эсъ народбінц. Кулбімбізынза сон сембія тефненъ эса соңыц тись. Сембія лембізынза максф прощенійтыненъ соңыц лувбінбіль, да эстакияй сёрмадбіль лан'гызбіст, кода тіема тевьс. А кыда кулель аф лац тифъ тевь, эстакияй полафнелезж ся ломаньт да путнель вастбізбінза илі, а полафтф ломаньти илі мастьрсінбік афбіль макссай.

#### 10. «История 1897 м» (стр. 63 — 64)

Елисейсс мастьрт лан'кса эржамстбінза тись лама чудат да цебяръ тефть. Весть бұданай вдова сась Елисейти да марьксь тиенъза: монь мірдезж кулбісъ да қаңы лама шумбіт; мондіенъ пандбімс аш-мезъя, учбімс максихней шумбіт ин'кса ёрасазъ сяйбімс монь цёразенъ. Елисейсс кизефтеzэ соңы: мезьцә тонъ ули мимс? Авась марьксь: аф оцю парынса ули аф лама ваезж. Елисейсс марьксь авати: кочкак шабратненъ кяңта лама кядыгынът да кайсекъ эзбіст вайценъ. Вдовась ся аф лама вайттар марта пяшкібідезенъ сембія эсъ кядыгынъзбін да шабранзбін кяңта кочкаф кядыгынътненъ; мизж вайттар, пандбізенъ ся ярмакненъ марта шумбітненъ да ненгтә эстіензбінгта иденза марта иляцть ярмакт.

#### 11. «Барсов 1901 м» (стр. 37, 39, 40)

Видеста, видеста картан тиенънть: конац аф кенъкша сувай учанъ карыденяти, а комъти илява, сицяе вор и разбойнекъ. А кенъкша сувайсс учатьненъ ванысна. Тиенънья пирьфенъ-ванысна нолдасы, учатьнөвък вайгяленц марясазъ; и эсъ учанъзън сересынья лемесст лихтсынөвък. Эсъ учатьненъ лихтремдест меляе моли ингелест, а учанъзън молихт мельганза шарыкъдемгаст вайгяленцы. А аф синьцень ваныснъ мельгяе аф молихт, а аердыхт эсътедънза аф шарыкъдемгаст илие ванытт вайгяленцы... Финцнья карталть: Соң шяйтаскъдф ёнъденгяе машневи; мес култънгтада пяельнза? Омбынцнья мярғелть: аф шяйтаскъдфынъ вальнза; няеектыптывихт-ылы шяйтант сокъртненъ сельмъсна?.. Тіенъдфятерясайняе эсъ аляезенъ тевънзынъ, тяmasыт кемъ. Тіенъдятерясайняе няенънья, аф кемезъ монънья, кемесът няе тифъненъ вельдяе сяенъ, мес аляезе монъ эсън, монга соң эсънзан. Синь тага мяельснъл кундамънза; а сон тусъ ёткстъст.

## ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Бажанов-Чехов 1906 э — Текст эрзянского перевода В.В. Бажановым рассказа А.П. Чехова «Толстый и тонкий» (ААН СССР, ф. 134, оп. 1, № 340/1. 1906 г.)
- Барсов 1901 м — Иоан-вельденъне шкайстънь ёнь-куля. Мокшънь кяльс кепедіец Пшяеняеряеень поп Н. Барсов. — Гельсингфорс, 1901.
- Букварь 1884 э — Букварь для мордвы-эрзи с присоединением молитв и русской азбуки. — Казань, 1884.
- Букварь 1892 э — Букварь для мордвы-эрзи. — Казань, 1892.
- Букварь 1894 э — Букварь для мордвы-эрзи. 2-е изд. — Казань, 1894.
- Букварь 1892 м — Букварь для мордвы-мокши. — Казань, 1892.
- Букварь 1897 м — Букварь для мордвы-мокши. 2-е изд. — Казань, 1897.
- Видеман — F. J. W i e d e m a n n. Grammatik der eresa-mordwinischen Sprache nebst einem kleinen mordwinisch-deutschen und deutsch-mordwinischen Wörterbuch. «Mémoires de l'Academie imperiale des sciences de St.-Petersbourg», 7 serie. Tome 9, № 5. — SPб., 1865.
- Даль — Владимир Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1955. — Т. 1 — 4.
- Ев. 1821 э — Господань минекъ Иисусань Христань святой евангелья евангелистань Лукасто. Сиормадозь эрзянъ келсе. Петербург-се, типографиасо Николаенъ Гречанъ, 1821 іень.
- Ев. 1882 э — Евангелие от Матфея. На эрзянском наречии мордовского языка. — Казань, 1882.
- Ев. 1889 э — Евангелие от Луки. На эрзянском наречии мордовского языка. — Казань, 1889.

- Ев. 1897 э — Евангелие от Луки. На эрзянском наречии мордовского языка. 2-е изд. — Казань, 1897.
- Ев. 1891 м — Евангелие от Луки. На мокшанском наречии мордовского языка. — Казань, 1891.
- Ев. 1910 э — Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на(эрзя-) мордовском языке. — Казань, 1910.
- Жертвa 1801 э — Жертвa... Александру Первому..., приносимая от Казанской Академии 1801 года сентября дня. — М., 1801.
- История 1880 э — Священная история ветхого и нового завета. На эрзянском наречии мордовского языка. — Казань, 1880.
- История 1883 э — Священная история ветхого и нового завета. На эрзянском наречии мордовского языка. 2-е изд. — Казань, 1883.
- История 1894 э — Священная история ветхого завета. На эрзянском наречии мордовского языка. — Казань, 1894.
- История 1897 м — Священная история ветхого завета. На мокшанском наречии мордовского языка. — Казань, 1897.
- Крат. кат. 1808 э — Краткий катехизис, переведенный на мордовский язык с наблюдением российского и мордовского, просторечия, ради удобнейшего оного познания восприявших святое крещение. 1788 года (издательская рукопись: ЦГАДА, ф. 381, № 1314. 16 лл.).
- Крат. кат. 1853 э — Краткий катехизис, переведенный на мордовский язык с наблюдением российского и мордовского просторечия, ради удобнейшего оного познания восприявших святое крещение, 1788 года. Печатано третьим тиснением. — М., 1853.
- Крат. кат. 1861 м — Краткий катехизис на (мокша-)мордовском языке. Изд. 1-е. — М., 1861.
- Крещ. Руси при Владимире 1888 э — Крещение Руси при святом князе Владимире. На эрзянском наречии мордовского языка. В память 900-летия крещения Руси. — Казань, 1888.

- |                                    |   |                                 |  |
|------------------------------------|---|---------------------------------|--|
| Крещ. Руси при<br>Владимире 1891 м | — Крещение Руси при святом князе Влади-<br>мире. На мокшанском наречии мордов-<br>ского языка. — Казань, 1891.  | Сокр. кат. 1804 э               | — Сокращенный катехизис, переведен-<br>ный в пользу мордлов на их природ-<br>ный язык, для удобнейшего им уразу-<br>мения православного христианского<br>закона, с присовокуплением некото-<br>рых молитв и символа веры. В Казан-<br>ской Академии 1803 года (издательская<br>рукопись: ЦГАДА, ф. 381, № 1678,<br>31 л.). |
| Мол. 1890 э                        | — Молитвы и церковные песнопения. На<br>эрзянском наречии мордовского языка. —<br>Казань, 1890. (Изд. 2-е. 1898).   |                                 | — Рукопись эрзянского словаря, состав-<br>ленного Р.Ф. Учаевым под руководством<br>акад. А.А. Шахматова в 1905 — 1908 гг.<br>(РО БАН СССР. Тек. пост., 1).   |
| Образцы 1882 — 1883                | — Образцы мордовской народной словес-<br>ности. Вып. 1. Песни на эрзянском и<br>некоторые на мокшанском наречии. —<br>Казань, 1882. Вып. 2. Сказки и загадки<br>на эрзянском наречии мордовского<br>языка с русским переводом. — Казань,<br>1883.   |                                 | — Сочинения в прозе и стихах, на случай<br>открытия Казанского наместничества... —<br>Казань, 1782.  |
| Ожегов                             | — С.И. Ожегов. Словарь русского языка.<br>Изд. 4, испр. и дополн. — М., 1960.   | Сл. Учаева-<br>Шахматова 1908 э | — Сравнительные словари всех языков и<br>наречий..., ч. 1 — 2. — СПб., 1787 —<br>1789. Изд. 2-е: Сравнительный словарь<br>всех языков и наречий по азбучному по-<br>рядку расположенный, ч. 1 — 4. — СПб.,<br>1790 — 1791.   |
| Охотин 1820 э                      | — Священная история, в пользу мордлов<br>на их природном языке, для удобнейше-<br>го им уразумения православного хрис-<br>тианского закона и чудес божиих. Пе-<br>реведена с русского языка на мордовс-<br>кий Симбирской губернии Алатырско-<br>го уезда села Напольного священником<br>Андреем Ивановым Охотиным. — СПб,<br>1820. | Сочинения 1782 м                | — Торжество Нижегородской семинарии...<br>30 июня 1787 года. — М., 1787.   |
| Покш 1881 э                        | — Покш праздникъ. На эрзянском наречии<br>мордовского языка. — Казань, 1881.  | Справ. сл. 1787 — 1789          | — Торжество Казанской семинарии... 1795<br>года.   |
| Предуведомление<br>1785 э          | — Эрзянский текст из «предуведомления» к<br>ДГ/ДЛ(ГАГО, ф. 2013, оп. 602, д. 187/РО<br>ГПБ, ф. 885, эрм. собр. 223)   | Торжество 1787 э                | — Евангелие от Матфея. На мокшанское<br>наречие мордовского языка переведено<br>А.И. Тюменевым. — Казань, 1879.  |
| Приветствие 1798 э                 | — Всерадостное приветствие, которое...<br>Павлу Первому, при... его... прибытии в<br>Нижний Новгород... приносит Нижегор-<br>одская семинария мая 20 дня 1798 года. —<br>М., 1798.  | Торжество 1795 м                | — Тявть святыть апостолтнень кучовкст...<br>Сюромадозь эрзянъ келсе... Петербургсе,<br>типографіясо Николаень Гречань, 1827<br>іень.   |
| Равила                             | — Ра в и o R a v i l a. Ersämordwinisches<br>Wörterverzeichnis aus Malyj Tolkaj.<br>«Journal de la société Finno-ougrienne». Helsinki, 1959. — Bd. 61.  | Тюменев 1879 м                  | — Первоначальный учебник русского язы-<br>ка для мордвы-эрзи. — Казань, 1892.  |
| Рассказ 1894 э                     | — Рассказ о болезни и смерти... Александра<br>III... На эрзянском наречии мордовско-<br>го языка. Казань, 1894.   | Тявть 1827 э                    | — Первоначальный учебник русского язы-<br>ка для мордвы-эрзи. 2-е изд. — Казань,<br>1897.  |
| Рассказ 1894 м                     | — Рассказ о болезни и смерти... Александра<br>III... На мокшанском наречии мор-<br>довского языка. — Казань, 1894.  | Учеб. рус. яз. 1892 э           | — Первоначальный учебник русского язы-<br>ка для мордвы-мокши. — Казань,<br>1892.  |
|                                    |   | Учеб. рус. яз. 1897 э           | — Первоначальный учебник русского язы-<br>ка для мордвы-мокши. 2-е изд. — Ка-<br>зань, 1898.   |
|                                    |   | Учеб. рус. яз. 1892 м           |  |
|                                    |   | Учеб. рус. яз. 1898 м           |  |

Церемония 1769 э

— Духовная церемония, производившаяся во время... присутствия... Екатерины Второй в Казани... При имп. Академии наук 1769 года.

Четв. 1821 э

— Господань минек Йисусань Христань святой евангелья Матфей, Марко, Лука и Иоанн пелдест. Сюрмадозь эрзянъ келссе. Пецтазъ ярмак велга Россиянъ библейскоенъ промксонъ. Петербургсе, 1821 іень.

Чин 1884 э

— Чин исповедания и како причащати больного. На эрзянском наречии мордовского языка. — Казань, 1884.

---

## ПРОЧИЕ СОКРАЩЕНИЯ

ААН СССР

Абрамов

Веретьянова

Гавычева

ГАГО

ГАПО

ГАТО

ГБЛ

ДГ

Девин

ДЛ

ДСТЯ 1969

ЖМНП

Изв. ОАИЭ

Левин

Левчаев

ЛО ААН СССР

Лукьянов

М., мокш.

— Архив Академии наук СССР.

— К. А б р а м о в. Эрзянъ ѡёра. Роман. Васенце книга. Киякксо олгт. — Саранск, 1971.

— К. Н. В е р е т ѿ н о в а, И. К. И н ж е в а т о в. Родной валды грамматика. Омбоце класснэнъ. — Саранск, 1970.

— М. И. Г а в y ч e в a, M. B. K o n д r a ш k i n, I. F. H i k u l i n. Родной вал. Морафтома книга и грамматика. З классонди. Омбоце изда-ниясь. — Саранск, 1972.

— Государственный архив Горьковской области.

— Государственный архив Пензенской области.

— Государственный архив Тамбовской области.

— Государственная библиотека СССР им. В.И. Ле-нина.

— Горьковский список «Словаря языков разных народов в Нижегородской епархии обитаю-щих... Дамаскина 1785 года» (ГАГО, ф. 3013, оп. 602, № 187).

— И. Д e в i n. Нардише. Роман. — Саранск, 1969.

— Ленинградский список «Словаря языков разных народов в Нижегородской епархии обитаю-щих... Дамаскина 1785 года» (РО ГПБ, ф. 885, Эрм. собр., № 223).

— Диалектологический словарь татарского языка. — Казань, 1969.

— Журнал Министерства народного просвещения. — Известия общества археологии, истории и эт-нографии при Казанском университете.

— В. Л e v i n. Аера варма. Рассказ. — Саранск, 1970.

— П. Л e v ч a e v. Стирнят-якстернят. Роман. — Саранск, 1967.

— Ленинградское отделение архива Академии наук СССР.

— А. Л у к ѿ я н о в. Валдо ки. Роман. — Саранск, 1955 — 1958.

— мокшанское, мокша-мордовское.

мар.	— мариjsкое.
миш.-тат.	— мишарско-татарское.
МНП	— Министерство народного просвещения.
МРС	— Мокшанско-русский словарь / Составители С.Г. Потапкин и А.К. Имяреков / Под ред. члена-корр. АН СССР Д.В. Бубриха. — М., 1949.
морд.	— мордовское.
НП	— народного просвещения.
РБО	— Российское библейское общество.
PMC 1951	— Русско-мокшанский словарь / Сост. С.Г. Потапкин, А.К. Имяреков / Отв. ред. Г.Я. Меркушкин. — М., 1951.
РО БАН СССР	— Рукописный отдел Библиотеки Академии наук СССР.
РО ГПБ	— Рукописный отдел государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина.
РЭС 1948	— Русско-эрзянский словарь / Под ред. М.Н. Коляденкова и Н.Ф. Цыганова. — М., 1948.
тат.	— татарское.
Ушаков	— Д. Н. Ушаков. Толковый словарь русского языка. — Тт. 1 — 4. — М., 1935 — 1940.
ф.	— финское.
ФРС 1955	— Финско-русский словарь / Под. ред. О.В. Куukkanen, Х.И. Лехмус и И.А. Линдрос. Изд. 2, испр. и дополн. — М., 1955.
ЦГА Тат. АССР	— Центральный государственный архив Татарской АССР.
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов.
ЦГВИА	— Центральный государственный военно-исторический архив.
ЦГИА СССР	— Центральный государственный исторический архив СССР.
чув.	— чувашское.
э., эрз.	— эрзянское, эрзя-мордовское.
ЭКОС 1955	— Эрзянь келень орфографической словарь / Сост. М.Н. Коляденков, П.Г. Балакин. — Саранск, 1955.
ЭРС 1949	— Эрзянско-русский словарь / Сост. М.Н. Коляденков, Н.Ф. Цыганов / Под. ред. Д.В. Бубриха. — М., 1949.
эст.	— эстонское.
JSFOu	— Journal de la Société Finno-Ougrienne. — Helsinki.

## СОДЕРЖАНИЕ

Выдающийся финно-угровед (А.В. Алёшин). . . . .	3
ВВЕДЕНИЕ . . . . .	24
Г л а в а I	
ИСТОКИ МОРДОВСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ	
Мордовские рукописи XVIII века	
Эрзянские рукописи	
Эрзянские рукописи на основе русской графики. . . . .	32
Эрзянские рукописи на основе латинской графики. . . . .	119
Мокшанские рукописи	
Мокшанские рукописи на основе русской графики. . . . .	122
Мокшанские рукописи на основе латинской графики. . . . .	128
Г л а в а II	
ЗАРОЖДЕНИЕ МОРДОВСКИХ ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ	
Мордовские языки в источниках XVII—XVIII вв. . . . .	130
Мордовские текстовые записи XVIII в. . . . .	173
Г л а в а III	
ЭРЗЯНСКИЙ ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК	
Переводы на эрзя-мордовский язык. . . . .	191
Эрзя-мордовские переводы русской художественной литературы начала XX в. . . . .	199
Грамматики эрзя-мордовского языка. . . . .	207
Словари эрзя-мордовского языка. . . . .	208
Произведения эрзянского устно-поэтического творчества. . . . .	226
Учебные пособия на эрзянском языке. . . . .	241
Г л а в а IV	
МОКШАНСКИЙ ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК	
Грамматики мокша-мордовского языка. . . . .	254
Словари мокша-мордовского языка. . . . .	262
Учебные пособия на мокшанском языке. . . . .	272
Произведения мокшанского устно-поэтического творчества. . . . .	280
Переводы на мокша-мордовский язык. . . . .	284
ВЫВОДЫ . . . . .	289
ПРИЛОЖЕНИЯ . . . . .	295
ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ . . . . .	384
ПРОЧИЕ СОКРАЩЕНИЯ . . . . .	389

Научное издание

**ФЕОКТИСТОВ Александр Павлович**

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ  
МОРДОВСКИХ ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Редактор  
М. И. Кузнецова  
Художественный редактор  
Ю. В. Смирнов  
Технический редактор  
Е. И. Синева  
Корректоры  
Ф. В. Дорофеев  
Н. М. Федотова  
Компьютерная верстка  
Г. П. Ботина

Подписано в печать 22.04.2008.

Формат 84x108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>.

Усл. печ. л. 20.58. Уч.-изд. л. 22,87.

Тираж 1000 экз. Заказ № 1519.

005 — 93(ОКП), 953000

ОАО «Мордовское книжное издательство»,  
430000, г. Саранск, ул. Ботевградская, д. 18

Отпечатано  
в ГУП РМ «Республиканская типография  
«Красный Октябрь»,  
430000, г. Саранск, ул. Советская, 55а